

П-17

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

411
9711

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ !

Просмотрев издание,
укажите номер
читательского билета
и код категории
читателя.

(Пример: 325/БЕ1)

Невзор
Одногород
189/2 16.02.2010.

П17 37572
№2 Эпиграфика
Востока
1948 №2
в Документах
и Факсимиле

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ**ОБ ОДНОМ ЭПИТЕТЕ В НАДПИСИ БРОНЗОВОГО ТАЗА ЛУЛУ**

Большой прогресс в изучении арабской эпиграфики сказался, между прочим, в том, что постепенно обрисовывается круг формул и канонизированных выражений, встречающихся в надписях. В настоящее время работа над чтением и пониманием их значительно облегчена, так как большинство ходовых фраз, начальных и заключительных формул, хвалебных эпитетов и отдельных слов находят параллели и поддержку в уже известном материале.

Все же этот репертуар полностью еще не исчерпан и не определен: почти каждая новая надпись приносит и новый материал, иногда ясный с первого взгляда, иногда вызывающий сомнения, впредь до поддержки какой-нибудь параллелью в другом авторитетном источнике. При издании бронзового таза Бадр ад-дайна Лулу в первом выпуске „Эпиграфики Востока“ (стр. 9—22) встретился именно такой случай. Издательница справедливо указывала (стр. 15), что „для целого ряда выражений в привлеченном выше материале параллелей не нашлось...“

Большинство их все же понимается без труда, но один хвалебный эпитет пришлось, тем не менее, оставить под вопросом, ввиду не только его уникальности в надписях до настоящего времени, но и необычности сравнительно с общепринятыми образами.

Герой надписи, наряду с другими доблестями, обыкновенно упоминаемыми и в параллельных случаях, называется, между прочим, *ḳātil al-maḥl* (стр. 10), причем чтение второго слова, благодаря хорошей сохранности надписи, не вызывает никаких сомнений и колебаний в своем согласном комплексе (стр. 18). Перевод эпитета, если только не обращать внимания на характер обычной образности надписей, тоже затруднений не представит: *maḥl*, хорошо известное в классическом языке слово, значит обыкновенно 'засуха, отсутствие дождя' [см., например, словарь Лэна (Lane), VIII, 3018]. Национальные словари чаще всего поясняют его аналогичным по значению *ǵadb* 'засуха, неурожай'. Таким образом, издательница надписи имела все основания перевести эпитет 'унищожитель засухи' (стр. 10), исходя из основного значения *ḳātil* 'убийца'. Однако при большой конкретности большинства эпитетов в надписях, олицетворение засухи в виде живого существа заставило ее сопроводить чтение и перевод вопросительным знаком (там же), а наличие параллельных

сочетаний с *ḳātil* обыкновенно *ḳātil al-mušrikīn* 'избиватель многобожников' или *ḳātil al-kafara* 'избиватель неверных' даже выражать предположение о возможности здесь орфографической ошибки.

Что арабистам эти колебания понятны, подтвердило письмо крупнейшего представителя нашей специальности в Англии, оксфордского профессора Х. А. Р. Гибба (H. A. R. Gibb) от 29 мая 1947 г. Обращаясь к изданной надписи, он между прочим пишет:¹

«Фраза قاتل المُحلَّ должно быть تحرير, и так как слово после قاتل может относиться только к какому-то врагу, мне было интересно знать, не есть ли المُحلَّ ошибка вместо المُخلَّ. До сих пор я не нашел исторических текстов, которые определенно утверждали бы, что Бадр ад-Дин вступал в войну с Моголами, но в ал-Макризī (изд. Эйяде), I, стр. 315 и 320, в году 642 есть упоминание о قطبيعة التتر, которая взималась в Сирии по приказам Бадр ад-Дина. В тех обстоятельствах это может значить только «налог для войны против Татар», и это подсказывает мысль (как это показывает следующая фраза в надписи نصیر المجاهدين), что Бадр ад-Дин заявлял претензию быть защитником ислама против Моголов (مُعَاوِهٰ مُحَمَّدٌ)».

От соблазнительного в известном смысле предположения Х. А. Р. Гибба, однако, приходится отказаться, так как параллель к редкому эпитету все же нашлась, хотя пока лишь литературная, а не эпиграфическая.

Тысячелетний юбилей со дня рождения поэта Абū-л-'Алā ал-Ма'аррī (27 раби' I 1363 г. = 22 марта 1944 г.), торжественно отпразднованный во всех арабских странах, вызвал появление большого количества посвященных ему работ и изданий. Между прочим, Французский институт в Дамаске, под редакцией Ибрахīма Кейлāни издал² неизвестную до сих пор монографию об Абū-л-'Алā позднего литератора Йūсуфа ал-Бадī'ī (ум. в 1070/1662 г.), хорошо знакомого, главным образом, по весьма ценной монографии о поэте ал-Мутанаббī.³ В изданной теперь книге автор приводит, между прочим, извлечения из одной касыды-панегирика Абū-л-'Алā, где в части, прославляющей героя, имеется следующий стих:⁴

القاتل المُحلَّ إِذْ تَبُدو السَّماءُ لَنَا * كَانَهَا مِنْ نَجْعِ الْجَدْبِ فِي أَزْرِ

При первом взгляде ясно, что в начальных словах мы имеем тот же эпитет, как в надписи, с незначительным изменением грамматической конструкции, которое вызвано, по всей вероятности, метрическими требованиями.

¹ Цитату из письма Х. А. Р. Гибба привожу в русском переводе.

² Yousef al-Badi'i. Biographie d'Abou-l'-Ala al-Ma'arri éditée et annotée par Ibrahim Keilani. Damas, 1944 (Institut Français de Damas. Collection de textes orientaux, t. IV).

³ См. особенно: R. Blachère. Un poète arabe du IV-e siècle de l'Hégire (X-e siècle de J.-C.): Abou t-Tayyib al-Mutanabbi. Paris, 1935, стр. XVII—XIX, 290.

⁴ Стр. 45, строка 10.

Касыда относится к первому периоду творчества Абū-л-'Алā. Полностью она приводится в его известном сборнике „Сақт аз-занд“ ('Искры от огнива')¹ и в комментарии на него „Шарҳ ат-танвīr 'alā Saqṭ az-zand“.² Все произведение содержит 74 стиха и посвящено, в основном, прославлению неизвестного нам ближе лица из земляков Абū-л-'Алā. Он называется в стихотворении только по своей племенной принадлежности ал-Фуṣāṣī (стих 22-й); собственное имя его было, повидимому, 'Абдаллах (стих 41-й). Род Фуṣāṣī, вероятно, не пользовался особой славой, так как он не нашел себе упоминания ни в известном своде ас-Сам'ānī, ни в генеалогических таблицах Вюстенфельда (Wüstenfeld), однако ат-Ṭabarī около 291/904 г. приводит интересное для нас упоминание о том, что и тогда представители его обитали около родины Абū-л-'Алā, городка Ma'arrat an-Nu'mān.³

Узко провинциальная известность названного лица не препятствует, конечно, Абū-л-'Алā представлять его в чисто мутанаббиевских тонах героем мирового масштаба и на этом строить панегирическую часть, в которую включен интересующий нас стих. Вся пьеса выдержана в строго канонических рамках композиции классической касыды. Обычная вводно-описательная часть заканчивается очень эффектным, с арабской точки зрения, переходом к панегирику — переходом, построенным на живом для арабов и тогда противоположении между южноарабскими и северноарабскими племенами. Так как верблюдица, на которой Абū-л-'Алā совершает свое фиктивное поэтическое путешествие к покровителю, принадлежит к лучшей породе из области Махран в южной Аравии, то это дает ему право сказать (стих 22-й):

بَاهَتْ بِمَهْرَةٍ عَدْنَانًا فَقُدْتُ لِهَا * لَوْلَا الْفَصِيْصِيْقِيْ گَانَ الْمَجْدُ فِي مُضَرِّ

'Она хвалится [южным племенем] Махран перед [северноарабским племенем] 'Аднān, но я ей говорю: если бы не было [героя] ал-Фуṣāṣī, то слава была бы у Мудара [потомков племени 'Аднān].'

Комментарий разъясняет, что герой происходит из южноарабского племени Танūh, потомков племени Кудā'a, а не будь этого, более славным пришлось бы признать племя Мудар, откуда происходят и пророк и халифы.

За этим стихом естественно следует панегирическая часть, посвященная ал-Фуṣāṣī, которая занимает две трети всего стихотворения (стихи 23—74-й). Для выяснения полного контекста, сравнительно с надписью, интерес для нас представляют лишь три первые стиха здесь (стихи 23—25-й):

وَقَدْ تَبَيَّنَ قَدْرِي أَنَّ مَعْرِفَتِي * مَنْ تَعْلَمِينَ سَتْرُضِيْخِي عَنِ الْقَدْرِ
الْقَاتِلُ الْمُحلَّ إِذْ تَبُدو السَّمَاءُ لَنَا * گَانَهَا مِنْ نَجْعِ الْجَدْبِ فِي أَزْرِ
وَقَاسِمُ الْجُودِ فِي عَالِ وَمُنْخَفِضٍ * گَقْسُمَةُ الْغَيْثِ تَبَيَّنَ النَّجْمُ وَالشَّجَرِ

¹ Изд. Бейрут, 1884, стр. 8—10.

² Изд. Каир, 1286/1869 г., т. I, стр. 30—41.

³ История ат-Ṭabarī, лейденское изд., серия III, 2239, 7—8:

...من كان بمعية النعمان وبناحية الفصيصي... من الفرسان والجالية...

[23] Судьба моя выяснила, что знакомство мое с тем, кого ты знаешь [ал-Фуṣayṣ], удовлетворит меня относительно судьбы.

[24] Он избивает засуху, когда небо предстает перед нами точно в покрывающих от крови неурожая.

[25] Он делит щедрость между возвышенным и низким, как делится дождь между травой и деревом.¹

Понимание всех использованных Абū-л-'Аlā образов не вызывает никаких сомнений. Оно подтверждается и комментарием, который, в частности, окончательно уточняет интересующий нас эпитет в стихе 24-м. Комментатор говорит: 'то есть он убивает засуху [yaktul al-ğadb], разбивает неурожай от нее и несчастье, щедро одаря людей, так что они оказываются в изобилии от его даров. Поскольку поэт сделал его убийцей засухи [kātil al-maḥl], он дает понять, что кровь от засухи попала на небо, и то покраснело, так как небо краснеет по краям от засухи, почему и говорится „красный год“.'

При такой, филологически обоснованной арабской традицией параллели, хотя бы и литературной, а не эпиграфической, нет больше оснований сомневаться в правильности чтения надписи на блюде. Конечно, не следует предполагать, что составитель надписи заимствовал эпитет непосредственно из стихотворения Абū-л-'Аlā: весьма возможно, что он был с ним знаком, но Абū-л-'Аlā и в данном случае отражал только общий репертуар образности, распространенный и в его эпоху и двумя веками позже, который был, вероятно, хорошо известен литературно образованному составителю надписи.

В поэзии параллели могут быть найдены и теперь. Один из предков знаменитого алеппского эмира-хамданида Сейф ад-даули по имени Хамдān ibn Ḫamdūn был прозван mukābid al-maḥl, т. е. 'твёрдо переносящий засуху, борец с засухой' (ср.: Лэн, VII, 2584²) за то, что три года поддерживал своим провинтом население Мосула и Диyar-Rabī'i, страдавшее от неурожая. Его потомок, известный поэт Абū Fīrās (932—968) сохранил об этом память в стихе: 'لَلَّهُ أَعْوَمَ يَكَابِدُ مَحْلَكَاه...' 'три года он боролся с засухой там...'² Не будет ничего удивительного, если рано или поздно вызывавший сомнения эпитет найдет себе параллель не только в поэтическом памятнике, но и в эпиграфике.

Может быть, не безинтересно отметить, что в том же самом произведении Абū-л-'Аlā есть еще один стих, представляющий некоторое разъяснение одного образа в той же самой надписи, — стих, который заставляет задуматься, правильно ли придаваемое обыкновенно этой формуле толкование. В противоположность первому, образ принадлежит к числу нередко встречающихся в надписях и имеет много параллелей. В надписи, посвященной Лūlū, он читается

¹ Эта цитата лишний раз может служить обоснованием значения слова ап-нағt 'трава' в том месте Корана, о котором я писал в 1930 г. (Доклады Академии Наук СССР, серия В, стр. 181—185).

² См. дайвān Абū-Фираса в издании Сāmī ad-Dākhīna, т. II, Дамаск—Бейрут, 1944, стр. 110, стих 69-й и комментарий к стиху 68-му, стр. 125, строки 8 и 11.

издательницей hāmi t-ṭugūr bi-t-ṭa'n fi t-ṭagr (стр. 10) и переводится 'защитник границ' ударами копья в лицо'. Последнее не совсем точно, так как tagr значит 'зубы', переносно 'рот', а затем 'горное ущелье, цепь горных вершин на границе' и, наконец, 'граница' вообще (Словарь Лэн, I, 338—339). В более новом языке — 'город на берегу моря, порт' (Словарь Х. К. Баранова, I, 59). Ближайшая к этому параллель имеется в одной надписи, изданной Виетом (Wiet), который переводит (стр. 22, № 27) 'le protecteur des marches en frappant à la mâchoire', что во второй части является довольно произвольным. Такая необходимость некоторой натяжки в обоих переводах говорит о неясности образа при обычном чтении. Тем более трудно предполагать, чтобы именно 'удар копьем в зубы' являлся признаком военной доблести, если даже замечать основное значение произвольным 'лицо' или 'челость'. Мне кажется, что стих Абū-л-'Аlā и здесь дает возможность найти правильный путь понимания.

Говоря о лошади своего героя, Абū-л-'Аlā характеризует ее свойства, между прочим, таким образом (стих 39-й):

مِنْ الْجَيَادِ اللَّوَاقِي گَانَ عَوَدَهَا * بَنُو الْفَصَيْصِ لِتَأْهِيلَ الطَّفْنِ بِالثَّغَرِ

'...из тех благородных коней, которых племя ал-Фуṣayṣ приучило встречать удары копья грудью'.

Чтение aṭ-ṭugar вместо принятого издателями надписей aṭ-ṭagr закрепляется с незыблемостью размером стиха. Слово aṭ-ṭugar является множественным от единственного aṭ-ṭugra, с анатомическим значением точнее ṭugrat ap-naḥr, т. е. fovea jugularis (франц. fossette sus-sternale ou jugulaire),³ иначе говоря, 'ямка между грудью и шеей' — то, что в русском просторечии иногда называется 'душка'. Образ Абū-л-'Аlā ясен уже сам по себе, а комментарий не оставляет сомнений в нем, перефразируя смысл 'то есть, лошадь его из тех коней, которых они приучили двигаться в боях вперед и подвергать себя ударам копий, встречая удары и грудью, и шеей, не уклоняясь от них'. Слово ṭugra (мн. ṭugar) в классическом языке одинаково может применяться к человеку, равно как к коню и верблюду, однако в конном бою естественнее всего ожидать, что оно имеет в виду, как и в стихе Абū-л-'Аlā, коней.

Эта параллель позволяет заключить, что в общеизвестной фразе эпиграфических памятников надо читать не так, как до сих пор принято bi-t-ṭa'n fi t-ṭagr, но bi-t-ṭa'n fi t-ṭugar и понимать 'защитник границ' ударами копья в грудь [вражеских коней или врагов]. Образ оказывается естественным для обеих сторон — нападающей и обороняющейся, ведь и мы говорим: 'встречать удары грудью'. С другой стороны, 'удар копьем в зубы', как бы ни стремиться смягчить его отходом от буквальности, в памятнике высокого стиля — поэтическом или эпиграфическом — будет звучать грубо и фальшиво.

¹ G. Wiet. Catalogue général du Musée Arabe du Caire. Objets en cuivre, Le Caire, 1932, стр. 273.

² P. de Koninck. Trois traités d'anatomie arabe. Leide, 1903, стр. 815.

Виет в указанной работе привел одну цитату из старого издания Дози (Dozy),¹ не обратив внимания на то, что она как раз противоречит принятому им толкованию *mâchoire* 'челюсть'. Там определено говорится: „vulnus in ^{شَعْرَةً} fovea juguli letale est: qui igitur *hostes* statim interficere solet“; ясно, что Дози имеет в виду *fugra*, мн. *fugar*, а не *tagr* с тем значением, которое придает ему Виет.

Помимо окончательного, как мне кажется, обоснования правильного чтения и толкования двух образов, встретившихся в надписи на бронзовом тазе Лүлү, из высказанных соображений можно сделать и более общий вывод: они говорят о том, что при изучении эпиграфических памятников бывают иногда полезны не только непосредственно связанные с ними исторические, повествовательные источники, но и литературные произведения, даже такой на первый взгляд далекой области, как поэзия.

1948 · Э П И Г Р А Ф И КА В О С Т О К А · II

М. М. ДЯКОНОВ

НЕСКОЛЬКО НАДПИСЕЙ НА КАЙРАКАХ ИЗ КИРГИЗИИ

А. Н. Бернштам, возвращаясь осенью 1946 г. из экспедиции в Киргизию, привез несколько эстампажей, снятых с надгробных камней из кишлака Сафид-Буланд (восточная Фергана), ныне находящихся вокруг архитектурного памятника, называемого местным населением Шах-Фазиль.

Всего разобрано семь надписей. К сожалению, вскоре после того, как расшифровка и перевод надписей были сделаны, эстампажи были утрачены, поэтому здесь не могут быть уточнены особенности почерков, и вся публикация носит предварительный характер.

№ 1. Надпись тонким декоративным күфий, вырезанная уверенной профессиональной рукой.

1. الله باقى
2. معين اعان الاسلام و اكرم
3. الانام و اطعم الطعام و حج
4. بيت الحرام و زادار قبر محمد عليه السلام
5. فرحمه الله وهو محمد بن محمود بن احمد بن
6. محمود بن اشعث بن منصور بن حميد بن ابى
7. صالح [sic] بن ابرد بن ارسلان المعروف بحجاج
8. معين الصابوني غفره الله و اجداده و حفظ
9. عن المكارم اولاده فى الثالث
10. وعشرين من شوال سنة اربع و سبعين
11. وخمس مائة

[1] Аллах вечен! [2] Помощник наиспоспешствующий ислама и щедрый [3] [к] людям, питающий питанием, паломник [4] Запретного дома, посетитель могилы Мухаммада, мир с ним! [5] Да помилует его бог, а он Мухаммад, сын Маҳмуда, сына Аҳмада, сына [6] Маҳмуда, сына Аш'аса, сына Мансура, сына Ҳамида, сына Абӯ [7] Җалиба, сына..., сына Арслана, известный, как Ҳадижджадж, [8] Mu'ин ас-Сабуни, да простит Аллах его и его предков и да сохранит [9] в благоволении детей его. В [день] три [10] и двадцать [23-го] шаввা�ля года четыре и семьдесят [11] и пятьсот [23 шаввা�ля 574 г. хиджры/3 апреля 1179 г. н. э.]'.

¹ R. Dozy. *Scriptorum arabum loci de Abbadidis*, v. III. Leide, 1863, стр. 93—94.

№ 2. Надпись почерком күфӣ. Непрофессиональная рука, есть ошибки.

1. قبر
2. خواجه اجل
3. صائب فخر التجار
4. محمد بن هیدر الله [sic]
5. الخوى غفر الله له
6. سنة ست و سبعين
7. و خمس مائة

[1] Могила [2] хāджи славнейшего, [3] праведного, славы купцов [4] Мухаммада, сына Хайдараллаха [5] ал-Хōй, да простит ему Аллах! [6] Год шесть и семьдесят [7] и пятьсот [576 г. хиджры/1180—81 г. н. э.]’.

№ 3. Надпись почерком насх, курсивным, с лигатурами, характерными для монгольского времени.

هذا مرقد

1. الشیع الامام الاجل العالم العادل الزاهد المتقى
2. المجاهد المفتى قواه الملة والدين افتخار الوعاظين
3. ناصح المسلمين مخمر العلماء مجمع الفضائل قانون الفقه
4. ابو [[المحامد محمد بن داود الاشتياقى]] تغمده الله برحمته
5. في يومى [[?]] جمادى الآخر من شعبان سنة اربع و سنتين و ستمائه

[1] Это гробница [2] шейха, имама, славнейшего, мудрого, преданного [богу], праведного, благочестивого, [3] борца за веру, муфтия, опоры общины и веры, славы проповедников, [4] советника мусульман, гордости ученых, собрания совершенств, закона законоведов, [5] обладателя достоинств — Мухаммада, сына Дауда ал-Уштиканы [?], да покроет его Аллах своею милостью! [6] В день [?] джумада второго, из месяцев года шестьсот шестьдесят четвертого [март—апрель 1266 г. н. э.]’.

№ 4. Оттиск вышел слабо. Как видно, буквы вырезаны неглубоко. Во всем сходен с № 3.

هذا مرقد

1. الشیع الامام الاجل
2. علا الدين بن على بن ابی الحسن بن [ابی?] العقیل المکي
3. في رمضان سنة اربع و سبعين و ستمائة ... غفر
4. امين رب العالمين
5.
6.
7.

[1] Это гробница [2] шейха, имама славнейшего...; [3]... [далее можно разобрать часть родословной погребенного: строка 4] 'Алā ад-дīna, сына 'Алī, сына Абū-л Ḥасана, сына [Абū?]-л 'Аkīla al-Makki [5]...', [а также дату, строка 6]: '...в рамадāне года шестьсот семьдесят четвертого...'

[февраль—март 1276 г. н. э.]. [В 7 строке можно прочесть]: '...аминь господу мирам...'

№ 5. Написана беглым насхом, искусственным почерком, который сходен по типу с №№ 3 и 4.

1. هذا قبر الشیع الاجل الاممجد الاظہر
2. الزاهد البارع الورع المتقى مجد الملة والدين
3. شیع الاسلام و المسلمين مفتی الامم کاشف العمر
4. استاد الا... امین الحلال و الحرام ابن الشیع
5. الامام النسما نظام الملة ناصر التبریعه [?] اخطب
6. الخطبا و هو ابن الشیع الامام الافضل الاکمل نجم العلما
7. و الدين مفتی الخاقین تلقین الفقه و النظر صدر صدور
8. برهان الملة و الدين صاحب المحمد قدس الله ارواحهم [و] مرقدہم
9. مجد التزهد... محمد بن احمد الفمانی [?] في جمادی... خمس....

[1] Это могила шейха славнейшего, щедрейшего, превосходнейшего, поддерживающего [ислам], [2] преданного [богу], лучшего, богобоязненного, благочестивого, славы общины и веры, [3] шейха ислама и мусульман, муфтия людей общины, открывателя намерений, [4] учителя..., устанавливающего разрешенное и запретное, сына шейха, [5] устроителя общины, защитника благочестия [?], знаменитейшего [6] из ҳāтибов, а он сын шейха, имама знаменитейшего, совершившего, звезды ученых [7] и веры, муфтия Востока и Запада, толкователя закона и теорий, қадра қадров, [8] доказательства общины и веры, обладателя совершенства, да осветит Аллах души их и могилы их! [9] Слава преданности [богу]... Мухаммад сын Ахмада ал-Фамānī [?]. [Месяца] джумада... пять...

№ 6. Написана грубым насхом, с переносом слов, с ошибками.

1. الشیع الزاهد
2. صاحب الكرامة مبا
3. رک بن اسحاق الملقب
4. ببراز غفر الله له
5. ولوالديه و لاصحا
6. به و اناية [?] و الدعا
7. لكاتبها

[1] Шейх праведный, [2] обладатель благородства Муба [3] рак ибн Исҳāq, прозванный [4] Баззāz. Да простит Аллах ему [5] и его родителям, и его близ[6]ким. Милость [?] и молитва [7] написавшему это'.

№ 7. Примитивным почерком, без диакритических знаков.

1. اغل خاتون
2. خدایا این
3. ضعیفه را بیامرزد

[1] Оғул Ҳатұн. [2] Бог әту [3] женщину да помилует!

Все эти надгробия находятся в настоящее время у кишлака Сафид Буланд, вокруг почитаемой мусульманской святыни, носящей у местного населения название Шах-Фазиль.¹ Это место почиталось еще в средние века. Среднеазиатский автор Джемаль Қаршӣ, написавший в самом начале XIV в. сочинение „Прибавление к словарю Сурах“ на арабском языке, так говорит об этом святилище:

وَمَسْجِدُ الرُّؤْسِ وَمَسْجِدُ النُّفُوسِ بِاسْبِيْدِ بَلَانْ وَيُقَالُ بِهَا
الْفَانِ وَسَبْعَمِائَةٍ مِنَ الصَّحَابَةِ وَالْتَّابِعِينَ جَاءُوا غَرَّاً اِرْسَلِيمَ
امِيرُ الْمُؤْمِنِينَ عَثْمَانَ بْنَ عَفَّانَ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ وَعَنْهُمْ وَآتَهُ
عَلِيِّلَمَ مُحَمَّدَ بْنَ جَرِيرٍ فَاسْتَشَفَلُوا ثُمَّةً جَمِيعًا

И место мученичества глав и душ в Исбайд Булане. И говорят о нем, что две тысячи семьсот спутников [пророка] и их последователей сражались с неверными. И послал их амир правоверных 'Осман ибн 'Аффан, да будет доволен Аллах им и ими. А командовал ими Мухаммад ибн Джарир, и все они вместе погибли.²

Надгробные камни, подобные описываемым, называемые кайраками, весьма распространены в Средней Азии. Некоторое количество кайраков издано, но эти публикуются впервые.³

Надпись № 1 наиболее ранняя из приводимых здесь. Надгробие принадлежит человеку, совершившему паломничество в Мекку и пользовавшемуся известным почетом и уважением. В строках 5—8-й дается длинная родословная покойного, до десятого колена. Необходимо отметить, что после восьми арабских имен идет имя нечитаемое, но явно несходное ни с одним из извест-

¹ Об этом памятнике см.: Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы. Сб. „Искусство Средней Азии“, М., 1930; Sohn-Wiener. Turan. Berlin, 1930, стр. 21, 36; Б. П. Деникес. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 70 сл.; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 60.

² О Джемаile Қаршӣ см.: В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II. Исследование. СПб., 1900, стр. 52. Цитату привожу по „Текстам“, приложенным к указанному сочинению (ч. I, стр. 148). См. еще: В. Бартольд, ук. соч., II, стр. 160; Н. Н. Щербина-Крамаренко. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, отд. IV, стр. 51.

³ В „Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии“ (ниже — ПТКЛА), имеется несколько заметок, посвященных надгробным надписям этого рода. Так, изданы три надписи из Узгена, 665, 669 и 779 гг. х.: ПТКЛА, II, Протокол от 16 X 1897 г., стр. 5 сл. В статье А. Брянова „О следах древнего города Касана“ изданы, но не переведены „две весьма близки к публикуемым. См. еще: ПТКЛА, V, 73—74, 104—113; Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу, ПТКЛА, XI, 5—26. Характер этих надписей существенно отличается от публикуемых; одна датирована 582 г. х. М. Хартман (M. Hartmann) в „Orientalistische Literatur Zeitung“ (ниже — OLZ), 1906, стр. 28—34, 233—240, 297—304, 361—372, 421—431 в серии статей под общим заглавием „Archäologisches aus Russisch-Turkestan“ издал три кайрака Ташкентского музея 230, 541 и 608 гг. х. с важным комментарием. См. еще: Répertoire Chronologique d'Epigraphie Arabe, I, стр. 244—245 — кайрак 230 г. х., VIII, 242—243 — кайрак 541 г. х.;

ных арабских имен, вероятно тюркское, а последнее — явно тюркское, хорошо известное — Арслан. Считая поколение примерно в 30 лет, можно сказать, что предок интересующего нас Мухаммада ибн Маҳмуда — Арслан [или его сын] принял ислам на рубеже IX и X вв. Покойный происходил из городской ремесленной среды, о чем свидетельствует его прозвище Җабуний ('мыльник'). Это обстоятельство заставляет нас думать, что он, вероятно, был суфием, не только потому, что среда городских ремесленников XI—XII вв. была суфийской по преимуществу, но и потому, что прозвище Җабуний известно в окружении знаменитого суфия XI в. Абу Са'ида. Известны два носителя такого прозвища — Абу Бакр и Исма'il Җабуний.¹ Ошибок в надписи нет, кроме странного, ابی طالب صالبی, что должно, повидимому, означать ابی طالب, что должно, повидимому, означать как указано в переводе.

Надпись № 2 представляет особый интерес, потому что покойник являлся купцом, о чем говорит почетное прозвание 'خَارِجُ الْمَرْكَبَاتِ' 'слава купцов'. В Фергану он, повидимому, попал из далекого Азербайджана, если поверить его инибе ал-Хой.² Любопытно, что купец назван 'خَادِجَةً' 'хадж'. В науке существует представление, что в XI—XII вв. так называли еще только государственных чиновников. Считалось, что купцы стали называться „хадж“ только в послемонгольское время.³ Свидетельство нашей надписи требует пересмотра этого положения. Надпись сделана неграмотной рукой, о чем говорит хотя бы написание слова Ҳайдараллах через ҳ.

Надписи №№ 3, 4 и 5 принадлежат к одному времени и сделаны на надгробиях представителей духовенства. Весьма схожие по титулатуре надгробные надписи известны по приложению к статье А. Брянова о древностях Касана.⁴ Эти надгробия чрезвычайно близки и территориально к нашим памятникам (Сафид Буланд находится в непосредственной близости от Касана). Очень сходна с рассматриваемыми надписями и изданная М. Хартманом надпись Ташкентского музея, датированная 608 годом хиджры.⁵

М. Хартман подвергает подробнейшему разбору⁶ и устанавливает, что это совершенно сложившийся тип, распадающийся на определенные подразделения: а) „основное слово“ — Urwort с эпитетом (у Хартмана المجلس الرفيع، отсутствующее в наших надписях, но имеющееся во второй касанской надписи);⁷ б) титул, в) лақаб. Таким образом, если взять для примера надпись № 3, то она распадается на титул (от начала до слова المفتى в строке 3-й) и на лақаб — строки 3—4-я. Эта титулатура,

¹ В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. СПб., 1899, стр. 156, 166, 167, 194 (Исма'il), 257 (Абу Бакр).

² В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 143.

³ ПТКЛА, IV, стр. 153.

⁴ ПТКЛА, IV, стр. 153.

⁵ OLZ, 1906, стр. 297 сл.

⁶ OLZ, 1906, стр. 301 сл.

⁷ ПТКЛА, IV, стр. 153.

сходная с титулатурой феодалов,¹ складывается, вероятно, в XII—XIII вв. и живет до позднего средневековья.²

Интересна нисба надписи № 3. Она написана без диакритических знаков, однако мне думается, что ее можно читать Уштикан. Тогда окажется, что погребенный некогда под этим камнем Мухаммад ибн Дауд был родом из Уштикана, ферганского города, известного по сообщениям многих средневековых авторов.³

Формула в строке 5-й تَغْمِدُهُ اللَّهُ بِرَحْمَتِهِ, повидимому, была очень распространена в это время. Мы встречаем ее и в надписи Ташкентского музея, изданной Хартманом,⁴ и в касанской надписи, изданной Бряновым,⁵ и в литературных произведениях.⁶

Надпись № 4, как указывалось выше, плохо отпечаталась. По второй строке можно видеть, что надпись была весьма схожа с № 3. Покойный был 'Алайдом и возводил свой род к знаменитому 'Ақилю ал-Маккӣ, брату 'Алӣ иби Абӯ Талиба (строка 4-я).⁷

Надпись № 5 лишена даты, но по палеографическим данным, по характеру титулатуры покойного, его отца и деда может быть без колебания отнесена ко второй половине XIII в. Интересен титул деда: مفتى الحافقين, т. е. 'муфтий двух сторон горизонта [Востока и Запада]', неизвестный мне по другим источникам, но явно перекликающийся с титулом مفتى الشرق و المغارب, отмеченным Хартманом в его надписи С.⁸ Нисба не поддается пока расшифровке.

Надпись № 6 была, вероятно, на могиле еще одного представителя суфийской ремесленной среды, о чем говорит лакаб покойного — баззаз 'торговец хлопчатобумажными тканями'. Титул صاحب الكرامة должен, вероятно, переводиться 'чудотворец'. Ср. распространенное в суфийской среде كرامة в значении 'чудо, содеянное святым человеком', в отличие от مُعجزة — 'чудо, содеянное богом через своего пророка, с целью доказать подлинность его призыва'. Обращает на себя внимание неграмотно написанное أناية عنайя и переносы слов из строки в строку.

Надпись № 7 стоит особняком. Она написана примитивным почерком по-персидски и не дает никаких данных для датировки. Интересно имя покойной — Огул Хатун. Как любезно сообщила мне Е. М. Пещерева, такое прозвание давалось в Средней Азии до последнего времени женщинам, желавшим рождения сына.

¹ Ср. титулатуры Айубидов и Мамлюков в Египте и Сирии.

² Ср. данные, приводимые Хартманом из египетской „Китаб иниша“ XV в. (OLZ, 1906, стр. 366).

³ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 158.

⁴ OLZ, стр. 1906.

⁵ ПТКЛА, IV, стр. 153.

⁶ См. أخلاق ناصري, индийское изд. 1913 г., стр. 8.

⁷ Encyclopédie de l'Islam, s. v. 'Aqil.

⁸ OLZ, 1906, стр. 299 сл.

Заканчивая, следует сказать, что приводимые выше надписи интересны с разных точек зрения. Они дают некоторое представление о городской ремесленно-торговой суфийской среде XII в., дают важную в историко-культурном отношении титулатуру духовных лиц XIII в., проливают новый свет на термин „хадж“ для XII в. и являются важными памятниками арабской эпиграфики на территории СССР.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность А. Н. Бернштаму за предоставление мне этих материалов для опубликования, и А. Н. Болдыреву за товарищескую помощь при разборе надписей.

1948 · Э П И Г Р А Ф И КА В О С Т О К А · II

жардаты именем сана аль-Кадиши ота, членом тюльбара, виновного в
Годидаоте о расхищении золотом динара. Один из трех золотых
спиральных курильных табакерок XIV века, найденных в мавзолее
Манас-Гумбеза в Талассе, в настоящее время хранится в музее
Таджикистана. В 1955 г. мавзолей был разрушен, но в 1956 г.
вновь восстановлен. В 1958 г. мавзолей был вновь разрушен под
областной администрации, в связи с тем, что виновные в разрушении мавзолея
были наказаны и неизвестно, каким образом мавзолей был восстановлен. А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИЗ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

I

НАДПИСЬ МАВЗОЛЕЯ «МАНАС-ГУМБЕЗ»

Надпись на мавзолее, известном под названием „Манас-Гумбез“, впервые упоминается в сообщении В. В. Бартольда, сделанном 11 марта 1899 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества.¹ Отмечая малоудовлетворительное состояние надписи, В. В. Бартольд, как видно со слов Калаура, от которого он получил список с надписи, пишет, что она „читается с большим трудом“, и приводит лишь имя похороненной в мавзолее женщины и одно слово даты. При этом воспроизведение арабским шрифтом имени передано неточно. Вместо ясно написанного *كيرك* приводится *كيرك*. В соответствии с этим и чтение имени передано „Керик“ или „Кезик“, что безусловно неточно. Другое упоминание об этой надписи имеется в рецензии М. Е. Массона (на работы Б. Засыпкина), помещенной в „Известиях по изучению Таджикистана“ (т. I), где передается точно начертание имени похороненной, но без чтения его. Таким образом, надпись полностью до сих пор не опубликована.

Как и сам памятник, надпись эта сильно пострадала. В настоящее время недостает начальных слов, не имеющих особого значения для понимания контекста; нехватает, к сожалению, двух слов конца надписи — а именно основной части даты. Кроме того, совсем недавно выпал кусок в середине надписи с именем отца похороненной. Но, к счастью, сохранившаяся фотография 1924 г. дает полную возможность для восстановления этого отрезка надписи; дата же безнадежно исчезла. Надпись в виде буквы „П“ тянется вдоль портала мавзолея, охватывая всю арку входной ниши. Почекрк ее — обычный для эпиграфики архитектурных памятников Средней Азии XIV—XV вв. Буквы надписаны искусно в сложный и тонко выполненный растительный орнамент. Вопреки мнению информатора В. В. Бартольда, читается надпись вполне свободно. Некоторые неясности должны быть, как видно, отнесены за счет возможных ошибок при написании.

¹ ЗВО, XII, стр. V.

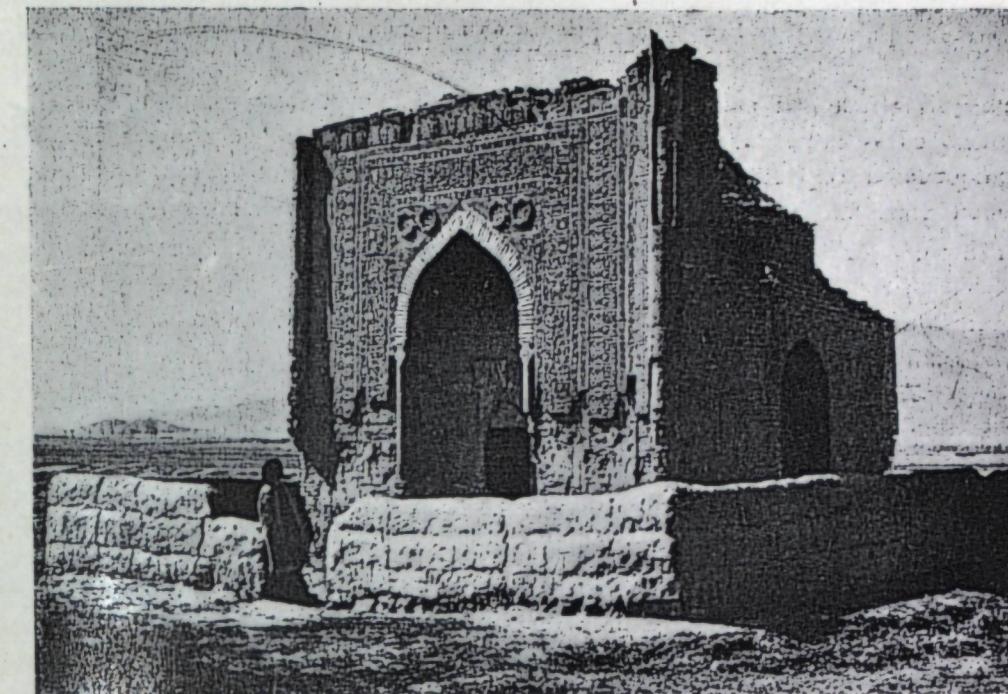

Рис. 1. Мазар „Манас-гумбез“. Общий вид.
Фот. Ф. Бальдермана, 1924.

Рис. 2. Мазар „Айша Биби.“ Угловая колонка с персидской надписью; деталь.
Фот. Кавказской археологической экспедиции ГАИМК 1936 г.

Академії наук України та Університету імені Тараса Шевченка. Відмінною науковою працею вважається праця професора А. М. БЕЛЕНИШКИ

ИЗ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

1

НАДПИСЬ МАВЗОЛЕЯ - МАНАС-ГУМБЕЗ

Надпись на мавзолее, известном под названием „Манас-Гумбез“, впервые упоминается в сообщении В. В. Бартольда, сделанном 11 марта 1899 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества. Отмечая малоудовлетворительное состояние надписи, В. В. Бартольд, как видно со слов Калаура, от которого он получил список с надписи, пишет, что она „читается с большим трудом“, и приводит лишь имя похороненной в мавзолее женщины и одно слово даты. При этом воспроизведение арабским шрифтом имени передано неточно. Вместо ясно написанного *كيرك* приводятся *كيرك*. В соответствии с этим и чтение имени передано „Керик“ или „Кезик“, что безусловно неточно. Другое упоминание об этой надписи имеется в рецензии М. Е. Массона (на работы Б. Засыпкина), помещенной в „Известиях по изучению Таджикистана“ (т. I), где передается точно начертание имени похороненной, но без чтения его. Таким образом, надпись полностью до сих пор не опубликована.

Как и сам памятник, надпись эта сильно пострадала. В настоящее время недостает начальных слов, не имеющих особого значения для понимания контекста; нехватает, к сожалению, двух слов конца надписи — а именно основной части даты. Кроме того, совсем недавно выпал кусок в середине надписи с именем отца похороненной. Но, к счастью, сохранившаяся фотография 1924 г. дает полную возможность для восстановления этого отрезка надписи; дата же безнадежно исчезла. Надпись в виде буквы „П“ тянется вдоль портала мавзолея, охватывая всю арку входной ниши. Почерк ее — обычный для эпиграфики архитектурных памятников Средней Азии XIV—XV вв. Буквы надписи сплетены искусно в сложный и тонко исполненный растительный орнамент. Вопреки мнению информатора В. В. Бартольда, читается надпись вполне свободно. Некоторые неясности должны быть, как видно, отнесены за счет возможных ошибок при написании.

¹ ЗБО, XII, стр. V.

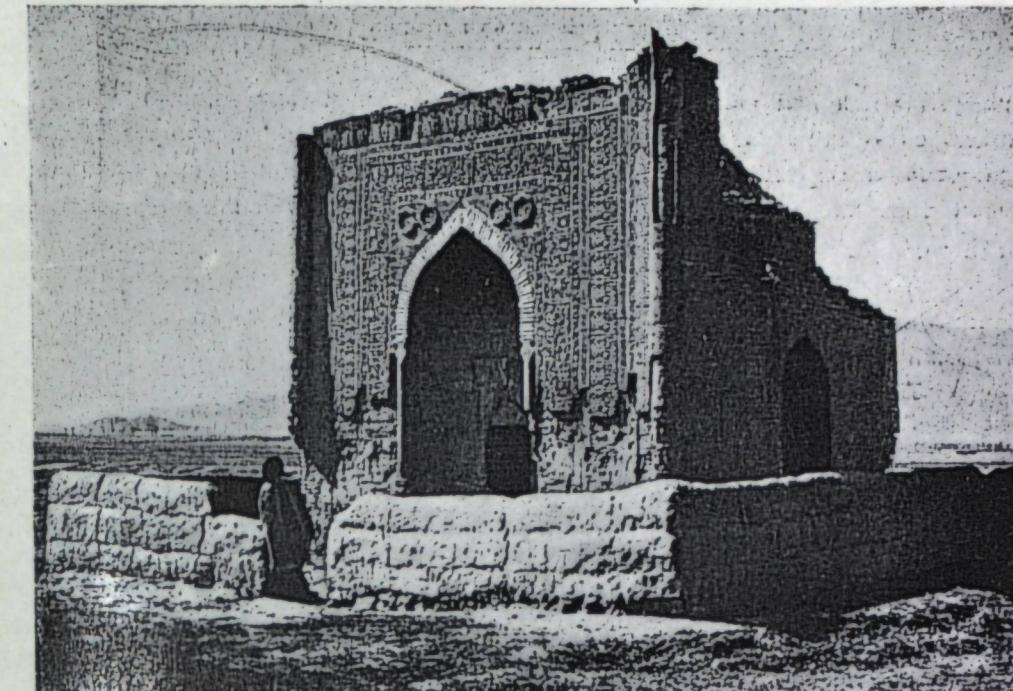

Рис. 1. Мазар „Манас-гумбез“. Общий вид.
Фот. Ф. Балысомана. 1924.

Рис. 2. Мазар „Айша Биби.“ Угловая колонка с персидской надписью; деталь.
Фот. Кавказской археологической экспедиции ГАИМК 1936 г.

Ниже дается начертание и перевод надписи с учетом фотографии 1924 г.
(рис. 1).

[ع]لیه للصالحة المستورة المحذرة نتيجة السعادات فاتحة الخيرات
رابعة الزمان مفخرة النساء || كسر خاتون بنت الامير الاجل
المختار المكرم منبع الجود والكرم ناصر الصيف و القلم امير ابوك
وسقا الله سرا هما و جعل الجنة || مشواهما و كان ذلك في غرة من شهر
رمضان وهو شاهزاده الله المبارك سنة اربع....

[Эта величественная гробница] добродетельной, целомудренной [букв.— закрытой], скромной [букв.— покрытой покрывалом], идеала счастливых [женщин], зачинательницы богоугодных дел, Раби'и и эпохи, славнейшей из жен || Кенизек Хатун, дочери амира превосходного,¹ почитаемого, уважаемого, источника щедрости и милости, победителя мечом и пером, амира Абука и да напоит Аллах их могилу и да сделает Аллах рай их местопребыванием, и было это в начале месяца рамадана, || а он является месяцем Аллаха благословенного в году четвертом...

II

НАДПИСЬ НА КАМНЕ НА ГОРЕ „МАНАС-СУПА“

Вблизи этого гумбеза на южной стороне вершины горы, известной под названием „Манас-Супа“, на каменной глыбе высечена надпись, состоящая из пяти строк. Разобрать полностью содержание надписи не удалось. Высечена она, как видно, малограмотным человеком и неопытным мастером. Помимо „басмалы“ читается вполне определенно лишь имя, высеченное на нижней строчке, а именно—‘Алай-Дервиш, сын Мухаммада: على درویش بن محمد

Назначение этой надписи не совсем ясно. Вероятно она предназначена для здания, сложенного из камней на самой вершине горы, служившей стражевым пунктом.

III

НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ В ДЖАМБУЛЬСКОМ МАЗАРЕ

Надпись в мазаре, находящаяся в самом Джамбуле, приведена полностью В. В. Бартольдом в указанном сообщении. Перевод ее, сделанный В. В. Бартольдом, таков: ‘Это сад великого царя и знатного начальника, знающего, справедливого, щедрого, владетеля меча и пера, рудника щедрости и благодатства, выступающего по повелению бога, опирающегося на свидетельство бога, заключения эпохи, родины щедрости и благотворительности, отца благородных и хороших качеств, Балыг-Булга-Улуг-Бильга-Икбал-хана Давуд-бека

¹ Чтение двух последних слов исправлено М. Е. Массоном.

2 Эпиграфика Востока, II

Исфахсалара, сына Ильяс-огул-бека Шаханшаха. „На друзьях божиих нет страха, и они не будут огорчены“ [Кор., 10, 63]. Смерть его [последовала] в ночь на пятницу 8-го джумади I-го 660 г. [31 марта 1262 г.]¹.

Список, сделанный мной с плиты на месте, в части титулатуры совпадает с опубликованным переводом. Однако имя похороненного по моей записи читается иначе, а именно:

و... تلغ تونكا الغ بيلكا اقبال خان داد [داود] بيک اسفهسلا، بن
الياس... لد اغول بيک الشبيير داد بيک الط [ازى]

что я читаю: ‘Кутулуг-Тунга¹ Улуг Бильга Иқбаль-Хан Дод — [Да'вуд?] бек Сифахсалар сын Ильяс ... Огул бека, известного под именем Дод [Да'вуд] — бек ат-Тар[азий]’.

К сожалению, снятая фотография оказалась столь неудовлетворительной, что проверить оба варианта по ней нет возможности.

IV

НАДПИСИ НА МАЗАРАХ В ГОЛОВАЧЕВКЕ

Надписи на мазарах, находящихся в селении Головачевка, очень плохо сохранились.

На первом из них удалось прочесть лишь следующие слова:

هذا المرقد العالى الله اعوال (?) ... المرعاة باباجى خاتون
عاصمه ...

Эта величественная гробница ... называемой Абаджий Хатун (или Бабаджий-Хатун). Строитель ее...²

На втором из них (рис. 2) надписи сохранились лишь на угловых колонках. В отличие от всех остальных надписей они написаны на персидском языке. По всей вероятности, здесь высечено какое-то двустишие. Вот те слова, которые могут быть с той или иной степенью вероятности прочтены на левой колонке:

مطركان ابراست ... وزمین خوش ...
‘Осень ... тучи. Земля прекрасна...’

Внутри мазара, в стенку надгробия среди других обломков вклеена плитка со следующими буквами:

ال شاه خان علا

что можно прочесть: ‘Иль [аль] Хан Шах...’ Почерк этой надписи имеет некоторое сходство с почерком надписи первого мавзолея, но точно они не совпадают.

¹ Такое чтение предложено А. Ю. Якубовским, указавшим на наличие этого слова в надписи на мавзолее в Узгенде (Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947).

² Согласно сообщению М. Е. Массона, на старой фотографии „прошлого столетия“ ясно читалось имя строителя „Мухаммад сын...“

1948 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · II

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЬБОМ ПО АРАБСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

В начале июля 1940 г. мне пришлось впервые увидеть альбом из Архива Географического общества. На зеленом бархатном переплете разм. 21.5×16.4 см вытеснен золотом узор на обеих крышках снаружи и надпись „Album“ на верхней крышке; форзац сделан из цветной бумаги с мраморовидным рисунком. В альбоме 56 страниц с золотым обрезом 20.8×15.8 см, они пронумерованы карандашом на лицевой стороне; между 34—35-й страницами одна страница не номерована. Бумага белая, плотная, пожелтевшая; страницы 39—48-я из другой, желтоватой и коричневой, бумаги.

После первого ознакомления с альбомом я дала его краткую характеристику и предварительное описание для Архива Географического общества.¹ Обстоятельства в 1940 и последующих годах не позволяли мне вернуться к детальному изучению альбома; но уже первое знакомство с его содержанием заставляет меня теперь обследовать его всесторонне, в связи с историей изучения арабской эпиграфики в России в пятидесятых годах XIX в.

Альбом содержит изображения надписей арабским шрифтом на арабском языке по преимуществу и в меньшем количестве — на персидском, а кроме того несколько рисунков акварелью. Общее число надписей, включая фрагменты, — 76; рисунков акварелью 14. Шестьдесят четыре надписи изображены густой и разбавленной тушью на отдельных листах белой бумаги и наклеены на лицевой и обратной стороне без системы; остальные надписи скопированы неразбавленной тушью. Многие изображения надписей несомненно переклеены с первоначального места: их формат не совпадает с расположением уголков, оторванных при удалении предшествующей наклейки. Большая часть надписей перенумерована; иногда две надписи и более имеют одинаковый номер. Некоторые номера перечеркнуты и заменены другими. Никакой последовательности в нумерации при расклейке не соблюдено. Четыре надписи

¹ Известия Всесоюзного Географического общества, т. 73, вып. 3, М.—Л., 1941, стр. 462.—Ревюме доклада В. А. Крачковской о „Неизвестном альбоме материалов по арабской эпиграфике“ см.: Вестник Академии Наук СССР, т. III, М.—Л., 1947, стр. 120—121.—Авторский доклад см.: Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка, М.—Л., 1947, т. VI, вып. 1, стр. 85—86.

исполнены акварелью и три из них имеют подпись рисовальщика „Ф. Рыковский“. На страницах альбома ко многим надписям дана аннотация карандашом, с указанием места нахождения оригинала. Кроме того, значительное число текстов сопровождается арабской транскрипцией на полях около рисунка или на соседней странице. При переклейке изображений аннотация оставалась на первоначальном месте, а также и оборвавшиеся уголки; изображения на вторичных местах помещены уже анонимно, без аннотаций.

Подписи владельца в альбоме не имеется. Чтобы выяснить личность составителя и время составления альбома, рассмотрим подробнее его содержание. Среди изображений сразу бросаются в глаза несколько хорошо знакомых воспроизведений надписей из Азербайджана и Дагестана. Н. В. Ханыков иллюстрировал ими свою известную статью в „Journal Asiatique, V-ème série“ (1862 г.) „Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase“,¹ частью издал в более ранних публикациях. Однако в альбоме можно найти не весь графический материал из работы, в которой Ханыков подытожил свои изыскания по арабской и персидской эпиграфике Кавказа и резюмировал частичные публикации. В альбоме нет рисунков №№ 6, 7 и 12 или №№ 6, 9 и 7 bis, которые повторены в отдельном оттиске из „Journal Asiatique“. Но и наличие их не дает серьезных оснований приписать альбом Н. В. Ханыкову: рисунки могли быть просто скопированы по его изданию или по его материалам и в таком случае автором их мог оказаться Ф. Рыковский или иное лицо.

Все сохранившиеся аннотации не оставляют сомнений в том, что надписи скопированы, за редкими исключениями, на Кавказе, а потому составителя альбома надо искать среди ориенталистов и не-ориенталистов, действовавших на Кавказе. Даты подписных акварелей распределяются между 1851 и 1856 гг. Самая ранняя дата поставлена на стр. 33 об.—8 мая 1851 г.—на рисунке „Ханаге“, № 46, с видом здания кубической формы и стрельчатым арочным порталом; подписи художника здесь не имеется (рис. 1).

На стр. 19 написан акварелью вид здания с массивными стенами и угловыми закругленными башнями. Средняя часть фасада выдвинута вперед; здание имеет два этажа и на оси двойные широкие стрельчатые ворота. В пролете ворот и перед стенами расположены живописными группами из двух фигур кавказские горцы, верховые лошади и слева две повозки с огромными колесами. Эта изящная акварель за № 62 (рис. 2) написана лучше, чем предшествующая; в правом уголке внизу вкось карандашом имеется подпись „P. Riss“ и дата 1852 г. Здание по типу архитектуры может быть ханакой, но еще скорее каравансараем. Имя P. Riss нашлось в альбоме только один

¹ Статья закончена автором 3 июня 1861 г., но основные материалы для нее были подготовлены, повидимому, на несколько лет ранее: в письме к академику Б. Дорну от 6/18 февраля 1857 г. из Табриза Ханыков писал: „j'ai terminé... la description de toutes les inscriptions musulmanes recueillies dans le Caucase“. Оригинал письма находится в Архиве Института востоковедения АН СССР, фонд 15, опись 2, № 211, № 24.

раз. Другое имя—Ф. Рыковский, кроме уже упомянутых воспроизведенений надписей, встречается еще на восьми акварелях с видами различных памятников архитектуры; только при одном рисунке на стр. 51 помечена дата 24 ноября 1856 г.

Как раз в пятидесятых годах на Кавказе развернулась работа по регистрации архитектурных памятников и собиранию надписей. М. Ф. Броссе в области грузинской эпиграфики, И. А. Бартоломей и Н. В. Ханыков в области мусульманской эпиграфики — вот „три кита“, которым принадлежала главная инициатива. По мнению Ханыкова, Ю. Клапрот был единственным сколько-нибудь серьезным ориенталистом, который посетил Кавказ после его присоединения.¹ Для своих современников он делал оговорку только относительно Б. Дорна. Первенствующая роль Броссе в грузиноведении этого периода неоспорима. В оценке Бартоломея и Ханыкова можно колебаться, кому из них вручить пальму первенства: и тот и другой сделали много открытий. Как эпиграфист-исламовед, Ханыков — достойнейший современник Броссе. В собирании надписей энергия Бартоломея не уступала Ханыкову, но все эти имена в альбоме отсутствуют.

Что касается двух акварелистов, то мне не удалось установить личности Ф. Рыковского, но второй, П. Рисс, теперь хотя и забыт, был связан с деятельностью Н. В. Ханыкова. Вспомним сперва несколько эпизодов, относящихся ко времени службы Н. В. Ханыкова на Кавказе.

На службу в Тифлис Н. В. Ханыков перевелся в 1845 г. Перед отъездом туда Френ советовал ему заняться надписями и обратить особое внимание на надпись мечети в селении Шихово около Баку, так как Эйхвальд, со слов муллы, относил ее к 200 г.² В 1847 и 1848 гг. в архиве наместника Кавказа, князя М. С. Воронцова, Ханыков изучал архивное „Дело“, заключавшее „Сведения о местах, почитаемых мусульманами Кавказа, куда они странствуют на поклонение“, со списком всех мечетей, мавзолеев и кладбищ.³ Ханыков извлек также отрывок из „Дербенд-наме“, по изданию Казембека, содержащий названия таких географических пунктов, в которых найдено максимальное число арабских надписей. Эти местности были известны и в XIX в. По мнению Ханыкова, они позволяют проследить продвижение арабской колонизации в Дагестане, особенно по течению реки Самур.⁴

В 1848 г., после такой основательной подготовки, Ханыков совершил полугодовое путешествие по Кавказу, проверяя на местах точность списка, и открыл лично немало надписей. Кроме того, ему были доставлены точные факсимile со всех более интересных надписей.

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 2, прим. 1.

² Ханыков. Археологическое известие. „Кавказ“, 1850, отд. оттиск, стр. 3—4. (В дальнейшем цитируется: Арх. изв.).

³ Khanukoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, Journal Asiatique. 1862, стр. 3—4. Название „Дела“ дано по-французски, переведено на русский язык мной.

⁴ Khanukoff, ук. соч., стр. 25—26 и 44.

Информаторы Ханыкова были очень различны по социальному положению и культурному уровню. Ханыков насчитывал всего шесть лиц, которые за 15—17 лет до 1850 г. собрали на Кавказе 10 куфических надписей более или менее важного исторического содержания.¹ Несколько копий снял в 1843 г. начальник таможни в Баку, Спасский-Автономов, между прочим, „верный оттиск“ надписи 471/1078 г. на мечети в Баку.² Шушинский уездный начальник, князь Тархан-Моуров доставил прекрасный оттиск древнейшей, по мнению Ханыкова, куфической надписи Закавказья; он был переслан академику Б. Дорну: это первый эстампаж фриза, который окантовывал оба портала и базу мавзолея 722 г. х. в Барда³. Представители военного командования тоже обращали внимание на собирание надписей, но не всегда результаты бывали удачны; к числу последних принадлежат списки малограмотных копистов, доставленные в Азиатский музей от генерала Фези и барона Хана. Гораздо лучше справились со своей задачей в 1849 г. в Нахичевани и Ордубаде начальник триангуляции Закавказского края полковник, позднее генерал, О. И. Ходзько и его переводчик, поручик Магат.⁴ Через два года в Ордубаде Архангельский снимал эстампаж на кладбище.⁵ Между прочим, 1851 годом в альбоме датирован рисунок № 46 без подписи на стр. 33 об.; вид довольно разрушенной постройки, названной „Ханаге“, по живописной манере сильно отличается от всех прочих акварелей альбома. Может быть, следует приписать данный рисунок Архангельскому. Надпись 444 г. х. из мечети селения Ханаге Ханыков упоминал в топографическом обзоре, но ни в его публикациях, ни у позднейших исследователей мусульманских надписей Закавказья найти ее не удалось.⁶

В сборе эпиграфических материалов участвовал еще землемер Твердохлебов, состоявший в штате наместника кн. М. С. Воронцова, наконец — представители местного мусульманского населения. Бакинский мулла Абдуррахим, бывший информатор Эйхвальда, служил Ханыкову путеводителем при осмотре надписей в селении Шихово и других памятников на Апшеронском полуострове. В беспомощности Абдуррахима перед куфическими надписями Ханыков быстро убедился; так же он расценивал попытки прочих местных

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 9.

² Khanukoff. Mémoire..., стр. 15.—Ханыков. Арх. изв., стр. 4.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 14—15.—Ханыков. Арх. изв., стр. 7—8.

⁴ Khanukoff, ук. соч., стр. 16.—Ханыков. Еще археологическое известие. „Кавказ“, 1850, № 85—86, отд. оттиск, стр. 1—3.—Ср. письмо Ханыкова из Тифлиса от 7 июня 1849 г., напечатанное в „Bull. hist.-phyl.“, VIII, № 2 и в „Mél. Asiat“, I, 1852, стр. 245 под заглавием „Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase extrait de deux lettres de M. Khanukoff“. В письме от 27 октября 1850 г. из Тифлиса Н. В. Ханыков обращает внимание академику Б. Дорну на небольшую работу Александра Ходзько, бывш. русского коснула в Реште (Архив ИВ АН, фонд 15, опись 2, № 211).

⁵ Khanukoff, ук. соч., стр. 16.

⁶ Khanukoff, ук. соч., стр. 9.—См. по этому поводу ряд соображений в монографии В. А. Крачковской: Изразцы мавзолея Пир Хусейна, Тбилиси, 1946, стр. 22—24.

ученых.¹ Исключение составлял только Мирза Фаэзил Хан, бывший придворный поэт Аббас Мирзы, который не раз помогал Ханыкову разбирать надписи и отличался хорошим знанием арабского языка.²

К числу информаторов и сотрудников Ханыкова относится также П. Рисс. Именно последний доставил Н. В. Ханыкову эстампаж надписи на башне в Мардакане, от даты которой Ханыков мог установить только цифру сотен 600 г. хиджры (XIII в.).³ Упоминая эти обстоятельства в указанной работе 1862 г., Ханыков пояснил в примечании, что Рисс — молодой ориенталист французского происхождения, воспитанный в России и известный своим исследованием талышского языка, только что умер в Тифлисе от лихорадки. Так как из „Исторической записи“ В. В. Григорьева „Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования“⁴ видно, что Павел Рисс окончил С.-Петербургский университет по I отделению Философского факультета, кандидатом по разряду восточной словесности в 1851 г., в личности этой сомнений быть не может. Очевидно, на следующий год после окончания университета Павел Рисс посетил Кавказ и тогда написал, между прочим, имеющуюся в альбоме акварель. П. Рисс был чиновником особых поручений при губернаторе Тифлиса и позднее — правителем дел Кавказского отделения Географического общества. Художественное дарование он унаследовал от отца, Франсуа Риса, академика живописи, портретиста тридцатых годов и автора многих работ в Исаакиевском соборе. В 1857 г. П. Рисс совершил большое путешествие по северной Персии и умер 3 апреля 1861 г. Отмечу попутно, что фамилия П. Рисса у Ханыкова написана „Riesse“, в отличие от автографа „P. Riss“.

Нельзя пройти мимо вклада художника лейтенанта Юлия Кестнера.⁵ Он известен главным образом зарисовками памятников и надписей в г. Ани. Кроме того, благодаря ему Ханыков впервые обратился к архитектурному сооружению исключительной важности — к мавзолею Ата Баба или Йусуфа ибн Кусайира, который оставался незамеченным, несмотря на девяносто пять посещение Ханыковым города Нахичевани. В 1849 г. Ю. Кестнер скопировал надписи этого гумбеза и сделал с него акварельный рисунок, который Ханыков приобрел и отоспал в дар Азиатскому музею.

Несомненно, что около 1850 г. внимание к мусульманской эпиграфике на Кавказе заметно повысилось и количество участников эпиграфических сборов удвоилось. Самым ревностным и полезным для эпиграфической жатвы

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 4 и 3.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, отд. оттиск, стр. 11.—Надпись опубликована в „Mél. Asiat“, т. III, стр. 119, рис. на стр. 137; см. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, т. IX, Le Caire, 1937, стр. 257, № 3580.—Mémoire..., стр. 122.

⁴ Эта работа В. В. Григорьева опубликована в С.-Петербургге в 1870 г.; о П. Риссе см. стр. XCIII.—См. также биографию П. Рисса: Русский биографический словарь, СПб., 1913, стр. 227—229.

⁵ Ханыков. Еще арх. изв., стр. 3.

оказался И. А. Бартоломей. Цифровой учет сделан самим Ханыковым. В кратчайший мыслимый срок — всего за один месяц июнь 1850 г. — Бартоломей доставил Ханыкову из глухи Дагестана 9 оттисков куфических надписей, 1 оттиск надписи почерком насталик исторического содержания, 11 копий күфӣ и 5 копий с надписями насталиком, всего 26 надписей;¹ следовательно, число датированных куфических надписей утроилось, притом одна треть была представлена в эстампажах. Бартоломей эстампировал надписи посредством протирания по бумаге карандашом или толченым углем, но, к сожалению, после того контуры обводились карандашом или пером,² а это весьма способствовало искажениям.

Итак, немногие даты, которые можно извлечь из альбома Географического общества, а также зафиксированное у Ханыкова, к сожалению не для всех случаев, время поступления эпиграфических материалов от его корреспондентов и неофициальных сотрудников относятся целиком к годам интенсивнейшей работы Ханыкова на Кавказе. Между прочим, в *Известиях Археологического общества* отмечено поступление от Ханыкова в 1859 г. „альбома фотографий с куфических надписей Закавказья“.³ Однако в альбоме Географического общества фотографий нет и отожествить эти два альбома поэтому невозможно. Никаких следов такого поступления в Архиве ИИМК также не имеется.

Если сравнить количество текстов, хотя бы фрагментарных, в альбоме Географического общества и перечисленных суммарно в статье 1862 г., то оказывается, что цифры расходятся: в альбоме 76 названий, в „*Journal Asiatique*“ — 85. Последнюю цифру составляют те датированные и недатированные надписи почерками күфӣ и сульс, которые Ханыков включил в главу I, посвященную топографическому распределению мусульманских надписей Кавказа.⁴ Изредка он в ней дает краткую аннотацию относительно содержания надписей, иногда вставляет небольшие исторические экскурсы.

Глава III той же статьи резюмирует наблюдения Ханыкова над палеографией мусульманских надписей Кавказа.⁵ Для иллюстрации выводов он выбрал лишь двенадцать надписей (из 85), часть которых, как указано, имеется в альбоме. Надписи изданы в арабской транскрипции с французским переводом, палеографическим анализом и историко-литературным комментарием.

Здесь приходится обратить внимание на два обстоятельства. 1) Копии надписей в альбоме Географического общества из числа изданных в „*Journal Asiatique*“ и печатные изображения совершенно идентичны. 2) Несколько рисунков альбома имеют нумерацию, одинаковую с соответствующими иллю-

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 9. — Khanukoff, ук. соч., стр. 8.

² Ханыков. Арх. изв., стр. 6—7.

³ Известия Археологического общества, т. I, 1859, стр. 252.

⁴ Khanukoff. Mémoire..., стр. 4—22.

⁵ Там же, стр. 42—75.

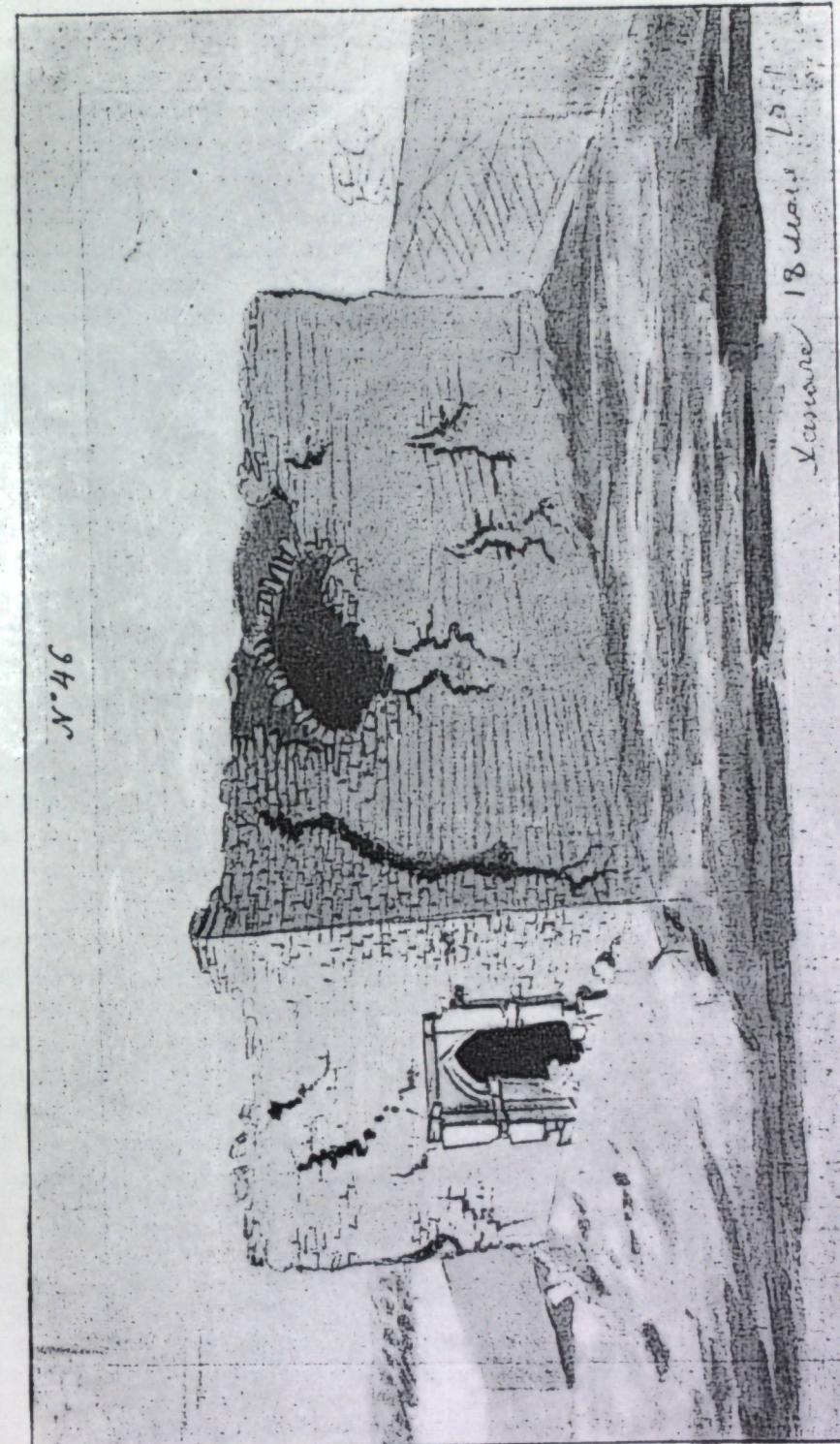

Рис. 1. Xanukoff.
Альбом неизвестного художника 1851 г.

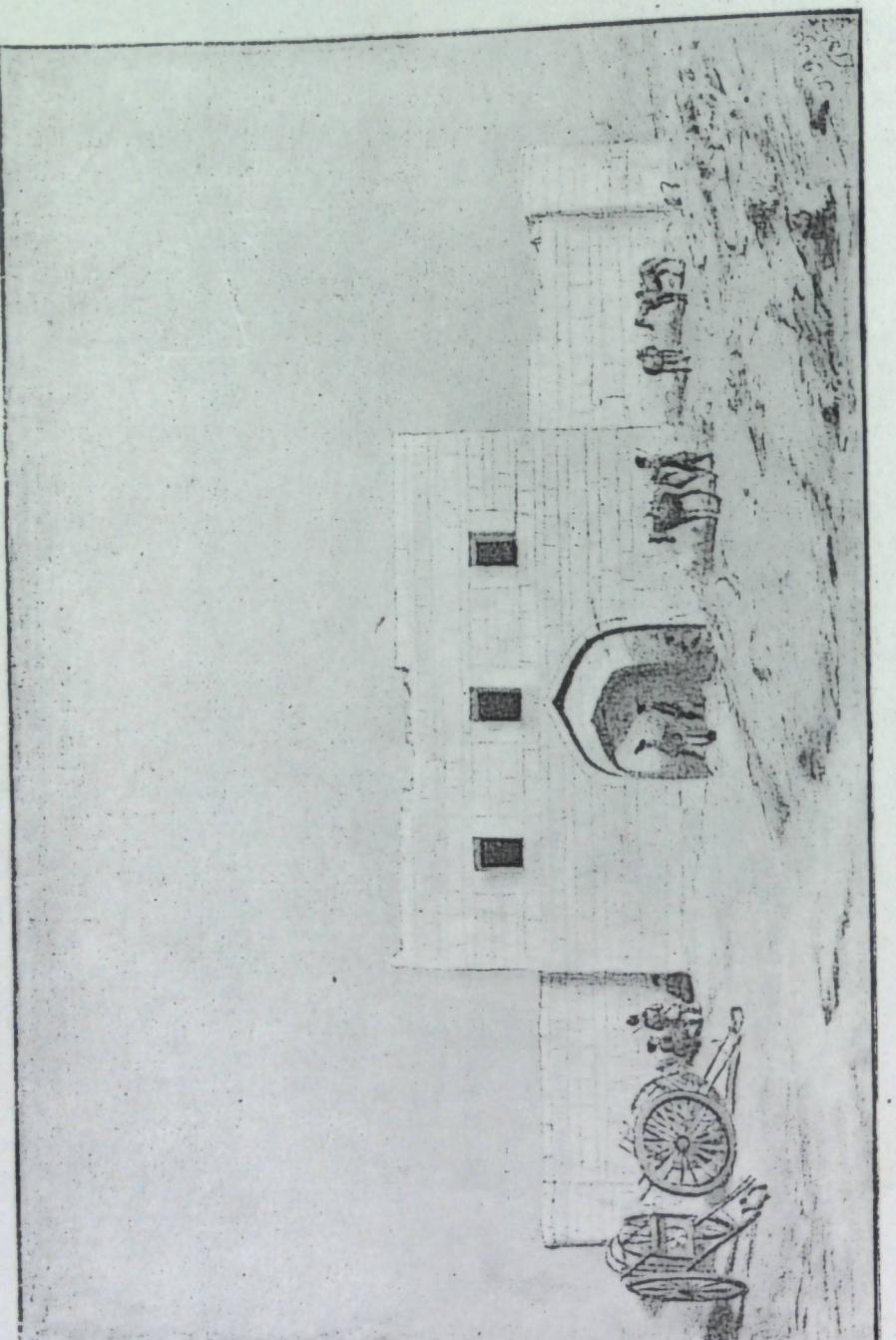

Рис. 2 Каравансарай.
Акварель Р. Риша, 1852 г.

страциями французской статьи, а именно №№ 1—3, 4—4 bis, 8. Что касается рисунков в „Journal Asiatique“ за №№ 5, 10 и 11, нумерация их с альбомом не совпадает. Так, например, надпись 471 г. х. из Баку имеет № 56, перечеркнутый и замененный цифрой 5. Нешаблонная по патетическому тону начальной фразы и историческому содержанию надпись 637 г. х. из селения Риджа (Рича) в южном Дагестане, по „Journal Asiatique“ № 10, в альбоме имеет перечеркнутый № 21, который заменен цифрой 11 на стр. 14. Надпись из селения Риджа была издана впервые по копии, сделанной от руки наспех самим Ханыковым в середине июля 1848 г.;¹ в „Journal Asiatique“ он издал вторую редакцию с исправлениями по уменьшению с эстампажа, снятого И. А. Бартоломеем.² Последний вариант и изображен в альбоме.

Остановимся еще на рисунках №№ 4 и 4 bis, которые никаких сомнений не вызывают. Они скопированы с надгробия цилиндрической формы в полутораста шагах от южной стены Дербенда.³ При Ханыкове, как при Олеарии, его называли „могила падишаха Джум-Джум“. На рисунках №№ 4 и 4 bis, стр. 16, в альбоме первоначальный их номер (№ 10) вычеркнут. Аннотации к ним показывают, что они находились „На поперечной стороне гроба Падишаха Джум-Джума“ и „На 2-й поперечной стороне того же камня“. На обороте стр. 16 две из четырех надписей сохранили № 10; согласно аннотациям они воспроизводят две надписи с продольных сторон того же памятника.

Аннотация несомненно верна. В первой публикации Ханыкова 1857 г. надписи изданы полностью, со всех четырех сторон надгробия и с поправками неточностей у И. Березина.⁴ На таблице I надписи с продольных сторон полуцилиндрического памятника представлены в $\frac{1}{8}$ натуральной величины и соответствуют восточной и западной стороне. Автором изданных рисунков является Твердохлебов.⁵ В альбоме надписи сильно уменьшены, до $\frac{1}{3}$ размера на таблице, следовательно до $\frac{1}{24}$ натуральной величины; здесь мы имеем редкую для издания середины XIX в. возможность установить подлинные размеры надписи. Кант, распределение текста и дефекты рельефа переданы видимо довольно аккуратно, но в мелких деталях между литографированной таблицей и рисунками альбома № 10 есть различие.

Наконец, у надписи 670 г. х., воспроизведенной в „Journal Asiatique“ под № 11, в Альбоме зачеркнута цифра № 69 и заменена № 12. Эти цифры не случайны как по количеству, так и по совпадению их. Ведь в „Journal

¹ Khanukoff. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Bull. hist.-phil., VIII № 2; то же: Mél. Asiat., I, 243—244, письмо 7 VI 1849 г., доложено 22 II 1850 г.

² Khanukoff. Mémoire..., стр. 69—71, — Ханыков. Арх. изв., стр. 8—9; 16—18; 20—31—32, №№ 4—5.

³ Цилиндрические надгробия около Дербенда прекрасно передает фотография Ермакова за № 13434/144 (см. коллекцию в Кабинете репродукций Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве).

⁴ О некоторых арабских надписях в Дербенде и Баку. Зап. РАО, т. IX, 1857, стр. 41—49, с 2 рис., 2 табл.; то же, отд. оттиск, стр. 1—10; то же, Тр. ВОРАО, т. II, стр. 168—176.— Ср. Зап. РАО, т. II, стр. 66, № 4, № 2.

⁵ Khanukoff. Mémoire..., отд. оттиск., стр. 7 и 2.

"Asiatique" изданы фактически двенадцать рисунков; в отдельном оттиске статьи после № 7 следует № 7 bis, что дает в сумме тоже двенадцать иллюстраций; рис. № 12 в оригинальной статье по ошибке не был помещен на должном месте и в тексте на стр. 116 дважды встречается № 7; в отдельном оттиске это упущение было исправлено.

После таких наблюдений принадлежность альбома Ханыкову становится более вероятной. Но посмотрим теперь с точки зрения палеографии на аннотации в альбоме карандашом.

Все аннотации принадлежат одной руке как при рисунках, воспроизведенных в "Journal Asiatique", так и при неопубликованных. Почерк очень характерный; мелкий, без крепких нажимов, с тонкими линиями и с постоянным наклоном направо вкось. Не менее характерны лигатуры, особенно от концов подстрочных букв. Сопоставление почерка аннотаций с письмами Н. В. Ханыкова показывает, что все аннотации были сделаны им. Для сличения привлечены мои письма Ханыкова к участнику экспедиции в Хорасан, ботанику Бунге, датированные 1857, 1858 и 1859 гг. и написанные по-русски из Ниметабада, Тифлиса, Дихи-Намек, Техерана, Дамгана и Херата.¹ К такому же заключению приводит сравнение аннотаций альбома с письмами Ханыкова из Парижа в С.-Петербург на французском языке; например, письмо от 29/17 июня 1862 г. имеет лигатуру от конца *у* или *р*, которые встречаются у Ханыкова для русского *р*.² Арабские автографы вкраплены в письма Ханыкова на французском языке к академику Б. Дорну из Ирана и Тифлиса между 1852—1857 гг.³ Здесь встречаются цитаты из восточных рукописей, скопированные надписи и т. п. По ним можно убедиться, что Ханыков каллиграфически писал по-арабски. Транскрипции надписей в альбоме до чрезвычайности похожи на арабские автографы Ханыкова, особенно когда последние написаны не второпях; беглый арабский почерк Ханыкова соответствует разнице между его спокойным письмом по-русски или по-французски и письмами, наброшенными наспех, порой с пропусками знаков препинания даже в конце фразы.

Можно проверить наблюдения еще иным способом, а именно попытаться установить, имеется ли связь между статьей Ханыкова 1862 г., с одной стороны, и невоспроизведенными материалами альбома — с другой. На этот вопрос следует ответить утвердительно. Для примера начнем сравнение с неиллюстрированных текстов в главе IV исторического содержания и замечательных по своей литературной форме (стр. 130—150 = отд. оттиск, 75—99).⁴

Первый из опубликованных недатированный текст на стр. 132—76 транскрибирован в альбоме на стр. 5 об., а на стр. 6 наклеен рисунок № 12,

¹ Архив Академии Наук СССР, фонд 66, опись 2, № 121.

² Ср. альбом Географического общества, стр. 23 и письмо из Парижа в Архиве Академии Наук СССР, фонд 187, опись 2, № 523.

³ Например, письмо от 19/31 мая 1852 г. из Табриза, в котором транскрибирована надпись 712 г. х., в Архиве Института востоковедения Академии Наук СССР, из указанного фонда.

⁴ Знаком равенства отделены №№ страниц из отдельного оттиска статьи.

изображающий надгробную плиту (рис. 3). Куфическая надпись расположена на обрамлении с трех сторон и на восьми строках в трилистниковой плоской арочной нише.

Рис. 3 Надгробная плита близ Дербенда, по Шуринской дороге.

Согласно аннотации Ханыкова под рисунком — это "Надгробный камень по Шуринской дороге в одной версте от Дербенда". На стр. 35 об. альбома мы видим транскрипцию какой-то надписи. Текст полностью сов-

падает с надписью на камне, замурованном во внешнюю стену частного дома в селении Лучек (Loutchek). Ханыков издал его по эстампажу И. А. Бартоломея, но до сих пор изображение оригинала в печати не появлялось.¹

№ 41

Рис. 4. Надпись из селения Лучек.

№ 24.

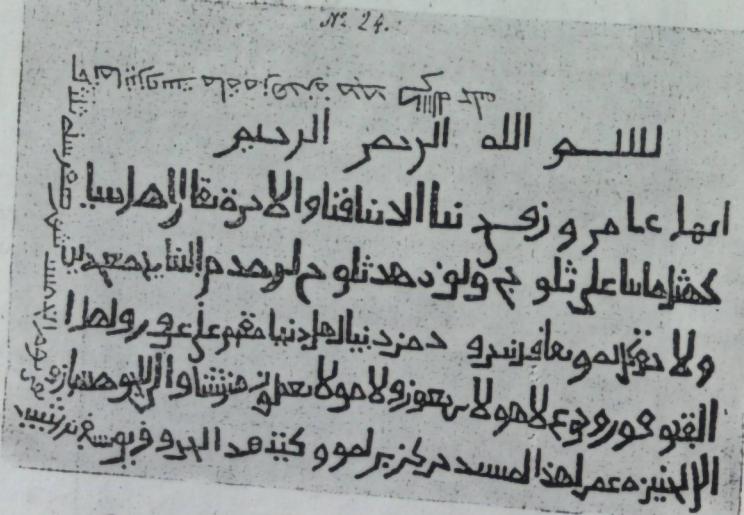

Рис. 5. Надпись из селения Руту, 683/1284 г.

без аннотаций. Третья надпись из Рутула с датой 683/1284 г. не вошла в статью 1862 г., хотя была издана в 1850 г. под № 11 в транскрипции и рисунке № 24 (рис. 5).⁴

¹ Khanykoff. Mémoire..., стр. 136=80.—Ханыков. Арх. изв., №№ 10, 27 и 29—30.

² Khanykoff. Mémoire..., стр. 137=81. В статье „Арх. изв.“, не издана.

³ Там же, стр. 139=83 и 64=8.

⁴ Ханыков. Арх. изв., стр. 27—29, № 11.

К надписям из Дагестана исторического содержания Ханыков относит на стр. 140=84 еще две: одну из Эхура (Dzakhour), другую из Ахты (Akty, Ахтй). В первом тексте упоминаются события 836/1432—1433 г.; после перевода его на французский язык, Ханыков добавляет: „Над этой надписью выгравировали наизнанку [т. е. вверх ногами]: «Этот камень был принесен усердием каменщика Вахух Карим ад-дина; безвозмездный катиб сего Иса, сын Мамая из Цахура». Надпись повествует о нашествии двух турецких армий, к которым присоединилось войско из Рутула, о произошедших сражениях и бегстве неприятеля; она не только в „Journal Asiatique“ не воспроизведена, но там не опубликована также приписка с именами учредителей. То и другое без аннотации находится в альбоме на стр. 47. Наверху страницы, на трех с лишним строках транскрибированы шесть строк основного текста, а под ним наклеен рисунок № 22 с датой 836 г. х. Над первой строкой изображения имеются справа две строки половинной длины в перевернутом положении. Надпись 836 г. в русском переводе издана впервые в статье „Археологическое известие“, 1850 г. отд. оттиск, стр. 22—23, № 6; в начале дана часть ее „на верху в обращенном виде...“ Шрифт сульс на рис № 22 очень некрасив и неровен, но в нем мы видим первый образец каллиграфии катиба — уроженца Эхура. По поводу исторического эпизода, упоминаемого в этой надписи, Ханыков отсылает читателей к анонимной истории Шахруха, в рукописи Азиатского музея, которая дает меньше подробностей; отрывок этот был опубликован им в газете „Кавказ“.¹

Относительно надписи на крепости Ахтй с именем Ширваншаха Халиль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.), из статей Ханыкова известно ее краткое содержание (в ней всего пять слов) и тип почерка сульс.² Только на основании этих скучных указаний, несмотря на отсутствие аннотации, можно и ее определить в альбоме на стр. 36 об. под № 23, который, кстати сказать, на этот раз следует в порядке опубликования, после надписи из Эхура с № 22. Судя по рисунку, и в этой надписи сульс не отличался красотой (рис. 6).

На стр. 146=90 своей статьи Ханыков переходит к любопытным надписям в районе Ордубада и начинает с длинного текста строительной надписи

¹ Khanykoff. Mémoire..., стр. 141—142=85—86; газета „Кавказ“, 1850.—Арх. изв., стр. 23—25, 31, № 6.

² Khanykoff. Mémoire..., стр. 142=86 и 64=8.—Он же. Арх. изв., стр. 25, 31, № 7.

Рис. 6. Надпись Ширваншаха Халиль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.) из Ахтй.

мечети в селении Насмус (*Nasmous*), построенной в царствование Ильхана Абӯ Са'ида; она упомянута в 1929 г. у В. М. Сысоева.¹

На странице 28 об. альбома мы находим транскрипцию этой надписи, как все прочие, выписанную прекрасным почерком: вверху одна строка мелким сульсом, под нею имя Аллаха, затем шесть строк более крупным шриф-

Рис. 7. Надпись из мечети Нус Мус, Ордубадского у.,
720/1320 г.

вероятно, что другие рисунки страдают таким же

тот и одна снова мельче и теснеее. [На стр. 29 изображена самая надпись под № 71 (рис. 7). Сверху у корешка ее сопровождает аннотация Ханыкова: „Надпись мечети сел. [Вананд; название зачеркнуто и заменено] Нус мус Ордубадского уезда“]. На рисунке весь текст, за исключением верхней строки, обрамлен фестонами по бокам, горизонтально снизу и одним выступом сверху; выступ завершает пальметка с полумесяцем. Конец текста выписан у краев в продольном направлении.² Этот текст Ханыков называет „прекрасной надписью эпохи царствования Абу Сайд Хана 720 (=1320) г.“,³ но и она в альбоме не соответствует такой характеристике. Приходится заключить, что копия не точно воспроизводит графику оригинала, и об этом можно только пожалеть: ведь надпись современна тексту ярлыка Абӯ Сайды в Ани! Вполне едостатком.

Рис. 3. Копия фирмана Шаха 'Аббаса над воротами мечети в Орду баде 1016/1607 г.

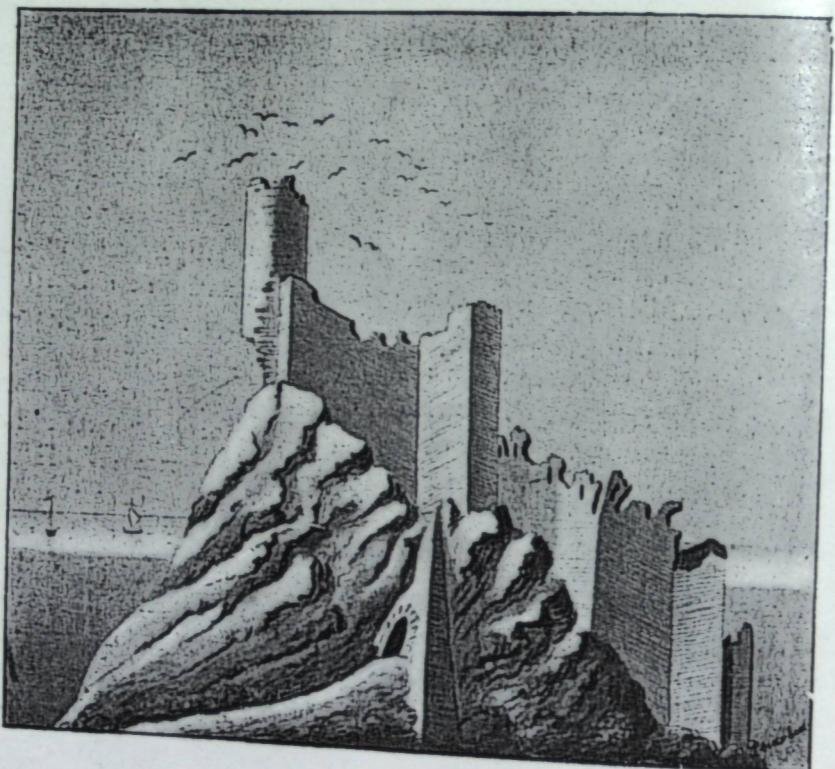

Рис. 10. Руины Чираг Кал‘а.
Акварель Ф. Рыковского.

Непосредственно за этим рисунком в альбоме на стр. 29 об. помещена аннотация Ханыкова карандашом: „Надпись над воротами главной мечети в Ордубаде“ и транскрипция фирмāна Шāха ‘Аббāса I, 1016/1607 г., который издан впервые Ханыковым;¹ они занимают полстраницы (шесть с половиной строк мелким почерком). На нижней половине страницы помещено графическое изображение надписи с густой вязью персидского текста на пяти с небольшим строках; эта надпись (рис. 8) перерисована видимо точнее и изящнее, чем две предыдущие. Текст переиздан В. М. Сысоевым по изданию Ханыкова и по современной фотографии.²

В качестве литературного образца Ханыков опубликовал также короткую рифмованную надпись, которую скопировал землемер Твердохлебов на развалинах укрепления Чирāг Кал‘а (*Tchiraghkaléh*). По форме знаков почерка кūfiй автор относит ее к VI в. х., а затем сопоставляет упомянутого в ней Сайф ад-дīна с правителем Дербенда, современником поэта Хақāнī.³

Эта надпись изображена в альбоме под № 45, на стр. 47 об., с аннотацией Ханыкова под нею на том же листке: „На развалинах Чирах Кала в Кубин. уезде“ (рис. 9). Ниже в трех строках транскрибирован текст. Но кроме неизвестного до сих пор вида надписи, в альбоме имеется на соседней странице⁴ изящная акварель с тем же № 45 (рис. 10), на белой бумаге в нежных тонах, с тонкой темной полоской обрамления. Живописные руины укрепления взвышаются на гребень конусообразной скалы на широком фоне морской дали. Акварель подписана [Ф. Рыковским, без даты; аннотации к ней нет, но сходство нумерации и соседство обоих рисунков достаточно убедительны: это „орлиное гнездо“ несомненно Чирāг Кал‘а Кубинского округа.

В альбоме на стр. 31 вверху находится транскрипция текста с именем некоего шейха и датой 670/1271—1272 г. Под нею сохранилась аннотация Ханыкова: „Надпись селения Баб в Карабаге“. Она относилась к рисунку,

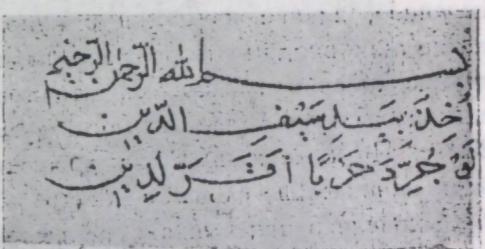
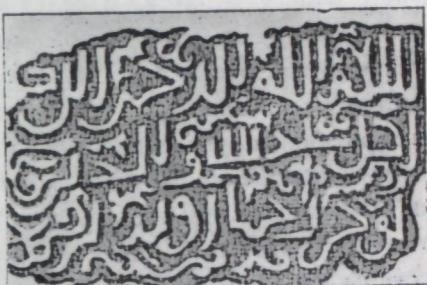

Рис. 9. Надпись на Чираг Кал‘а, VI/XII в.

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 94—96 и 16.

² В. М. Сысов, ук. соч., стр. 138—139.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 139—140=33—34 и 65=9.—W. Barthold. Derbend. Enc. de l'Isl., f6=me livr., 1912, стр. 967: Saif al-Din Muhammad b. Khalife.

который был приклейен ниже аннотации: на листе видны следы клея и оторванные уголки. Надпись с той же датой и именем шейха Ханыкова привлек для доказательства, что в VIII в. х. на Кавказе больше обращали внимания на орнаментальные возможности куфического шрифта, а переплетения и изменения букв не имели уже границ. Изображением ее под № 11 он заканчивал свои иллюстрации в оттиске статьи.¹ Локализацию текста в этой части работы он не дал.

Обратимся к главе I. Здесь на стр. 72—16 упоминается надпись 670 г. х. „на левом берегу Аракса, в селении Бабили“, которую „генерал Ходзько скопировал на развалинах одной мечети“. Иллюстрация № 11 выше уже была установлена в альбоме под № 12, на стр. 17;² ее зачеркнутый № 69 повторяется над акварелью № 69 в альбоме, стр. 30 об., как раз напротив бывшего рисунка переклеенной надписи из селения Баб.³ Эта акварель тоже исполнена и подписана Ф. Рыковским (рис. 11). На ней изображены слева остатки наружной стены, аркады и ствол цилиндрического минарета, что соответствует локализации надписи по Ханыкову — из руин мечети. В облицовке стены над двумя нижними постелями выделяется один ряд очень крупных плит. Справа на акварели представлено призматическое, вероятно восьмигранное, здание из камня с куполообразным ребристым покрытием. На фасаде над входом изображена надпись на двух строках; в миниатюрном рисунке конечно трудно ожидать точную передачу всех ее деталей, но в отдельных штрихах все же можно уловить сходство с надписью 670/1271—1272 г. По содержанию она предназначалась для усыпальницы — машхада: текст начинается словами „Амара би-бинаи хада-ль-машхад...“ Акварель Ф. Рыковского показывает впервые место, на котором надпись была помещена. Идентифицируя изображение мавзолея с надписью 670 г. х., мы тем самым отмечаем неточность, допущенную в локализации ее у Ханыкова.

Из современных описаний памятников близ Аракса только один мавзолей отличается деталями, близкими к виду мавзолея на рисунке Ф. Рыковского № 69. Это мавзолей Ших-Бабалы; он подробно описан и воспроизведен в монографии И. П. Щеблыкина „Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами“.³ Мавзолей Ших-Бабалы находится близ селения Бабалы, на северо-восток от железнодорожной станции Горадиз Джульфинской железной дороги. Он сложен из камня, прекрасно отесанного; восьмигранное тело покоятся на каменном цоколе. „Второй ряд цоколя, — пишет И. П. Щеблыкин, — имеет украшение, состоящее из врезных восьмиконечных розеток в квадратных камнях. Камни с украшениями расположены с интервалом через один; таким образом, в каждой стороне помещено по четыре

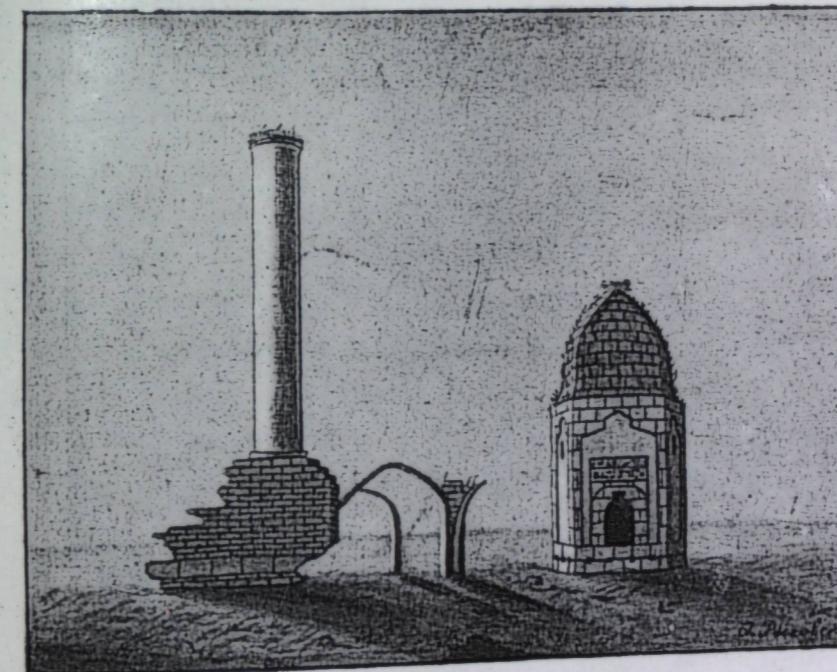

Рис. 11. Руины мечети и мавзолей Ших Бабалы 670/1271—1272 г.
Акварель Ф. Рыковского.

¹ Knapukoff, ук. соч., стр. 128—130=73—74; в „Journ. As.“, как уже отмечено, последний рисунок имеет № 12.

² См. выше, стр. 20, 25, 31.

³ Опубликована Издательством АзФАН, Баку, 1943, стр. 79—81, рис. на стр. 79.

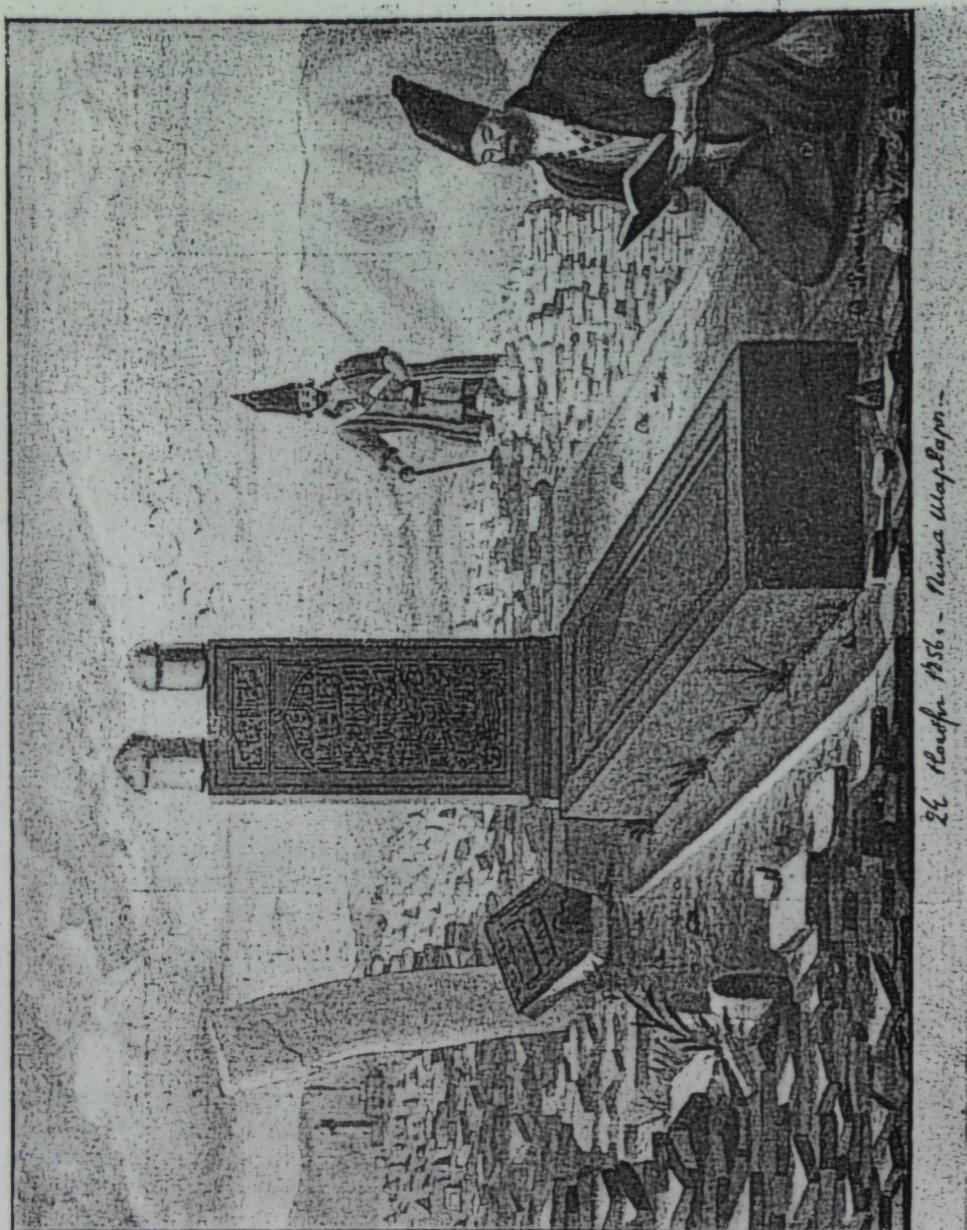

Рис. 12. Надгробие султана Шабота Узбека 776/1374 г.
Акварель Ф. Рыковского.

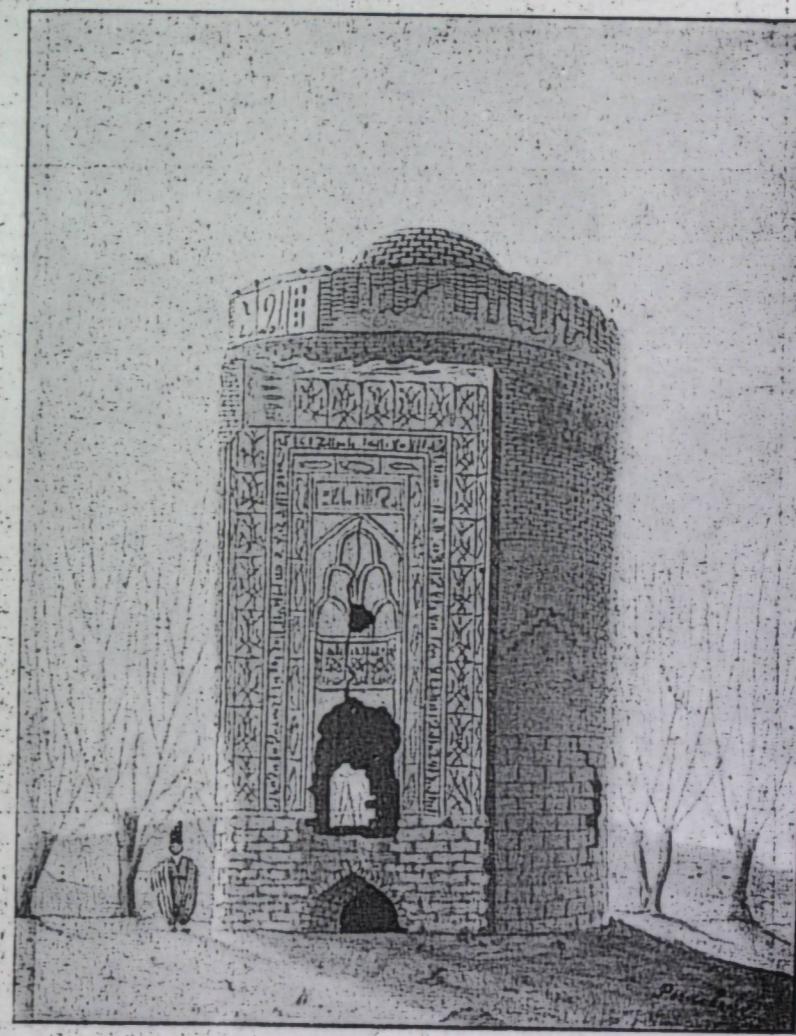

Рис. 13. Сегумбез в Урмии 580/1184—1186 г.
Акварель Ф. Рыковского.

Рис. 14. Мавзолей Йусуфа ибн Кусайира в Нахичевани 557/1162 г.

Профиляровка граней мавзолея, форма ниши, устройство дверного проема в надземный этаж, профиль купола и розетки цоколя — все сходно с видом на акварели альбома. Оговорка должна быть сделана, главным образом, относительно чисто условной передачи постелей кладки, сильно сокращенной, измененных пропорций и более вытянутого силуэта, сравнительно с фотографией. И. П. Щеблыкин отмечает также высеченную на камне над дверью надпись с датой построения памятника. Ни самую дату, ни опубликование ее в работе Ханыкова И. П. Щеблыкин не упоминает.¹

Несмотря на искажение пропорций и упрощение ряда деталей, акварель XIX в., вместе с замечаниями о памятнике у Ханыкова, дополняет современные сведения. И. П. Щеблыкин говорит: „Неподалеку от мавзолея сохранился полуразрушенный, сложенный из квадратного кирпича, минарет. Несколько к минарету, повидимому, примыкало какое-то здание, следы стен которого местами сохранились на теле минарета; частично сохранились фундаменты его“. По данным альбома и статьи Ханыкова теперь можно с уверенностью сказать, что следы примыкавшего здания представляют собою остатки бывшей, почти исчезнувшей и позабытой мечети в селении Бабил, ныне называемом Бабалы. Силуэт купольного шатра на акварели сильно отличается от новейших чертежей по промерам.²

Последние страницы альбома заполнены подряд рисунками Ф. Рыковского: три из них с видами памятников, три — с рисунками надписей. На стр. 51 непосредственно, почти во весь листок, только с небольшими полями (размер акварели 13.8×17.8), изображено мусульманское кладбище в холмистой местности, окруженной цепью гор на горизонте (рис. 12). Красивое надгробие из синеватого камня в центре рисунка состоит из невысокой прямоугольной плиты на низеньком, но довольно широком цоколе, который образует уступ. В изголовье воздвигнута высокая прямоугольная плита из того же материала; ширина ее меньше ширины надгробия. Поверхность горизонтальной и вертикальной плиты профилирована кантами и плоскими нишами с арочными завершениями. На вертикальной плите изображены два текста. Одна строка наверху заключена в прямоугольную рамку. Под нею в арочной нише выписаны восемь строк насхом; в конце и в последней строке видна дата „Джумада I года семьсот семьдесят шесть“. Акварель не номерована, но датирована в аннотации почерком Ханыкова „24 ноября 1856 г. Пиня Шарвар“. На стр. 50 об. имеется вверху транскрипция этих надписей: жирным шрифтом выписан первый короткий текст, мельче остальные восемь строк. По содержанию надпись погребальная, с полным именем одного лица, которое было тесно связано с историческими событиями Азербайджана и

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 81.

² В. А. Крачковская. К истории изучения мавзолея Ших-Бабалы. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, т. II, № 8, Баку, 1946, стр. 360—363.— И. П. Щеблыкин. Мавзолей бессейна реки Акера-чай. Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва — Баку, 1947, стр. 158 сл., табл. 36—38.

3 Эпиграфика Востока, II

прилегающих к нему районов. Текст этот в цитируемую статью Ханыкова не вошел, несмотря на его выдающийся интерес.

Оставляя издание текста на будущее время, если он не найдется в других публикациях Ханыкова, я ограничиваюсь краткой информацией о нем. Надгробие было сооружено над могилой второго сultана из династии Джалиров, sultana Шейх Увайса, который умер в Табризе, в 'Имāрет-и Рашидī в 776/1374 г., где он пребывал также в 759 и 762 гг. х.¹

Около надгробия sultana Шейх Увайса изображен персиянин на коленях, читающий книгу (вероятно Коран). Надгробие расположено на выравнившейся площадке с низким паребриком, возле которого громоздятся квадратные кирпичи. Повидимому, это остатки разрушившегося мавзолея; за ним справа видна еще одна фигура.

О погребении Шейх Увайса или про существование надгробия с его именем источники и европейские исследователи ничего не сообщают,² но Шараф ад-дīn говорит, что в ночь кончины Шейх Увайса его старший сын, Хасан, был насильственно устранен от наследства и похоронен вместе с отцом.³ Поэтому возможно, что верхняя часть прямоугольной плиты, обломок которой виднеется в левом углу площадки, представляла собой некогда надгробие Хасана.

Никакие комментарии не поясняют акварель Ф. Рыковского на стр. 52 альбома, кроме его подписи. Расположение ее вертикальное, размер 10.3×13 см. Башневидное здание в центре несомненно изображает какой-то мавзолей (рис. 13). Он имеет круглый план, приблизительно до трети высоты облицован крупными плитами, а выше сложен из кирпича. К зрителю обращен высокий прямоугольный портал с обломанными косяками входа. Ниже порога над уровнем почвы виден стрельчатый проем, ведущий в склеп. Над входом в верхнюю камеру, поперек углубленной ниши, изображена надпись, которая состоит из трех горизонтальных частей. Над нею в многолепестковую и ломаную арки вписаны крупные сталактитовидные ячей. Выше замка ломаной арки находится прямоугольник с надписью в одну строку. Вся композиция обрамлена последовательно с трех сторон фризами. Средний фриз — эпиграфический, внутренний и внешний, наиболее широкий, — орнаментальные; повидимому, в последнем случае орнамент плетеный. Верхний обрез стен был опоясан широким эпиграфическим фризом с крупной куфической надписью: можно угадать вертикали и изогнутые ѣ от „Басмалы“. Башня имела двойное покрытие, но наверху художник показал только зубчатую кромку

¹ V. Minorsky. Uwais. Enz. des Islam, т. IV, 1934, стр. 1149.—Ср.: Ст. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перев. В. Бартольд. СПб., 1899, стр. 206—207.

² В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. 1903, стр. 147.—В. Минорского, ук. соч.; описание города Табриза, там же, стр. 635.—Согласно письму проф. В. Минорского от 14 сентября 1946 г., новых данных по вопросу о погребении Шейх Увайса у него не имеется.

³ А. Марков. Каталог джалаиридских монет. СПб., 1879, стр. XVI.

излома предполагаемого карниза; сфероидальная поверхность внутреннего купола видна, как будто не повреждена. Здание окружает строгий, но живописный ландшафт с безлистными деревьями по обеим сторонам башни на фоне далеких голубоватых гор и ясного неба. Близ здания поставлена слева миниатюрная фигурка персиянина в шароварах и высокой шапке.

В типе мавзолея есть сходные черты сравнительно с мавзолеем 722 г. х. в Барда⁴, особенно в композиции портала, но с разницей в количестве обрамляющих фризов, соотношениях высоты портала и высоты стен. Исследуемый мавзолей на большую высоту облицован камнем. Шрифт верхнего эпиграфического пояса — кӯфӣ, вместо насхӣ в Барда⁵; нет узкого фриза над каменным цоколем. Подобно обоим мавзолеям в Барда⁶, имеется полуподвальный склеп.¹

Несмотря на полное отсутствие аннотаций, башню можно точно идентифицировать. В статье Ханыкова 1862 г. изданы три надписи одного памятника с именем строителя и датой 580/1184—1185 г.² Иллюстрация № 7 bis в отдельном оттиске или рис. № 12 в „Journal Asiatique“, которые их воспроизводят,³ точно повторяют все соотношения длины, ширины и расположения трех надписей портала анонимного мавзолея на рисунке Ф. Рыковского; повторяется также узор плетений в поле надписи над входом. В отдельных местах совпадают одинаково изображенные буквы шрифта кӯфӣ. Это надписи мавзолея Сегумбез (Ségoumbéz) в Урмии, в Иране. Акварель Ф. Рыковского несомненно уник, притом неповторимый: по словам Н. В. Ханыкова, надписи были скопированы им лично, а вскоре после того памятник был разрушен почти целиком во время землетрясения 1856 г.

Дата, когда скопирована Ханыковым надпись Сегумбеза, в статье в „Journal Asiatique“ отсутствует, однако она закреплена в более раннем труде. В 1852 г. Ханыков путешествовал по северному Ирану, в Персидском Курдистане. О результатах путешествия он сообщил А. В. Головину⁴ в письме из Тифлиса от 8/20 мая 1852 г., извлечение из которого было опубликовано Географическим обществом в том же году.⁵ В Урмии Н. В. Ханыков провел неделю, с 1 по 8 июня 1852 г.; после осмотра городских памятников он посвятил башне следующие строки: „замечательна по своей старине башня, называемая Сегумбяд, т. е. три свода; из этих трех сводов остался только один, нижний, но рамка его двери обложена куфическою

¹ Ср.: Е. А. Пахомов. Башни-мавзолеи в Барде и их надписи, Труды Азербайдж. филиала АН СССР, т. XXV, Баку, 1936, стр. 92 сл.

² Khanykoff, ук. соч., стр. 116—119=60—64.—Ср.: V. Minorsky. Urmia. Enz. des Islam, т. IV, стр. 1119.

³ Khanykoff, ук. соч., стр. 62, № 7 bis = № 12 в „Journ. As.“.

⁴ Биографию А. В. Головина см.: Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефона, т. XIII, стр. 959—960.

⁵ Н. Ханыков. Поездка в Персидский Курдистан. Вестник Географического общества, 1852, ч. VI, кн. V, стр. 1—108.

надписью, в которой значится, что она воздвигнута в 580 г. х., трудами Абу Мансура, сына Мусы¹.

Что касается памятников Табриза, к ним Ханыков, видимо, остался равнодушен. Некоторые письма к Б. Дорну написаны им из Табриза. Например, в письме от 19/31 мая 1852 г. он изобразил пером и в арабской транскрипции часть надписи „Башни атабеков“ в Нахичевани с датой 582 г. х.² В начале октября 1852 г. он уже был в Тифлисе.³ Между 1854—1857 гг. Ханыков занимал должность генерального консула в Иране и вел обстоятельную переписку с Б. Дорном, которого детально информировал о всех своих работах и научных изысканиях. Удивительно, что ни в одном из писем периода консульской деятельности, сохранившихся в Архиве Института востоковедения Академии Наук СССР, о памятниках Табриза ничего не говорится. Но Ханыков дважды был свидетелем землетрясений в Табризе: 22—23 сентября 1854 г. и 30 октября 1856 г.⁴

Под акварелью Ф. Рыковского с видом надгробия Шейх Увайса рукой самого Ханыкова приписана внизу дата: „24 ноября 1856 г.“. Менее месяца, всего двадцать пять дней, прошло со дня землетрясения, причинившего в Табризе много разрушений. Не изображает ли акварель Ф. Рыковского вид могилы, открывшейся после недавнего падения стен мавзолея?

Личность Ф. Рыковского пока неясна. В 1851 г. он зарисовал Чираг-Кал‘а, а в 1856 г.—надгробие Шейх Увайса. Вероятнее всего, что Рыковский принадлежал к штату наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова, а позднее имел какое-то отношение к русскому генеральному консульству; во всяком случае, он соприкасался с Ханыковым и был в курсе его эпиграфических занятий.

Вид гумбеза-и Ата Баба на неподписанной акварели № 78, стр. 27 представляет также значительный интерес (рис. 14). В некоторых деталях он отличается от изображения по акварели Э. Якобстала (E. Jacobstahl) 1898 г.⁵ 1) Трещина в обоих рисунках показана на разных гранях пирамидального покрытия; 2) погибшая часть верхнего Фриза изображена в альбоме на стыке восьмой и первой граней призмы; у Якобстала—на второй грани; 3) у Якобстала не видно стыка со стеной какой-то постройки; 4) входной проем изображен замурованным в альбоме, у Якобстала виден пролом тимпана. Гумбез-и Ата Баба или мавзолей Йусуфа ибн Кусайира 557/1162 г. известен из описаний путешествий Кер Портера 1821 г.,⁶ Дюбуа де Монпере (Dubois

¹ Ханыков, ук. соч., стр. 4.

² Оригинал письма на французском языке находится в Архиве ИВАН, фонд 15, опись 2, № 211.

³ Письмо к Б. Дорну от 6/18 октября 1852 г., там же.

⁴ V. Minorsky. Tabriz. Enz. des Islam., т. IV, стр. 631.

⁵ E. Jacobstahl. Mittelalterliche Backsteinbauten zu Nachtschewan im Araxesthale. Sonderabdruck aus der Deutschen Bauzeitung. Berlin, 1899, стр. 11, рис. 2.

⁶ Ker Porter. Travels in Georgia. London, 1821, стр. 211.

de Montpréreux) 1834 г., по атласу 1840 г.,¹ третьим в этой цепи оказывается акварельный рисунок альбома; за ним следует издание путешествия м-м Джен Дьюляфу (M-me Jane Dieulafoy) 1881 г.;² монография Якобстала была опубликована в 1899 г. Остальные воспроизведения появились в XX в. и в том числе у И. П. Щеблыкина.³ По сравнению с последним изображением тоже имеется разница. И. П. Щеблыкина указывает, что отсутствие нижних блоков с рисунком во всех гранях—„явление давнего происхождения“.⁴ В альбоме блоки эти почти в неповрежденном виде; также в лучшей сохранности вершина купола.

Судя по деталям фактуры, акварель альбома № 78 написана не П. Риссом, не Ф. Рыковским и не анонимным автором вида руин в Ханаге. Только первая, не идентифицированная акварель без номера в альбоме (на стр. 2) имеет сходную технику, которую можно назвать „пунктирной манерой“: небо, здания, а в № 78 и почва, испещрены мельчайшими точками по грунтовке легкими тонами. Благодаря такому приему, обе названные акварели отличаются сгущенной окраской от светлых, легких тонов у Рыковского и Рисса. Выяснить, не принадлежит ли эта манера Ю. Кестнеру, будет возможно, если найдутся подлинные акварели его работы; литографии с рисунков Ю. Кестнера в „Альбоме руин Ани“ не дают представления о его живописном стиле.

В публикации надписей „Гумбез-и ата баба“ 1850 г. Ханыков рассказал, как и когда он узнал про существование второго мавзолея в Нахичевани „подле дома покойного капитана Айяль Султана, в квартале Шахабе... в прошлом [т. е. 1849] году...“⁵ По факсимile поручика Магата с надписью гумбеза чтение было полнее, чем в первом печатном известии о них.⁶ Указаны также размеры шрифта: в строительном тексте „длиннейшие“ буквы до $1\frac{1}{2}$ арш. выс.=ок. 35 см, а в подписи зодчего $1\frac{1}{4}$ арш.=около 90 см. Такая существенная подробность в описании лапидарного шрифта, без которой эпиграфист XX в. чувствует себя беспомощным, в середине XIX в. представляет редкое исключение.⁷ Любопытно также, что в первой редакции текста 557 г. х. имя отца усопшего было совсем опущено;⁸ во второй оно было расшифровано удачнее, в род. пад. „Кясира“, и чтение М. Хартмана

¹ Dubois de Montpréreux. Voyage autour du Caucase, т. IV, Paris, 1840, стр. 10—12; Atlas, Neuchatel, III série, pl. XXII.

² M-me Jane Dieulafoy. La Perse, La Chaldée, la Sousiane. Paris, 1887, стр. 24—28.

³ Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, стр. 56—59.

⁴ И. П. Щеблыкин ук. соч., стр. 27.

⁵ Ср. выше, стр. 23 (о Кестнере).

⁶ Bull. Acad. des Sciences, Cl. hist.-phil., т. VIII, № 169, 170.—Cp.: Mél. As., I, стр. 245—249.

⁷ Ханыков. Еще арх. изв., стр. 2—5.

⁸ Khanukoff. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase. [Письмо из Тифлиса 7 VI 1849 г.] Bull. hist.-phil., VIII, № 2=Mél. As., I, стр. 243, табл. № VII.

приближается к ней, но с уменьшительной формой от имени Ка^سир = Ку^سайр; в последней своей редакции Ханыков изменил имя „Касира“ на „Кебира“.¹

После того как выяснилась окончательно тесная связь содержания альбома с исследованиями Ханыкова, в особенности с его работой 1862 г., в альбоме удалось определить целую серию надписей из горных районов Дагестана, которые очень глухо перечислены в главе I „Топографическое распределение надписей...“. Установлена полностью группа надписей из Зāхūra,² не исключая недатированной посвятительной записи, благодаря приписке после транскрипции над ее изображением № 40, стр. 38 слов: „من قرية زاخور“ (рис. 15). Остальные надписи Зāхūра определены по датам и характеру шрифта: стр. 38 об., № 26, 636/1238—1239 г.; стр. 40, № 32, строительная надпись (о постройке дома) 701/1301—1302 г.

стр. 47, № 22, надпись небрежным сульсом 836/1432—1433 г.³ Всплывают также впервые изображение № 29 известного текста второй надписи из Гельмец 557/1161—1162 г.,⁴ две надписи из Эуроглу 568/1172—1173 и 615/1218—1219 г.; из Рутула тоже две надписи 638/1240—1241 г. (альбом, № 24)⁵ и 910/1504—1505 г., скопированные И. А. Бартоломеем.

Нашлась возобновительная надпись на стенах Ахт^ي 1039 г. х., стр. 45 об., № 36⁶ и рисунок надписи „близ селения Алик на камне, вросшая в дерево“, с датой 808/1405—1406 г., видимо в очень плохой сохранности (альбом, стр. 24, № 52).⁷ Встретилась, кроме того, надпись 766/1374—1375 г., стр. 41, № 33, повествующая о постройке минарета и мечети некими супругами (рис. 16); хотя эта дата в перечень Ханыкова 1862 г. не включена, надпись происходит также из Зāхūра и скопирована И. А. Бартоломеем на стене главной мечети.⁸

В начале альбома помещены несколько недатированных надписей, преимущественно надгробных, из некрополей Дербента, с точной локализацией в аннотациях; чаще упоминается северная сторона, реже южная; есть надписи со стен Дербента, так же точно локализуемые, или из самого города.

¹ Ср.: Khapukoff. Mémoire..., стр. огд. оттиска 65.—M. Hartmann, ук. соч., стр. 2.

² См. выше, стр. 29.

³ Khapukoff, ук. соч., стр. 8 внизу и 9 вверху.—Ханыков. Арх. изв., № 6.—См.

выше, стр. 24.

⁴ Ханыков. Арх. изв., № 3, стр. 16 и 32.

⁵ Khapukoff, ук. соч., 8.—Ханыков. Арх. изв., № 11, стр. 27—29.

⁶ Ханыков. Арх. изв., стр. 25 и 30, № 8.

⁷ Ср.: ук. соч., стр. 9—10.

⁸ Ханыков. Арх. изв., стр. 28—29, № 12.

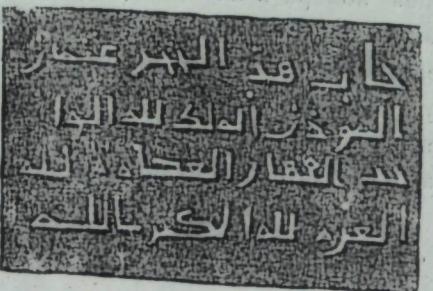

Рис. 15. Надпись из селения Захур.

Не идентифицировано еще около 20 надписей и несколько изображений памятников. Дальнейшие разыскания, может быть, дадут возможность их определить. Вполне вероятно, что акварели на стр. 2 без номера и № 62, стр. 49 с подписью (П. Рисса) представляют каравансарай времени Ширванишаха Халиль Аллаха I, тексты из которых Ханыков издал. Акварель № 66, стр. 34, изображает какой-то многогранный мавзолей с пирамидальной кровлей; поверхность ее напоминает стиль армянских памятников. Не выяснилось также название круглой башни на стр. 53. Ф. Рыковский нарисовал ее на гористом склоне. До трети высоты она облицована крупными каменными плитами, выше вся из кирпича, причем в среднем поясе кладка рубашки узорчатая. В этот пояс вделаны несколько плит, одна из которых по композиции, но не по числу строк, напоминает два рисунка с надписями, тоже работы Ф. Рыковского на последних страницах альбома (55 и 56). В верхнем поясе башни сбоку имеется пролом и обломан обрез башни вверху.

Задача настоящего исследования прежде всего охарактеризовать обнаруженный альбом со множеством эпиграфических материалов и несколькими видами памятников, связанных с ними. В процессе идентификации опущены как самые тексты надписей, так и критический анализ изданных текстов у Ханыкова, равно как не подвергнуты критике здесь его взгляды на палеографию мусульманских надписей.

Неопубликованные эпиграфические материалы альбома, несмотря на явные искажения в рисунках, весьма важны; быть может, следы многих оригиналов уже исчезли: по рисункам альбома все же создается общее представление об эволюции арабского шрифта и письменности на Кавказе, начиная со второго века хиджры. Но в альбоме есть также и редкие по содержанию надписи, о существовании которых до сих пор никто не подозревал. Это позволит при переиздании надписей Кавказа исходить из новых документов и снабдить следующее издание невоспроизведшимися иллюстрациями.

Между эпиграфическим содержанием и архитектурными сюжетами альбома существует теснейшая связь. То и другое переплетается с исследованиями Н. В. Ханыкова.

Следя за переклейками в альбоме, можно предположить, что сорваны и помещены не на прежние, а на новые места те рисунки, которыми Н. В. Ханыков пользовался для иллюстрирования статьи в „Journal Asiatique“. Рука Н. В. Ханыкова очень часто соприкасалась с материалами, сосредо-

Рис. 16. Надпись из селения Захур 766/1374—1375 г.

точеными в альбоме Географического общества; никто, кроме него, не был связан так близко с именами И. А. Бартоломея, Твердохлебова, П. Рисса, и есть все основания считать Н. В. Ханыкова владельцем и составителем этого редкого собрания материалов арабской и персидской эпиграфики.

Исследование неизвестного альбома из архива Географического общества было закончено в мае 1946 г. Прошло больше года. Теперь мне удалось найти подтверждение правильности моих выводов. В одном из последних писем к академику Б. Дорну из Парижа Ханыков пояснял подробно по-французски способ репродукции и уменьшения эстампажей надписей в следующих словах:¹

„...Я могу Вам рекомендовать тот, который я употребил сам, чтобы составить мой альбом куфических надписей Кавказа, а именно: я воспроизвождал с помощью пантографа каждый лист в желательном размере и я сближал эти уменьшения таким образом, чтобы составить непрерывный текст или полный, если Вы не хотите этого слова, которое кажется мне не существует во французском. Этот метод или скорее этот прием чисто механический. Каждый может это сделать, и оригинал не подвергается опасности, потому что штифт из слоновой кости, который водят по контуру уменьшаемого изображения, не оставляет там никакого следа. После небольшого упражнения я уменьшал легко от 20 до 30 листов в день, по 3 или 4 часа работы, и г. Кестнер, которому я в конце концов доверил эту работу и мой пантограф, уменьшил более 600 листов менее чем за один месяц“.

Итак, владельцем и составителем альбома был Ханыков; он же сделал собственными руками уменьшение с крупных рисунков и эстампажей и может быть часть из них уменьшена Кестнером. Нет никаких сомнений поэтому, что все аннотации и арабские транскрипции написаны Ханыковым. Отныне неизвестный альбом материалов по арабской и персидской эпиграфике в Архиве Географического общества перестает быть анонимным и ему смело может быть присвоено название „Альбом Н. В. Ханыкова“.

¹ Отрывок из письма Н. В. Ханыкова переведен автором настоящей статьи. В виде исключения датировка письма неполная: „28/16 IX-bre Paris, 11 rue de Condé“ без обозначения года. На этой квартире Ханыков жил в 1869 и 1870 гг., судя по двум другим письмам Архива ИВ АН от 12 марта 1869 г. из Парижа и 2 апреля 1870 г. из Флоренции; в обоих пропущен тот же парижский адрес. Следовательно, цитируемое письмо относится к последним годам пребывания Ханыкова в Париже и переписки оттуда с Дорном.

1948 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · II

С. Е. МАЛОВ:

БУЛГАРСКАЯ И ТАТАРСКАЯ ЭПИГРАФИКА

Настоящая статья является продолжением моей статьи почти под тем же заглавием („Булгарские и татарские эпиграфические памятники“).¹

Памятник из с. Старые Шигали

Три снимка с этого памятника я получил от академика В. В. Бартольда для разбора. Академику В. В. Бартольду снимки присланы археологом В. Ф. Смолиным. Как видно из надписи на обороте снимка, камень этот привезен в Центральный чувашский музей (в г. Чебоксары) „со старого кладбища с. Старые Шигали Ковал. волости Цивильского уезда АЧССР 1925 г.“ Памятник этот по орнаменту и боковым стихам напоминает первый Старо-тибердинский памятник, опубликованный в „Инородческом обозрении“ (1914, кн. 6, см. снимок там и стр. 465).

Татарская эпитафия 949/1542—1543 г.

Лицевая сторона:

1. قال الله تعالى و ما تدرى
2. نفس باي ارض قموم قال سبحانه
3. و تعالى كل نفس ذاية الموت
4. [تاريغ توقوز] يوز قرق توقوزدا
5.
6. ايندا [دار فنا دين دار بقا غا]
7. [رحلت قيلدى]

[1] Сказал Бог всевышний: и не знает [2] душа, в какой земле он [человек] умрет. Сказал, всевхвальный [3] и всевышний: всякая душа вкусят смерть. [4] По летосчислению в девятьсот сорок девятом [1542—1543 гг. н. э.] [5]... [6] в месяце... [из мира тления в мир вечности [7] переселился].²

Правая сторона (рис. 1):

اري الدنيا خراباً باعتباري
فلا يبقى مداماً بالقراري

¹ Эпиграфика Востока, I·М.—Л., 1947, стр. 38—45.

'Я знаю, да,—мир, разумеется, тленен и не останется он, поистине, пребывать постоянно'.

Н. Ф. Катанов на Старо-тябердинском памятнике читает вместо *اري* слово 'земля' и переводит:¹ 'Земная жизнь сия разрушится, всеконечно...', тогда как и там, судя по приложенному снимку стоит *اري*.

Левая сторона (рис. 2):

کورامن دینیانی ویران باری
همیشه باقی ایزماس یوق قراری

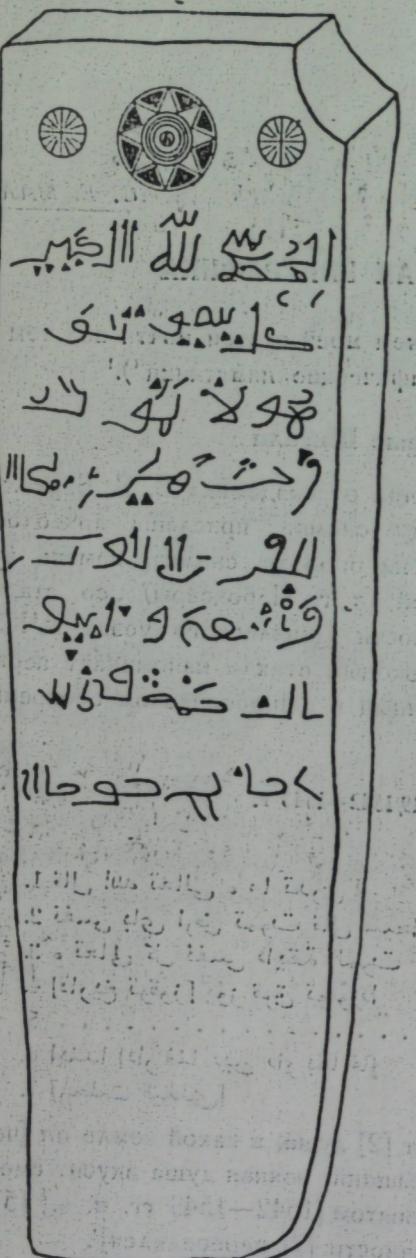
'Я вижу сей мир: весь он готов рухнуть [что за разруха везде]. Никогда он [мир] не будет вечным. Нет у него [у мира] постоянства [прочности]'

На Старо-тябердинском памятнике вместо первого слова 'корамн я вижу' стоит 'корарсн ты видишь'.

Памятники Старо-саврушского и Демкинского кладбищ

На рисунках Старо-саврушских памятников сохранилось их описание: "Надгробный камень при селении Старые Савруши Чистопольского уезда. Длина камня три аршина; ширина 14 вершков, толщина 6 вершков. Камень лежит горизонтально на старом кладбище, принадлежавшем, по словам местных жителей, то „пушкарам“ (т. е. башкирам), то „терекам“ (т. е. тюркам); кладбище находится на юг, при дороге с правой стороны. Снята эта надпись 31 августа 1918 г. Рисунки точны. Рисовал Абрамов-Иревли".

Булгарский памятник с. Старые Савруши 700/1300—1301(?) г. (рис. 3)

1. الحکم لله الكبير
2. كل نفس ذاقه الموت
3. ثم اليها ترجعون

¹ Инеродческ. обозр., 1914, кн. 6, стр. 465.

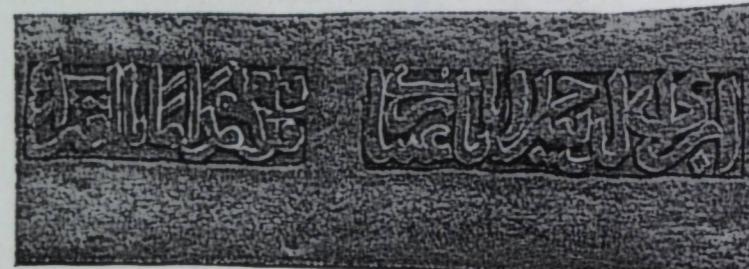

Рис. 1. Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Правая сторона.

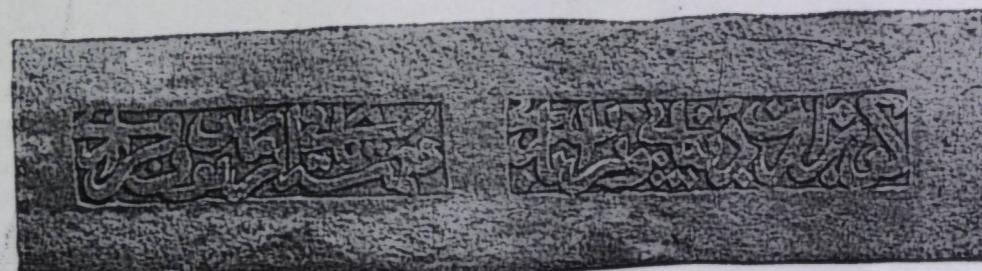

Рис. 2. Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Левая сторона.

4. اه...هير بمال
5. اللهم ارحمنا
6. رحمة واسعه
7. تاريخ حيات جور
8. جال...كوان ات

[1] Суд принадлежит богу великому. [2] Всякая душа вкусит смерть,
 [3] потом вы к нам возвратитесь. [4] Девица... [5] О боже, помилуй ее
 [6] милостью широкою! [7] По летосчислению в семьсот... году, [8] ...дня
 было.

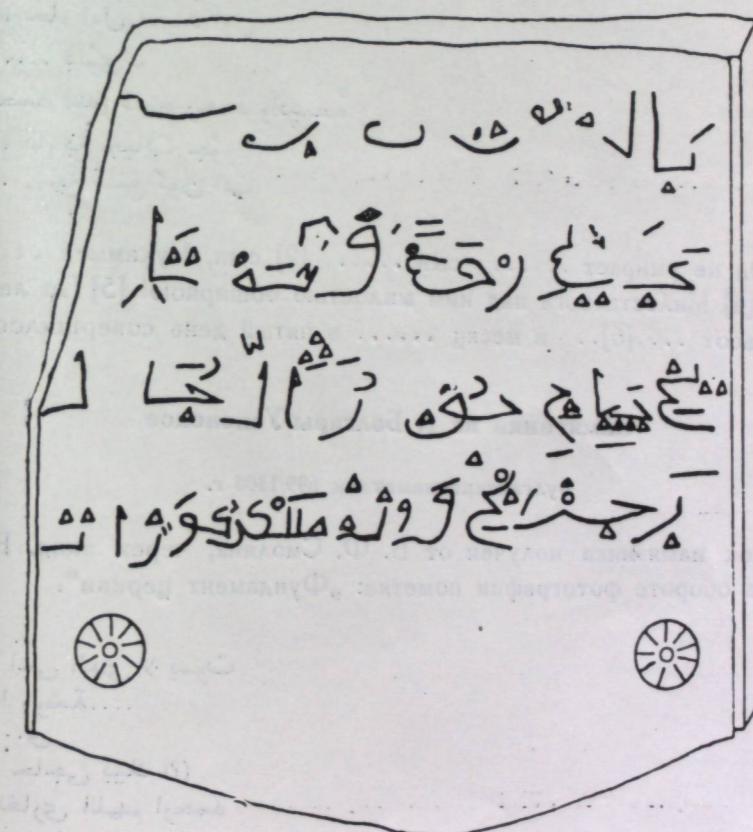

Рис. 4. Булгарский памятник с. Старые Савруши 710/1318 г.

Булгарский памятник с. Старые Савруши 710/1318 г. (рис. 4)

«Надгробный памятник — на старом кладбище при сел. Старые Савруши, к западу от последнего. Камень раскололся надвое. Рисовал Абрамов-Иревли. 31 авг. 1918 г.»

1. قال...
2. عليها رحمة واسعة تا
3. ريع حيات جور وان جال
4. رجب ايغ وان سك كورن ات

[1] Сказал [бог всевышний]... [2] над нею милостью обширной. По летосчислению в семьсот десятом году [4] в месяц Реджеб, в восемнадцатый день было'.

Памятник, как видим, поставлен в сентябре 1318 г.

Булгарский памятник с. Демкино 700/1300—1301(?) г. (рис. 5)

Рисунок с этого булгарского камня при сел. Демкино, Чистопольского уезда, сделан В. Н. Абрамовым-Иревли 23 июля 1920 г.

1. [د]موت امر اول
2. ... حام اول محمد اول
3. بلويك
4. [رحمه الله] عليه رحمة وآييحة
5. ... تاريح حيات جور
6. ... ایخ بلنج كون اپ

[1] Он не умирает сын [2] сын, Мухаммед [3]... памятник. [4] Милость бога над ним милостью обширою! [5] По летосчислению в семьсот [6].. в месяц в пятый день совершилось'.

Памятники из с. Болгари-Успенское

Булгарский памятник 699/1300 г.

Снимок памятника получен от В. Ф. Смолина, через акад. В. В. Бартольда. На обороте фотографии пометка: „Фундамент церкви“.

1. هو اللى الذى لا يموت
2. هدا وضـة
3. على حاجـى بيـك (?)
4. الـبلـغـارـي اللـهـم اـرـحـمـه
5. رـحـمـه وـاسـه توـفـى
6. الى رـحـمـه اـبـه تـعـالـى
7. فـى شـيـئـز ذـى القـعـدـه سـنه
8. تـقـيـع وـتـسـعـين
9. وـ دـيـتـمـادـه

'Он единий живой, который не умирает. [1] Это место упокоения [сад] [2] ... [3]. 'Али, Ҳаджӣ бег (?) [4] Булгарский. О боже, помилуй его [5] милостью широкою! Умер [и отошел] [6] к милости 'господа всевышнего [7] в месяц Эиль-Ка'де, в году [8-9] шестьсот девяносто девятым'. Как видим, памятник поставлен летом 1300 г.

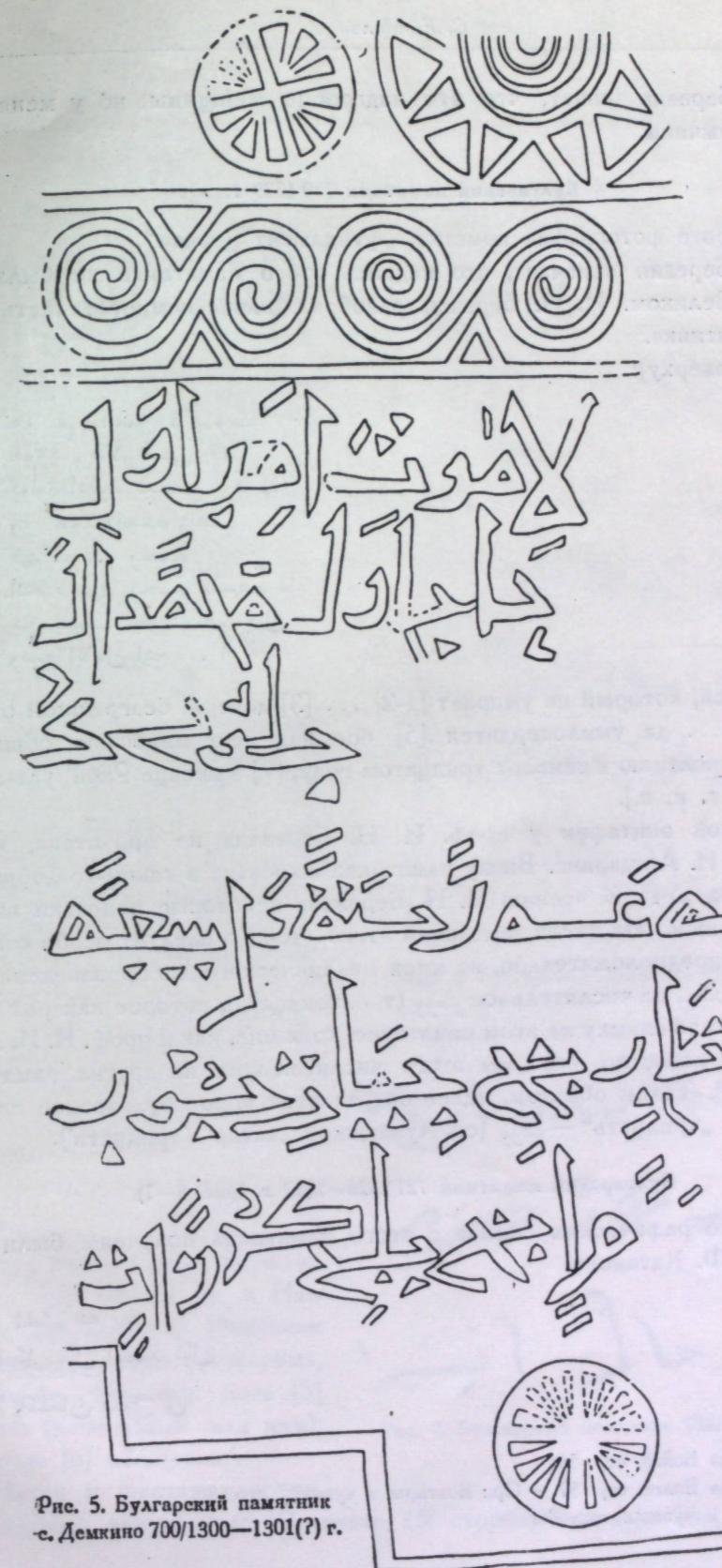

Рис. 5. Булгарский памятник с. Демкино 700/1300—1301(?) г.

И. Н. Березин пишет,¹ что это надгробие женщины, но у меня это — надгробие мужчины.

Булгарский памятник 730/1329 г.

На обороте фотографии пометка: „Фундамент церкви“

И. Н. Березин замечает, что надпись этого памятника не была снята при Петре Великом. И. Н. Березин разобрал очень немного: часть левой стороны памятника.²

Текст (вверху):

1. هو الحى الذى لا يموت موزيلر دالار احى (?)
 2. بوارة ايليو بيف.. دا (?)
 3. دى هير غفيقه زاهده
 4. كي رحمة
 5. الله علينا رحمة واسعةً تار
 6. يع جيات جور ووطر جال
 7. دبيع الاول ايغ ...

'Он живой, который не умирает [1-2] ... [3] дочери, безгрешной отшельницы... [4] ... да умилосердится [5] бог над нею милостью обширною! По лето [6] счислению в семьсот тридцатом году, [7] в месяце Раби' уль-авваль' [т. е. в 1329 г. н. э.].

Дата этой эпитафии у проф. И. Н. Березина не прочитана; нет ее и у проф. Н. И. Ашмарина. Внизу памятника вырезана в каком-то „обратном“ порядке цифра „24“. К чтению И. Н. Березина некоторые поправки внесены Н. И. Ашмарином.³ Из числа замечаний этого ученого следует особо отметить исправление, предположительно, не имея механического воспроизведения эпитафии, слова **دوّو**, на числительное **ووطر** (т. е. тридцать), которое как раз теперь я и вижу прямо по снимку на этом памятнике, хотя мне, как и проф. Н. И. Ашмарину, хорошо известно, что „мы этого числительного на других памятниках не встречаем“. Таким образом, здесь встречается новое булгарское слово — числительное „тридцать“ — **ووطر** (ср. чувашское „вăтăр“ ‘тридцать’).

Булгарский памятник 727/1326—1327 г. (рис. 6—7)

Два фотографических снимка с этого памятника получены были мною от проф. Н. Ф. Катанова.

- الْحُكْمُ لِلَّهِ
عَلَيْ اُولِي الْاحْمَدِ أَوْلَى
بِمَضَانٍ بِلُوْيِ كِ

¹ Булгар на Волге, стр. 56.

² Булгар на Волге, стр. 57. — Ср.: Болгары и чеканка монет, стр. 86.

³ Болгары и чуваши, стр. 86.

'Суд принадлежит богу.
[1—2] Памятник Рамадана, сына
Ахмеда, сына 'Алия. [3] Милость
бога над ним ми[4]лостью об-
ширною. По летосчислению [5]
в семьсот двадцать [6] седь-
мом году было'. Памятник по-
ставлен в 1326—1327 г.

Булгарский памятник без даты (рис. 8)

В 1902—1903 г. памятник этот находился в Булгаре в одной из булгарских палат. Памятник осмотрен мною и сфотографирован при содействии И. Савосина. Здесь воспроизводится снимок, полученный мною от Н. Ф. Катанова (или В. Ф. Смолина).

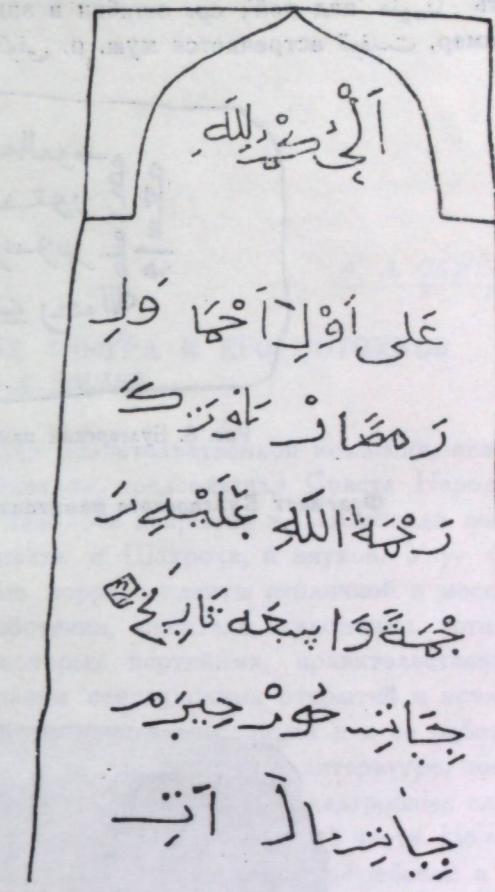

Рис. 6. Булгарский памятник 727/1326—1327 г.

كل نفس ذاته الموت ١
ثم اليها ترجعون ٢
الطريق هير سوس ٣
المه بطريك رحمة الله ٤
عليه رحمة ٥
واسعه ٦

[1] Каждая душа вкушает смерть. [2] Потом вы к Нам возвратитесь. [3—4] Памятник (эпитафия) дочери Алтарйма, Сүс-Эльме. Милость бога [5] над нею (напечатано: над ним) милостью [6] обширною'.

Пятая и шестая строчки расположены вертикально. В тексте (5 строка) вм. **عليه** 'над ним' следует

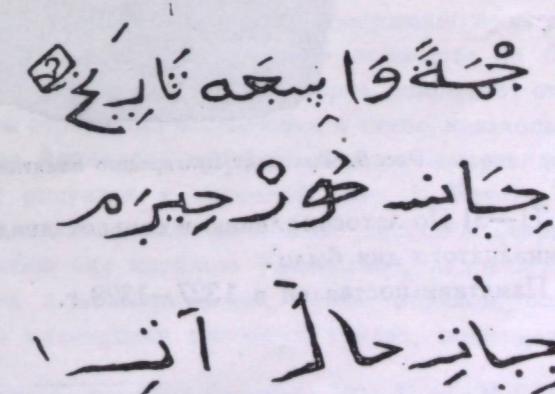

Рис. 7. Булгарский памятник 727/1326—1327 г.

Деталь.

¹читать **عليها** 'над ней'; ср. ошибки в эпитафиях арабских, где тоже вместо, например, **توفيت** встречается муж. р. **توفي**.¹

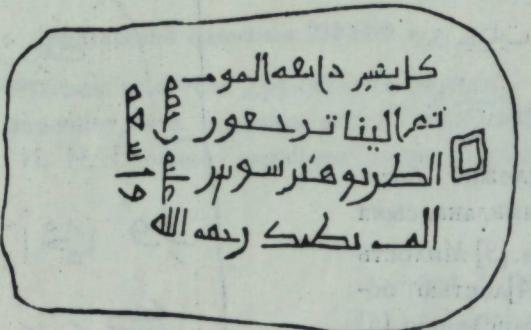

Рис. 8. Булгарский памятник без даты.

Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1328 г. (рис. 9)

1. تاریخ جیات جور جیرام
 2. سکر جال ... ایغ
 3. [اون سکر کوان ات

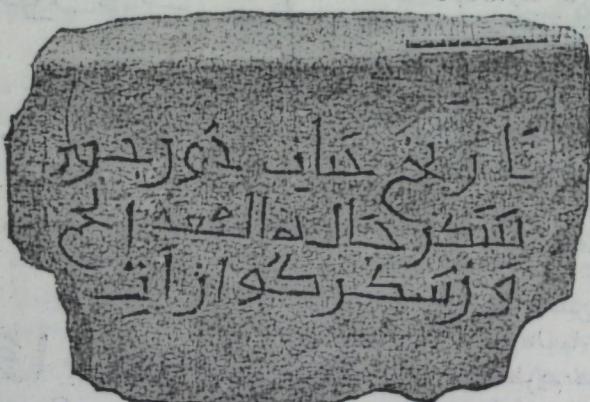

Рис. 9. Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1328

[1—3] По летосчислению в семысот двадцать восьмом году. В месяц...
восемнадцатого дня было'.

Памятник поставлен в 1327—1328 г.

¹ В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, т. III, Л., 1929, стр. 49.

A. A. СЕМЕНОВ

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТІМУРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

В июне 1941 г. я входил в состав правительенной комиссии, возглавляемой т. Кары-Ниязовым, заместителем председателя Совета Народных Комиссаров УзССР, целью которой являлось вскрытие в Самарканде погребений Тимура, его сыновей, Мираншаха и Шахроха, и внуков, Улуг бека и Мухаммед султана. Многочисленные корреспонденты столичной и местной прессы, газетные и журнальные работники, писатели, художники, артисты и киноработники, представители некоторых партийных, правительенных и общественных организаций в ожидании сенсационных открытий и возможных находок проявляли необычайный интерес к экспедиции и к ее работам. Вследствие этого чрезвычайно возрос в те дни интерес к литературе, посвященной мавзолею Гур-и Эмир и к надписям, покрывающим надгробные плиты в самом склепе названного мавзолея и надгробия в его верхней части. Но если хорошее популярное описание Гур-и Эмира и имеющихся погребений в его центральной части можно было найти в трудах В. Л. Вяткина и М. Е. Массона,¹ то удовлетворить любознательность публики в отношении содержания надгробных надписей оказалось делом невозможным, так как ни один из авторов, писавших о Гур-и Эмире и о древностях Самарканда, совершенно не касался этих надписей, несмотря на их большую историческую важность; не была отражена в этих трудах и та богатая эпиграфика, которая покрывает стены мавзолея. Не представляет в этом отношении исключения и самое, казалось бы, капитальное и роскошное издание Археологической комиссии „Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, вып. 1, Мечеть Гур-Эмир“ (СПб., 1905), если не считать в виде начальной заставки „верхней поверхности нефритового надгробия над могилою Тамерлана“,² надпись которой, впрочем, не расшифрована и не переведена. Таким образом, нельзя не прийти к заключению, что в имеющихся немногих трудах, посвященных

¹ В. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927, 32 стр.; М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд, 1929, 626 стр.; М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, 30 стр.

2 Н. Веседовский. Самаркандские мечети. Альбом архит. рисунков и черт., вып. 1, Мечеть Гур-Эмир, СПб., 1905. Библ. заметка в ЗВО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 0184.

4 Энграфика Востока, II

мавзолею Тамерлана, отведено место лишь внешнему описанию этого памятника с приведением иногда более или менее остроумных домыслов и предположений архитектурного порядка; что же касается, если можно так выражаться, идейной стороны усыпальницы Тамерлана и духа имеющихся в ней настенных и надгробных надписей, то все это до сих пор остается неизвестным. Правда, едва ли не единственная на русском языке попытка опубликовать некоторые из надписей Гур-и Эмира принадлежала С. А. Лапину, который дал перевод двух надписей: на самом Гур-и Эмире и на нефритовом надгробии „великого эмира“,¹ сделав их с копий надписей, снятых одним из хранителей-приживальщиков („шайхов“) Гур-и Эмира, мирзой Абӯ Са‘ид Ма‘сүмом. Всем прежним путешественникам и местным деятелям, интересовавшимся самаркандскими древностями, хорошо были известны эти копии. Они представляли большие полосы плотной писчей бумаги, склеенные из нескольких листов в натуральную величину каждого надгробия, нередко на восточный манер выложенные агатовым зубом; по приготовленной так полосе бумаги Абӯ Са‘ид Ма‘сүм писал толстым, с широким срезом, тростником, почерком на сх, или на сх и сулс ту или иную надпись и продавал такие копии по 10—30 рублей. Как он рассказывал мне, в числе его клиентов были покойные профессора Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский и другие. В бытность нашей Комиссии в 1941 г. в Самарканде, около Гур-и Эмира, Абӯ Са‘ид Ма‘сүм был еще жив и неоднократно появлялся с такими точно снимками надписей, предлагая их по 150 рублей за штуку.

Труд Лапина в свое время вызвал строгие рецензии местных деятелей.² Петербургские и московские востоковеды обошли его молчанием. В отношении единственной переведенной Лапиным надписи из Тимуровой усыпальницы, той, что на нефритовом надгробии „Железного Хромца“, следует сказать лишь одно, что С. А. Лапин не только местами исказил смысл арабского текста, но, совсем отказавшись от перевода самой важной для историка боковой части надгробия, что в ногах покойника, совершенно ошибочно заметил, что „далее приводится молитва, которая не переведена“.³ Как видно из прилагаемой при этом надписи и перевода, никакой молитвы в ней нет.

Вторым лицом, писавшим о самаркандских надписях, был французский ученый нашего времени Э. Блоше (E. Blochet). Его статья „Les Inscriptions de Samarkand“, напечатанная в „Revue Archéologique“ за 1897 г., т. I, стр. 67—109, была также выпущена в свет и отдельными оттисками. К сожалению, эта работа французского ориенталиста страдает большими дефектами. Так, надпись на надгробии Тимура, обозначенная автором как *Inscription A (face supérieure dans la chapelle du rez-de-chaussée, стр. 7 отд. оттиска)*, относится

¹ Справочная книжка Самаркандской обл. на 1896 г. Самарканд, 1896, стр. 3—4, отд. IV, статья „Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда“.

² Н. Ф. Петровский. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда. С. А. Лапина. Самарканд, 1895 (в № 13 „Туркестанских ведомостей“ за 1895 г.). — В [я т к и и]. Еще о книжке г. Лапина (Письмо в редакцию), „Туркестанские ведомости“, 1896, № 20.

³ С. А. Лапин, ук. соч., стр. 4, прим. 1.

к знаменитому надгробию из черного нефрита, поставленному Улуг беком в Гур-и Эмире над местом погребения в склепе его грозного деда. При этом надпись на торцовой части надгробия в ногах покойника совершенно не приводится, хотя она заключает важные исторические сведения. Другая надпись на гробнице Тимура, обозначаемая Э. Блоше как *Inscription B (dans la crypte de Gour-i Mir, стр. 10 отд. оттиска)*, вообще не существует и неизвестно, откуда она взята автором. Самая же замечательная по выполнению и по обширности надпись на надгробной плите Тимура, в склепе, под нефритовым саркофагом, совершенно не упоминается. Страшно тяжелая беломраморная плита с этой надписью, состоящая из трех, хорошо пригнанных друг к другу, кусков, прикрывает мраморное ложе, опущенное в землю; в нем оказался деревянный, из арчи (по другому определению — из тута), гроб с останками Тимура, некогда покрытый роскошным черным шелковым покрывалом с арабской надписью, вытканной золотыми нитями. Теперь от этого покрывала сохранились лишь фрагменты. При вскрытии гроба в первые моменты из него пахнуло резким ароматным запахом. Этими подробностями подтверждается рассказ анонимного автора, что Тимуров „труп надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфорой“,¹ и опровергается известие Ибн ‘Арабшаха, что „тело [Тимура] через некоторое время было переведено в стальной гроб, приготовленный искусственным мастером из Шираза“.² Блоше совершенно не упоминает о надписи на надгробной плите над погребением Шахроха, заключающей интересные и до сих пор неизвестные исторические данные. У Блоше приведены полностью лишь надписи на гробнице сына Тимура, Мирэншаха, и на надгробной плите Улуг бека. Любопытно отметить, что Блоше приводит сначала надписи без большинства диакритических точек, что дает повод думать, что надписи так и были вырезаны, а потом дает их в восстановленном виде, соответствующем требованиям обычной арабской письменности. Между тем все надписи в действительности имеют не только диакритические точки, но и во многих местах огласовку харакатами. Как могло все это случиться, — трудно сказать; автор утверждает, что для чтения и интерпретации надписей на гробницах Тимура и Мирэншаха он располагал фотографиями, а для прочих эстампажами, вывезенными из Средней Азии: Э. Бланком (E. Blanc; стр. 4 отд. оттиска). Повидимому, это были не эстампажи, а столь похожие на них вышеупомянутые копировки Абӯ Са‘ид Ма‘сума, не совсем отличавшиеся безусловной точностью.

Несмотря на такое, казалось бы, невнимание к эпиграфике Гур-и Эмира, ею все же частично пользовались покойные историки Востока, академик

¹ В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 21 (отд. оттиск).

² В. Бартольд, ук. соч., стр. 23. Это известие Ибн ‘Арабшаха, кажется, не вызывало сомнений у ученых, и М. Е. Массон, приводя название свидетельство Ибн ‘Арабшаха, добавляет, как бы желая подтвердить справедливость слов историка Тимура, что „магнитные наблюдения 1925 г. над могилой Тимура подтвердили наличие в ней парамагнитного тела, вероятно, остатков гроба, а м. б. и других предметов“ (М. Е. Массон, ук. соч., стр. 19, прим. 1). В действительности ничего подобного в могиле Тимура не оказалось.

В. В. Бартольд и Л. А. Зимин. Оба они ссылаются на дату смерти Тимура (14 шабана 807 г.), правда, в неопределенных выражениях: „в надгробной надписи“ (акад. Бартольд); „на могиле Тимура“ (Л. А. Зимин).¹ Дата эта в действительности имеется на нефритовом надгробии Тимура, поставленном Улуг беком, на надгробной же плите Тимура никаких дат нет. Академик В. В. Бартольд, со ссылкою на Блоше, упоминает о надгробной надписи на могиле Улуг бека, „где с явным осуждением упоминается об отцеубийстве ‘Абдал-Латифа“.²

В то время как происходило вскрытие гробниц Тимура и тимуридов с необходимой регистрацией, обмерами, зарисовками и фотографированием всего обнаруженного, мне удалось в значительной мере разобрать и записать надписи в склепе на намогильных плитах Улуг бека, Шахроха и сомнительного Сейид ‘Омара, а в самом мавзолее надписи на надгробиях: Мираншаха, на нефритовом надгробии Тимура и на надгробии его внука Мухаммеда султана. В апреле 1943 г. Юбилейным комитетом Навои был командирован в Самарканд покойный фотограф-специалист И. П. Завалин, снявший фотографии размером 13×18 со всех вышеназванных намогильных надписей. По этим фотографиям я проверил свои чтения, исправил казавшиеся мне сомнительными начертания отдельных слов и в более спокойной обстановке перевел все эти надписи.

Так как надпись на намогильной плите Тимура в свое время мною не была прочтена по крайней сложности ее вязи, то И. П. Завалин по моей просьбе сделал с нее более увеличенную, чем 13×18, репродукцию, по которой я и даю текст и перевод этой очень сложной надписи, выполненной, по моему мнению, весьма талантливым „машшаком“ того времени.

Переходя к содержанию надгробных надписей, я позволю себе начать с основной, самой большой.

Надпись на мраморной плите, прикрывающей могилу Тимура в склепе Гур-и Эмир, в Самарканде

Надпись [по-арабски] начинается с самой нижней, что в ногах покойника, поперечной ленты (рис. 1): || مَرْقُدُ الْسُّلْطَانِ الْأَعْظَمِ وَالْخَاقَانِ الْأَكْرَمِ ||

Отсюда переходит на левое, от зрителя, окаймление:

بَاسْطُ الْأَمْنِ وَ الْإِمَانِ امِيرُ تِيمُورُ كُوْرَگَانُ بْنُ امِيرٍ تِرْغَافِيِّ بْنُ امِيرٍ بِكْلِ بْنُ امِيرٍ اِيلَانِكِيِّ
 بْنُ امِيرٍ اِيْجَلُ بْنُ الْأَمِيرِ قِرَاجَارِ نُوْيَانُ بْنُ امِيرٍ سُوْغُوجِيْجِينُ بْنُ امِيرٍ اِيرَمِجِيِّ بِرَلَاسِ
 بْنُ امِيرٍ قِجُولَاِيِّ³ بْنُ امِيرٍ تُوْمَنَىِّ ثُمَّ جِنْكِيْزُ خَانُ بْنُ امِيرٍ يِسْوَكَىِّ بِهَادَرِ ||

¹ В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, стр. 20.; Л. Зимин. Подробности смерти Тимура. Протоколы Турк. кружка люб. арх., год XIX, Ташкент, 1914, стр. 49.

² В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. Пг., 1918, стр. 135.

³ Показанные знаком [] лакуны указывают на выбитые места; чтение разрушающихся слов установлено по соответствующим местам на других плитах.

Рис. 1. Надгробная плита над-погребением Тимура в садже.

Затем переходит на самое верхнее, в изголовье, окаймление:

بن الامير برتان بهادر بن الامير قبول خان بن الامير تومنای بن الامیر ||

Отсюда спускается вниз по правой, от зрителя, кайме:

بایسنقرور بن الامیر قیدو بن الامیر تومنای (?توتومتین. вм.) بن الامیر بوغا بن
الامیر بوتلجر و لم يعرف لهذا الماجد والد الان امه الان قوا وقد حکی لم ¹ دک
بغیا بنور زکاء من اسباط اسد الله الغالب علی بن ابی طالب کرم الله وجہه ||

Эта могила — величайшего султана, благороднейшего ханына, || простирающего безопасность и защиту, амира Тимура „Гүрэгана“, сына амира Тарагая, сына амира Баргула, || сына амира Айлангиря, сына амира Йджиля, сына амира Караджар Нойана, сына амира Сүгүджиджина, сына амира Йрдамчы „барласа“, сына амира Качулаи [хана?], сына амира Туманая. Затем [следует] Чингиз хан, сын амира Ескулай бахадура, || сына амира Бартан бахадура, сына амира Кабул хана, сына амира Туманая, сына амира || Байсункура, сына амира Каиду, сына амира Туманая¹ [вероятно, нужно Тутумтина], сына амира Буга, сына амира Бузанджира. И не был известен отец сего благородного, а только его мать Алан Кувая. И как рассказывается, [это] не было [с ее стороны] прелюбодеянием, а следствием чистого света, [проистекшего] от [одного из] потомков Льва [Асад] Аллаха — победителя, ‘Алия, сына Абу Талиба, — да почтит Аллах лице его!

На самой плите, между окаймлением с вышеприведенной надписью, идет следующая арабская надпись, сделанная очень сжатым сульсом и занимающая 51 строку:

1. بسم الله الرحمن الرحيم بسم الله باسمه المبتدأء رب الآخرة والآولى لا غاية له ولا منتهى
2. في السموات العلي الرحمن على العرش استوى الله العظيم الآء دائم النعماء قاهر الأعداء
3. الرحمن عاطف برزقه معروف بلطفه عادل في حكمه عالم في ملكه الرحمن رحيم الرحماء عليم
4. العلماء بصير البصراء غفور الغفراء باعث الانبياء صاحب الاولياء قادر على ما يشاء قادر
5. سبحان الله الملك الحميد ذي العرش المجيد فعال ما يريد رب الارباب و مسبب
6. الاسباب ورازق وخلق الاخلاق قادر المقدور و قاهر المقهور
7. عادل يوم الحشر و النشور آله الآلهة يوم الواقعه رحيم غفور شكور الحمد لله رب العالمين
8. الحمد لله الملك الرحيم الاول التديم خالق العرش العظيم والسموات

¹ Таким образом, амир Тимур и Чингиз хан восходят к одному общему предку, монголу амиру Туманою, от которого, по линии одного его сына, Качулая, произошел Тимур, а от другого, Каиду, произошел Чингиз.

9. والارضين وهو التسبيح العلیم قابل التوبۃ شکور حلیم والحمد لله
10. العظیم هو الاول والآخر والظاهر والباطن الغافع الدائم رازق البهائی

Надпись дальше продолжается под своего рода резным унівіном:

صاحب	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.	31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.	40.	41.
ابع السلا.....	11.	12.	يشفع السقیمین و یغفر الخاطیمین	و یعفو عن الہاربین و یحب الصالیمین و یبڑ النادیمین	و یستر المذنبین و یومن الحاذبین سبحانکد لا الله	اللهی انت الکریم المعبود غافر الخطایا و ساتر العیوب شکور	حلیم عالم فی الحدو منبت الزروع والاشجار ومدیر	اللیل و النیار فالق المحبوب غنی عن الخلق قاسم	الارزاق علام الغیوب مذهب القعمون انت الذی سجد لک سواد اللیل.	ونور النیار وضو القمر وشعاع الشمس وحقف الشجر وذو الماء	اللهی انت الذی سجد لک السماء والارض والبر و البحر و من فیین	اللهی انت الذی ليس كمثله شئ وهو على كل شئ قادر اللهی انت	تعلم السر والاعلان وما في القلوب اللهی انت الذی تعفو	عن المعاصی بعد أن یفرق في الذنوب اللهی انت الذی كل شئ خلقته	ینصرف اليک بالمنصرف اللهی اغفر لی خطیئی يا رب فافر حاجتی کما	قلت ادعونی استجب لكم و انت بوعدک مصدق نجئی من الكرب	والغم والهم والذین والفقیق الشیة و المرض انت غیاثی	كل مکروب ومظلوم ومصروف اللهی انت الذی قلت لا	تقنطوا من رحمتی ¹ و انت لقولک صادق لست بمکذوب	و آخْفَنَنِی یا مولای من افات الدنیا والآخرة ولا تفھمنی	سیدی على رؤوس الخلاق خاصۃ في يوم الموعود الله اکبر	الله اکبر الله اکبر لا ضد له ولا ند ولا وصل له ولا	شیبه له ولا وصف له ولا کفو له ولا حدود له ولا	مثُل له ولا شرید له في الملك ولا وزیر له اسالک یا عزیز	یا عزیز یا الله یا الله یا الله یا رحمن یا رحمن یا رحیم	یا رحیم یا رحیم إن ترنی فی منامی ما رجوت منك و اکرمتني لمفتری	و تخلیطهمَا بذمی و لحمی و تکلی فی نفسمی طرفه عین انت	على ما قشاء قدیر ولا حولا ولا قوة الا با الله العلی العظیم	اللهی یا حنان یا منان یا ذی الجلال والاکرام اشید ان	کل معبد من دون عرشک الى قوار الارضین السابعة	

¹ Коран, сура XXXIX; стих 54: رَحْمَةُ اللهِ تَقْنَطُ مِنْ قَبْلِهِ وَلَمْ تُكْثِرْ شَيْئًا.

42. باطل غير وجهک الكريم امنت بد لا الله الا انت
43. ورضیت بد ربیا یا غیاث المسعینین اغثی و فرج عنی
44. کل سو و مکروه فی الدنیا والآخرة واصرف عنی شر جمیع
45. خلقک وارزقنى وسع علی رزقی واغثی لا الله الا انت
46. اللہم اغثی بجلالک عن حرامک و بطاعتک عن معصیتك
47. وبفضلک عمن سواک اللهی انت خلقتنی ولم اک شیئاً ظلمت نفسی
48. وارتکبت المعاصی و انا مقرّلک بددوبی یا رب إن غفرتني فلا ينقص من
49. ملکک شیئ وین غدتني فلا یزید فی سلطانک شیئ یا رب اند تجد من
50. غیری وانا لا اجد من یغفرلی ذنوبی غیرک فاغفرلی ذنوبی یا غفور
51. یا رحیم یا ذا الجلال والاکرام وصلی الله علی محمد وآلہ اجمعین

[1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Во имя Аллаха, во имя его всеначиающее, владыки будущей жизни и настоящей; нет ему конца и предела [2] в горных небесах. Всемилосердый утвердился на своем престоле. Аллах велик [в своих] милостях, он вечен [в своих] благодеяниях, он — победитель [всех] врагов, [3] он — всемилосердый, милостивый своими щедротами, известный своею благостью, он справедливый в своих решениях, он — всеведущий в своем владении, он — всемилосердый, [самый] милостивый из милостивых, он всезнающий [4] из ученых, он всевидящий из видящих, он — всепрощающий из прощающих, он — посылающий пророков, он — владыка святых, он — всемогущий: что пожелает, мощен осуществить. [5] Слава Аллаху, царю преславному, обладателю преславного престола, делающему всегда то, что он желает, господину господ, причине всех [6] причин, наделяющему [всех своим] щедротами, творцу [всех] тварей, всевластному в отношении [всего] предопределенного; победителю [всех] побежденных, [7] правосудному в день страшного суда и [всеобщего] воскрешения, божеству божеств судного дня, милостивому, прощающему, щедро вознаграждающему. Хвала господу миров! [8] Хвала Аллаху, царю милостивому, изначально существующему, создателю великого престола, небес [9] и земли. Он — всеслышащий, все знающий, приемлющий покаяние, щедро вознаграждающий, долготерпеливый. Хвала Аллаху [10] великому! Он — первый и последний, явный и скрытый, всегда побеждающий и питающий [всех] животных. [11] Он — владыка... [12] ...[выбито], [13] он исцеляет больных и прощает виновных, [14] он отпускает проступок беглецов и любит благочестивых, он — добр к раскаивающимся, [15] он скрывает преступления грешников и дарует надежду обманутым в своих надеждах. Я славлю тебя словом, достойным тебя! Нет божества [16] кроме тебя, всеблагого, всепоклоняемого, прощающего прегрешения и покрывающего недостатки, щедро вознаграждающего, [17] долготерпеливого,

¹ Ср. выражение в Коране в стихе 20, сура XIX: وَلَمْ أُكَبِّرْتَ وَلَمْ تَكْثُرْ شَيْئًا
в стихе 10: وَقَدْ خَلَقْتَ مِنْ قَبْلِهِ وَلَمْ تُكْثِرْ شَيْئًا.

знающего о пределах произрастания трав и деревьев, управляющего [18] ночью и днем, заставляющего произрастать зерно, не нуждающегося в тварях, наделяющего [19] [всех своими] щедротами, ведающего сокровенное и устраивающего печали. Ты тот, пред которым распределяется чернота ночи [20] и свет дня, сияние луны и лучи солнца, высыхают деревья и иссушаются воды [21]. Боже мой, ты тот, которому поклоняются небеса и земля, суша и море и то, что в них! [22] Боже мой, ты тот, „которому нет [никого и] ничего подобного! Он — всемогущий!“¹ Боже мой, ты [23] знаешь тайное и явное и то, что в сердцах! Боже мой, ты прощаешь [24] непокорного, после того, как он погряз во грехах! Боже мой, ты тот, который сотворил все сущее [25] [и] оно возвращается к тебе по [своем] удалении [из бытия]! Боже мой, прости мне грехи мои! Господи, уничтожь нужду мою подобно тому, как [26] ты [сам] сказал: „призывайте меня и я буду внимателен к Вам!“² Ты искренен в своих обещаниях, избавь же меня от горести, [27] печали, заботы, от долгов, недостатков, несчастия и болезни! Ты — помощник [28] всех удрученных горем, угнетенных и пораженных! Боже мой, ты тот, который сказал: „Не [29] отчаивайтесь в моей милости!“³ Ты же правдив в своем слове, и оно у тебя неложно. [30] Сохрани меня, господин мой, от несчастий этого мира и будущей жизни и не постыди меня, [31] о, мой владыка, пред вождями народов особенно в день Страшного Суда! Аллах велик, [32] Аллах велик, Аллах велик! Нет ему противодействующего, нет ему равного, нет у него [ни с кем] связи, нет [33] ему подобного, он не опи-суем, нет ему подобного, нет ему предела, нет ему границ, нет [34] у него образа, нет у него сородича в царстве [его] и нет у него вазира. Я прошу тебя, о всесильный, [35] о могущественный, о преславный, о Аллах, о Аллах, о всемилостивый, о всемилостивый, о всемилостивый, о милосердый, [36] о милосердый, о милосердый, если бы ты показал мне во сне то, на что я надеюсь на тебя! Ты почтил меня прощением мне [37] моего прегрешения, поистине ты — всемогущ!⁴ Даруй мне сохранение [в памяти] Корана! [38] Ты смешал вместе мой ум и мою плоть и ни на одно мгновение не предо-ставил меня самому себе, [39] потому что [для всего], что ты захочешь [ты] — всемогущ! Нет мои и силы ни у кого, кроме как у Аллаха всевышнего великого! [40] Боже мой, о всемилостивый, о прещедрый, о владыка величия и почета, свидетельствуя, что [41] все объекты поклонения, что ниже твоего престола до седьмой земли включительно, [42] ложны, кроме твоего суще-ства. Боже мой, я уверовал в тебя; нет божества, кроме тебя! [43] Я избрал тебя [своим] владыкою; помоги [же] мне, о, помогающий просящим о помощи, и устрани от меня [44] все зло и напасти, [как] в этом мире, [так] и в буду-щей жизни! Устрани от меня зло всех [45] твоих тварей, ущедри меня,

¹ Коран, сура II, стихи 19, 100 и 103. Кроме того, встречается во многих стихах.

² Коран, сура XI, стих 62.

³ Коран, сура XXXIX, стих 54 (там буквально сказано: „не отчаивайтесь в милости Аллаха!“).

⁴ Коран, сура III, стих 25, также сура LXVI, стих 8.

распростири на меня твои дары и помоги мне! Нет божества, кроме тебя!
[46] Боже мой, окажи мне помощь в разрешенном тобою вместо запрещенного тобою, в покорности тебе вместо неповиновения тебе [47] и в благости твоей от того, что исключает тебя! Боже мой, ты сотворил меня и я не был [до того] чем-либо. Я причинил себе ущерб, [48] совершил грехи и признаюсь тебе в моих беззакониях. О господи, если ты простишь меня, то ничто не убавится от [49] твоего царства; если ты накажешь меня, то ничто не прибавится в твоем могуществе! О господи, поистине ты не нуждаешься во [50] мне, а я не найду никого, кто прости бы мне мои грехи, посему прости мои прегрешения, о прощающий [51], о милосердый, о владыка величия и [всеческого] почета! Да почнет благословение Аллаха на Мухаммеде и на всем его потомстве!

Надпись на нефритовом надгробии Тимура в мавзолее Гур-и Эмир,
в Самарканде

По краям надгробия, начиная со второй перемычки, читается справа налево по-арабски следующее (рис. 2):

هذا مسجد السلطان الاعظم والخاقان الاكرم ||
امير تيمور گورگان بن الامير تیغای بن الامير برقىل || [بن] الامير ايلنگير بن الامير ايجل بن
قرابجار نوبان بن || الامير سوفوجيجهين بن الامير اردنجي بارولامس بن الامير قجولاي بن
تومنای خان و [بهذا] تشعب نسب جنگيز خان من هذا الاصل وحصل [выбито]
[затем, загибаясь влево к верху] لطان الامجد المدفون في هذا المرقد غاية الشيف و الغفل قان جنگيزخان
بن الامير ييسوکاي || [отсюда] بهادر بن الامير برتان
بهادر بن قبول خان بن تومنای خان المذكور || [отсюда] بهادر بن الامير برقان
هو ابن الامير بايستنغر بن قيدو خان بن الامير توتميتين بن الامير بوقا || [ثم]
[на самой нижней перемычке] بين الامير بونتجر و لم يعرف والد لهذا الماجد الا ان
امه الانقاوا || [далее — вверх по краю] وهي كانت شيمتها الصدق و العقاف ولم تكن
بغية انها حملته من نور الخل علىها من أعلىباب فتشمل لها بشراً اسويقاً ¹ وذكر أنه من
ابناء امير المؤمنين على بين ابى ظالب و ربما يصدقها في دعواها عليه اولادها الامجاد
كل زمان على كل غالب قد توفي ليلة الرابعة ² حشة من شعiman ستة سبع وثمانينية

Эта могила величайшего султана и благороднейшего хакана || амира Тимура „Гурегана“, сына амира Тарагая, сына амира Баргуля ||, [сына] амира Алангира, сына амира Илкия, сына Караджара Нойана, сына || амира Сүгүдийхана, сына амира Ирдамчай „Барулла“³, сына амира Качулай, сына Туманай хана. [Здесь] отдельно происхождение Чингиз хана от сего корня.

¹ Коран, сура XIX, стих 17.

² Над этим словом вырезана поправка الاربعا, вероятно, в более позднее время.

³ На камне очень отчетливо читается имя „Барулла“ (вместо „Баруда“).

И произошел [...] тāн благороднейший, погребенный в этой в высокой степени славной и превосходной могиле. — Қаāн [же] Чингиз ҳāн, сын амīра Йесūkāй || бахāдур, сына амīра Бартāн бахāдур, сына Қабул ҳāна, сына упомянутого Түмен-нāй ҳāна ||; он же — сын амīра Байсунгура, сына Қайду ҳāна, сына амīра Түтүмтина, сына амīра Бүкī, || сына амīра Бүзанджира. И не был известен отец у сего благородного, исключая того, что его мать [была] Алānkuvā ||. Сообщается, что она была по своей природе правдивою и целомудренною и не была прелюбодеекою; она зачала его от света [который] проник к ней через горнюю дверь и предстал перед нею в образе совершенного человека. Он рассказал, что он — из сыновей повелителя правоверных 'Алīя, сына Абū Җалиба; и неоднократно подтверждают ее [Алānkuvā] притязания на него [сына 'Алīя] ее благородные потомки, во все времена победители над всеми. Скончался же он [амīр Тимūр], ночью 14 ша'бана 807 года [15 февраля 1405 года].

На торцовой части надгробия, что в ногах покойника, вырезана на нефrite следующая арабская надпись (рис. 3) с учетом отбитого куска камня слева внизу):

1. الحمد لله الذي صدق وعده ونصر عبده واعز جنده و هزم الآخر [اب] ...
 2. وحده ولا شئ بعده والمتلولة على نبيته المعلم للانفال والمحترض على [القتال وعلى]
 3. آله الا شدائ على الكفار والرحماء الابرار، إن هذ المجر...
 4. نقله الحاقان دوا سخان خان من اودان الى مقر سريره المسمى بقرشى...
 5. و نقله منه الغ ييك كورگان لها توجه الى جتها الذي هو ماهر جيئا...
 6. قهر عليهم بصارم اما فيه لو اتم به ثوح على قلبه لم يؤمن الا...
 7. لوح فيها خليل الله لاحتقا بجده...

[1] Хвала Аллаху, который правдив в своем обещании, [который] помог рабу своему, укрепил его войско и поразил скопище [его] противников...
 [2] Он один [или 'единого']¹ и нет ничего после него [Аллаха]. [Да почнет] благословение над пророком его, разрешающим добычу и побуждающим к бою... [3] Над его семейством, жестоким к неверным и милостивым к благочестивым. Подлинно этот камень... [4] Доставил его ҳāкāн Давā [Дувā] Саджāн ҳāн из Удāна [Аудāна?], в местопребывание его престола, называемое Қаршī... [5] Перевез его оттуда Улуг бēк "гүргээн", когда он отправился в [страну] Джета;² он же весьма искусен... [6] И поразил он их [Моголов] своим острым мечом. И если бы приблизился к нему Ной на своем корабле, он не был бы в безопасности, кроме... [7] Если бы остал-

¹ Затрудняюсь прочитать это слово, ибо если читать ما فيه, то это противоречит арабской грамматике.

² Возможно, что после слова 'الاحزاب' скопище противников' читалось: 'Нет божества, кроме Аллаха'...

³ Обычно в исторических письменных памятниках эпохи тимуридов население Моголистана именуется джета (جتة) — 'разбойники'.

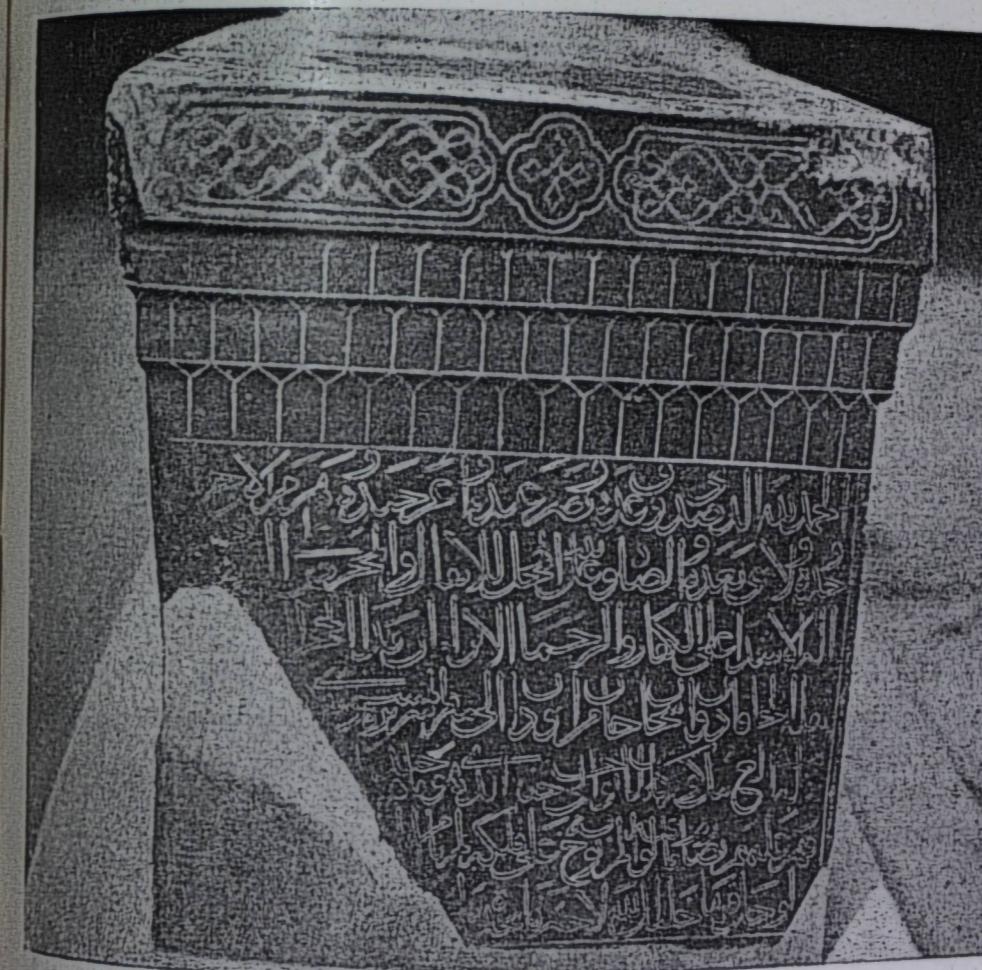

Рис. 3. Торцовая плита нефритового надгробия над могилой Тимура.

новился в нем Друг Аллаха [Авраам], то оба они непременно сгорели бы вместе с его предком'.¹

Остановимся на этих двух надписях, посвященных Тимуру. На его надмогильной плите окаймляющая центральную надпись лента арабских писмен представляет, как мы видели, генеалогию Тимура, доказывающую его происхождение от общего предка с Чингиз ханом и возводящую его род к четвертому „праведному“ халифу ‘Алию, чем как бы подтверждается не только сейидское достоинство „великого амира“, но и отмечается если не шиитское его вероисповедание, то, по крайней мере, его шиитские симпатии. Почти в тех же самых выражениях повторено происхождение первого предка Тимура от халифа ‘Алия и в надписи на нефритовом надгробии, поставленном его внуком Улуг беком, и, как увидим ниже, на надгробии сына Тимура, Мирэн шаха. Очень возможно, что это же было повторено и в надписи, окаймлявшей пышное надгробие любимого внука Тимура, Мухаммед султана, которое теперь сохранилось в столь дефектном виде. Эти надгробные надписи как бы упорно стремятся показать, что Тимур и тимуриды стремились афишировать свою принадлежность к алидам и, быть может, свой шиизм. На последнее обстоятельство мы находим ряд указаний в истории преемников Тимура.

Неизвестно, в какой мере отличался шиитскими симпатиями ближайший преемник Тимура, Шах рох, но в истории его сына Улуг бека имеется очень интересный эпизод, на который, кажется, никто из историков не обратил должного внимания. При Шах рохе в Герат переселился из Азербайджана шейх, сейид амир Му‘инуддин ‘Алий, вошедший в персидскую литературу и в суфизм под именем „Касим-и Анвара“ (Раздающий мистические озарения). Он был в молодости учеником шейха Садруддина Ардебильи, сына известного предка персидской шиитской династии сефевидов, шейха Сафиуддина (ум. в 735/1335 г.). Этот учитель Касим-и Анвар пользовался такой славой и авторитетом, что сам Тимур в своем походе на запад посетил его и был столь удовлетворен беседою с ним, что по его просьбе отпустил всех пленных, взятых им в Малой Азии.² Позже Касим-и Анвар посетил Гилян и там, повидимому, общался с известным основателем крайней шиитской секты хуруфитов, Фаддуллахом Астрабадским, ибо влияние идей хуруфитов в его произведениях несомненно.³ В Герате Касим-и Анвар снискал такую популярность среди знати Хорасана, что Шах рох по своему авторитету государя оказался на втором плане. Касим-и Анвар, проповедывавший крайне еретические идеи с точки зрения правоверного ислама, вызвал к себе весьма отрицательное отношение Шах роха и его сыновей, особенно утонченно-образованного Байсункура мирзы. Это неприязненное отношение усугублялось еще тем обстоятельством, что Касим-и Анвар никому из них не оказывал

¹ Ввиду того, что изнанка у камня отбит большой кусок, затрудняюсь восстановить точный смысл последних строк.

² Beale Keane. An Orient. Biogr. Dict. London, 1894, стр. 372. Так же: مجلس المؤمنين сост. Кави Нуруллах-и Шустери. Тегеран, 1299, стр. 275.

³ E. Browne. A Hist. of Pers. Literature under Tartar Dom. Cambridge, 1920, стр. 479.

должного почета. В 836/1432 г. произошло покушение на жизнь Шах роха в Соборной мечети Герата со стороны некоего Ахмед Лура, ученика выше-названного шейха Фадлуллы Астррабадского.¹ Как было доказано, виновный перед этим вышел из дома Касим-и Анвара, и шейх, вероятно, по подозрению в соучастии, был изгнан из Герата и нашел чрезвычайно радушный приют в Самарканде.² Там его слова и речи произвели на Улуг бека такое впечатление, что он стал его покорным учеником. В какой мере воспринял Улуг бек учение своего духовного наставника, неизвестно, но по словам последнего великого классического поэта Ирана и главы хорасанских дервишей, шейха 'Абдурахмана Джами (ум. в 898/1492 г.), встречавшиеся ему ученики Касим-и Анвара в большинстве поражали своим неверием, «вступивши в сферу пренебрежения и отрицания шари'ата и сунны».³ Исследование значительного поэтического и прозаического наследства Касим-и Анвара, в котором затронуты глубочайшие философские проблемы, вероятно, дало бы любопытный материал для идеологии эпохи Улуг бека и для характеристики личности этого ученого государя, видимо, долго находившегося под влиянием идей Касим-и Анвара. На отступление же Улуг бека от правил шари'ата и на обличения его представителями самаркандского духовенства и дервишами указывает историк Востока, академик В. В. Бартольд.⁴

При приемниках Улуг бека между отдельными тимуридскими принцами (вроде Хисарского наместника Байсонкура мирзы, сына самаркандского тимурида Султан Махмуда) были открыто исповедывавшие шиизм, а большинство втайне сочувствовало ему, или во всяком случае относилось к нему без всякой вражды. И правление последнего тимурида, блестящего гератского государя, Султан Хусейн мирзы (1468—1506), было тесно связано с проявлением его шиитских симпатий. Вступивши на престол, Султан Хусейн, по словам Мирхонда, «бросил во все стороны своего государства лучи набожности и приказал принять к выполнению такую его волю, показывающую его понимание шари'ата: чтобы хутба и чекан монет отныне украсились именами и титулами непорочных имамов, — да почнет над ними мир! Молву о такой добной репутации [Султан Хусейна как шиита], распространив по всем странам света, пронесли [даже] через [безконечно далекий] портик Сатурна в новом звучании основ шари'ата хашимитов. Но многие из принадлежащих к ханфитскому толку, которые в то время были в Герате чрезвычайно уважаемы и авторитетны, поспешили к подножью престола государства и, поговорив о предпочтительности сунитских правил, удержали [государя от его намерения].»⁵

¹ E. Browne, ук. соч., стр. 366.

² حبیب السیّر

نفحات الانس — Хондемир, т. III, ч. 3. Тегеран, 1271, стр. 211. —

Джами. Под. ред. N. Lees, Calcutta, 1858, стр. 690—693.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек, стр. 95.

⁴ روضة الصفاء

Мирхонда, т. VII. Лукнов, 1322/1904, стр. 14. То же самое в حبیب السیّر Хондемир (т. III, ч. 3, стр. 279). При этом Хондемир группу гератских протестантов называет «фанатиками ханфитского толка» (متعصّبان مذهب حنفی).

Но впоследствии эти шиитские симпатии последнего тимурида опять проявились. В 885/1480—81 г. вблизи Балха была «открыта» могила никогда здесь не бывавшего 'Алия; в присутствии Султана Хусейна и всех его амиров и сановников „святыня“ была признана подлинною и над мнимой могилой патрона всех шиитов Султан Хусейн в следующем году соорудил великолепную и богато отделанную „рауда“, которая доныне составляет главное святилище и красоту г. Мазар-и Шерифа.

Откуда пошла эта склонность преемников Тимура к шиитским воззрениям, об этом свидетельствуют вышеупомянутые надписи на надгробных камнях их прадеда, идеология и подвиги которого пользовались у них величайшим авторитетом. Выдвигаемый некоторыми историками вопрос, был ли Тимур шиитом или суннитом, в соответствии с этими надписями, повидимому, решается в пользу первого предположения.

Центральная часть надгробной плиты Тимура, занятая арабской надписью в 51 строку, представляет собою по существу ряд молитвенных возваний, иногда сопровождаемых стихами Корана и напоминающих персидские مناجات известного «гератского старца» 'Абдуллах-и Аштар (ум. в 481/1088 г.). Видное место в этой надписи отведено покаянным мотивам и надежде на вечное милосердие тяжко согрешившего человека, что вполне совпадает с теми предсмертными настроениями Тимура, которые нам описывают его историки.¹

Судя по палеографическим признакам, по тщательности глубокой резьбы по мрамору, особенно центральной части, где мастер должен был положить массу кропотливого труда и напряженного внимания, плита эта, повидимому, относится к началу XV в. и была сделана не спеша. Интересно отметить одно любопытное обстоятельство, что строки 35—38-я этой надписи в точности совпадают с такими же надписями на надгробии его внука Мухаммед Султана (ум. в 806/1403 г.) и не будь это надгробие дефектно, то этих совпадений, возможно, оказалось бы и больше. Повидимому, существовал или известный «самаркандский» трафарет в подобного рода эпитафиях, или обе эти надписи были сделаны одним «машшаком», принимая во внимание небольшой промежуток времени, протекший между смертью внука и деда.

Надгробие над местом погребения Тимура в самом мавзолее, сделанное из двух огромных кусков нефрита, было поставлено его внуком Улуг беком, как это усматривается из надписи на той боковой части надгробия, которая в ногах покойника. По свидетельству Мирхонда, всего кусков нефрита было три: один привез еще Тимур, а два последних куска — Улуг бек, очевидно, по возвращении его из победоносного похода на Моголистан в 1425 г.²

¹ Л. А. Зимин. Подробности смерти Тимура. «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIX», Ташкент, 1914, стр. 44—48 (где дан перевод соответствующих подробностей смерти Тимура из ظفر نامه Шерифуддина Ези). — В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. Пг., 1918, стр. 36, прим. 8.

² См. приложение к книге В. В. Бартольда «Улуг бек и его время» (стр. 21 перс. текста Мирхонда). То же в وضيۃ الصفا (Лукновская литогр., т. VI, 1322/1904, стр. 247).

К сожалению, эта часть надписи дефектна, ибо выбиты куски нефрита и выбоины загипсованы, и потому всю надпись связно нельзя прочесть. Про нефрит говорится в 4-й строке, что „доставил его Давā [Дувā] Саджān ḫān из Удān [Аудān?] в местопребывание его престола, называемое Қаршī“, а из следующей (5-й) строки усматривается, что „перевез его оттуда Улуг бēk «гūргēн», когда он отправился в [страну] Джетā...“ Следует заметить, что на надгробии имя монгольского ḫāna вырезано без диакритических точек, как حافان دواسخان خان. У Мирхонда он именуется то в виде حيجهون خون, то как جيجهون خان (смотря по рукописи и изданию). Так как по словам историка Ҳондемира, потомок Джагатая в девятом поколении по одной версии назывался Давāb-ḥān (دوابخان), а по другой — Давā Ҫаджān (دواصجن),¹ то с значительной вероятностью имя его на настоящем надгробии Тīмūra можно читать как „Ҳāқān Давā или Дувā Саджān ḫān“. Что касается местности Удān (а может быть Аудān, так как огласовка отсутствует), откуда названный ḫān привез в свою ставку этот нефрит, то это, возможно, тот اوقن کلوزان в Восточном Туркестане, который в „Астрономических таблицах“ Улуг бēka показан лежащим под 110° долготы и 46°45' широты.² Ставка Давā (Дувā) Саджān ḫāna, называющаяся в надписи Қаршī (собственно, слово это монгольское; означает „дворец“, в данном же случае „главную ставку“),³ несомненно, не соответствовала современному г. Қаршī, основанному сыном Давā (Дувā) ḫāna, Кöпек ḫāном, в XIV в.,⁴ но лежала в другом месте, в районе р. Или.

M. E. MASSON

ТРЕТИЙ КУСОК НЕФРИТОВОГО НАМОГИЛЬНИКА ТИМУРА

سنگ مرقد امیر تیمور کوکان کا آر
یک پارچہ یشم است

‘‘Могильный камень эмира Тимура,
который из одного куска нефрита’’

(Мухаммед Казим)

Черно-зеленый нефритовый намогильник Тīмūra, за который, по словам Мирхонда, китайские императоры некогда предлагали разные богатства своей страны и 100 000 динаров, пользуется очень широкой популярностью у самарканцев. В их глазах он не просто „каш“, „таш“ или „санги-сио“ (‘черный камень’), но у него есть собственные прозвища: „сиотоб“ (‘темнолучистый’)¹ и „махтоб“ (‘луночистый’ или ‘луносияющий’). И все знают, что он „яшм“ (یشم — „почечный камень“),² т. е. принадлежит к нефритам, которые издревле наделялись на Востоке рядом чудесных свойств. Считалось, что с помощью нефрита можно вызвать дождь; что он предохраняет от опасности при землетрясении и отвращает молнию, почему ношение его гарантирует от поражения ею; что сосуды из этого камня раскалываются сами собой, если в них попадает яд, и что принятие пищи в нефритовой чаше помогает при сердечных заболеваниях. Как полагали мусульманские минералоги, подлинный „яшб“, именно зеленого цвета, кроме как в Кашгаре и в Хотане, нигде более не находят, что во второй половине XVI в. засвидетельствовал Амīn Ахмēд Рāzī в своем труде „Хафт иклим“. Вот почему нет ничего удивительного, что еще в конце прошлого столетия, дабы удовлетворить спрос населения, жившие при Гур-и Эмире шейхи за соответствующее вознаграждение откалывали мелкие кусочки „сиотоба“ для хранения в качестве тумара-оберега или для

¹ حبیب السیر Ҳондемира, т. I, ч. 3. Тегеран, стр. 30.—В. В. Григорьев в своей „Истории Монголов от древнейших времен до Тамерлана“ (СПб., 1834, стр. 113) читал это имя как „Даватхан (Дайзи-хан)“.

² Prolégomènes des Tables Astronomiques d'Ooug-Beg, trad. et comment. par Sédillot. Paris, 1853, стр. 268.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 135—136; Он же. Улуг бек, стр. 83.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 135—136.—Следует отметить, что В. В. Бартольд пишет имя отца Кöпек (Кёбек)-хана — Тува (Улуг бек, стр. 8).

¹ Интересно, что И. В. Мушкетов, детально изучавший нефритовый намогильник Тīмūra, в научном описании применил термин „лучистый камень“, желая выразить характер сложения данной породы. См.: И. В. Мушкетов. Нефрит и его месторождения. Горный журнал, 1882, № 6, стр. 401.

² Местные жители, а также некоторые европейские авторы ошибочно считают яшмой породу, из которой сделана панель в Гур-и Эмире и которая в действительности представляет собой оникс.

приема в качестве лекарственного снадобья¹ верующим, а заодно и тароватым европейским туристам, уносившим их уже как приятный сувенир о посещении былой столицы Тимура.

И, проявляя внимание к великолепному намогильнику, люди давным-давно подметили, что он искусно составлен из нескольких хорошо подогнанных кусков. Для объяснения этого сложилась легенда, передаваемая в нескольких вариантах, согласно которой в подаренном якобы некоей китайской принцессой нефритовом монолите подозревали наличие спрятанных внутри сокровищ, ради овладения коими камень был похищен грабителями, раскололся на несколько частей при неудачной погрузке, был брошен ими и собран на своем месте представителями мусульманского духовенства. Наряду с этим среди населения жили смутные воспоминания о действительном увозе намогильника в 1740 г. по распоряжению Надир шаха в Мешхед,² с каковым событием многие и связывали или умышленный или случайный раскол каменной плиты на несколько кусков. Во всяком случае, из них на месте к моменту ремонтов памятника в 1916 и 1924 гг., когда снимались все верхние намогильники главного помещения Гур-и Эмира, оставалось лишь два наиболее крупных, определявших собой основные размеры и форму надгробия Тимура.³

Между тем, негласная молва уже в первые годы после Октябрьской революции упорно разносila слух, что в Самарканде где-то имеется еще кусок от „снотоба“. Попытки Самаркандской комиссии по охране памятников (Самкомстариса) получить об этом более конкретные сведения в течение долгого времени оставались тщетными. Удалось узнать лишь, что этот камень будто бы очень давно находился при каком-то мазаре без более точных указаний. Так продолжалось до тех пор, пока несколько лет назад в Самкомстарисе не появился однажды весьма почтенного возраста местный житель и не передал для установки на место довольно значительный кусок черно-зеленого нефрита, который, по его словам, переходил у них в семье из поколения в поколение и достался ему по наследству от отца. Вскоре старик скончался, а доставленный им объект был помещен на хранение в несгораемый сейф. Он был извлечен оттуда и передан мне для изучения в 1943 г. в связи с проведением намеченных тогда и частично осуществленных научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ на Гур-и Эмире.

¹ Осколки „снотоба“, между прочим, иногда толкались шейхами в порошок и в таком виде уже за довольно высокую цену отпускались народу как целебное средство против различных страданий, особенно же против заболеваний желудка и почек.

² Об этом подробнее всего в работе В. В. Бартольда „Новые данные о самаркандских памятниках“ (ЗВО, т. XXV, СПб., 1921, стр. 83—88).

³ О ремонте на Гур-и Эмире в 1916 г. в печати имеется упоминание, а о работах 1924 г. см.: М. Е. Массон. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-и Эмир и Аксарай в Самарканде в 1924 году. Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926.

Не было никаких сомнений, что дар старика имеет прямое отношение к намогильнику Тимура. Он представляет собой фрагмент от нижней части юго-западного угла плиты (рис. 1). С внутренней стороны в нем имеются два гнезда для небольших железных штырей, с помощью которых произведено было скрепление с прилежащими поверхностями большой плиты, приходящейся в ногах погребения. На одной из двух наружных поверхностей куска, имеющей площадь в уцелевшей части около 140 кв. см, сохранилось целиком и частично несколько слов, являющихся продолжением четырех нижних строк арабской надписи, размещенной на торце намогильника Тимура. Выполнены они той же техникой и тем же своеобразным почерком насхī-сульс с малым числом точек и харакатов, как остальные надписи намогильника, где буквы выполнены обводом по контуру сплошным неглубоким линейным желобком. По преданию, надпись была нанесена с помощью стальных алмазных инструментов. При накладывании обнаружившегося третьего куска нефритового намогильника на свое место устанавливается, что на стыке в результате сколов совершенно утрачено несколько менее 70 кв. см площади, некогда занятой текстом надписи. И все же приходится с удовлетворением констатировать, что, к счастью, не оправдалось высказанное мной двадцать лет назад предположение, не попал ли в XVIII в. в руки индийца-историка, ‘Абдулкерима кашмирского, через посредство лично знакомого ему человека, выполнявшего упомянутое выше поручение Надир шаха, именно недостававший кусок с частью торцовой надписи.¹ Теперь совершенно очевидно, что ‘Абдулкеримом в Индию был увезен другой кусок с гладкой поверхностью.

Хотя намогильник Тимура обследуется европейскими специалистами свыше ста лет, но надписи на нем и до сих пор оставались полностью не прочитанными.² Ориенталист Н. В. Ханыков в 1842 г. вообще обошел

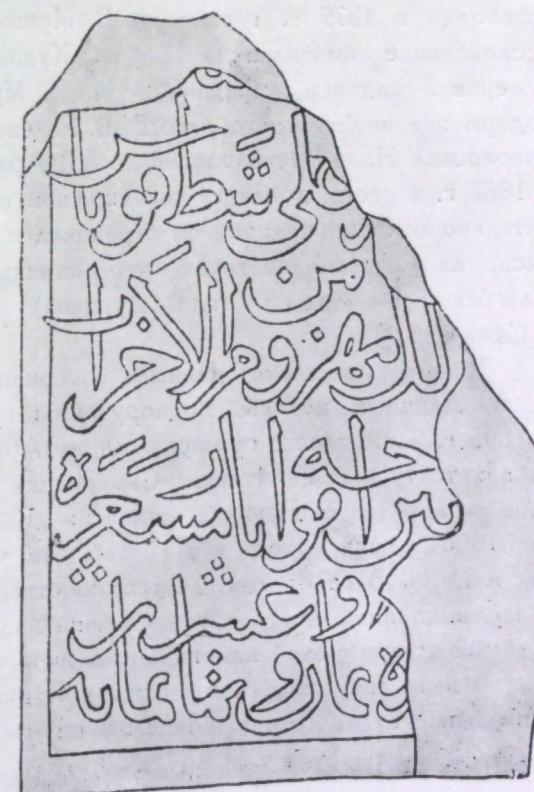

Рис. 1. Надпись на третьем куске нефритового намогильника Тимура.

¹ М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, стр. 27, прим. 1.

² См. теперь статью А. А. Семенова—выше, стр. 49—62. [Ред.]

5 Эпиграфика Востока, II

их молчанием.¹ А. Вамбери, осматривавший памятник в 1863 г., ограничился кратким замечанием, что надгробная надпись Тымура очень проста.² Ориенталист В. В. Радлов, посетивший Самарканд пять лет спустя, ошибочно назвав породу намогильника Тымура черным мрамором, отметил в своем описании лишь, что вокруг камня имеется очень неясная надпись.³ Правильно определил „сиотоб“ как нефрит геолог Н. П. Барбот де Марни, отбивший в 1874 г. несколько мелких сколов от края намогильной плиты. Ту же породу установил в 1879 г. геолог И. В. Мушкетов, давший затем обстоятельное исследование намогильника Тымура.⁴ Художник Н. Е. Симаков сделал копию с верхней надписи, переданную И. В. Мушкетовым в Академию Наук, где содержание ее было разобрано В. В. Розеном.⁵ Этой же надписью в основном оперировал Н. И. Веселовский на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. в своем докладе, посвященном намогильнику Тымура, причем относительно боковой надписи он ограничился сообщением: „Сбоку в ногах надпись, из которой явствует, что камень этот перевезен по повелению Улугбека из Ардана (или Дурдана) близ Корши, в столицу, т. е. в Самарканд“.⁶

В иной трактовке данные о боковой торцовой надписи приведены С. А. Лапиным, который по поручению губернатора Самаркандской области в 1895 г. занимался с помощью миры Абӯ Са'ид Ма'сума разбором надписей на архитектурных памятниках Самарканда. По его словам, внизу намогильника Тымура имеется следующая надпись: „Камень этот поставлен Улуг бёком Кураганом после похода в Дайтта“,⁷ из чего совершенно очевидно, что им, как и Н. И. Веселовским, дается собственно вольная передача примерного содержания лишь части пятой строчки надписи, в которой в действительности о самой „постановке“ намогильника ничего не говорится.

В вышедшей два года спустя в Париже работе Е. Блоше, посвященной эпиграфике Гур-и Эмира, боковая надпись на нефритовой плите над могилой

¹ Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 102.

² А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 174.

³ В. В. Радлов. Средняя Зерафшанская долина. ЗРГО по Отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 25.

⁴ Кроме указанной выше работы, см. также ее на немецком языке в „Записках минералогического общества“ (1882, т. XVII) и в сборнике газетных публикаций „Туркестан“ (т. I, СПб., 1886, стр. 371—396).

⁵ „Туркестан“, стр. 377.

⁶ Н. И. Веселовский. Надгробный памятник Тымура в Самарканде. Известия VII Археологического съезда. Ярославль, 1887, № 10, стр. 5—6; см. также Труды VII Археологического съезда, т. II, 1891, стр. 70.

⁷ С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 4. Библиографическая заметка об этой работе дана Н. Ф. Петровским в газете „Туркестанские ведомости“ (1896, № 13). В этой же газете в № 20 помещена дополнительная рецензия В. Л. Вяткина, внесшего, между прочим, несколько поправок в чтение родословной Тымура, помещенной на „сиотобе“.

Тымура не упоминается, а приводится лишь текст и перевод самой эпитафии с родословной.¹

В XX столетии сведения о боковой надписи прочно вошли в научную литературу, хотя часто приводились искаженно. Даже Н. И. Веселовский ошибочно утверждал в 1903 г., что она расположена „в головах надгробия“, и свидетельствует о привозе камня при Улуг бёке якобы из Хотана.² Более осторожно и точно некоторые данные о ней приводил в разных своих работах В. В. Бартольд. Попытку ее разбора делал в свое время В. Л. Вяткин, неоднократно упоминавший об этом на своих экскурсиях по памятникам Самарканда, и, наконец, то же осуществил летом 1941 г. А. А. Семенов, доложивший полученные им результаты 12 октября следующего года на заседании Историко-археологического сектора УзФАН.³ При этом А. А. Семенов, уделивший главное внимание верхней надписи с родословной Тымура, занимался в натуре и по изображениям лишь той частью торцовой надписи, которая уцелела на самом намогильнике, без привлечения третьего куска нефритовой пластины.

Вся надпись торцовой стороны имеет семь строк текста (рис. 1), причем три верхние после восклицания „Хвала богу“ содержат религиозно-моральные сентенции, и только в конце третьей строки начинается чисто исторический текст со слов — ان هذا الحجر ‘действительно этот камень’, после которых надпись сбита. Поскольку дальше сохранились буквы... الـ, допустимо думать, что тут следовал эпитет, производный от слова „черный“, быть может соответствовавший современному прозвищу „сиотоб“. На нашем куске нефрита только и могло разместиться это слово, от которого уцелели не поддающиеся разбору следы нижних частей одной или двух букв.

Концу четвертой строчки на новом фрагменте намогильника Тымура соответствуют слова: ... على شط فوواس ... على شط قوياش ‘солнце’, как известно, обозначалось место летней резиденции Джагатая в долине реки Или, по соседству с Алмалыком, вблизи высоких гор Кук. Около Куюша, похожего, по словам Джувейнӣ, летом на рай, по распоряжению того же сына Чингиз хана было устроено селение Кутлуг (‘Счастливое’). Чтобы привлечь в окрестности побольше дикой охотничьей птицы, был прорыт даже специальный канал. Исходя из того, что при приглашении в 1223 г. находившегося в Алмалыке китайского философа Чан Чуня посетить в ставке торжественное жертвоприношение его просили

¹ Ed. Blochet. Les inscriptions de Samarcand, I, Le Gourimir ou Tombeau de Tamerlan. Revue Archéologique, s. 3, t. XXX, 1897, 1, стр. 71—74.

² Сообщение Н. И. Веселовского „О надгробии Тимура“ в заседании Восточного отделения Русского археологического общества 1 мая 1903 г. (ЗВО, т. XVI, вып. 1, СПб., 1904, стр. XIII).

³ Нет никаких данных полагать, что эта боковая историческая надпись тимуровского намогильника служила предметом разбора А. Э. Шмидта, занимавшегося в дореволюционное время специальным чтением надписей на Гур-и Эмире в связи с выпуском Археологической комиссии известного альбома, посвященного этому памятнику, или И. П. Кузьмина.

„переплыть реку“, В. В. Бартольд предположил, что летняя орда Джагатая располагалась тогда на левом южном берегу Или.¹ Вероятно, там же продолжала оставаться и орда преемников Джагатая, причем, как это часто бывает, наименование пункта было распространено и на реку, которую в XV в. называли также Куяш или Ак-Куяш и под которой В. В. Бартольд справедливо понимал Или, так как в текстах, описывающих поход Улуг бека в Моголистан, Ак-куяш фигурирует как крупная река, не без преувеличения сравниваемая с Джейхуном — Аму-дарьей.² При отсутствии на нашем куске нефрита точек в начертании названия Куяш можно было бы допустить его разночтение,

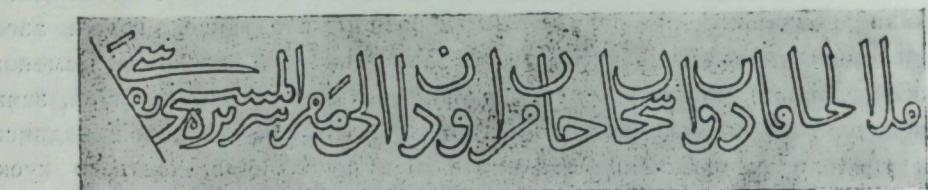

Рис. 2. Четвертая строка торцовой надписи нефритового намогильника Тимура.

в частности как Кунас, что соответствовало бы начертанию этого слова в одной из рукописей. Но, повидимому, вернее в этом отношении чтение, предложенное В. В. Бартольдом, учитывавшим в свое время различные варианты написания названия орды Джагатая.³ Сама летняя ставка моголистанских владетелей ко времени похода против них Улуг бека в 1425 г. носила название Қаршӣ, т. е. 'дворец'. Именно туда и двинулся знаменитый внук Тимура, чтобы захватом имущества и стад надолго ослабить монголов — джете. [Об этом пункте как раз и повествует содержание четвертой строки надписи, которую А. А. Семенов при упомянутом докладе в 1942 г. переводил так: „Доставил его (камень) ҳакан Дава Саджҳан из Удана (или Авдана) в местопребывание его престола, называемое Қаршӣ“.

В наименовании монгольского ҳана, начертанном как دوا سخان حان (рис. 2), второе слово „Седжан“, как мне кажется, соответствует в арабской транскрипции монгольскому „сцен“ — 'мудрый', 'вещий' (как титуловали в XIV—XV вв. наследственных главарей отока и улуса)⁴ и именно к нему, а не к первому, следует относить „нүн“. Мирхонд передает наименование

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. ЗАН, VII серия по Ист.-фил. отд., т. 1, № 4, СПб., 1897, стр. 66—67; он же. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 117.

² В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. ЗАН, VIII серия по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пг., 1918, стр. 82, прим. 2.

³ В. В. Бартольд. Отчет..., цит. соч., стр. 66, прим. 4.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 138. — В древнем монгольском обществе это одно из прозвищ предводителей родовых аристократических домов (там же, стр. 74).

монгольского ҳана как „Джиджан“ (جیجن).¹ Таким образом, все три слова лучше озвучить как „Дувә Седжан ҳан“. За ними следует مراودان, причем „мым“ скорее слит с „рә“, чем с „нүн“, почему вполне допустимо чтение „Мерәудән“. Это слово, повидимому, как-то может быть сближено с наименованием Мераурик (или Мераузик) Ила, где также на берегу Или Джагатай устраивался со своей ордой на зимовки.² Несмотря на соблазн смысловой передачи написанного словами — „из Аудана“, даже независимо от того, что такое географическое название неизвестно, это чтение пока не может быть признано 'безусловным в силу начертания двух первых букв, допускающего иное толкование. Предлагаемый предлог من в следующей строчке имеет совершенно иное и вполне нормальное начертание.

Несколько иначе воспринимается слово, переводимое как „называемое“. Высеченное с небольшим дефектом, когда в конечном „йә“ по ошибке каменотеса не на месте проскочил на три миллиметра лишний отрезок линейного желобка, оно транскрибируется как المسىٰ أو المستى، каковым эпитетом нарочито хотели унизить резиденцию беспокойного врага. Следующее за ним слово „Қаршӣ“ стоит с предлогом بـ, т. е. „в Қаршӣ“. Таким образом, полный текст фразы теперь может быть передан так: „Действительно тот черный (?) камень доставил ҳакан Дувә Седжан ҳан Мераудән до местопребывания его престола распутного (или «преступного») в Қаршӣ на берегу реки Қўйаш“.

Концу пятой строчки на новом куске тимуровского „сиотоба“ соответствует следующий сохранившийся текст لک مجازوم من الاحزاف..., который при сопоставлении с предшествующей фразой этой же строчки на торцовой стороне намогильника и началом шестой, с учетом утраты некоторых слов в склонной части, позволяет так восстановить общее содержание надписи: „Доставил его (этот камень. — M. M.) из него (т. е. из Қаршӣ в Самарканд. — M. M.) Улуг бек Қўраган в продолжение похода против джете,... войска которых он обратил в бегство и преодолел их...“

Как известно, упомянутый поход, совершенный вопреки запрещению Шахроҳа и начатый еще с зимы 1424 г., в целом по своим конечным результатам не вполне подходил под рубрику „победоносных“. Он хотя и окончился благополучно для самаркандского правительства, но не принес особых выгод. Ни кочевники, ни их предводители не были покорены. Некоторые отряды Улуг бека понесли чувствительные потери; сам государь вынужден был спешно покинуть Моголистан, и в нем не соорудили никаких крепостей и не оставили никаких гарнизонов.³ В наскальной надписи, высеченной

¹ Мирхонд. روضة الصفا. Рукопись Института восточных рукописей УзАН, № 4213, стр. 115 б. В индийском литографированном издании этого труда, вышедшем в 1833 г., рассматриваемое наименование транскрибировано как „Джихун“ (جیحون; ч. VI). Между прочим, предок Тимура в шестом поколении в надписи на нефритовом намогильнике назван سووجیجن.

² В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 117.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек..., стр. 87.

в ознаменование этого похода в Джилянтинском ущелье, скромно указано лишь, что „Улуг бек...“ предпринял поход в страну джеты и монголов и от того народа возвратился в эти страны невредимым”.¹ В надписи на нефритовом намогильнике имеются в виду первоначальные военные успехи, в частности вступление в ханскую ставку.

От конца шестой строчки на угловом куске намогильника Тимура имеется следующий фрагмент: *مس حاد اووا*..., своим содержанием связанный с частью оставшихся слов этой же строчки и седьмой строки, разбор которых А. А. Семенов в своем цитированном докладе в 1942 г. ограничил замечанием, что они не исторические. Как выясняется, в них упоминается „покровитель Нух“ (т. е. Нои) с его ковчегом (فلك) и Халил Аллах (т. е. Авраам). В самом конце седьмой строки, после небольшого перерыва из-за сколотой поверхности, уже целиком на третьем куске нефрита полностью стоит дата события с предшествующими ей двумя последними буквами предыдущего утраченного слова: *هـان وعشري وثمانـاء*..., т. е. 828/1425 г.

Сам Улуг бек, по Мирхонду, вернулся из Монголистана в Самарканд 10 шабана 828/27 июня 1425 г., причем он шел вдоль северного берега Исыккуля. Два куска нефрита транспортировали несомненно по другой, более легко проходимой дороге. Для них были устроены не телеги, как пишется в европейской литературе, а специальные катки — гальтак, которые тянули то лошади, то волы. Доставка знаменитых нефритов была обставлена известной помпой. Особым сопровождавшим их эскортом ежедневно командовал какой-нибудь амир-туман, т. е. один из военачальников высшего ранга, люди которого должны были выравнивать дорогу и помогать в трудных случаях продвигать драгоценный груз.² Все это, разумеется, замедляло движение, и нефриты прибыли в Самарканд несомненно позднее Улуг бека, т. е. уже после июня, но до середины ноября, поскольку в надписи на камне обозначен 828 год, последний день которого приходится на 12 число этого месяца.

В ту пору своей жизни Улуг бек уделял много внимания строительной деятельности, распространив ее, в частности, и на Гур-и Эмир. Уже в предшествующий окончанию монголистанского похода год, по данным Малихо, производилась пристройка с восточной стороны к главному помещению усыпальницы „Рахрави дарамед“ или так называемой „галереи Улуг бека“. В процессе работ по новому оформлению усыпальницы деда и дяди государя едва ли надолго отложили изготовление и установку второго верхнего намогильника Тимура из нефрита, каковой мог появиться под куполом мавзолея уже в следующем году.

Таковы некоторые исторические данные, которые заключает в себе или уточняет краткий текст одной из граней обнаруженного третьего куска

¹ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1876, стр. 26.

² Мирхонд, ук. соч., стр. 116, где пропущены некоторые детали; подробнее в упомянутой индийской литографии, стр. 114.

„сиотоба“. Одновременно сам этот относительно небольшой фрагмент нефрита позволяет по-новому отнести к давно дискутируемому в научной литературе вопросу, был ли некогда намогильный нефрит Тимура расколот надвое или он никогда и не представлял собой монолита.

Уже Н. В. Ханыков обратил внимание на „трещины“ посередине намогильной плиты, отнеся их появление за счет раскола на две половины при увозе камня из Самарканда по распоряжению Надир шаха. То же отметил при описании своего путешествия А. Вамбери, привел мнение одних, что камень развалился на две части по дороге из Самарканда в Мешхед, и утверждение других, что он и раньше состоял из двух кусков.¹ Разбитым надвое его считали В. В. Радлов, А. П. Хорошин и другие многочисленные авторы, описывавшие Гур-и Эмир. Более осторожно отнесся к этому И. В. Мушкетов, не присоединивший окончательно своего голоса ни к одному из двух противоположных мнений: „Если допустить, — писал он, — что трещина... образовалась лишь впоследствии, а первоначально камень был целым... то этот надгробный камень представляет самый большой из известных образцов нефрита... Если же даже допустить, что он составлен из двух тщательно пригнанных друг к другу частей, то и в таком случае каждая из них имеет необыкновенно крупные размеры“.²

Очень решительно против того, что оба куска тимуровского намогильника составляли одно целое, выступал Д. И. Эварницкий. Украинский историк базировался на собственных наблюдениях, по которым якобы „ни общий рисунок, ни мелкие пятна, ни отдельные жилки одной половины камня не соответствуют тому же другой половине его; даже более того, усматривая длинную жилку на самой середине одной половины камня в месте надлома его, мы вовсе не видим продолжения той же жилки в изломе другой половины его“.³

Много лет занимавшийся Гур-и Эмиром Н. И. Веселовский считал, что надгробие всегда состояло из двух половин, плотно пригнанных друг к другу.⁴ Его точку зрения разделяли В. Л. Вяткин и В. В. Бартольд, причем последний подтверждение мнения Н. И. Веселовского усматривал в передаче Мирхондом рассказа о перевозе двух нефритов в Самарканд.⁵

Очень интересные наблюдения над самым камнем произвели в 1940 г. геолог Б. И. Наследов и его доцент А. Г. Михновский. Ими было подмечено, а последним затем в результате подробного изучения и документально доказано, что два крупные куска намогильника принадлежат одной глыбе нефрита, распил которой пришелся как раз по верхней поверхности теперешней плиты. При наличии в нашем распоряжении в настоящее время еще и третьего куска

¹ А. Вамбери. Путешествие..., стр. 171, прим. 1.

² И. В. Мушкетов. Туркестан..., стр. 378.

³ Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента. Ташкент, 1893, стр. 104.

⁴ Н. И. Веселовский. О надгробии Тимура..., стр. XII.

⁵ В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, вып. I—II, Пер., 1915, стр. 31.

даже до его детального петрографического и минералогического анализа уместно по-новому пересмотреть историю намогильника Тимура, в той мере, как это пока возможно.

Независимо от признания чтения „Мерайдан“ или „из Аудана“ следует, повидимому, считать пройденным этапом вопрос о местном происхождении камня; на этом еще в конце прошлого столетия многие, и в их числе Д. И. Эварницкий, горячо настаивали, базируясь на наличии образцов нефрита у офицера Л. С. Барщевского, собравшего в свое время интересную геологическую и минералогическую коллекцию по Самаркандской области и Бухарскому ханству.¹ Уверенность некоторых была так велика, что когда после смерти Александра III возникла идея поставить в Петропавловском соборе над его могилой саркофаг из одного куска нефрита, были отправлены за розыском подходящей глыбы две экспедиции в Саяны и Туркестан. Поиски в горной Бухаре оказались тщетными.² Вероятно нефрит тимуровской могилы действительно происходит из месторождений Восточного Туркестана, как об этом писал еще И. В. Мушкетов.

Когда и где был найден нефрит — неизвестно,³ но в ханскую ставку на берегу Или попал вероятно в период монгольского владычества над страной, в пору ослабления возможностей Китая как-то контролировать месторождения священного в их представлении самоцвета. По словам Мирхонда, в Караж в троне Дуваджиджан хана были три камня „яшб“ удивительной красоты, служившие предметом тщетных домогательств со стороны китайских императоров. Когда Тимур завоевал Моголистан, он якобы отдал распоряжение отправить камни в Самарканд, но тогда почему-то вывезли лишь один из них, а два другие забрал уже Улуг бек. О том, что представляли собой эти камни, пользовавшиеся в XIV—XV вв. известностью далеко за пределами Восточного Туркестана, можно судить лишь по краткому определению Мирхонда: *كُلْ يَشْ بِكْ دَعْبَهْ أَوْ* 'три куска камня яшб'.⁴ Употребленный историком термин *دعْبَهْ* по самому своему корню подразумевает „сегмент“, „отрывок“, „кусок“, оставшуюся или отрезанную, как-то отделенную часть чего-либо. И вполне возможно, что и наши камни уже в троне Дуваджиджан хана представляли собой три фрагмента единой округлой глыбы, распиленной по каким-то поверхностям может быть для облегчения доставки к слишком удаленному пункту.

Какова была судьба первого фрагмента, увезенного по воле Тимура, пока неясно. Два другие „кута“ были доставлены в Самарканд, где и под-

¹ Д. И. Эварницкий, ук. соч., стр. 105.

² А. Е. Ферсман. Самоцветы России. Пг., 1920, стр. 97—98.

³ Быть может именно он и есть тот камень зеленого цвета, который, по данным Абу Дулафа, в X в. пользовался в Восточном Туркестане у киргизов „великим уважением“, когда перед ним творили суд и во славу его закалывали жертвенных животных. В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, стр. 35 (отд. отт. из ЖМНП).

⁴ Так в рукописях; в упомянутой индийской литографии написано *يَشْ* 'яшм'.

верглись обработке, дабы можно было создать из них новую архитектурную форму. Возможно, следом этой работы является целое гнездо мелких якобы нефритовых обломков, обнаруженных в 1871 г. З. Э. Жижемским при пробивке улицы к Гур-и Эмиру от Абрамовского бульвара. Несколько небольших кусков нефрита со следами распиловки были встречены нами в 1943 г. при вскрытии подпольных слоев в самом Гур-и Эмире, где отложился различный строительный мусор, накопленный в момент переустройства памятника при Улуг беке.¹

В первую очередь подогнали друг к другу два сохранившихся доныне на месте крупных куска и именно так, что зеркальное повторение рисунка поверхности былого распила могло быть и действительно было улавливаемо наиболее внимательными и вдумчивыми людьми, из числа осматривавших намогильник. Ни размеры доставленных фрагментов, ни их неправильные поверхности, определявшиеся формами дикой глыбы, не дали возможности каменотесам обойтись без подгонки во многих местах и со всех четырех боковых сторон, кроме верха,² отдельных кусков разных размеров и форм. К их числу принадлежал и рассмотренный „третий“ угловой фрагмент относительно незначительных размеров по сравнению с теми объемами, которые должны были быть заполнены рядом других. Не исключена возможность, что при этом нехватало спилов от двух „кута“, привезенных Улуг беком, и был пущен в дело ранее доставленный при Тимуре.

Как бы то ни было, но в свете новых данных оказывается уже не так был далек от истины бывший везир Мерва Мухаммад Каэм, когда в XVIII в. он писал, что Надир шахом было отдано распоряжение увезти из Самарканда тимуровский намогильник, „который из одного куска нефрита“ (پارچه 'кусок', 'часть', 'отдельность'), т. е. был выполнен из материала некогда единой монолитной глыбы. И не так были неправы все те, которые пытались отвести обвинения от Надир шаха в раскалывании „сиотоба“. В 1740 г., когда исполнители воли последнего азиатского „мирового завоевателя“ рьяно взялись в Самарканде за порученное им дело, намогильник Тимура не разбрался на четыре куска, как понимали слова Абдулкерима кашмирского, а распался на четыре части, причем некоторые из них могли состоять в свою очередь из нескольких кусков, хорошо пригнанных и скрепленных между собой с помощью железных штырей. Вполне возможно, что кое-какие из них, наиболее мелкие, были утрачены и разошлись по рукам

¹ Следы распиловки ясно видны были на ряде мелких кусочков нефрита и черно-зеленого змеевика, наибольшие из которых едва достигали в длину 7 см. Ширина паза пропила колеблется от 1.5 до 1.7 мм; глубина паза — от 2 до 6 мм; ширина излома от 1 до 5 мм. Как исключение, в одном случае наблюдался излом в 1.1 см. Кусочки были отшлифованы от гальки, так как одна из поверхностей их первональная, сохранившая природный вид. Весьма возможно, что З. Э. Жижемский в свое время встретил также осколки и нефрита и змеевика.

² Один из верхних углов плиты не кончается правильным прямым углом в 90°, а слегка скослен. Учитывая необычайную прочность нефрита, следует полагать, что мастера с самого начала затесали его так, чтобы ради подгонки под прямой угол не подвергать лишним изменениям форму чудесного камня.

тогда же на месте в Самарканде. Один, как мы знаем, оказался „по протекции“ знатного администратора у Абдулкерима и запропастился потом где-то в Индии. Во всяком случае, когда перед Надиром в Мешхеде представили распавшиеся, неправильной формы куски тимуровского намогильника, они выглядели очевидно так же непрезентабельно, как и в 1923 г., когда их сняли с цоколя и привалили в сторонке на время производившегося тогда ремонта. Персидский шах поручил правителям и начальникам областей вывезти плиты из пределов Мешхеда вместе с захваченными одновременно бронзовыми дверьми соборной мечети Тимура, от станции до станции, в Бухару, а оттуда, якобы по приказанию фактически безгласного хана Абу-л-Файза, доставить в Самарканд и „поместить на своем месте так, как было раньше“. Перевозка туда и обратно, по свидетельству современников, обошлась правительству дорого и принесла, должно быть, определенную выгоду кое-кому из участников этой затеи „миродержца“.

Было ли все поставлено „на свое место так, как было раньше“? Очевидно, нет. Заведомо нехватало одного куска, застрявшего у Абдулкерима. Могли легко утеряться и некоторые другие. Н. И. Веселовский был прав, говоря, что неизвестно, когда утратился наш „треугольный нефритовый приставок“ с продолжением торцовой надписи. Легко допустимо, что это произошло именно в „безвременье“ тяжелого не для одного Самарканда XVIII в. Во всяком случае, его не было на месте уже давно, о чем свидетельствуют наиболее ранние фотографические снимки. Не отсутствие ли его настолько исказило весь вид намогильника, что Н. В. Ханыков воспринял его как „имеющего форму усеченной четырехугольной пирамиды, поставленной на верхнее свое сечение“? Так же иногда изображали на некоторых рисунках 60-х и 70-х годов прошлого столетия.

По показанию последнего владельца, этот кусок с частью надписи был в его семье на протяжении нескольких поколений, в течение какового времени он вовсе не служил предметом эстетического любования, а интенсивно эксплуатировался, о чем свидетельствуют места многочисленных сколов на нем. Именно они и привели к утрате части текста исторической надписи на намогильнике Тимура, причем, вопреки словам В. В. Бартольда, это случилось не „в новейшее время“!¹ Автор спутал торцовую историческую надпись с помещенной на верхней стороне намогильника родословной, и при этом имел в виду далеко не справедливое высказывание Н. И. Веселовского, будто Барбот де Марни и Мушкетов „молотками отбили куски нефрита“ и при этом били прямо по надписи.² В дореволюционном Туркестане это обвинение разрослось, причем говорилось даже об отколе и увозе за границу углового куска торцовой стороны с частью текста. В действительности оба названные геолога отделили несколько незначительных мелких

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 31.

² Н. И. Веселовский. О надгробии Тимура, стр. XII.

сколов, необходимых для микроскопического анализа, что не могло сколько-нибудь ощутимо повредить надписи и ее прочтению. Осмотренные мной в 1925 г. образцы, тщательно хранившиеся тогда в Музее Горного института в Ленинграде, отличались исключительной тонкостью и помещались в очень маленькой стеклянной пробирочке. Пресловутый же угловой кусок, якобы попавший за границу, своим появлением счастливо снимает с памяти достойных русских ученых столько десятков лет тяготевшее над ними обвинение.

западном и юго-западном побережье Каспийского моря, в Афганистане, на севере Ирана и в Сирии. Среди находок из этого периода можно отметить, что в Афганистане и Сирии были обнаружены памятники, датируемые концом VIII—X вв., а в Афганистане и Сирии, а также в Иране и на территории Аравийского полуострова, — концом X—XI вв.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НАДПИСЬ С ИМЕНЕМ БАДР АД-ДИНА ЛУЛУ НА БРОНЗОВОМ ПОДСВЕЧНИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Первое краткое и пока единственное описание бронзового подсвечника с именем Бадр ад-дина Лулу из собрания Государственного Эрмитажа (КИ 3690) появилось в каталоге выставки III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.¹ На этот же каталог ссылается, упоминая о надписи на указанном подсвечнике, В. А. Крачковская в своей статье „Надпись бронзового таза Бадр ад-дина Лулу“, помещенной в первом выпуске настоящего издания.² Самому памятнику в дальнейшем будет посвящена специальная статья, настоящая же ограничивается изданием одной только надписи.

Памятник, о котором идет речь, составлен из двух частей от разно-временных больших бронзовых подсвечников (высота его в нынешнем виде 0,82 м), стержень его, на основании технического и стилистического анализа относится к XII в. и к иной производственно-культурной среде. Помимо искусственного соединения, на стенках основания подсвечника, у верхнего края их, имеются поздние добавления в виде симметрично расположенных трех массивных фигурных накладок с небольшими тонкими ушками, свидетельствующих об использовании памятника в быту в позднее время. Накладки наглухо приклепаны и закрывают некоторые места в надписи. В остальном надпись, почти бесследно потерявшая былую свою инкрустацию из серебра, прекрасно сохранила свой основной рисунок. Как графические недостатки, нужно отметить нечеткую охарактеризованность некоторых знаков (س как общее явление, особенно дважды в слове ش; المسلمين в слове الشّرق, порой и отсутствие их (ن в словах سيد, المتمردين и النصر المنصور, в словах ش، المعتقين и جيوش).

Надпись исполнена прямым насхом (рис. 1—2). Линии знаков нешироки, что при некоторой вытянутости вверх стержней высоких букв придает ей известную стройность. Занимает она два горизонтальных пояса в верхней и нижней частях основания подсвечника на стенках и размещена в них равн-

¹ Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии, вып. I, Гос. Эрмитаж, Л., 1935, стр. 407, зал 227, XXXI, 3.

² Эпиграфика Востока, I, Академия Наук СССР, М.—Л., 1947, стр. 9, прим. 1.

Рис. 1. Бронзовый подсвечник Бадр ад-дина Лулу.

мерно. В одном месте (эпитет [سيّد أمراء] الشرق والغرب наблюдается известная теснота, приведшая к уменьшению размеров некоторых знаков и едва ли случайному пропуску восстанавливаемого алифа, при возможности обслуживания наличествующим другим несвязанным алифом обоих слов, приему, как известно, практиковавшемуся в то время. Наблюдаемая обычно в подобных

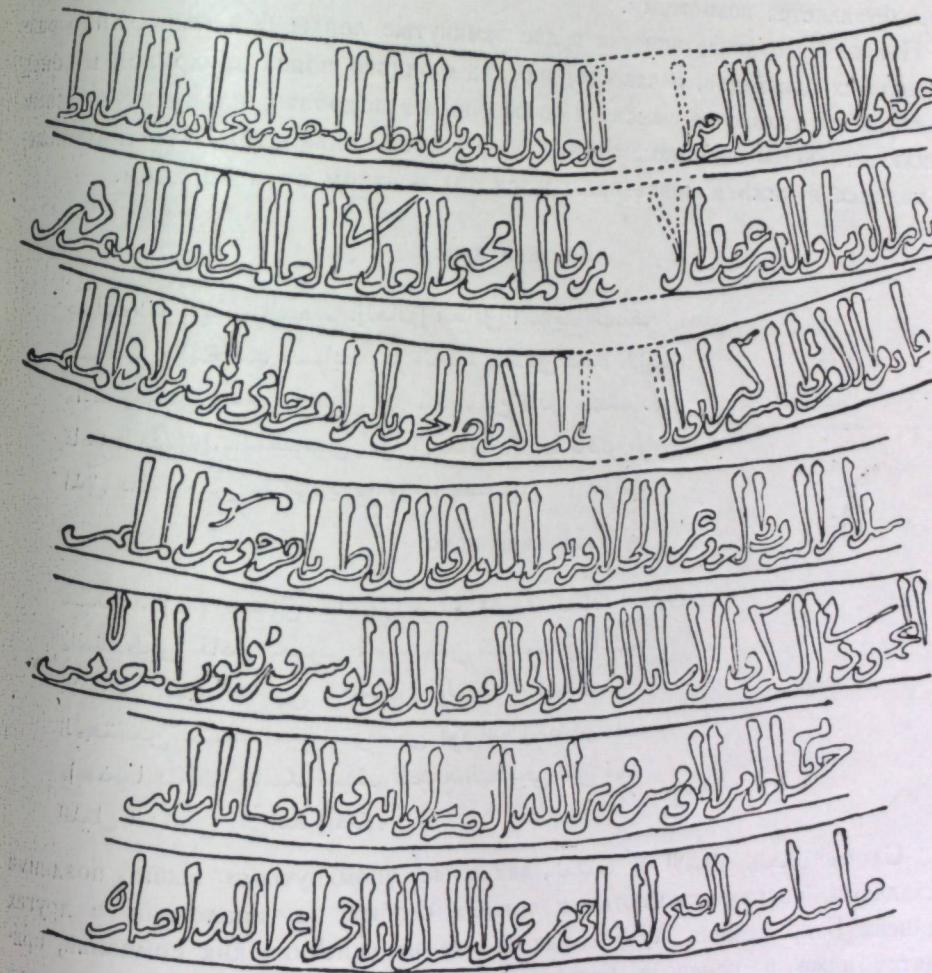

Рис. 2. Надпись на бронзовом подсвечнике Бадр ад-Дина Лулу.

надписях забота избежать излишних пустот сказалась в появлении лām-алифа куфического характера над словом بِرُورٍ и трех фигур, несвязанных непосредственно с заполняющими фон надписи растительными узорами; фигуры расположены над стоящими последовательно словами: ... قلوب المعتقين حسام... Эти фигуры, подражающие своим видом знакам письма, не несут служебной роли и не характеризуют, как это могло быть с последним из них, поставленным над знаком س в слове حسام, нижестоящих букв. Надстрочные знаки الصبح و جيوش (дамма). Обычно употребляемая в надписях фатха полностью отсутствует.

Состояние надписи с выпавшей инкрустацией затрудняет установить точную степень насыщенности ее диакритическими точками, имеющими вид небольших спиралей. Спиралей такого же вида и размера и чуть крупнее вкраплено много в орнаменты, заполняющие фон надписи, и отделить с уверенностью спирали, несущие служебную роль, от спиралей орнаментальных не представляется возможным.

Поскольку надпись вписана в две замкнутые ленты без каких-либо разделительных признаков, начало ее, переход с одного пояса на другой и конец определяются только по смыслу и по обычным в подобных надписях вводным и заключительным оборотам. Чтение облегчается только тем, что продолжение надписи в нижнем поясе приходится под началом ее в верхнем.

Верхний пояс

عَزَّ لِمَوْلَانَا الْمَلِكِ الرَّحِيمِ الْ[عَالَمِ] الْعَادِلِ الْمُؤْتَمِرِ
الْمُنْصُورِ الْمُجَاهِدِ الْمُرَابِطِ بِدِرِ الدُّنْيَا وَالْدِينِ عَضْدِ الْإِسْلَامِ
وَالْمُسْلِمِينَ مُحَمَّدِ الْعَدْلِ فِي الْعَالَمِيْنِ قَاتِلِ الْمُتَمَرِّدِينَ
قَاهِرِ الْكُفَّارِ وَالْمُشَرِّكِينَ أَبُو الْيَتَامَةِ وَالْمُسَاكِينِ نَاصِيَّ
الْحَقِّ بِالْبَرَاهِينِ حَامِيَ بِرُورِ بِلَادِ الْمُسْلِمِينَ

Нижний пояс

سَيِّدِ امْرِ[آءِ] الشَّرْقِ وَالْغَربِ عَزِّ الْخِلَافَةِ نَقِيبِ (?) الْمُلُوكِ
وَالسَّلاطِينِ نَاصِيَ جَيُوشِ الْمُسْلِمِينِ الْمُهَمَّدِ فِي الشَّكْرِ وَ
الْأَسَائِلِ الْمَسَالِكِ أَبِي الْفَضَائِلِ لَوْلُو سُرُورِ قُلُوبِ
الْمُعْتَقِّينَ حَسَّامِ امِيرِ الْمُؤْمِنِينَ قَرَرَ اللَّهُ النَّصْرَ بِلَوَائِهِ
وَالْمُضِيَّا بِأَرَائِهِ مَاسِكِ سَيفِ الصَّبْعِ الْمَفَاجِيِّ مِنْ غَمَدِ
اللَّيلِ الدَّاجِيِّ اعْتَدَ اللَّهُ اتْصَارِهِ

Слова *اليتاما* и *الإسلام*, *العالم*, закрытые упомянутыми выше поздними накладками, восстанавливаются в прямых скобках по аналогиям в других надписях Бадр ад-дина Лулү и, как не вызывающие никаких сомнений, приводятся ниже в переводе без восстановительных скобок. На основании таких же аналогий восстанавливается и конечное ة в слове *الكفرة*, намек на которое можно видеть в неоформленной фигуре над указанным словом, которую, однако, трудно признать с уверенностью за знак письма (ср. знак ئ в последнем слове надписи *(أنصاره)*). Вообще же мы не считаем невозможным чтение в данном и в подобных случаях *قاهر الكفر والمشركين* по аналогии *قتل سلطان دكن* или вариантами последнего *سلطان دكن* вместо *سلطان دكن* (или *سلطان دكن*) в тексте надписи. Вместо *ع ضد الإسلام والمسلمين* с, что хотя формально и исключается при засвидетельствованных в печати вариантах: ¹ *قاتل الكفرة والمشركين* и *قامع الكفرة والمشركين*.

¹ Вместо أبى.

² См. здесь и ниже надписи с именем Бадр ад-дина Лулү в *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe* (тт. X, XI, Каир, 1939).

в слове أصْرَمَ оговорено выше и не требует дополнительных разъяснений. Единственный вопросительный знак в надписи, после слова نقِيب, выражает не столько неуверенность автора в правильности предлагаемого им чтения, сколько графическую неудовлетворительность изображения. Начертание второго знака, который мы принимаем за ئ, недостаточно четкое, и при определении его мы руководствовались близкими по форме начертаниями знака ف в слове [ة] الكفرة و дважды в предлоге بـ. С известной натяжкой в начале слова можно было бы видеть знак ئ, однако трижды повторенное в надписи соответствующее начертание его с опущенной ниже первой чертой (слова بالبراهين و قاهر, المجاهد) отводит это предположение, тем более, что едва ли удается подобрать слово со знаком ئ в начале, которое по начертанию и смыслу подошло бы к данному месту. Если термин نقِيب не засвидетельствован в таком сочетании в близких по характеру и времени надписях, то употребление его в сходном сочетании широко известно. То обстоятельство, что последнее идет из шиитских кругов, не может служить доводом, отрицающим использование того же слова в титулатуре суннитских правителей.

Мы не сочли нужным восстанавливать в прямых скобках знаки ئ и ئ в тех случаях, когда присутствие их само собой подразумевается, но графически они не выражены (см. об этом выше). К таким случаям относится слово جيوش, не встретившееся нам в надписях с именем Бадр ад-дина Лулү, но засвидетельствованное в ортуидских и нисанидских надписях.¹ Возможность чтения слова без восстанавливаемого ئ в форме حوش исключается, как нам кажется, хотя бы потому, что при допущении иносказательного употребления этого слова, обычно означающего 'монастырский двор', 'ограда', 'загон для скота', естественнее было бы ожидать его в форме двойственного числа حوشين по аналогиям с حضرتين в других надписях. Кроме того, поставленная над словом дамма, как было указано выше, не оставляет сомнений в правильности предлагаемого чтения.

Единственным эпитетом, в конструкции которого не соблюдена стройность, наблюдаемая в остальных сложных эпитетах надписи, является выражение المُهَمَّدِ فِي الشَّكْرِ وَالْأَسَائِلِ الْمَسَالِكِ.

Возникает сомнение, нет ли тут пропуска слова, которое могло образовать со словом الشَّكْرِ такое же сочетание, как следующее за ним الإسْلَامِ الْمَسَالِكِ. Помимо соображений конструктивного характера, на эту мысль наталкивает и недостаточная четкость образа, очень ясного в остальных сложных выражениях. Не исключена возможность, что вследствие пропуска тут произошло слияние двух разных эпитетов. Предлагаемое чтение не вызывает в нас колебаний. Возможность чтения последних двух слов выражения не исключена, 'الْمَسَالِكِ' легко увязало бы с последующим имением, но не согласовалось бы с предшествующим союзом و. Но и помимо последнего, наличие знака س в обоих рассматриваемых словах

¹ Amida, Heidelberg, 1910, №№ 24, 27, 32.

очевидно. Выражение же **الاتابك المالك** не исключало бы в себе внутренней несущности.

Перевод надписи

'Слава господину нашему, царю милосердному, ученому, справедливому, поддерживаемому [свыше], победоносному, вспомоществуемому [свыше] на победу, борцу за веру, охранителю границ, Бадру ад-дунья ва-д-дин, опоре ислама и мусульман, оживителю справедливости в мирах, уничтожающему повстанцев, одолевающему неверных и многобожников, отцу сирот и бедняков, способствующему истине доказательствами, защитнику земель стран мусульманских || сейиду амиров Востока и Запада, гордости халифата, вождю царей и султанов, пособнику армий мусульманских, прославившемуся в благодарности [пропуск?] и в допытывании путей, Абуб-Фада'илу¹ Лулү, радости сердец вольноотпущеных [рабов], мечу амира правоверных, да укрепит Аллах победу его знаменем и совершение [дел] его помыслами, выхватывающему меч вневременно настигающего утра из ножен темной ночи, да прославит Аллах его пособников'.

Переход надписи с верхнего пояса на нижний отмечен в переводе двумя вертикальными разделительными черточками.

Упомянутая выше статья В. А. Крачковской с исчерпывающей библиографией и со сводкой употребления отдельных вариантов эпитетов в титулатуре Бадр ад-дина Лулү снимает с нас задачу приведения всех параллелей к разбираемой надписи. Отсылая желающих получить более детальное сличение к этой статье, мы ограничимся только несколькими замечаниями.

Начало надписи, содержащееся в верхнем поясе, носит трафаретный характер, отличаясь от других несколько измененной расстановкой обычных эпитетов и необычным употреблением некоторых слов. К числу последних относятся **قاهر قاتل** — начальные элементы отдельных эпитетов, употребленные не в обычных местах, а как бы взаимно перемещенные. Обращает на себя внимание также употребление слова **ببور** в форме множественного числа (от единства **ببر**), мало употребительной не только в эпиграфических памятниках, но и в литературе вообще. Обычно в соответствующих местах других надписей встречается множественная форма **شغور** (от единств. **شغر**).

Вторая часть надписи, занимающая нижний пояс, в отличие от первой, наряду с обычными эпитетами, не всегда точно соответствующими параллелям их в других надписях, содержит также выражения, не имеющие себе аналогий.

К числу обычных эпитетов, употребленных не в полном соответствии с параллелями, относятся:

1. **سید امراء الشرق والغرب**. Известны варианты с началом: **ملوك امراء** или **سید امراء** вместо **اجل ملوك**.

¹ Оставляем без перевода эпитет **ابو الفضائل**, который, как нам кажется, составляет такую же неотделимую часть официального имени Лулү, как и прозвище **بدر الدنيا والدين**.

2. **عتر الخلافة**. Варианты **نخر** или **صفى** вместо **عتر**.
 3. **نقيب الملوك والسلطانين**. Варианты: **قا** вместо **نقيب** или **سید**.
 4. **ناصر جيوش المسلمين**. В надписях с именем Бадр ад-дина Лулү не засвидетельствован. Встречается в надписях ортукидов: Маудуда (вариант **نصر شرف** вместо **ناصر**) и Мухаммада (вариант (?) **زعيم** вместо **ناصر**) и нисанида 'Али в форме **مقدمة البيوش**¹.

Не имеют себе аналогий следующие эпитеты:

1. **المحمود في الشكر والسائل المسالك**
2. **سرور قلوب المعتقين**

Эти эпитеты, особенно второй из них, повидимому, являются отражением каких-то реальных фактов в деятельности Бадр ад-дина Лулү. Иначе нужно рассматривать последний, сложный по конструкции, рифмованный поэтический образ в качестве эпитета:

مساك سيف الصبح المفاجي في غمد الليل الداجي

в котором скорее можно видеть хвалебное выражение, чем намек на какой-то исторический случай. В виде рифмованного поэтического образа построено также сложное благопожелание:

قرر الله النصر بلوائه والمضيا باراده

Поскольку последние два выражения построены также и на аллитерации, невольно приходится вернуться к эпитету

المحمود في الشكر والسائل المسالك

во второй части которого, в отличие от первой, тоже соблюдена аллитерация. Быть может это послужит лишним доводом в пользу нашего предположения, что данный эпитет не без порока.

Литературная форма сказалась не только в отдельных выражениях. Надпись в целом, как и все подобные ей, построена с соблюдением известного ритма и содержит основную рифму на **ـين**. Помимо отмеченных отличительных свойств надписи, особенно бросается в глаза отсутствие в ней двух взаимно исключающих друг друга титулов Бадр ад-дина Лулү, не трафаретных эпитетов, а официальных показателей его политической роли: титулов **سلطان** и **اتابك**. Допустить, что тут могла иметь место небрежность со стороны составителей или исполнителей надписи, едва ли есть основание. Если опущение первого титула, указывающего на зависимое положение его носителя, могло бы найти себе объяснение, то пропуск второго, свидетельствующего о получении Бадр ад-дина Лулү инвестиции от халифа, не нашел бы себе оправдания. Формально отсутствие обоих титулов может служить для нас основанием для датировки надписи. Бадр ад-дин Лулү при-

¹ См. стр. 78, прим. 2.

6 Эпиграфика Востока, II

обрел независимость в 631/октябрь 1233—сентябрь 1234 г. и в том же году он был призван халифом и получил право ношения титула سلطان. В промежуток между этими событиями, быть может, составлена рассматриваемая надпись. Если же основательно высказанное М. ван Бершемом предположение, что получение Бадр ад-дина Лулү инвеституры от халифа относится ко времени после 646 г. х.¹, то тем самым и период датировки надписи придется расширить от октября 1233 г. до апреля 1249 г.

1948 · Э П И Г Р А Ф И КА В О С Т О К А · II

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

„ГОРОД ТЕЙШЕБАНИИ“ В УРАРТСКОЙ КЛИНООБРАЗНОЙ НАДПИСИ

В 1936 г. на холме Кармир-блур (арм., „Красный холм“), расположеннном на левом берегу р. Занги, ниже Еревана, был найден обломок камня с клинописью, содержащей имя урартского царя Русы сына Аргишти (ок. 685—645 гг. до н. э.).

Раскопки, начавшиеся в 1939 г., открыли на Кармир-блуре остатки мощной крепости и дворца урартского наместника, погибших в начале VI в. до н. э. во время набега скифов. Внезапность гибели крепости и пожар дворца объясняют факт нахождения при раскопках большого числа предметов, хорошо сохранившихся под рухнувшей горевшей кровлей и обвалившимися стенами, сложенными из сырцового кирпича.

Работами 1946 г. был открыт ряд помещений в северной части дворца. Из их числа особое внимание привлекла кладовая у внешней стены, подполье которой было засыпано пшеницей, сохранившейся сплошным слоем, толщиной 0.25—0.45 м. Над запасами зерна, на деревянных досках пола, обнаружено большое количество сильно поврежденных бронзовых предметов. Тут находились бронзовые части мебели и kostяные инкрустации ее деревянных частей, браслеты, пояса с изображениями, разнообразные сосуды и плоские чаши. В одной из чаш была найдена пара золотых серег, украшенных зернью.

В кладовую вела только одна дверь из узкого и совершенно пустого помещения. В дверном проеме были обнаружены части запора, представлявшего собою массивный бронзовый стержень, длиною около 0.46 м, с кольцами на концах (большее кольцо диам. 0.13 м, меньшее диам. 0.07 м). Такие части запора были и раньше находимы, как при раскопках на Кармир-блуре, так и на Топрах-кале, около Вана.¹ В меньшее кольцо была вдета железная петля с расклепанными концами, посредством которой этот стержень прикреплялся к деревянной двери. На большем кольце, по наружному его краю, вырезана клинообразная надпись, частично поврежденная; окисью уничтожено около шести знаков (рис. 1).

¹ О начале царствования Бадр ад-дина Лулү и о получении им инвеституры см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions de l'atabek Lu'lù de Mossoul. Orientalische Studien, I, Giessen, 1906, стр. 197—193 и 208, прим. 1.

¹ C. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Abhandl. der Königl. Gesell. der Wissensch. zu Göttingen. Phil-Hist. Klasse. NF, IX 3, 1906, рис. 73.

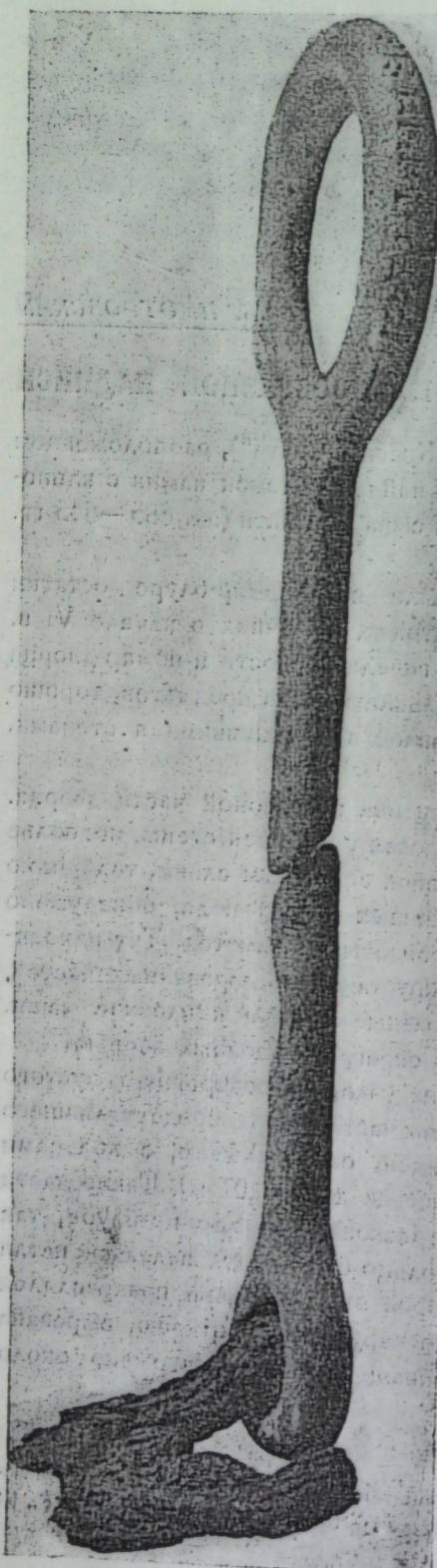

Рис. 1. Часть бронзового зипора с Уфалейской каниописью из овальной горы Касииной. 1046

| Ru-sa-a-i | Ar-giš-te-hi-ni-i
u-ri-[iš-hu-si-ni -=|| --|-] te-i-še-
-ba-i-ni -=||

Надпись выполнена четким письмом клиньями ассирийского типа, с гвоздевидной верхней частью и данными линейно выходными клиньями в знаках *sa*, *ni*, *u*.

Первые два слова представляют собой имя и отчество урартского царя Русы сына Аргиши, в родительном падеже. Третье слово, от которого сохранились лишь детерминатив „дом“, два первых знака u-ri и часть знака iš, может быть восстановлено как ս-ր-ի-շ-ի-ս-ն-ի, т. е. как именно то слово, которое, правда без детерминатива, встречается в надписи на бронзовом щите из Кармир-блура, открытом в 1940 г.

Двусторочная надпись на щите передает следующий текст:

1. | Ar-gi-iš-ti-ni-i u-ri-iš-ḥu-si-ni-i
Me-nu-a-hi-ni-i i-ni aše | Ar-gi-iš-ti-ni
Me-nu-a-hi <≡||| -/-> < al-su-i-ni
< Bi-i-a-na-u-e a-lu-si >≡|| Tu-uš-pa
≡||

2. → Hal-di-e e-u-ri-e i-ni a-še
Ar-gi-iš-ti-še | Me-nu-a-hi-ni uš-tu-ni
→ Hal-di-ni-ni al-su-i-ni | Ar-gi-iš-
ti-ni | Me-nu-a-hi < ≈||| -/- <
l-su-i-ni < ≈ Bi-a-na-u-e a-lu-si -|||
u-uš-pa |||.

Шит хранится в Государственном историческом музее Армении в Ереване.

Значение слова *u-ri-iš-hu-si-ni* окончательно еще не установлено. Первая его часть, на основании келяшинской урарто-ассирийской билингвы, может переводиться как 'оружие',¹ вторая же часть в форме *hu-si-e* встречается в надписях Менуи, сына Ишпунини, на базах колонн (׀ Me-nu-a-še׀ Iš-pu-u-i-ni-hi-ni-še i-ni ئىنى ئەسى ئەزىدۇنى).²

Таким образом, все это составное слово можно перевести как 'дом оружия' (у Менуа „дом щита“), т. е. как 'крепость' или 'арсенал'.

Четвертое слово надписи на части запора передает имя города, что подкрепляется еще идеограммой 'город', помещенной позади слова, (так же как в названии города Тушпы, обычном в урартских надписях). Имя города оказывается теофорным и восстанавливается как Te-i-še-ba-i-ni , т. е. 'бога Тейшебы город'. Следует обратить внимание на то, что в надписи, так же как и в одной из изданных А. Сейсом, имя бога выписано очень детально, со знаком *i* между *te* и *še*, что уточняет действительную форму имени этого бога.

Перевод всей надписи будет таков: „Русы, сына Аргашти крепость [арсенал?] Тейшебани города“.

Эта небольшая надпись на запоре двери дворцовой кладовой оказывается первостепенной важности. С одной стороны, она подтверждает дату постройки крепости урартским царем Русой сыном Аргишти, а с другой стороны, этот лаконичный текст приводит древнее название города на холме Кармир-блур и вокруг него.

В урартских текстах, открытых на территории Закавказья, еще раз встречается это имя крепости. Как видно по надписи Русы сына Сардури, вырезанной на скале у древней крепости на южном берегу оз. Севан, у сел. Цовинар (бывш. Келагран), крепость также называлась городом бога Тейшебы. Крепость же у Норбаязета, построенная тем же Русой сыном Аргишти, носила имя „города бога Халда“.

Дальнейшие раскопки Кармир-блура, вероятно, подтвердят это древнее название Кармир-блура.

¹ C. F. Lehmann-Haupt, *Corpus Inscriptionum chaldaicarum*, I, 1928, esp. 27.

² И. И. Мещанинов. Халдеские надписи на базах колонн собрания Б. Н. Шаховского. ДАН—В, 1931, стр. 29.

На странице опубликованы фрагменты клинописных таблеток из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре. Таблетки сделаны из глины и обожжены. На лицевой стороне таблетки A сохранилось начало пяти строк текста. На оборотной стороне таблетки B — три неполные строки текста. Таблетка C — фрагмент, состоящий из трех строк текста. Текст на таблетках написан на урартском языке.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ФРАГМЕНТЫ КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛЕТОК ИЗ РАСКОПОК 1946 г. НА КАРМИР-БЛУРЕ

Во время археологической кампании 1946 г. на Кармир-блуре Б. Б. Пиотровским были обнаружены три фрагмента клинописных таблеток. До сих пор из урартских письменных памятников на глине было известно только две целых таблетки и четыре фрагмента, происходящие из столицы Ванского царства. В Закавказье же были находмы только надписи на камне.

Здесь мы приводим автографическую копию, транскрипцию и описание найденных фрагментов.

Фрагмент А

Сколок (38×24 мм) с лицевой стороны большой, плоской таблетки слабого обжига, от левого края столбца (по краю фрагмента имеются следы линования). Сохранилось начало пяти строк (рис. 1):

- (x + 1) 12 22(?)... [...]
- (x + 2) | a-šú- [...]
- (x + 3) AMÉLU [...]
- (x + 4) | šú-šú- [...]
- (x + 5) amél k[u- ...]

Документ содержал, повидимому, перечень людей.

Фрагмент Б

Фрагмент (24×31 мм) левого края и середины небольшой (приблизительно 60×40 мм), хорошо обожженной таблетки. На лицевой стороне сохранились три неполных строки (приблизительно пятая—седьмая или седьмая—девятая), на обороте — начало трех строк текста (рис. 2):

- (x + 1) šú-ki " hi-ni " t[a(?)- ...]
- (x + 2) | lš-ta-a-gi [...]
- (x + 3) hi-ni " a-te-r[i] ...

- Фрагмент А (пропуск 10—12 строк)
- (y + 1) al[-...]
 - (y + 2) za-du[-ni (?)...]
 - (y + 3) | A-r[u(??)] — ...

Знаком " я передаю два наклонных клина, — знак словораздела или повторения. Знак | (вертикальный клин) может быть прочитан как детерминатив

Рис. 1. Фрагмент клинописной таблетки А. Кармир-блур, 1946 г.

Рис. 1. Фрагмент клинописной таблетки А. Кармир-блур, 1946 г.

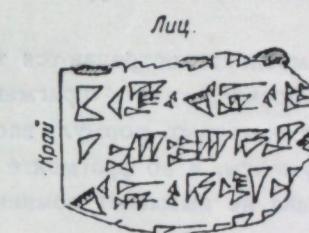
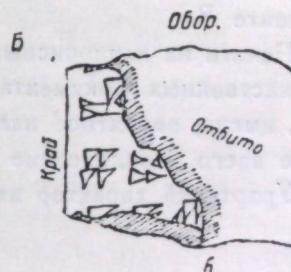

Рис. 2. Фрагмент клинописной таблетки Б: а — лицевая сторона, б — оборотная сторона. Кармир-блур, 1946 г.

б

мужского имени. Знак te может быть прочитан и как la. Таблетка дает уже известные урартские слова šuki, hi-ni и глагол zad- 'делать'. Тем самым решается вопрос о языке данных документов.

Рис. 3. Фрагмент клинописной таблетки В. Кармир-блур, 1946 г.

Фрагмент В

Фрагмент (33×25 мм) верхней части оборота очень слабо обожженной таблетки, несколько большей, чем в предыдущем случае. Сохранились средние части четырех строк и оттиск печати. Почекрк близок почерку фрагмента Б (рис. 3):

- (x + 1) ...] ... ši-ú-[ni(?)...]
 - (x + 2) ...] a-te-ri " bi-[...]
 - (x + 3) ...] ... -li " bi-[...]
 - (x + 4) ...] ... -da-a " ...[...]
- (печать: ...) ... m. d. [...]

Одинаковый почерк, обилие знаков-разделителей, повторение слова ateri — заставляют видеть в этом фрагменте часть документа, однотипного с фрагментом Б.

Ši-ú-[...] — вероятно остаток слова šiuni 'привел'. Окончание -li — очевидно, урартское окончание множественного числа.

На оттиске печати различаются остатки надписи — повидимому, детерминативы мужского имени и имени бога — очевидно, начало теофорного имени типа *m. d. Sar₆-du-ri*.

Характер документов и языки

Несомненно, что все три документа относятся к числу деловых — судя по обилию цифр и расположению строк на фрагменте *A* и по печати на фрагменте *B*.

Печати на клинописных памятниках встречаются только на юридических и хозяйственных документах. Характер текста фрагментов *B* и *C* (сплошной текст, имена, вероятное наличие языковых формул) заставляет видеть в них, скорее всего, юридические документы, а во фрагменте *A* — документ счетный.

Урартский характер их языка не вызывает сомнений.

Орфографические и палеографические особенности

Особенностью орфографии данных фрагментов является частое повторение знака-разделителя;¹ создается впечатление, что он ставится после каждого слова, как в персидской клинописи. В ассирийской клинописи разделитель употребляется очень редко (например, для выделения глосс, иногда для разделения полустиший в поэтических текстах).

В палеографическом отношении кармир-блурские фрагменты весьма сходны с таблеткой, опубликованной Леманном² и датированной правлением Русы II, сына Аргишти (так называемое „письмо Шагаштара“), и сильно отличаются от надписей на камне, где пошиб близок к ассирийскому пошибу IX в. до н. э.

Некоторые палеографические особенности (допущение четырех параллельных клиньев вместо трех, допущение пересечения клиньев, общая с урартской эпиграфической клинописью тенденция превращать наклонные группы клиньев в горизонтальные), показывают все же, что и этот пошиб восходит к ассирийскому пошибу IX в. Другие особенности, повидимому, выработались в урартской клинописи на глине самостоятельно (снижение горизонтальных знаков на уровень строки, упрощение знаков *a*, *iš*, *amēlu*); этих особенностей нет ни в ново-ассирийской, ни в урартской монументальной клинописи; они легко объясняются развитием скорописи.

Дата

Далеко ушедшее развитие шрифта по сравнению с исходными формами, каковыми надо считать ассирийские формы IX в., сохраненные урартским эпиграфическим пошибом, и сходство с почерком таблетки, датированной правлением Русы II, заставляет отнести кармир-блурские фрагменты не ранее, чем к VII в. до н. э.

¹ То же явление на фрагментах из Вана: C. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur ältesten Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Berlin — Göttingen, 1907, №№ 79 и с.

² Там же, № 77. Фрагменты, опубликованные там же, не имеют некоторых указываемых особенностей и, вероятно, датируются VIII веком.

археологических раскопок в древней столице Грузии Мцхете является открытие надписей со своеобразным письмом арамейского происхождения, которое хотя и обнаруживает известное сходство с иранскими письменами, пехлевийским и парсийским, но ввиду оригинальности дуктуса и других палеографических особенностей выделяется среди известных нам систем как самостоятельная ветвь семитической письменности.¹

АРМАЗСКОЕ ПИСЬМО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО АЛФАВИТА. I

Одним из самых важных результатов археологических раскопок в древней столице Грузии Мцхете является открытие надписей со своеобразным письмом арамейского происхождения, которое хотя и обнаруживает известное сходство с иранскими письменами, пехлевийским и парсийским, но ввиду оригинальности дуктуса и других палеографических особенностей выделяется среди известных нам систем как самостоятельная ветвь семитической письменности.¹

С этим выводом согласны многие исследователи, касавшиеся билингвы, как А. Г. Шанидзе,² Х. У. Бейли,³ Х. С. Нюберг⁴ и др. По мнению А. А. Фреймана,⁵ „опубликованная билингва еще недостаточна для убеждения в том, что это письмо может быть выделено в самостоятельную ветвь семитической письменности, хотя такое положение *a priori* вероятно и в будущем, с обнародованием большего количества материалов, может быть будет доказано. Одноязычная надпись из Армази сильно отличается от билингвы и обнаруживает, по словам автора,⁶ «значительно большую архаичность», хотя и древнее билингвы, как думает автор, не более, чем на одно столетие. Некоторые особенности письма билингвы могут быть отнесены за счет индивидуальных привычек лица, вырезывавшего надпись, а также за счет материала. Тот же самый текст, будучи написан тем же лицом на коже, мог бы иметь несколько иной вид, мог бы отличаться другим дуктусом”.⁷ Если армазское письмо нельзя выделить в качестве самостоятельной ветви семитической письменности, то невольно возникает вопрос: к какой из суще-

¹ Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 4; грузинское издание. Изв. ИЯИМК, т. XIII, Тбилиси, 1942, стр. 5; английское резюме, там же, стр. 51.

² А. Г. Шанидзе, журнал „Минтоби“, № 9, 1942, стр. 135 сл. на (грузинском языке).

³ H. W. Bailey, Caucasica, JRAS, 1943, ч. 1—2, стр. 1, сл.

⁴ H. S. Nyberg. Quelques inscriptions antiques découvertes récemment en Géorgie (ex Erano Rudbergiano), vol. XLIV, seorsum expr., Gotoburgi, 1946, p. 232, sq.

⁵ А. А. Фрейман. Несколько замечаний к Армазской билингве Г. В. Церетели. Изв. АН СССР, т. V, вып. 2, 1946, стр. 157 сл.

⁶ Имеются в виду мои слова; см.: Армазская Билингва, русский текст, стр. 19—20.

⁷ А. Фрейман, ук. соч., стр. 158.

ствующих систем письма можно было бы его отнести? А. Фрейман указывает, что „армазские документы, являясь одним из аспектов в развитии арамейских алфавитов, стоят, как кажется, в общем, несколько ближе к парфянским, чем к персидским”.¹ Но вряд ли мы имеем основание считать армазское письмо обычным парфянским, так как некоторые буквы (напр. т, к, կ), хотя и обнаруживают сходство с парфянскими, но зато другие знаки (как, напр. ե, դ, частично ց) примыкают к парсийскому, отличаясь при этом от соответствующих парфянских знаков в такой же степени, как парсийские. При таком положении вещей мы не можем отнести арамейское письмо билингвы к парфянско-пехлевийскому или только к парсийскому. С другой стороны, это не должно мешать нам видеть в нем самостоятельную ветвь семитической письменности, так же как аналогичное явление (частичное родство с пехлевийским, а с другой стороны — с парсийским), характерное еще в большей степени для авестийской азбуки, не мешает видеть в ней самостоятельную ветвь того же письма. Но не следует думать, что армазские знаки делятся на две части, одна из которых примыкает к парфянскому, а другая к парсийскому. Это деление можно провести лишь в отношении некоторых букв. Другие буквы (հ, հ) обнаруживают родство с соответствующими знаками эстрагело, а некоторые из них (Ա, Ե) вовсе не имеют параллелей в семитической письменности. Эти оригинальные начертания отдельных букв и вообще всю своеобразную систему армазского письма едва ли можно объяснить индивидуальностью писца, которая так далеко вряд ли может зайти.

Значительные отличия, обнаруживаемые надписью № 1 сравнительно с билингвой, наблюдаются в рамках армазского письма, а не арамейской письменности вообще. Нельзя, конечно, утверждать, что в каждой армазской надписи мы имеем образец новой, самостоятельной ветви семитической письменности, но это не значит, что эти надписи не могут отличаться друг от друга, в зависимости от эпохи и индивидуальности писца и прочих многочисленных факторов, в рамках одной, новой ветви семитического письма, называемой теперь армазской.

Для характеристики письма следует, конечно, учитывать характер документов, а также материал, на котором они писаны. Поэтому и следует привлекать для сравнения надписи аналогичного с билингвой характера, хотя не надо упускать из виду и таких материалов, как, например, документы на папирусах, иногда более точно отражающие арамейское письмо той эпохи, к которой они относятся, и поэтому более удобные для сравнения, чем архаизирующие лапидарные надписи. Дуктус документов, несомненно, „варьирует сильно, в зависимости от материала, на котором они написаны“ и „от содержания документа“,² и часто бывают случаи, когда человек, наспециализированный

¹ Там же. Ср. с этим слова Х. С. Нюберга относительно того, что письмо билингвы „offre une grande surprise: l'alphabet n'est ni celui des inscriptions arsaciennes, ni celui des inscriptions sassanides“ (H. S. Nyberg, ук. соч., стр. 232).

² А. Фрейман, ук. соч., стр. 158.

в чтении лапидарных, например, арабских или грузинских надписей, не сможет прочесть ни одной строчки, когда ему попадаются грамоты и фирманы, писанные канцелярским почерком діваний, но такие случаи еще не известны, чтобы специалист по чтению, скажем, арабских или грузинских надписей не был бы в состоянии определить, каким письмом писаны документы, когда ему показывают грамоты, писанные арабским или грузинским канцелярским почерком, и принимал бы их за китайские или греческие. С армазским же письмом произошло нечто вроде этого. В своей работе я уже упоминал одну надпись на серебряной чаше, писанной армазским шрифтом. Найдена была эта чаша в 1902 г. в селении Бори, около одного из древнейших культурных центров Западной Грузии, Сканде (нынешний Шорапани). Фотографии чаши с изображением коня и надписью впервые были опубликованы проф. Е. Такайшвили в 1904 г. в „Известиях Кавказского отделения Московского археологического общества“ (Тбилиси, 1904, вып. 1, стр. 90—91), с указанием, что „внутри на дне имеется красивое изображение коня, выполненное золотом, а на обороте мне неизвестная надпись“.¹

В 1909 г. Я. И. Смирнов поместил фотографии указанной чаши в своем атласе „Восточного серебра“ (№ 305, табл. CXXI), с кратким указанием, что она „греческой, вероятно, работы“ (стр. 7).

В 1916 г. фотография надписи была третий раз переиздана Евг. Придиком.² По мнению Е. Придика, из двух надписей, помещенных на чаше, одной нацарапанной и одной врезанной пунктиром, последняя (сделанная пунктиром) „представляет какое-нибудь восточное наречие; нацарапанная же надпись, вероятно, латинская, написанная курсивом, очень напоминает помпейские graffiti“.³ При этом Е. Придик сообщает о неудачных попытках почтенного Канья (Cagnat), известного специалиста по классической эпиграфике, прочесть надпись и о его докладе в „Société des antiquaires de France“.⁴ Кроме того, в свое время Я. И. Смирнов передал фотографию надписи покойному акад. П. К. Коковцову с просьбой разобрать надпись, но все попытки крупнейшего специалиста в области семитической эпиграфики не привели к каким-нибудь удовлетворительным результатам. Наконец, на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в 1935 г. в Ленинграде серебряная чаша с надписью украшала одну из восточных зал Эрмитажа, но для всех присутствовавших на конгрессе специалистов надпись на чаше оставалась загадочной. Таким образом, армазская надпись на борийской чаше трижды издавалась на протяжении сорока лет, почти столько же времени она находилась в Эрмитаже в доступном для обозрения виде, но до дешифровки армазских стел никому не удавалось ее прочесть, в том числе

¹ Е. Такайшвили, ук. соч., стр. 91.

² Евг. Придик. Новые кавказские клады. Материалы по археологии России, вып. 34. СПб., 1914, стр. 94—110. Фотография надписи там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же.

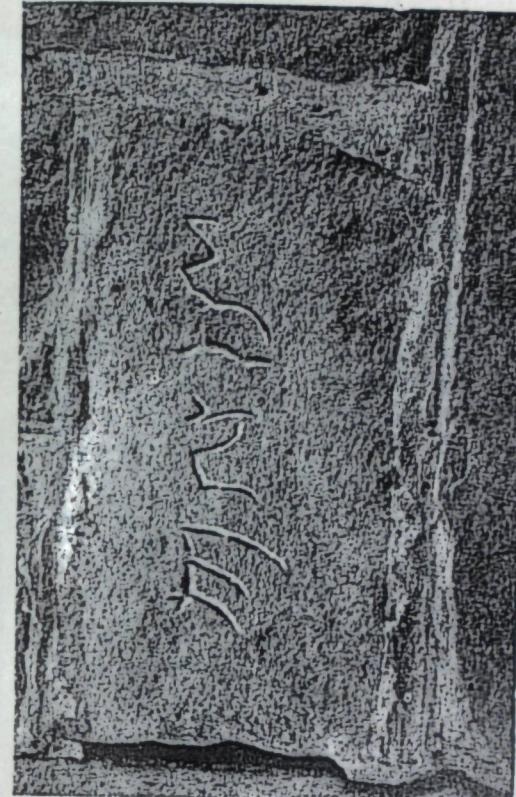

Рис. 2. Армазские письмена на камне в стене акрополя Баграти.

Рис. 1. Армазские письмена на камне в стене акрополя Баграти.

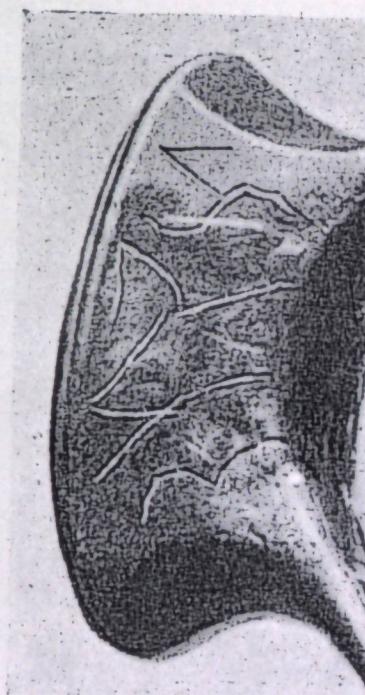

Рис. 4. Армазские письмена на золотом колоде из Мшота-Армази.

и иранистам. А теперь, благодаря армазским надписям, становится возможным ее чтение. Первым прочел ее безвременно скончавшийся во время войны один из самых талантливых востоковедов нашего времени А. Я. Борисов¹ на основании дешифрованной азбуки армазской билингвы; прочел Ш. Я. Амиранашвили² в Тбилиси, тоже с помощью армазской билингвы и читает вообще, всякий, кто знаком с армазской азбукой. Письмо обеих надписей борийской чаши, писанных, вопреки мнению Е. Придика, на одном и том же языке, идентично с шрифтом билингвы, а также с надписью № 1. Идентичен, повидимому, и язык.

История с борийской надписью является лучшим доказательством оригинальности армазского письма. Мои суждения об этом письме были основаны не только на билингве, но и на борийской чаше, также как и на надписи № 1 из Армази же. Все три надписи отделены друг от друга ± на одно столетие, писаны на различных материалах (камень, серебро) разными лицами и представляют собою тексты различного характера. Борийская надпись обнаруживает некоторую склонность к вычурности и стилизации. Линии изломаны и в местах излома образуются острые углы. Несмотря на это, основные формы букв идентичны с соответствующими начертаниями билингвы, за исключением № (алефа), который здесь обнаруживает несколько своеобразную форму. Левый ствол не имеет направления вверх \, как в билингве, а вытянут вниз, являясь как бы продолжением правого ствола. Отличается она от других армазских надписей и в отношении орфографии. Если там плеонастическое написание встречается в единичных случаях, то здесь имеем почти систематическое обозначение гласных (за исключением первого гласного в арамейском слове נְבָשׂ, которое, будучи идеограммой, вряд ли читалось по-арамейски). Все это позволяет считать борийскую надпись более поздней (приблизительно на одно столетие?), чем билингва, и тем более одноязычная надпись № 1. Отличаясь друг от друга в деталях, иногда в значительной степени (например № борийской надписи, № надписи № 1), тем не менее все три надписи объединяются общим дуктусом в одну самостоятельную, вполне развившуюся и сформировавшуюся систему. При этом те явления, которые объединяют их между собой, одновременно отдаляют их от других систем письма и, думаю, при наличии вышеизложенных фактов, мы имеем основание для утверждения о существовании в Грузии этой оригинальной ветви семитического письма.

После опубликования билингвы, в Мцхета были найдены новые надписи количеством свыше двух десятков. Писаны они на разных материалах (камень, золото, серебро) и представляют собою тексты различного содержания. Все

¹ А. Борисов. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. IV, 1940, стр. 8—11.

² Ш. Я. Амиранашвили, сообщая о проделанной им дешифровке борийской надписи, говорит: «после того, как Билингва была дешифрована и исследована с историко-филологической точки зрения, чтение борийской надписи не представляло трудности» (Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, I. Тбилиси, 1941, стр. 118).

эти надписи сильно отличаются друг от друга в деталях, и наряду с четко исполненным лапидарным письмом встречаются образцы курсивного характера, но их объединяет один общий дуктус, характерный для билингвы и для армазского, вообще, письма. Так, например, на камне, замурорванном в стене какого-то культового, повидимому, сооружения в Багнити, акрополе древней столицы Грузии, встречается фрагмент надписи, состоящей из одного слова (рис. 1). По своему характеру она примыкает к билингве и, особенно, к надписи № 1¹ из гробницы № 4 в Мцхета-Армази. Особенно характерно §, которое почти идентично с соответствующей буквой надписи № 1; переходы коротких вертикальных стволов одного в другой не закруглены, как в билингве, а заострены подобно надписи царя Михрдата (№ 1). Общий характер буквы здесь еще более близок к груз. ყ (ც).

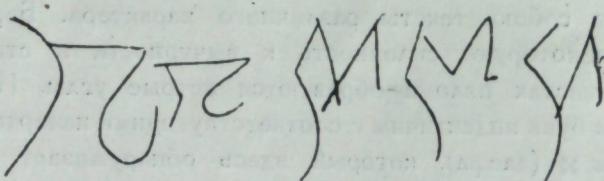

Рис. 3. Армазские письмена на пластинке золотого браслета из гробницы Мцхета-Армази.

Такого же характера надпись была найдена на другом камне, тоже замурованном в одной из стен указанного сооружения (рис. 2). Возможно, что это части одной и той же надписи.

Встречаются армазские надписи и на золотых предметах. Так, в одной гробнице из Мцхета-Армази найдены два браслета из тринадцати золотых пластинок каждый. С внутренней стороны этих браслетов помещены надписи (по несколько букв на каждой пластинке), которые идентичны друг с другом по содержанию. В палеографическом отношении они немного отличаются от лапидарных надписей и обнаруживают склонность к курсиву. Линии изломаны, места соединения горизонтальных и вертикальных стволов образуют острые углы, за которыми иногда выступают довольно длинные штрихи (см. буквы §, ს, შ, ს, рис. 3). В некоторых случаях обнаруживается склонность к лигатурам. Такого же характера надпись (одно слово) на золотом кольце, найденном там же (рис. 4).

В еще большей степени сказывается курсивный характер письма в надписях на многочисленных серебряных предметах, найденных в 1946 году в одной гробнице у подножия Багнити, недалеко от железнодорожного полотна. Несмотря на большое разнообразие почерков, все эти надписи объединяются между собою, как мы уже отметили, такими чертами, которые характерны только для армазских надписей и которые позволяют выделить их в само-

¹ АБ, стр. 1, 62.

стоятельную ветвь письма. Но это письмо генетически восходит к арамейскому. В этом легко убедиться, если сравнить армазские буквы со знаками семитического (арамейского) происхождения. Так, например, аналогию для ა встречаем в соответствующем знаке набатейского, к которому примыкает и парсийский b; ჟ имеет форму, близкую к начертанию этой буквы поздних арамейских и новопунистских алфавитов,¹ а также еврейского квадратного шрифта.² Знак ჩ сильно напоминает начертание ॥ сирийских надписей (эстрагело); ჴ, ჱ, ჵ, ჶ, ჸ обнаруживают близкое сходство с разными видами соответствующих знаков арамейского происхождения, и т. д.³

Связь с арамейским сказывается и в числительных знаках. Единица армазской билингвы представляет собою видоизменение старого арамейского знака | (вертикального штриха) с сильным загибом верхней части с правой стороны и характерно для билингвы закругленностью. Знаки для десяти გ происходят также из простых горизонтальных линий (как это характерно для старого семитического письма), у которых впоследствии появляется добавочный знак в виде опущенного вниз с правой стороны штриха →. Впоследствии знак принимает форму открытого треугольника, открытого своим углом влевую сторону >, затем, путем удвоения этого знака >, выражается число 20. В пальмирском и персидском эти знаки соединяются и принимают форму зигзагообразной линии ვ с двумя углами, открытыми налево, и с одним входящим углом, направленным влевую сторону; при этом, вследствие округления переходов, знак принимает форму нашей цифры 3.⁴

В таком виде представляется мне история указанного знака для 20, но, по мнению проф. А. А. Фреймана „знак для 10 представляет собою несколько видоизмененную букву Йод арамейского... алфавита с выпрямлением верхней и нижней части буквы, так что они пересекаются под прямым углом, а не происходит от простых горизонтальных линий,⁵ «у которых впоследствии... появляется добавочный знак в виде опущенного вниз с правой стороны штриха».⁶ Напоминая, что „буква Йод занимает десятое место в семитическом (арамейском) алфавите“, автор указывает, что нет⁷ необходимости предполагать в среднеперсидском знаке, для 20, имеющем форму нашей тройки (3), округление переходов, а „естественнее видеть здесь простое соединение двух Йод“⁸. Согдийский знак для 20 представляет [собою также соединение двух Йод (более древних, чем согдийский Йод) с закрытием, вследствие курсивного развития согдийского письма, верхней части, причем таким образом получается знак 2“.⁹

¹ M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I. Weimar, 1898, стр. 182.

² Там же, стр. 192.

³ Подробнее об этом см. АБ, стр. 8 и сл.

⁴ АБ, стр. 17—20.

⁵ Разрядка наша. — Г. Ц.

⁶ А. А. Фрейман, ук. соч., стр. 159. Имеются в виду мои слова: АБ, стр. 17 и сл.

⁷ Там же, стр. 159—160.

Вышеприведенные соображения весьма интересны и правдоподобны. Действительно, знак для 10 похож на букву Йод, не только в армазском, но и в среднеперсидском (а также в некоторых памятниках арамейской письменности); Йод занимает десятое место в алфавите, для обозначения десяти он употребляется во многих языках, и соблазнительно думать, что знак для 10 происходит именно от него, а не от горизонтальных линий, как утверждал я в своей работе. „Ведь и знак для единицы представляет во всех семитических памятниках¹ (и не только семитических) простую линию“.² Я бы, конечно, согласился с этими предположениями такого авторитетного знатока вопроса, как проф. А. А. Фрейман, если бы не некоторые соображения, которые заставляют меня в вопросе о происхождении знака для 10 придерживаться несколько другого мнения.

Выше уже было отмечено, что во многих языках Йод употребляется для обозначения 10. Но, насколько мне известно, обычно, в тех случаях, когда десятая буква алфавита использована для обозначения 10, то единицы передаются также буквами (1=A; 2=B; 3=Г и т. д.) и редко бывает,³ чтобы в двузначных цифрах десятки (в том числе 10) обозначались буквами, а единицы — числительными знаками, т. е. чтобы писали так: 12=i 2; 13=i 3; 21=ii 1; 38=ii 8 или 58=L 8 и т. д. Точно так же в арамейском нигде не имеем случая обозначения чисел вроде 12=i ii; 13—i iii; 21=ii i; или 34=iii iii и т. д. Такая система чисел нигде не встречается, и если десятки обозначены буквами, то для единиц тоже имеем буквы, так что 11 пишется с помощью букв I (10) и A (1); 12=I (10) и B (2); 23=K (20) и Г (3) и т. д. В армазской билингве единица обозначена числительным знаком, и надо думать, что и 10 (следовательно 20=10+10) тоже представляет собой числительный знак, а не букву. То же самое имеем и в среднеперсидском, а также в прочих письменах арамейского происхождения.

Это, конечно, не исключает возможности предполагать, что начертание 10, представляя собою в указанных письменах числительный знак, генетически восходит к букве Йод, на которую оно похоже и в армазском, и в пальмирском, а также в среднеперсидском (в этих последних уже в меньшей степени).

Для того чтобы судить о родстве знака для 10 с Йод, следует проследить их развитие и выяснить, какое начертание имели они в более древних памятниках семитической письменности. Тогда станет очевидным, что сходство между указанными знаками случайное, и в прошлом они ничего общего между собой не имели.

В древнейших памятниках семитической письменности Йод, как известно, имеет довольно сложную форму, несколько похожую на латин-

¹ Слово „памятники“ в тексте отсутствует и вставлено нами.

² А. А. Фрейман, ук. соч., стр. 159.

³ Так, например, в греческом, но там это основано на другом принципе. Десятки обозначаются буквами, которыми начинаются соответствующие слова греческого языка.

скую з, с идущим от вертикального ствола влево штрихом з.¹ Впоследствии у этого знака, не поддающегося написанию одним штрихом, без отрыва руки от поверхности, второстепенный, средний горизонтальный штрих вырождается в точку (как это имеем в поздних финикийских, пунических надписях), а затем совершенно теряется.²

Таким образом, получен тот знак для йода, который встречается в позднеарамейских надписях, а также в армазском и среднеперсидском. С другой стороны, знак для 10 в древнейших памятниках семитической (арамейской) письменности представляет собою простую горизонтальную линию —, у которой впоследствии появляется добавочный штрих.³ Но „ведь и знак для единицы представляет во всех семитических памятниках (и не только семитических) простую линию (правда, вертикальную)“, — пишет проф. А. А. Фрейман. Дело в том, что единица изображается именно вертикальной линией, а горизонтальная линия использована для обозначения 10. Эта горизонтальная линия для обозначения 10 встречается в большом количестве семитических надписей.

Для написания чисел 11, 12, 13... 21, 22, 23..., 31, 32, 33... и т. д. в древних семитических письменах, собственно говоря, мы другого способа, как использование горизонтальных (для десятков) и вертикальных (для единиц) линий, не имеем. Таких примеров можно привести множество, но я ограничусь лишь двумя, наиболее очевидными. В CIS II в одной и той же надписи, как сообщает М. Лидзбарски,⁴ число 15 несколько раз написано или так: ииининин или же ииининин. В надписи Zengirli: B, NE, II, табл. XXIV, № 3, строка 3, число 30 обозначено словами *לְשׁוּ* «тридцать» и рядом с ним помещены три горизонтальных штриха —. Эти и подобные им примеры не оставляют сомнения в том, что горизонтальная линия была использована для обозначения 10. В связи с этим, считаю нужным отметить, что согдийский знак для двадцати 2 с семитологической точки зрения представляется более вероятным рассматривать как происходящий из двух горизонтальных линий, а не из соединения „двух Йод (причем более древних, чем согдийский Йод)“, как предполагает А. А. Фрейман.

Две горизонтальные линии, как известно, обозначающие 20, впоследствии образуют лигатуру, причем наблюдается два способа их соединения друг с другом: 1) с помощью вертикального штриха, соединяющего центральные

¹ Так, например, в надписях Ахирара (XIII в. до н. э.), Йехимила (XII в. д. н. э.), Гесера (XI в. д. н. э.?), Русссе (XI-X в. д. н. э.), Абиба'ала (947—925), Элиба'ал'я (925—889), в знаменитой надписи Меша (842), Зенджирии (IX—VIII в. д. н. э.) и т. д. См.: D. Diringer. L'alfabeto nella storia della civiltà. Firenze, 1937, стр. 277, 279; также: M. Lidzbarski, ук. соч., 178 и сл.

² Уже в надписях IX в. до н. э. встречается Йод без среднего горизонтального штриха; см. например Остраку из Самарии 867—859 г. у D. Diringer, ук. соч., стр. 279.

³ M. Lidzbarski, ук. соч., стр. 199—200.— Эта горизонтальная линия в конечном итоге восходит к хеттской эпохе.

⁴ Там же, стр. 198.

⁵ Энгра菲ка Востока, II

точки обеих горизонтальных линий: I, или 2) с помощью диагонали, идущей от правого конца верхней горизонтальной линии к левому концу нижнего штриха: Z.¹

Этот последний знак, по всей вероятности, и лег в основу согдийского знака для 20 (2), в котором нижняя часть мало изменилась, а верхняя, „вследствие курсивного развития согдийского письма“, сильно загнулась влево, образуя петлю.

Попытки объяснить происхождение знака для 10 от буквы Йод, насколько мне известно, делаются не впервые. В 1899 г. в Гиссене вышла работа Г. Гундермана, которая вызвала весьма суровую критику со стороны такого авторитета, как М. Лидзбарски. Указывая на ошибки, встречающиеся в работе Г. Гундермана, М. Лидзбарски пишет, что этих недоразумений можно было бы избежать, если бы Гундерман „попытался при отдельных знаках выяснить, когда они появляются“², ибо „тогда он увидел бы, что некоторые знаки, которые он кладет в основу других, появляются только через множество столетий после этих последних“.³

Между прочим, Гундерман тоже рассматривает знак для 10 как происходящий от буквы Йод, хотя он знает, что для обозначения 10 употребляется и горизонтальный штрих. Но М. Лидзбарски в своей рецензии на работу Гундермана с большой убедительностью доказал несостоятельность утверждений Гундермана: Гундерман склоняется вообще к тому, чтобы выводить числительные от букв. „От знака для 10,— полагает он,— показаны все формы также у буквы Йод, включая горизонтальную черту: но это явно сложенная форма плоского полукруга или угол с очень укороченным отростком. Г[ундерман] имел очевидно в виду пальмирское ω вместо йода. Но это всплывает только в начале христианской эры, напротив появляется — в пятом и — в восьмом веках до христианской эры! Так же его прочие происхождения знаков от семитических букв, например, также римского X от ־=йод, совершенно не имеют основания“.⁴

В силу вышеизложенных причин я затрудняюсь согласиться с мнением о происхождении знака для 10 в армазском, а также, пожалуй, в среднеперсидском, от буквы Йод.

Во всяком случае, в настоящее время не подлежит сомнению, что армазские буквы и числительные знаки генетически связаны с арамейским, с тою именно разновидностью арамейского, которая восходит к письму, зафиксированному в египетско-арамейских папирусах V—II вв. до н. э. Но указанная разновидность семитического письма легла в основу большого количества таких разнообразных алфавитов, как семитические письмена Средней Азии, Сибири, письмо хароши в северо-западной Индии, а также иранские пись-

¹ M. Lidzbarski, ук. соч., стр. 200.

² „Wenn er versucht hätte, bei den einzelnen Zeichen festzustellen, zu welcher Zeit sie entstanden sind“ (M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik. I. 1902, стр. 107).

³ Там же, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 108.

мена и т. д. Из всех этих систем армазская обнаруживает связь с иранской, как это следовало ожидать по культурно-историческим соображениям и как это видно из фактического положения вещей. Но возникает вопрос: к какой из систем иранского письма стоит армазское ближе?

Еще в Ахеменидскую эпоху существовала персидско-арамейская система письма, мало отличающаяся от собственно арамейской. В эпоху Аршакидов мы уже встречаем своеобразную систему письма пахлавик, созданную на основе арамейского алфавита, которая позднее продолжала существование параллельно с другой системой иранского письма. В сасанидскую эпоху на юго-западе Иранского мира мы встречаем отличную от пехлевийской систему письма, парсийскую (парси), которая, возможно, восходит к гораздо более древней эпохе. К этим двум системам иранского письма, так же как и к курсивной форме рукописей, так называемому книжно-пехлевийскому, близко примыкает письмо Авесты.¹ Очень интересны отношения алфавита Авесты с парсийским и пехлевийским. По схеме Х. Юнкера эти связи, в основном, представляются в следующем виде.²

I. p t k — из pahlavik [پ, پ, ک]; в противоположность pārsī γ [پ, پ, گ].
II. b d g — из pārsī γ [ب, ب, گ]; в противоположность pahlavik گ [ب, ب].

Из этой схемы видно, что 1) знаки для смычных звуков происходят от пехлевийских букв; исключение представляет только р; 2) все знаки для звонких смычных представляют собою модификацию парсийского письма.

Таким образом, в письме Авесты мы встречаем как парсийские, так и пехлевийские элементы. С этой точки зрения оно представляет собою письмо смешанного характера.³

Сравнение армазской азбуки с иранскими алфавитами показывает, как это мы уже отметили выше, что часть армазских знаков примыкает к пехлевийскому, а другая часть к парсийскому. Интересно, что в данном случае мы имеем такую же картину взаимосвязей, которую обнаруживает письмо Авесты в отношении пехлевийского и парсийского. Знаки для звонких گ, چ, ڦ родственны с парсийским, а глухие ڻ, ڻ, ڻ с пехлевийским. ڻ представляет собою также исключение, как в письме Авесты, но уже в том смысле, что он не имеет явных параллелей ни в парсийском, ни в пехлевийском, хотя, если верны соображения Х. Юнкера о связи грузинского р с пехлевийским ڻ,⁴ то мы будем иметь больше оснований для утверждения о родстве армазского ڻ с пехлевийским ڻ.

¹ См. об этом: H. Jensen. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925, стр. 203 и сл.; H. F. Junker. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift. Caucasica, Fasc. 2, Leipzig, 1925, стр. 8—9.; D. Diringer, ук. соч.

² H. Junker, ук. соч., стр. 12 и сл. Из схемы Х. Юнкера мы приводим лишь линии 1 и 2, как наиболее очевидные и характерные. Знаки для щелевых звуков выявляют, в основном, аналогичную картину, но менее отчетливо, чем буквы для смычно-варванных.

³ „Das gemischte, differenzierte System des Awesta“. (H. Junker, ук. соч., стр. 17).

⁴ Там же, стр. 30.

Таким образом, если рассматривать армазскую азбуку с точки зрения пехлевийского и парсийского, то она также представляет собою „смешанный“

Рис. 5. Сравнительная таблица алфавитов: древнееврейского, армазского, пехлевийского и парсийского.

типа алфавита. Но это не следует понимать в том смысле, что армазское письмо обнаруживает больше сходства с Авестой, чем с пехлевийским или

парсийским. С письмом Авесты его связывает система родства с соответствующими элементами пехлевийского и парсийского. По существу же, с точки зрения начертаний линий, армазское несравненно ближе стоит к пехлевийскому и парсийскому, чем к Авесте (рис. 5). Следует также подчеркнуть, что, когда мы в отношении армазского алфавита употребляем выражение „смешанный“, имеется в виду не генетическая сторона вопроса, а существующее положение дела. В действительности представляется более правдоподобным, что армазское письмо не то что происходит от смешения парсийского и пехлевийского, а, наоборот, указанные иранские письмена следует рассматривать как результат дифференциации той разновидности арамейского письма, которая близко стояла к армазскому.

Мы имеем основание для таких утверждений, во-первых, потому, что в хронологическом отношении армазское письмо предшествует древнейшим монументальным памятникам среднеперсидской письменности и, кроме того (и это наиболее важно), с палеографической точки зрения оно значительно архаичнее и гораздо ближе стоит к древним образцам арамейской письменности, чем указанные иранские шрифты. Ряд букв армазского письма (например ܐ, ܁, ܂, особенно ܃, ܄ и т. д.) представляет прототип для соответствующих иранских знаков. В связи с этим, возможно, вопрос о „смешанном характере“ Авесты придется рассмотреть в другом направлении. Во всяком случае, для изучения этого вопроса отыскать нельзя будет пренебрегать армазскими материалами, которые в некоторых случаях, возможно, будут иметь решающее значение.

1948 · Э ПИГРАФИКА ВОСТОКА · II

1948 · Э ПИГРАФИКА ВОСТОКА · II

Уйгурская эпиграфика Семиречья. II

А. Н. БЕРНШТАМ

УЙГУРСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕМИРЕЧЬЯ. II

1

В 1939 г. при раскопках древнего города Сарыга в зоне рабада, к югу от шахристана, был раскопан дом, в верхнем слое которого найдены три фрагмента венчика небольшого хума с надписью. Обнаруженная надпись на поверхности развалин и определила тогда место закладки раскопа, давшего весьма важные археологические находки. Об этой постройке в предварительном отчете экспедиции мы писали: «Последний раскоп за пределами городища вскрыл постройку мусульманского времени, четырехкомнатную в плане, с большим количеством бытового инвентаря XI—XII вв., среди которого наибольшее внимание привлекает венчик хума с надписью, выполненной согдийским шрифтом».¹

Камеральная обработка материала и определение (М. Массоном) найденных в раскопе монет позволили уже в 1941 г. заявить: «Целиком была раскопана постройка в рабаде древнего города Сарыга, датируемая монетами Арслана (XI в.). В этой постройке наибольший интерес, помимо разнообразной керамики, представляет вскрытое раскопками сооружение для изготавления вина в виде чана, где давился виноград. Чан имел выводной проток, сделанный из гончарной трубы. Сусло по трубе стекало в хум, вкопанный тут же в землю и перекрытый шестигранной крышкой.

Сооружение для раздавливания ягод, так же как и само здание, целиком сделано из сырцового кирпича, а внутренние стены оштукатурены».²

Фотография надписи на хуме была дана на прочтение члену-корреспонденту АН СССР А. А. Фрейману, который не усмотрел в ней согдийского происхождения. Действительно, занявшихся чтением этой надписи на одном из древнетюркских языков, мы смогли ее расшифровать, несмотря на ее фрагментарный характер.³

¹ КС ИИМК, IV, стр. 47.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 89, ср. табл. XV.

³ Ныне этот фрагмент хума с надписью хранится в Музее национальной культуры в г. Фрунзе.

Чаптуу
51670
11

Уйгурская эпиграфика Семиречья. II

103

Венчик хума состоял из трех кусков, два из которых точно прилегали друг к другу. Ширина венчика достигает 3 см, восстановляемый диаметр горловины свыше 15 см. Тесто хорошее, обжиг розоватый, черепок хума плотный (рис. 1).

Надпись глубоко врезана. Буквы четкие; округлые линии, требуемые конфигурацией букв, выполнены хорошо и показывают, что надпись сделана до обжига сосуда по мягкой глине. Можно даже отметить, что округленность тыльных (правых) сторон букв даже подчеркнуто выпукла, свидетельствуя о выработанном курсиве автора надписи. Несколько своеобразно начертание конечной буквы *a* в виде длинной горизонтальной черточки, которая больше выдвинута влево, чем это обычно принято в рукописных уйгурских документах, где она, в отличие от короткой черточки *z*, обычно сильно выписывается вправо по вертикальной оси надписи. В данном случае это объясняется фактурой и площадкой для надписи, так как справа начинается закругление венчика внутрь. Вообще буква *a* имеет в надписи наибольшее количество вариантов, часть которых, мы бы сказали, имеет «монголоидную форму». Буква *r* одинаково выписывается и в начале и в середине слова. В остальном мы особых палеографических особенностей не усматриваем. Надпись состоит из двух обрывков, которые мы читаем в следующей последовательности:

[—] *aq mar* ... I
[—] *qa bogu ara q* [u] ... II

Транскрипция:

I... ä v qara mar [y]

II... qa bogu ara q [u]

I 'Дом Кара Мар'а...'

II 'Сосуд для вина. Половинное (?) ху...'

В первой строчке обращаю внимание на вторую часть имени, где налицует сирийский термин *mag* — учитель. Термин этот имеет относительно широкое территориальное распространение вплоть до кыргызских надписей на Селенге.¹ Не менее известно широкое распространение сирийцев на территории Семиречья, как показал А. Я. Борисов чтением надписи на сосуде из Тараза² из наших раскопок 1938 г., с VI в., а для более позднего времени факт распространения сирийцев также широко известен.³ Отмечу попутно,

¹ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. JSFO, 1913.

² А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21, прим. 48.

³ Имеем в виду такие факты, как а) манихейская молитва из Северного Притяньшаня — Хуастуанф (W. Radloff. Chustuanit, das Bussgebet der Manichäer. СПб., 1909, стр. V); б) реконструкция христианской церкви Тараза Исма'ил ибн Ахмадом в мечеть в IX в. (B. Bartold. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927); в) истрорианские кладбища XII—XIV вв. (B. Bartold. О христианстве в Семиречье в Монгольский период. ЗВО, VIII, 1893, 3—4; Н. Пигулевская. Сирийские и спро-туркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана. Советское востоковедение, I, Л., 1940).

что на этом же городище древнего Сарыга была найдена сирийская надгробная надпись XII в. с именем кузнеца Георгия.¹ Таким образом, наша надпись с сирийским термином в имени не должна вызвать удивления, а наоборот подтверждает факт наличия сирийского населения Сарыга, одного из больших городов Чуйской долины, основного места расселения сирийцев в Семиречье.

В первой строчке явно сиро-туркское имя владельца, устанавливающее принадлежность сосуда к имуществу его дома. Укажу на аналогичную надпись на сосуде из Енисея, опубликованную нами в другом месте.²

Во второй строчке первое двухбуквенное слово мы читаем да 'сосуд для жидкостей',³ затем бору = bor 'вино' с суффиксом притяжения у.⁴ К слову ага Махмуд Кашгарский дает значение „середина“, „между“. В виду того, что далее следует буква ё, позволяющая восстанавливать слово ю (кит. „ху“), я слово ага связываю с последующим словом ю, считая его как прилагательное. Термин „ху“ нами отмечен в предыдущей статье на эту тему.⁵

Ага ю, по-моему, может обозначать „середину ху“, т. е. половину объема ху, чему весьма соответствует и меньший объем нашего сосуда по сравнению с тем, где была надпись, гласящая об объеме в целый ху (батман).

Синтаксически фраза построена так же, как надпись на ранее нами изданном хуме, тем самым свидетельствуя об установившемся трафарете. Некоторое сомнение вызывает перевод слова ага, так как в юридических документах XIII—XIV вв. употребляется форма јагут.⁶ Во всем остальном существует сходство терминов нашей надписи с терминологией в уйгурских юридических документах. Предпочтение, оказываемое нами при толковании текста словарю Махмуда Кашгарского, объясняется большой близостью его по времени и по территории к надписи на сосуде, который, как и весь комплекс руин мастерской владельца, датируется по монетным находкам XI веком, т. е. веком составления сочинения Махмуда Кашгарского.

Несмотря на фрагментарность нашей надписи, она, учитывая место находки и связанности ее с археологическим комплексом, представляет

¹ Так же прочтена А. Я. Борисовым. Ср.: А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, стр. 107.

² Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрок, ТИВ, XIV, Л., 1946, стр. 69.— О сиро-туркских текстах см. указанную выше статью Н. Пигулевской.

³ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Bibliotheca Orientalis Hungarica, I, Leipzig, 1928, стр. 130.

⁴ Махмуд Кашгарский. Словарь, стр. 40 (в дальнейшем: МК). Отмечу, что не исключена возможность чтения: да бору; эта форма известна в уйгурских юридических документах. См.: Труды Института востоковедения.—W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928 (в дальнейшем: USD), стр. 269; ср. стр. 1 кыр бор, ср. стр. 4, а также стр. 48, 52: күр бор.

⁵ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947.

⁶ USD, стр. 274. Ср. јагут яр бор алтын (USD, 1) јагут тәрліни, јагут торғыны USD, 5).

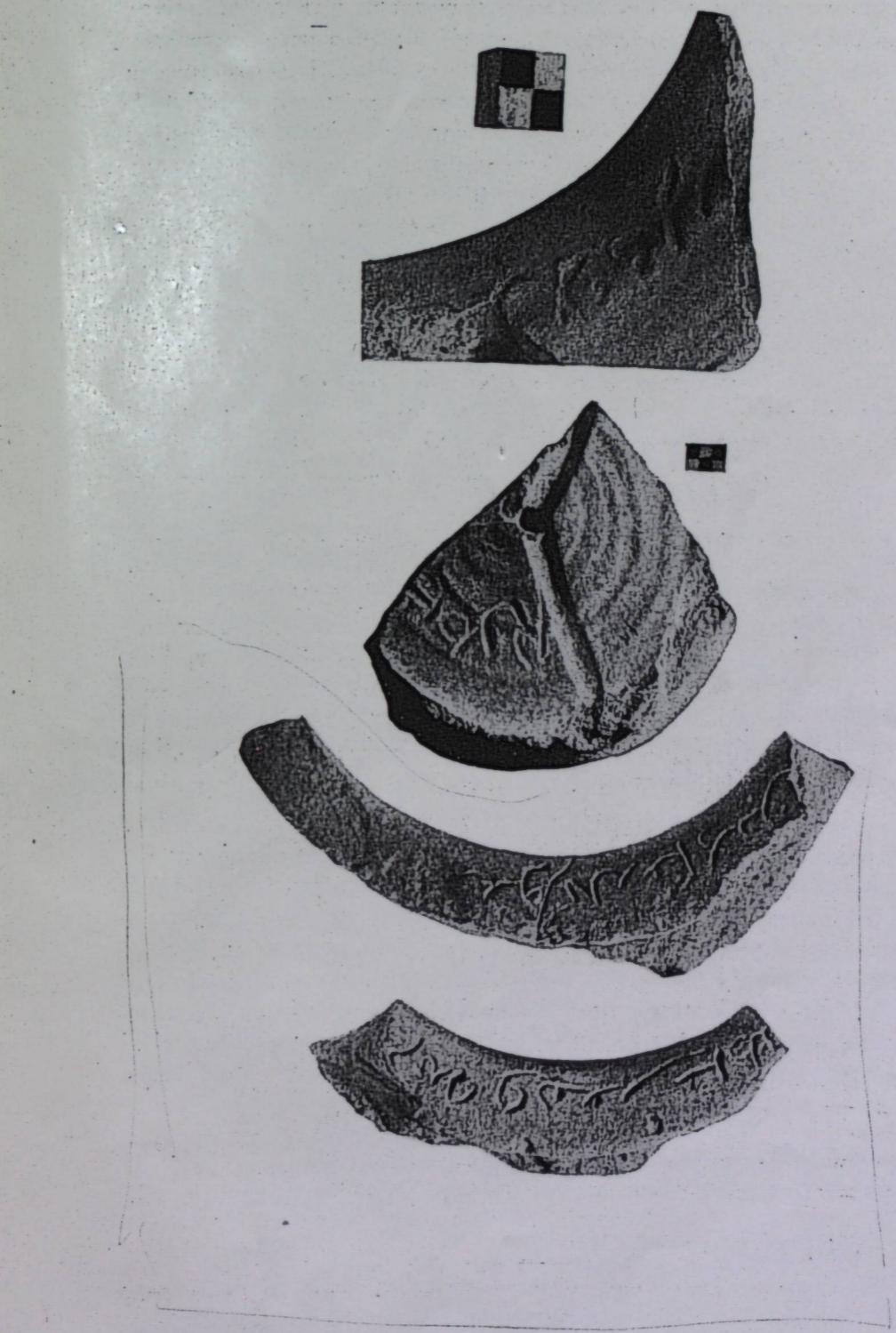

Рис. 1. Обломки венчика хума из Сарыга.

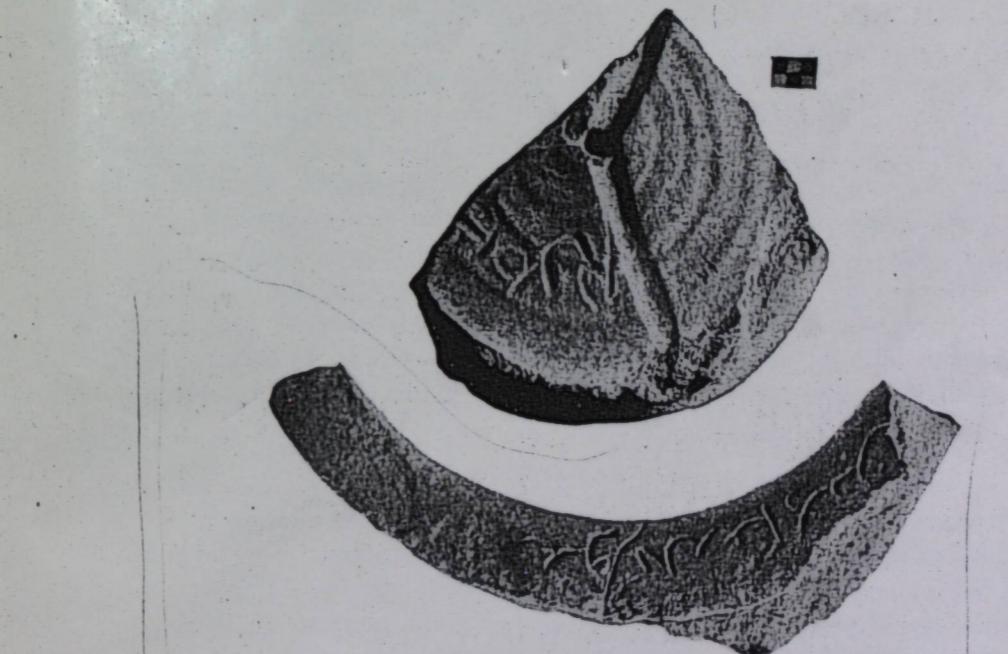

Рис. 2. Обломок крышки хума с городища Кысмычи.

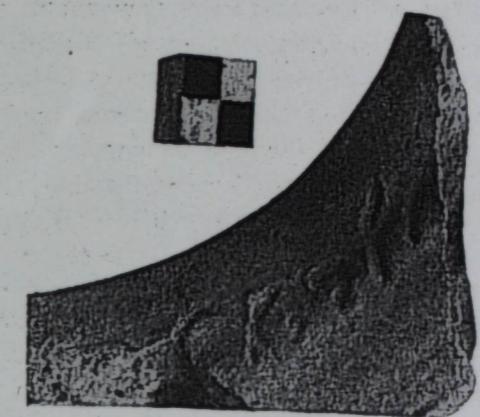

Рис. 3. Обломок венчика хума с городища Сарыга.

несомненно большой интерес как документация новой лексики. Любопытно также еще одно указание на сирийский этнический элемент в Семиречье, свидетельствующее одновременно и о профессии эмигранта (винодел). Сопоставление объемов сосудов с аналогичными надписями позволит в дальнейшем подойти и к вопросам уточнения местной метрологии, совершенно неизвестной для этого района и времени.

2

Зарегистрируем еще два фрагмента надписей. Первая расположена на плоскости глиняной крышки хума, сохранившейся немногим больше одной трети. Диаметр крышки 36 см. Крышка разделена валиками на три сектора; в одном из секторов, полностью не сохранившемся, уцелел обрывок надписи, исполненной курсивом, глубоко врезанным на предмете до его обжига. Судя по большим размерам букв (до 3 см высотой), в среднем секторе могли быть размещены еще не более двух букв. Уцелевшие пять букв распределяются на две части: 2 и 3 (рис. 2). Первые две ясно *al*, другие три, тесно примыкающие к первым двум, состоят из *tys* (*tyq?*). С большой долей вероятности можно здесь читать соответственное имя *Altus* — Алтыш (букв. 'краснозубый', при чтении Алтыш — 'пестрозубый').¹

Палеографических особенностей в надписи почти нет; обращает внимание „монголоидное“ написание буквы *у* (*i*) в середине слова. Курсив четкий, лигатуры не допускают разночтений. Обрывок этой надписи важен нам ввиду его местонахождения — на правом берегу Чу на городище Кысычи, которое мы отождествляем с городом Якакентом и относим к крайним северным границам распространения первой колонизации согдийцев в Семиречье.²

3

Сложнее обстоит дело с третьим фрагментом, подобранным при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г., на глубине 1.5 м на пикете 142+10, в районе с. Красная Речка у окраины древнего города Сарыга (рис. 3). Надпись расположена по внешней поверхности венчика хума (Музей национальной культуры г. Фрунзе, инв. № 814). Ширина венчика 7 см, толщина 1.4 см, толщина стенок хума 1.3 см. Судя по внутреннему изгибу венчика, диаметр горловины хума был до 50 см, т. е. это один из тех больших хумов, одну надпись которых мы уже разобрали.³ Буквы принадлежат к курсивной скорописи, также исполненной до обжига сосуда.

¹ См. аналогичные имена: Н. Ф. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе „Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым“. СПб., 1888, стр. 7, 8.

² О городище см.: А. Бериштам. Археологический очерк Северной Киргизии, 1941 г., стр. 83—85; о периодизации согдийских колонизаций см. нашу статью „Согдийская колонизация Семиречья“, КС ИИМК, VI.

³ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I; М.—Л., 1947.

Формально типологическое сопоставление с прочитанной надписью на хуме не даст схожих слов. В разбираемой надписи имеется конец одного слова с явным *v* на конце и начало второго слова, где с трудом читаются буквы qls... или qln. Во втором варианте возможно прочитать слова qalun 'много', 'множество'.¹ Тогда в первом слове можно полагать слово [su]v, учитывая обрывок литеры, идущей вверх от буквы *v*. Возможно, что надпись повествовала опять о вместимости жидкостей, воды в сосуде, судя по аналогии с разобранными надписями, но пользовалась другим текстом. Однако все это остается в сфере догадок, и большее значение имеет сам факт наличия еще одной надписи, свидетельствующей о широком распространении в Чуйской долине грамотности. По времени (форма хума и палеографические особенности надписи) она входит в круг ранее изданных нами надписей.

¹ Однако в уйгурском написании иначе شىلەپ (см. USD, документ 16, 25). См. там же словарь С. Малова, стр. 278.

А. Н. БЕРНШТАМ

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

В связи с планомерным археологическим обследованием на территории Семиречья,¹ нам удалось лично выявить ряд новых эпиграфических памятников, а также зарегистрировать находки, сделанные другими лицами и экспедициями. В настоящей заметке мы ставим перед собой задачу отметить эти находки и дать воспроизведения части обнаруженных надписей, что сделает возможным их изучение и другими специалистами.

Надписи, о которых будет идти ниже речь: 1) сирийские, 2) согдийские, 3) рунические, 4) уйгурские, 5) арабские, 6) санскритские, 7) китайские. Материал, где были встречены эти надписи, весьма разнообразен: камень (кайраки), металл (зеркала, монеты, посуда), керамика (резьба, штамп, налеп).

1

Одной из ранних надписей был трехстрочный сирийский текст, вырезанный на глиняном кувшинчике, открытом в согдийском слое древнего города Тараза на Таласе (рис. 1). Надпись эта прочитана (два христианских имени „Петр“ и „Гавриил“) и подготовлена к печати покойным А. Я. Борисовым, а содержание перевода с его разрешения уже было отмечено неоднократно в печати.² Разобранная им надпись древнейшая из известных сирийских надписей, на столетие раньше известной надписи в Сианьфу.³

А. Я. Борисовым была прочитана также надгробная надпись на глиняном кирпиче, найденном нашей экспедицией на городище древнего Сарыга (Чуйская долина).⁴ Содержание надписи: „Георгий кузнец“. По археологическим и эпиграфическим данным надпись может быть отнесена к XI—XII вв.

¹ А. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КС ИИМК, XIII.

² См. первое сообщение в журнале „Наука и техника“ (№ 7, 1939), там же штриховой рисунок сосуда с надписью.— Ср.: А. Бернштам. Памятники древности Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21.

3 Анализ этой надписи подготовлен к печати А. Я. Борисовым и будет опубликован в трудах Таласской экспедиции.

⁴ А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. XVII; ср. стр. 107.

В течение многих лет в фонды Музея национальной культуры в г. Фрунзе поступают кайраки с сирийскими надписями, случайно найденные внутри городской черты при строительных работах и за городом на „Пишпекском несторианском“ кладбище. Часть кайраков доставлена в Музей местным любителем старины врачом Деракомболовым. По общему своему облику, насколько может судить неспециалист, сирийские кайраки напоминают те же типы, которые известны по публикациям Хвольсона, Коковцова, Слуцкого и других. Очевидно, что это надгробия XII—XIV вв. Надписи, образцы которых приведены нами на рис. 9 а, б, в, хранятся в Музее национальной культуры, и коллекция этих надписей уже достигает двух десятков экземпляров.¹

2

Из согдийских прочитанных надписей известна одна. Чтение принадлежит А. А. Фрейману. Это надпись, вырезанная на ручке кувшина VI—VII вв. Текст „да будет полным“ опубликован А. А. Фрейманом.² Воспроизведение фрагмента сосуда с надписью опубликовано нами.³ Надпись была обнаружена на городище древнего Сарыга. Некоторые аналогичные надписи согдийским курсивом оказались уйгурскими.

3

Находок рунических надписей в последние годы, кроме тех, что были отмечены С. Маловым и М. Массоном, было мало.⁴ Наиболее интересна случайная находка бронзового зеркала танского времени из Урджара, фотография с которого была переслана нам в Ленинград (рис. 3). Об этой находке центральная газета Казахстана „Казахстанская правда“ от 5 апреля 1936 г. сообщала: „Осенью 1935 года Краевым бюро общества изучения Казахстана была организована геолого-поисковая и краеведческо-археологическая экспедиция. Местом работы экспедиции были определены район горного хребта Тарагатай, Урджарский и Макакчинский районы Алмаатинской области и частично Кокпектинский район Восточно-казахстанской области. При помощи колхозников экспедиции удалось разыскать и получить небольшую металлическую плитку диаметром в 13 см и толщиной от 3 до 6 см, найденную на склоне кургана в урочище Сасык-Бастау, в 20 км от Урджа.“⁵

В настоящее время упомянутая металлическая плитка (зеркало) находится в Секторе Востока Государственного Эрмитажа. Будучи в Казахстане летом

¹ См. упоминание в „Путеводителе по историко-археологическому отделу“ (Фрунзе, 1942), составленном М. С. Акимовой, под нашей редакцией; ср. стр. 30.

² „Вестник древней истории“, № 3, 1939, стр. 135—136.

³ Археологический очерк..., табл. VI; ср. стр. 56.

⁴ Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936.

⁵ Летников и Дубницкий. Зеркало бронзового века. Газ. „Казахстанская правда“, 5/IV 1936 г.

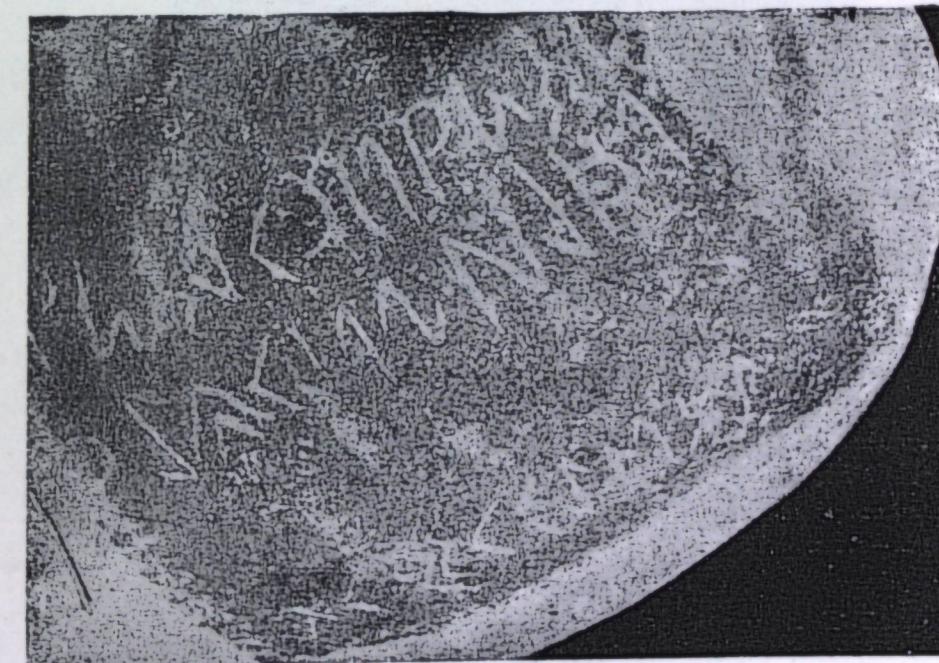
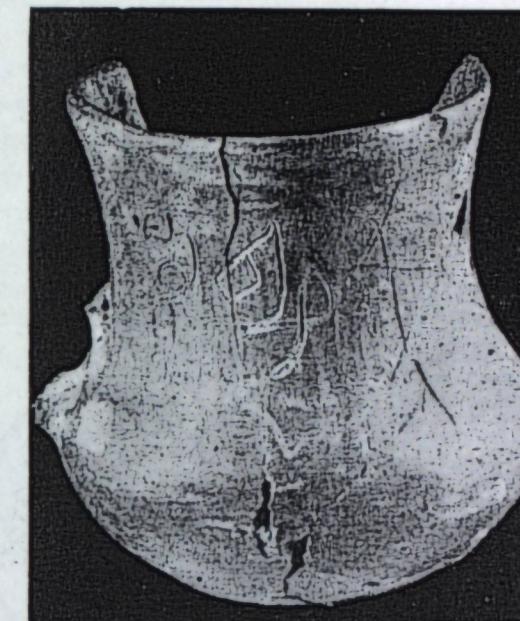

Рис. 1, в верху. Древнесирийская надпись. Тараз, V—VI вв. (Казахстан).

Рис. 2, внизу. Древнетюркское надгробие VIII в. (Киргизия).

Рис. 3. Китайское зеркало с рунической надписью VIII в.
(Урдзор, Казахстан).

1936 г., я познакомился с рукописным отчетом геолога Летникова (находчика), хранившимся в Секторе истории Казахстанского филиала Академии Наук. Из отчета следует, что металлическая плитка была случайной находкой некой гражданки Рябцовой, нашедшей этот предмет на берегу арыка, проходящего возле большого кургана, насыпь которого сложена из камней. Согласно суммарному отчету Летникова, можно предположить, что арык прошел погребение кургана, внешний облик которого напоминает курганы кочевников-тюрок, в достаточно большом количестве известные и частично раскопанные на Алтае.

Металлическая плитка, как правильно указывают авторы газетной заметки, представляет собой древнекитайское зеркало танского времени. Его особый интерес заключается в том, что на оборотной стороне, между рельефными изображениями зеркала, выгравирована древнетюркская надпись. На обороте зеркала посредине изображение жука служит одновременно и петлей; вокруг него четыре утки, расположенные между лозами винограда. Орнамент типично танский, рассредоточенный, вместо компактных и насыщенных изображениями зеркал ханьской эпохи.

Надпись состоит из 13 букв рунического алфавита, сделанных острым, металлическим резцом на задней (орнаментированной) стороне зеркала. По бордюру зеркала имеются еще три буквы (одна—две буквы), сделанные слабее, чем основная надпись в тринадцать букв. Надпись мы читаем справа налево, принимая за верх сторону надписи, обращенную к бордюру зеркала.

Если надпись перевернуть на сторону, обращенную к бордюру, считать низом, то получается сильная раздробленность надписи. Почти через каждую букву палатальные буквы будут чередоваться с твердыми и, таким образом, от сингармонизма не остается и следа. Иное дело при принятом нами чтении. Надпись будет тогда выглядеть следующим образом:

Y NY K V N I J C N L N Y
13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

В этой строчке только одна буква, 10-я, находится в несколько необычном положении, но, зная характер надписей на таких предметах, можно предположить, что это вполне допустимое явление. Надо учесть также, что надпись резалась по кругу, и для удобства резьбы зеркало могло быть повернуто не совсем удачно, что послужило причиной ошибки писца.

В отличие от орхонского алфавита здесь мы наблюдаем букву В, которая характерна для палеографии кыргызского и среднеазиатского рунического письма. Остальные буквы основной надписи обычны и не представляют каких бы то ни было своеобразий. На приведенном рисунке неудачно отретуированы 3—8-я буквы, ясно читаемые на подлиннике.

Мы транскрибируем надпись следующим образом:

rq č qzI šq ök u lüI

Связный текст получить трудно. Мы усматриваем следующие слова. Несомненно слово quzyl 'красный' (4—6-я буквы); agyq 'узкий' (или aqaq?) в пер-

вых двух буквах; ўč (числительное 'три' или 'вершина'); ašaq (7—8-я буквы 'долина', 'подножие горы'; ök 'состояние', 'смысл' (буква 9-я); и 'сон' (буква 10-я).

Приведенная лексика может быть обнаружена как в орхонских и кыргызских текстах VIII в., так и в словаре Маҳмуда Кашгарского (XI в.), языков которых наиболее близок к тюркской лексике надписей, обнаруженных в Семиречье.

По бордюру зеркала, как выше было отмечено, вырезаны еще три буквы разъединенные небольшим пространством. Исполнены они иной манерой, чем основная надпись, более небрежно и более мелким врезом. Мы читаем первую букву Υ — r, предполагая, что здесь слово "r. Две другие буквы $\Upsilon\Upsilon$ я транскрибирую rs и читаю "r i's 'больной' (на фотографии эти буквы не вышли). Буквы эти особого типа. С: Малов при чтении палочки с руническими резами читал это начертание как γ .¹ Мы предполагаем, что в данном случае они скорее всего могут быть прочитаны как мягкое Υ — r, причем такое чтение дает определенный смысл начертаниям $\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ — $\ddot{a}r\ aris$ 'человек больной' и было первым начертанием на зеркале.

Настоящее чтение предложено лишь в порядке регистрации текста. Других, более значительных текстов рунического письма нам неизвестно. Напомню, что в тюргешских монетах VIII в., найденных в Чуйской долине и Таласе, мы уже отмечали рунические знаки — слова, подобно тому, как в мусульманских монетах наличествуют предшествующие арабскому шрифту уйгурские письмена,² что свидетельствует о широком распространении рунического письма в Семиречье. Пользуясь случаем, приведем фотографию рунического текста в качестве образца почерка на могильных валунах с одного из камней, найденных у с. Дмитриевского (Талас). Многочисленные переводы этого камня никогда не сопровождались публикациями фото.³ Камень был сфотографирован мной перед отправкой из города Джамбула в Ленинград, где он ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (рис. 2).

Обильны находки уйгурских текстов в долине рр. Таласа и Чу. Пользуется известностью большая, но не прочитанная уйгурская надпись в урочище Чиимташ, ущелье Терексай, определенная как уйгурская еще В. Радловым. Рядом с ней были обнаружены исторического содержания арабская и руническая надписи, как бы воспроизводя традиции трехязычных надписей ахеменидов.⁴

¹ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, стр. 6—7 см. стр. 30, строкка 1-я, буква 1-я; ср. фиг. 6 на стр. 33.

² Тюргешские монеты, ТОВ, II, стр. 109—110. Ср. табл. в нашей статье, тип II.

³ О переводах этого камня см.: С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН. 1929, стр. 202 и сл.

⁴ М. Массон. К истории открытия древнетурецких runнических надписей в Софии. Арии. Материалы к Учебнику по археологии. Т. I. С. 16.

Азии. Материалы Узкомстариса, 6—7, стр. 11 сл.

К сожалению, копировка надписи представляет большие трудности. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии, любезно предоставленной нам тов. Ф. И. Бальдерманом, можно разобрать только отдельные слова и термины. Так, например, мы прочитали ясно написанный тюркский титул „тутук“. Для разбора надписи нужна, конечно, специальная ее копировка, уже трижды не увенчавшаяся успехом.

Редкой находкой является обнаруженная во время раскопок города Тараза в 1938 г. шиферная плитка, на которой сохранились две с половиной строчки уйгурского письма (рис. 5). Плитка обломана и на ней не сохранилось всего текста, но отдельные расшифрованные нами слова позволяют утверждать, что текст на плитке уйгурский. Надпись любопытна своими палеографическими особенностями — начертаниями букв острым (металлическим) предметом по твердой фактуре шифера.

Там же, в Таразе, был найден фрагмент сосуда, на котором еще до обжига по мягкой глине было процарано карикатурное изображение человека и обрывок уйгурского текста $q^{\text{a}}\text{m}$ (?) 'шаман' (рис. 6). Возможно последняя буква т.

Относительно большое количество уйгурских надписей, частично уже нами опубликованных, было найдено в Чуйской долине.¹ Часть надписей на хуках нами предположено опубликовать в последующих номерах настоящего сборника, в первую очередь еще одну надпись на хуме из Сарыга и двусторочную надпись на хуме из древнего поселения у с. Покровки. Этим будет исчерпан уйгурский цикл надписей, обнаруженных в последние годы нашими экспедициями в Чуйской долине.

Загадочной и быть может не уйгурской по языку является фрагментированная надпись на черепице, найденная нашей экспедицией при раскопках древнего города Баласагуна. Вообще черепица, перекрывавшая храм и жилые помещения монастыря, была покрыта разнообразными рисунками, орнаментами и, в частности, надписями, выполненными санскритским и уйгурским письмом. Уйгурская (?) надпись вырезана на черепице до ее обжига (рис. 4) весьма небрежно, но довольно уверенной рукой в две строчки, сохранившиеся неполностью. В первой строчке мы усматриваем буквы \check{c} , n — и w ; во второй t , q , $n(a)$, w , конечное i .

Быть может, здесь имя ~~шах~~^{шах} т. е. ... с^ану Tagty

К пятой группе относятся арабские (быть может и персидские) надписи. Мы опускаем здесь куфические надписи на металлических изделиях типа брон-

¹ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I (опубликованы две надписи); Уйгурская эпиграфика Семиречья, II (в настоящем сборнике), где публикуются еще три надписи из наших собраний; см. выше, стр. 102—105.

зовых, блюд и столов подсвечников, в которых мы усматриваем главным образом повторение, *аш*, *اليمن*, в других случаях какой-то иной текст. Опускаем мы также здесь и многочисленные стилизации этих благопожеланий в куфических надписях на керамике.

Из этого цикла надписей отмечу, прочитанную М. М. Дьяконовым и Л. Т. Гузальяном, надпись на обломке хума налепными буквами почерком на раскопках Тараза в 1936 г. Верхняя надпись почерком куфи осталась неразобранный. Надпись „сделал Йү [суф]“ (рис. 11), подобно надписям из Самарры, опубликованным Э. Херцфельдом.¹ Отмечу также клейма на венчике хума из раскопок 1941 г. на городище Сарыга (рис. 12), до сих пор оставшиеся неразобранными. Надписи на архитектурных памятниках (Гумбез Манаса или мавзолей Кенизек Хатун в Таласе) и надписи в мавзолее Ша Мансур (г. Джамбул) посвящена специальная статья А. Беленицкого. Как правило, мусульманских кайраков в Семиречье почти нет.²

На рисунке 6 приведен фрагмент надписи на керамике из раскопок Тараза.

Среди надписей, восходящих к санскритскому алфавиту, наибольший интерес представляет надпись на черепице из раскопок Баласагуна 1939 г. (рис. 10), состоящая из пяти знаков, хорошо читаемых, но не поддающихся переводу (определение Б. И. Панкратова). Археологическими данными надпись датируется XII веком, временем каракитаев.

Небольшая санскритская надпись обнаружена была на подножье буддийской статуэтки, найденной у с. Ворошиловское (к востоку от г. Фрунзе), относимой нами к XII в. (рис. 7). Санскритский характер надписи и дату (XII век) подтвердил и проф. Рахула Санкритияна, которому мы смогли предоставить для ознакомления фотографию этой статуэтки во время пребывания последнего в Ленинграде.

К этому же циклу следует отнести и 17 камней с буддийскими формулами „Ом мани падме хум“, собранные Б. М. Зимма в урочище Ак-улен, к западу от Иссык-куля во время археологической экспедиции Киргизского педагогического института в 1937 г. Камни с надписями хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Образцы надписей приводятся нами в рисунках 13—14. Надписи, по всей вероятности, XVI—XVII в., эпохи джунгар.

7

Китайские надписи редки в Семиречье и встречаются, главным образом, на относительно поздних вещах XVII—XVIII вв. Наиболее ранняя надпись (не считая монет) явно местного происхождения обнаружена на селадоновом

¹ Ср. F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925. См. там статью: E. Herzfeld Epigraphisches, стр. 81—92.

² А. Бернштам. Памятники древности Таласской долины, стр. 57.

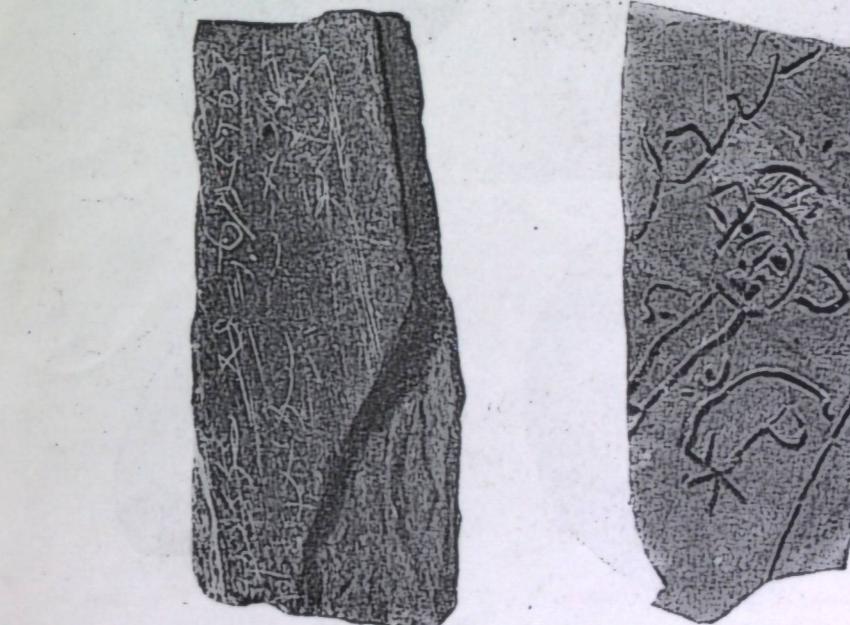

Рис. 4. Уйгурская надпись на кровельной черепице. Подпись мастера. (?) XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 5. Уйгурская надпись. Юридический (?) документ. Шиферная плитка IX—X в. (Тазжик, Казахстан).

Рис. 6. Фрагмент уйгурской надписи. Керамика IX—X в. (Тазжик, Казахстан).

Рис. 7, вверху слева. Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью.
(Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 8, внизу слева. Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв.
(Семиречье; точно происхождение неизвестно).

Рис. 9, а — в, справа. Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?). Несторианское
кладбище у г. Фрунзе (Киргизия).

Рис. 10, вверху. Санскритская надпись на керамической черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина. Киргизия).

Рис. 11, слева. Подпись мастера на прабеком языке. Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан).

Рис. 12, Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сорыг, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 7, вверху слева. Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью.
(Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 8, внизу слева. Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв.
(Семиречье; точно происхождение неизвестно).

Рис. 9, а — в, справа. Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?) Несторианско
кладбище у г. Фрунзе (Киргизия).

Рис. 10, вверху. Санскритская надпись на кровельной черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина. Киргизия).

Рис. 11, слева. Подпись мастера на арабском языке. Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан).

Рис. 12. Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сарыг, Чуйская долина, Киргизия).

фрагменте блюда, где она изображена довольно небрежно. Ей посвящается наша специальная заметка.¹ Другая наша заметка² посвящена надписям на курильнице с датой минского времени (Е 德 (1506—1522 гг.)³, сдана для печати в "Трудах" Эрмитажа.⁴ Среди случайных находок отмечу малую курильницу, фотография с которой была передана мне Б. М. Зимма; на дне курильницы оказался иероглиф 宣 — «сюань» (фамильный знак). Время, очевидно, джунгар (видно джунгар (рис. 8), быть может знак последнего представителя цинской династии Сюань цзуна (1908 г.).

За исключением надписи на селадоновом фрагменте, найденном в комплексе находок каракитайского времени (XII в.), все достающие надписи более позднего происхождения, во всяком случае, не ранние джунгар.

Из всего сказанного, известует многоязычие населения Семиречья и относительно высокий его культурный уровень в средние века, когда концентрируются в пределах одной территории семь языковых литературных групп. Это не показатель многоэтнического и разнодобранного по культуре населения Семиречья, столъ долга воспринимавшего в исторической литературе как отсталая периферия. Средней Азиатических находок мы не

можем не выразить нашу глубокую, благодарность соединившим, способствовавшим обнаружению, фиксации и изучению эпиграфических гипотез в первую очередь тем, кто в связи с этим был помянут в настоящей информации.

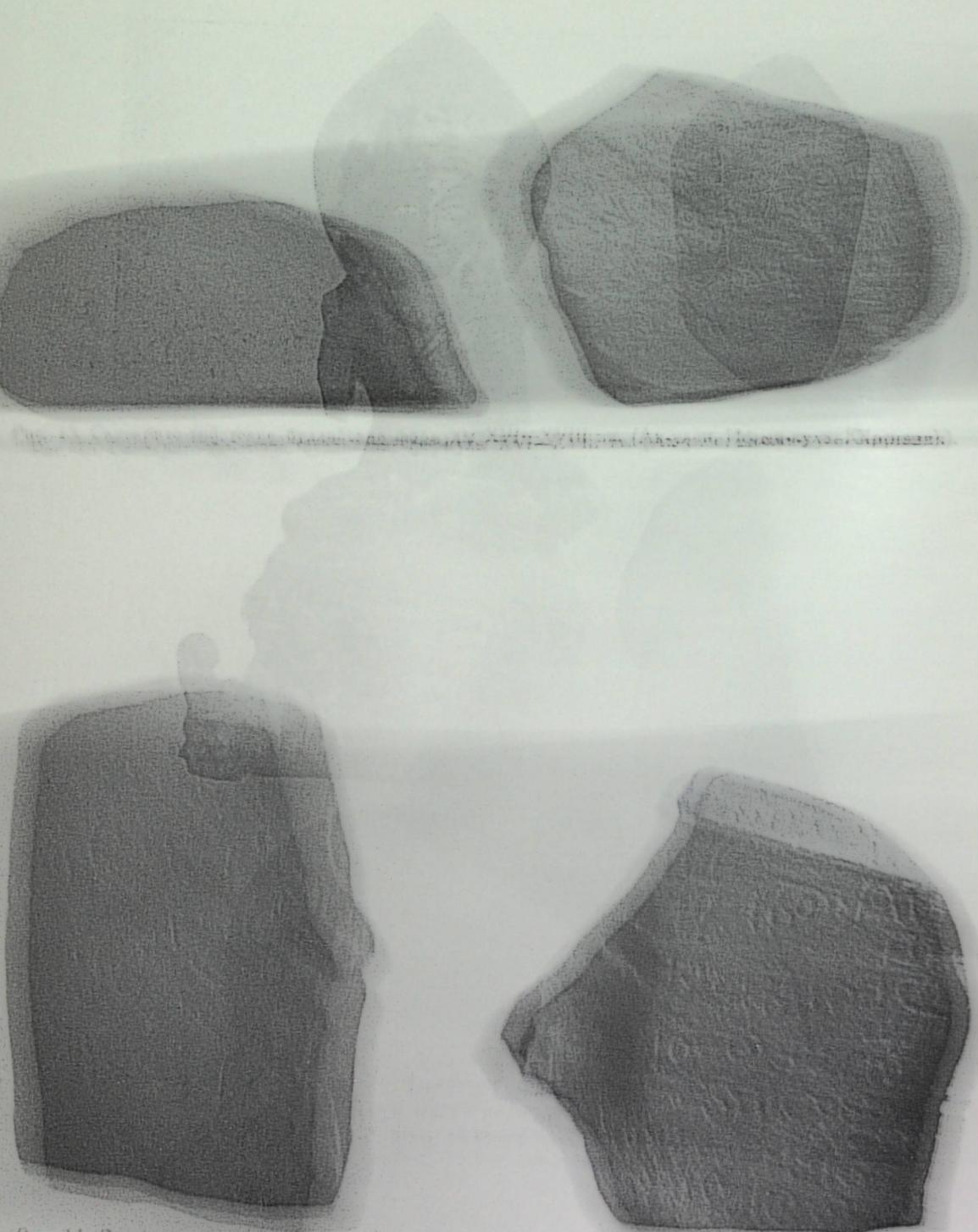

Рис. 14. Синекарто-тибетское Руслоносное фарфор XVI—XVIII вв. (Ак-Улан, Иссыккуль, Киргизия).

¹ Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью, № 113МК XVII.

² Археологическая поездка в Семиречье 1933 г. (Государственный Эрмитаж, рукопись).

³ Эпиграфика Востока, II

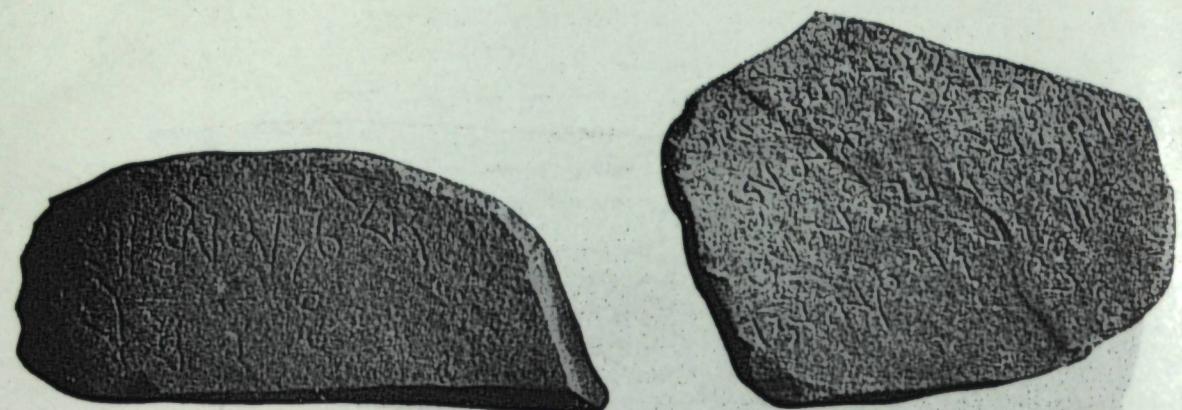

Рис. 13. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль. Киргизия).

Рис. 14. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль. Киргизия).

фрагменте блюда, где она процарапана довольно небрежно. Ей посвящается наша специальная заметка.¹ Другая наша заметка посвящена надписям на курильнице с датой минского времени 正德 (1506—1522 гг.), сдана для печати в „Труды“ Эрмитажа.² Среди случайных находок отмечу малую курильницу, фотография с которой была передана мне Б. М. Зимма; на дне курильницы оказался иероглиф 官 — „сюань“ (фамильный знак). Время, очевидно, джунгар (рис. 8), быть может знак последнего представителя циньской династии Сюань цзуна (1908 г.).

За исключением надписи на селадоновом фрагменте, найденном в комплексе находок каракитайского времени (XII в.), все остальные надписи более позднего происхождения, во всяком случае, не раньше джунгар.

Из всего сказанного явствует многоязычность населения Семиречья и относительно высокий его культурный уровень в средние века, когда концентрируются в пределах одной территории семь языковых литературных групп. Это ли не показатель многоэтнического и разнообразного по культуре населения Семиречья, столь долго воспринимавшегося в исторической литературе как отсталая периферия Средней Азии?

В заключение нашего перечня основных эпиграфических находок мы не можем не выразить нашу глубокую благодарность всем лицам, способствовавшим обнаружению, фиксации и чтению обнаруженных надписей и в первую очередь тем, кто в связи с этим был помянут в настоящей информации.

¹ Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью, КС ИИМК, XVII.

² Археологическая поездка в Семиречье 1933 г. (Государственный Эрмитаж, рукопись).

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В мае 1944 г. на полях Самарии, в 150 км от линии римских погребений и к востоку от „израильского святилища“, был найден скарабеоид из полированного агата с сероватыми полосками. На отполированном основании врезано изображение крылатого грифона, солнечного диска и урея. Под грифоном еврейскими буквами обозначена принадлежность печати лицу с египетским именем *Пт'с*, которое в семитической письменности известно с VII в. до н. э. Печать издана И. Бен-Дор (I. Ben Dor) на страницах 77—83, воспроизведена на табл. XXV в журнале „The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine“ (т. XII, № 3—4, 1947). Автор относит печать к периоду до разрушения Самарии, ранее 721 г. до н. э. Для стилистической документации привлечена, между прочим, неопубликованная ручка большого глиняного кувшина с аналогичным штемпелем и плохо читаемыми еврейскими буквами.

B. K.

В 1936 г. экспедиция Каирского университета им. Фуада I, под руководством д-ра С. А. Хузайина (S. A. Huzayyin) собрала в Йемене и Хадрамауте более девяноста древнеарабских надписей. Они опубликованы в 1943 г. д-ром Х. Я. Нами (Khalil Jahya Nami) под заглавием „Record and Description of the old Semitic Inscriptions from Southern Arabia“, Cairo, 1943. В издание вошли 79 новых текстов из Йемена; два из них минейские. Хронологически надписи захватывают четыре столетия, начиная со II в. до н. э. Труд д-ра Х. Я. Нами проанализировал знаток древней Аравии, путешественник Фильби (H. St. J. B. Philby) в Journal

В апреле 1939 г. Инграмс (Ingrams) совершила путешествие из Макаллы через Бир 'Али вглубь Вади Хаджр. На пути к Бана (Обна) она отмечала химьярские письмена и вновь видела надпись, открытую Вреде в 1843 г.

Продвигаясь к руинам древнейшей столицы Хадрамаута, Шабва, Харольд Ингрэмс (Harold Ingrams), отметил в 1942 г. многочисленные химyarские надписи, которыми усеяны

B. K.

Южно-арабские монеты нового типа стали известны с 1936 г. после путешествия Фрейя Старк (Freya Stark) в Хадрамаут. На лицевой стороне изображена в профиль мужская голова (шаря); справа от нее тремя знаками сабейского алфавита начертано сверху вниз имя древнеарабского божества Син, слева знак л. На оборотной стороне видна хищная птица с распростертыми крыльями (может быть коршун) и по три буквы сабейского алфавита справа от нее и слева. Двенадцать монет данного собрания в Британском музее опубликовал Джон Уокер (John Walker) в журнале „Numismatic Chronicle“ (I серия, т. 17, стр. 260—279). К этой коллекции принадлежат также неизданные монеты с эмблемой Сина в виде быка. Три монеты с эмблемой Сина в виде птицы вместе с кратким описанием воспроизвел по изданию Джона Уокер Дитлеф Нильсен (Ditlef Nielsen) в своей книге „Der dreieinige Gott in religionshistorischer Beleuchtung“ (т. 2, ч. I, Копенгаген, 1942, стр. 117—118, рис. 13).

B. K.

склы и памятники по всем древним путям страны. Путешествие послужило темой для лекции в память Бёртона (Burton), которая появилась в печати под заглавием „Burton Memorial Lecture. From Cana (Hus Ghorab) to Sabbathah (Shabwa): The South Arabian Incense Road“ в „Journal of the Royal Asiatic Society“ (1945, ч. 3—4, стр. 169—185).

Скопированную Х. Инграмс хорошую надпись с родословной царей издал Фильби (Phillby) под № 1 в статье „Three new Inscriptions from Hadhramaut“ в том же номере журнала, стр. 124, 127 и сл., табл. X перевод на стр. 132. Текст датируется около 175 - 160 гг. до н. э.

B. K.

В письме от 20 ноября 1946 г. из Каира корреспондент ТАСС М. А. Коростоццев писал: "... по иранистике Герцфельд мне сообщил следующее: ... знаменитый клинописный персидский архив, найденный Герцфельдом в Персеполисе, полностью погиб в Америке при попытке химически обработать его для консервации". Таким образом, больше не приходится рассчитывать на него.

Перед самой войной или вскоре после начала ее в Англии вышла книга: A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins, by John. Walker. London (British Museum), 1941. CXLI. 224 сто., с 40 табл.

СКЛ., 224 стр., с 40 табл.
Автор ее до того был известен по трем небольшим статьям, одна из которых посвящена той же группе древнейших халифских монет. На этот раз он выпустил обширный труд, вдвое привлекающий внимание специалистов. Как следует из краткой рецензии подписанной инициалами R. G. G. (J. BRASS. т. 18, 1942, стр. 119—120), Уокер даёт сводный каталог арабо-сасанидских монет находящихся в Британском музее и в ряде других государственных и частных собраний. Таким образом, книга может претендовать на значение корпуса. В то же время она является первым томом нового каталога мусульманских монет Британского музея. Это позволяет надеяться, что за ним последуют и другие, которые заменят несомненно давно устаревшие уже каталоги восточных монет Британского музея (1875—1890 гг.).

и замечательное собрание станет доступным для изучения в его современном составе.

A. B.

Е. А. Пахомов. Монеты Барда'a. Известия Академии наук Азербайджанской ССР, № 4. Баку, 1944, стр. 67—71.

Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР составляет очерки по истории азербайджанских городов. Литературных источников, археологических и других материалов по этому интересному вопросу чрезвычайно мало и потому особенную пользу в его изучении оказывает нумизматика.

Автор опубликовал в названной статье перечень монет, на которых стоит имя города Барда¹. Согласно этому перечню, зарегистрирована находка тетрадрахмы Александра Македонского, селевкидские тетрадрахмы, аршакидские драхмы и римский денарий I в. до н. в. Хотя в V в. город уже существовал как крупный центр и резиденция сасанидских наместников и предполагается, что монетный двор был, однако нет никаких указаний на чеканку местной монеты ранее V в. н. э.

В первые века арабского завоевания обозначение места чекана на монетах делалось очень кратко, поэтому для первых веков халифата нельзя выделить местный чекан, и автор останавливается только на трех монетах, на которых указано имя города.

Далее, с XIII в. в городе чеканятся хулагидская монета. После распада государства хулагидов их владения переходят к джалаиридам и в то время монеты Барда⁴ не отличаются от других джалаиридских монет.

В период завоевания Тимура монетный двор Барда чеканит монету от его имени. Последний numизматический памятник Барда — тенъга джагатаида Махмуда, правившего с 1389 по 1397 г.

И. Бентович

В 1943 г. неподалеку от руин замка ал-Муваккар в Заинорданье, в 20—22 км на юго-восток от Аммана, найдены разновременно фрагменты колонны с базой и капителью, на которых высечены арабские письмена почерком куфи. Рельефная надпись в десять строк на одной стороне капители и на прилегающем отрезке ствола колонны сообщает о сооружении пруда, „бирка“, по

приказанию Йазида имира правоверных, попечением Абдаллаха иби Судайм. Между 8—9-й строками врезанные буквы и короткие отметки рельефными буквами на стволе колонны указывали в локтях уровень воды в пруде. Р. У. Хамильтон (R. W. Hamilton), издатель найденных фрагментов, в статье „An eighth century Water-gange at al Muwaqqar“ (The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine, Vol. XII, №№ 3—4, Jerusalem, 1946, стр. 70—72, табл. XXIII) вычислил, что локоть „дирā“, принятый строителями водомера, равнялся в среднем 44.75 см и приближался к полутора римских футов.

Л. А. Майер (L. A. Mayer), комментируя строительную надпись водомера („Note on the inscription from al Muwaqqar“ в том же номере палестинского журнала, стр. 73—74), оттеняет выдающееся значение ее, так как изо всех доступных источников только Йакут связывал имя Йазида иби 'Абд ал-Малика с замком ал-Муваккар. Надпись водомера датируется по имени строителя — девятого халифа из династии 'омайдов — между 101—105 / 720—724 гг.

Капитель водомера привлечена у Р. У. Хамильтон в другой статье „Some eighth century capitals from al Muwaqqar“ (стр. 63—69 того же журнала, табл. XXI—XXII, рис. 1—12) для уточнения датировки семнадцати богато и разнообразно орнаментированных капителей от колонн и пилasters, которые были зарегистрированы разными исследователями в развалинах замка между 1898—1943 гг.

В. К.

В 1946 г. опубликована в Тбилиси под редакцией действительного члена Академии наук Грузинской ССР проф. Г. В. Церетели (в издательстве Академии наук Грузинской ССР). Институт языка им. акад. Н. Я. Марра монография В. А. Крачковской „Извещцы мавзолея Пир Хусейна“ (XI—169 стр.—XLVIII таблиц). Глава VII посвящена специально эпиграфике XIII в. В книге из-

даны арабские надписи 641/1243—1244 г. и 634/1285—1286 г., неопубликованные люстровые звезды и изразцовые плитки мавзолея 679—684/1280—1285 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Музее Грузии, находящиеся в Баку и в некоторых зарубежных собраниях.

Недавно полученный выпуск „Revue Numismatique“ за 1944—1945 гг. (Cinquième série, t. VIII, Paris, 1945) принес весть еще об одной утрате, постигшей [французских] ученых. В отделе хроники, в заметке Adr[ien] Bi[anche]t о присуждении премий за работы по нумизматике за 1942 г. (стр. 185) сообщается, что в июле 1940 г. погиб, сражаясь за родину, молодой французский нумизмат — востоковед Рэми Котевиель Жироде (Rémy Cotteville-Giraudet, 1906—1940). В его лице Парижский нумизматический кабинет потерял ценного специалиста по восточной нумизматике.

Р. Котевиель-Жироде впервые выступил в печати в 1938 г. двумя статьями: „Un dirhem inédit de la Horde d'or (Revue Numismatique, Cinquième série, t. II, Paris, 1938, стр. 89—103) и „Obole arabe de Jérusalem“ (там же, стр. 245—249); в 1942 г. за его работы по восточной нумизматике уже посмертно ему присуждена премия Эдмона Друэна (Edmond Drouin).

А. Б.

В выпуске XV „Кратких сообщений Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра“ (М.—Л., 1947) напечатаны: неизданный доклад Н. Я. Марра „Албанская надпись“ с предисловием акад. И. И. Мещанинова (стр. 7—14); опубликована В. А. Крачковской „Арабская надпись из раскопок Н. Я. Марра в Аии“ (стр. 15—26); статья С. П. Толстова „К вопросу оprotoхорезмийской письменности“ (стр. 38—42).

В. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Мазар „Манас-гумбез“. Общий вид. Фото Ф. Бальдермана, 1924 г.	16
Мазар „Айша Биби“. Угловая колонка с персидской надписью, деталь. Фото Казахской археологической экспедиции ГАИМК 1936 г.	16
Ханаге. Акварель неизвестного художника 1851 г.	24
Караван-сарай. Акварель Р. Riss, 1852 г.	25
Надгробная плита близ Дербенда, по Шуринской дороге	27
Надпись из селения Лучек	28
Надпись из селения Рутула, 683/1284 г.	28
Надпись Ширваншаха Халиль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.) из Ахты	29
Надпись из мечети Нус Мус, Ордубадского у. 720/1320 г.	30
Копия фирмана Шаха Аббаса над воротами мечети в Ордубаде 1016/1607 г.	30
Надпись из Чираг Каля, VI/XII в.	31
Руины Чираг Каля. Акварель Ф. Рыковского	31
Руины мечети и мавзолей Ших Бабалы 670/1271—1272 г. Акварель Ф. Рыковского	32
Надгробие судтана Шейх Увайса 776/1374 г. Акварель Ф. Рыковского	33
Сегумбез в Урмии 580/1184—1186 г. Акварель Ф. Рыковского	33
Мавзолей Йусуфа иби Кусайира в Нахичевани 557/1162 г.	33
Надпись из селения Захур	38
Надпись из селения Захур 766/1374—1375 г.	39
Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Правая сторона	42
Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Левая сторона	42
Булгарский памятник с. Старые Савруши 700/1300—1301 (?) г.	42
Булгарский памятник с. Старые Савруши 710/1318 г.	43
Булгарский памятник с. Демкино 700/1300—1301 (?) г.	45
Булгарский памятник 727/1326—1327 г.	47
Булгарский памятник 727/1326—1327 г. Деталь	47
Булгарский памятник без даты	48
Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1323 г.	48
Надгробная плита над погребением Тимура в склепе	52
Саркофаг из нефрита над местом погребения Тимура	56
Торцовая плита нефритового надгробия над могилой Тимура	58
Надпись на третьем куске нефритового памятника Тимура	65
Четвертая строка торцовой надписи нефритового памятника Тимура	68
Бронзовый подсвечник Бадр ад-Дина Лулу	76
Надпись на бронзовом подсвечнике Бадр ад-Дина Лулу	77
Часть бронзового запора с урартской клинописью из раскопок Кармир-блура 1946 г.	84
Фрагмент клинописной таблетки А. Кармир-блур, 1946 г.	87
Фрагмент клинописной таблетки Б. Кармир-блур, 1946 г.	87
Фрагмент клинописной таблетки В. Кармир-блур, 1946 г.	87
Армазские письмена на камне в стене акрополя Багнити	92

Армазские письмена на камне в стене акрополя Багдити	92
Армазские письмена на золотом кольце из Мцхета-Армази	93
Армазские письмена на пластинке золотого браслета из гробницы Мцхета-Армази	94
Сравнительная таблица алфавитов: древнееврейского, армазского, пехлевийского и парсийского	100
Обломки венчика хума из Сарыга	104
Обломок крышки хума с городища Кымсычи	104
Обломок венчика хума с окраины Сарыга	104
Древнесирийская надпись. Тараз; V—VI вв. (Казахстан)	108
Древнетюркское надгробие VII в. (Киргизия)	108
Китайское зеркало с рунической надписью VIII в. (Урджор, Казахстан)	109
Уйгурская надпись на кровельной черепице. Подпись мастера (?) XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия)	112
Уйгурская надпись. Юридический (?) документ. Шиферная плитка IX—X в. (Тараз, Казахстан)	112
Фрагмент уйгурской надписи. Керамика IX—X в. (Тараз, Казахстан)	112
Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью. (Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия)	113
Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв. (Семиречье; точно происхождение неизвестно)	113
Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?). Несторианско-клавдиевое кладбище у г. Фрунае (Киргизия)	113
Санскритская надпись на кровельной черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия)	113
Подпись мастера на арабском языке. Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан)	113
Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сарыг, Чуйская долина, Киргизия)	113
Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль, Киргизия)	113

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБ	— Г. В. Шеретеи. Армазская билингва. Тбилиси, 1941.
ДАН	— Доклады Академии Наук.
ЗАН	— Записки Академии Наук.
Зап. РАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗВО	— Записки Восточного Отделения Русского археологического общества.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ИАН	— Известия Академии Наук.
Изв. Азкомстариса	— Известия Азиатского комитета по охране памятников старины и искусства.
Изв. ИЯИМК	— Известия Института языка и материальной культуры. Тбилиси.
КС ИЯИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.
МК	— Махмуд Кашгарский.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
Самкомстарис	— Самаркандский комитет по изучению старины и искусства.
Средазкомстарис	— Среднеазиатский комитет по изучению старины и искусства.
ТОВ	— Труды Огдела Востока. Государственный Эрмитаж.
УзАН	— Узбекская Академия Наук.
УзФАН	— Узбекский филиал Академии Наук СССР.
CIS	— Corpus Inscriptionum Semiticarum.
JSFO	— Journal de la Société finno-ougrienne.
OLZ	— Orientalistische Literatur Zeitung.
USD	— W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Акад. И. Ю. Крачковский. Об одном эпиграфе в надписи бронзового таза Лүлү	3
М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии	9
А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине	16
В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике	19
С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика	41
А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире	49
М. Е. Массон. Третий кусок нефритового намогильника Тимура	63
Л. Гюзальян. Надпись с именем Бадр ад-дина Лүлү на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа	76
Б. Б. Пиотровский. "Город Тейшебаний" в урартской клинообразной надписи	83
И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных таблеток из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре	86
Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. I	90
А. Н. Бериштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья. II	102
А. Н. Бериштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья	107
Хроника и библиография	114
Список иллюстраций	117
Список сокращений	119

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства А. А. Воробьев
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры Н. П. Ракова и А. С. Шамова

*

РИСО АН СССР № 3125. Подписано к печати
18/IX 1948 г. М. 21312. Тираж 1500.
Печ. л. 7½ + 15 вкл. Уч.-изд. л. 14 Зак. № 1247

1-я типография Издательства Академии
Наук СССР
Ленинград, Б. О., 9 линия, 12

П-17

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

V

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1951 ЛЕНИНГРАД

417

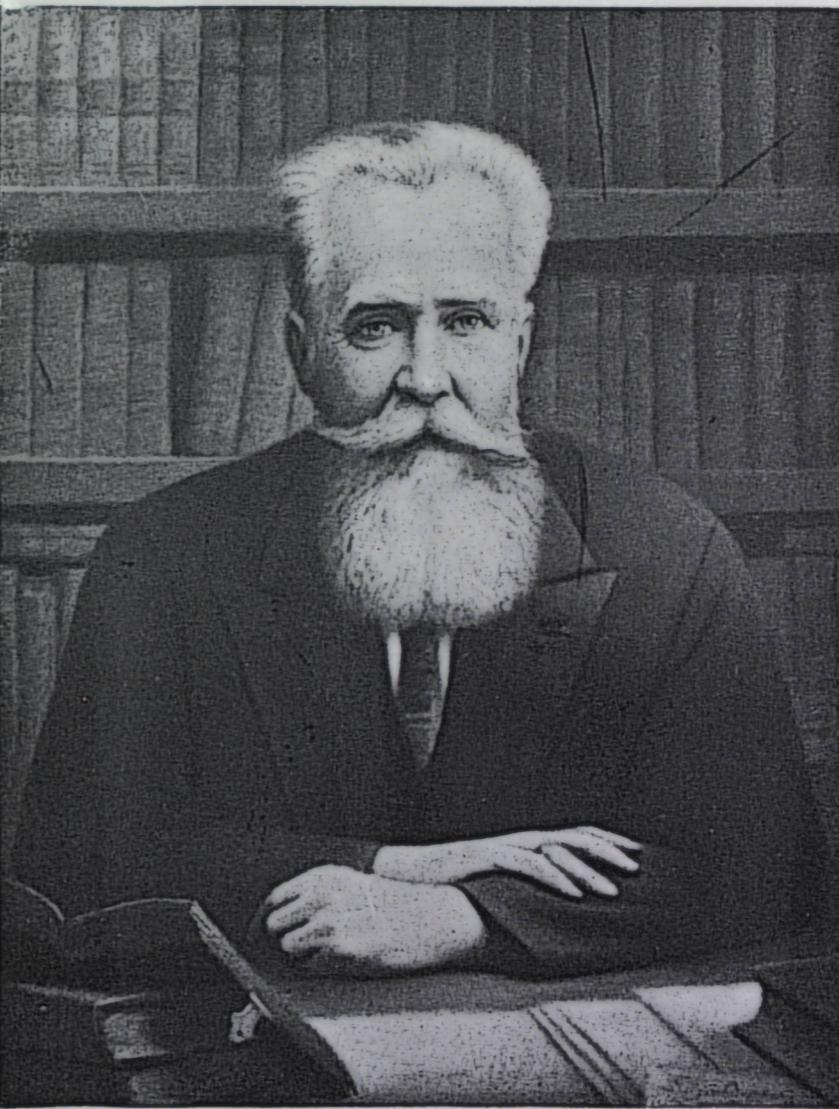
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ А.Н. КРАЧКОВСКОГО
ФИЛИАЛА Академии наук Киргизской ССР
имени Ф.Д. Шарапова

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ

Библиотека Академии
наук Киргизской ССР
имени Ф.Д. Шарапова

54184
Библиотека Киргизского
Филиала А.Н. СССР

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ

иероглифической арабской письменности. Издательство Академии наук СССР в 1950 г. издало в серии «Научные труды Академии наук СССР» книгу И. Ю. Крачковского «История арабской письменности и письменных знаков». Отличительной особенностью этого труда является то, что автором впервые в истории арабистики предпринята попытка выявления общности письменных знаков арабской письменности с письменностями других народов. И. Ю. Крачковский показывает, что арабские письменные знаки не являются исключительным явлением, а являются результатом общего процесса, происходящего в древности. Арабское письмо, как и письма других народов, имеет свою историю и своеобразие.

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ

16 III 1883—24 I 1951

Смерть унесла от нас одного из крупнейших советских ученых — выдающегося востоковеда-арабиста — академика И. Ю. Крачковского.

Ученик замечательных представителей русской востоковедной школы — В. Р. Розена, В. В. Бартольда, П. К. Коковцова, Б. А. Тураева — И. Ю. Крачковский унаследовал и развил лучшие традиции передовой русской науки, широту научных интересов, искреннюю симпатию к народам, чью культуру он изучал, чуткое отношение ко всему новому, прогрессивному в современной культурной жизни этих народов.

По широте своих научных интересов Игнатий Юлианович не имел себе равного в современной мировой арабистике. Все вопросы истории культуры арабских стран привлекали его внимание и находили отклик в его научных трудах.

Особый интерес у советской общественности вызвала написанная во время войны книга И. Ю. Крачковского „Над арабскими рукописями“, выдержавшая три издания. В ней с большим художественным мастерством показана творческая лаборатория ученого-исследователя. Эта книга была удостоена высшей награды — Сталинской премии первой степени.

И. Ю. Крачковский был не только замечательным филологом и литературоведом, который заложил глубокий фундамент научного изучения новейшей арабской литературы, но и таким же историком. Многие его работы в одинаковой мере могут быть отнесены к филологии и истории. Ряд работ написан специально на исторические темы. Большой интерес в течение всей своей научной деятельности И. Ю. Крачковский проявлял к истории арабистики.

В вышедшем в 1950 г. труде „Очерки по истории русской арабистики“ Игнатий Юлианович с исчерпывающей полнотой показал, какой громадный вклад сделан русской и советской наукой в дело изучения арабских стран.

Много сделал Игнатий Юлианович и в области изучения арабской эпиграфики и палеографии. Этой отрасли арабистики он посвятил более десятка специальных работ. Наиболее замечательными из них являются: издание двух арабских надписей, вошедших благодаря Игнатию Юлиановичу в основной

фонд древней южноарабской письменности (1931), и публикация древнейшего на территории СССР памятника арабской письменности — документа с горы Муг (1934). Последняя работа Игнатия Юлиановича является во всех отношениях ярким образцом творческой интуиции в области дешифровки наполовину исчезнувшего от времени текста на коже. В ней, наряду с мастерским чтением и разбором текста, дан безукоризненный исторический комментарий, благодаря которому восстановлен один из наиболее драматических эпизодов в истории Средней Азии времени арабского завоевания.

Большую ценность представляют и все остальные его работы, связанные с арабской эпиграфикой. Чуткий ко всяkim новым начинаниям, Игнатий Юлианович с большим интересом отнесся к изданию сборников „Эпиграфика Востока“. Уже во втором выпуске „Эпиграфики Востока“ он дал специальную статью, посвященную расшифровке одного из загадочных эпитетов надписи XIII в., которая была опубликована в 1-м выпуске. Им также напечатаны заметки и в последующих сборниках, в том числе и в четвертом, вышедшем в 1951 г.

Во всех областях арабистики деятельность Игнатия Юлиановича оставила яркий и глубокий след. Труды этого крупнейшего советского ученого навсегда сохранятся в золотом фонде отечественной науки.

А. М. Беленицкий.

1951 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · V

Конечно же, этого недостаточно и нужно было бы заняться и арабской эпиграфикой, но поскольку у меня нет специальных знаний в этой области, я не могу это сделать. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из специалистов, имеющих хорошие знания в арабской эпиграфике, занялся этим вопросом. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из специалистов, имеющих хорошие знания в арабской эпиграфике, занялся этим вопросом. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из специалистов, имеющих хорошие знания в арабской эпиграфике, занялся этим вопросом.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ АЛФАВИТНОМ ПИСЬМЕ¹

С той поры, когда найдены были способы закрепления звуков речи в знаках письма, когда изобретены были алфавитные письмена, открылись еще более широкие возможности для прогресса человеческого общества; поэтому вопрос о возникновении алфавитного письма представляет исключительный интерес.

Возникновение письма неразрывно связано с развитием языков. В замечательных работах И. В. Сталина по языкоznанию дано следующее определение языка:

„Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка“.²

И дальше: „Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство...“³

Еще до недавнего времени существовали, как известно, языки бесписьменные; некоторые народы в СССР получили письменность только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В доклассовых обществах Переднего Востока, на котором мы сосредоточиваем внимание в настоящей статье, письменности не существовало, но с развитием общества, с появлением рабовладельческих государств возникло несколько сложных систем неалфавитного письма. Часть переднеазиатских обществ развивалась скорее, другие отставали в своем развитии, сохранили родоплеменные отношения.

Древнеегипетская культура слагалась в основных чертах в IV тысячелетии до н. э. (в период I—II династий); тогда же под влиянием экономических потребностей Египта вырабатывались принципы иероглифики.

¹ Доклад в Секторе Средней и Центральной Азии ИИМК 4 января 1951 г.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1950, стр. 46.

³ Там же.

Состояние общественной жизни и производства этого времени и их отражение в языке характеризуются следующими словами И. В. Сталина:

„Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке,... — все это внесло большие изменения в развитие языка“.¹

Из иероглифов Древнего Египта, изображение которых было сложно, требовало большого труда и опыта, только некоторые постепенно приобрели буквенное значение, но широкого применения в Египте они все же не получили.

Ни пиктограммы или идеограммы, ни египетские иероглифы, ни клинопись по своей сложности не могли удовлетворить потребностей общества с более развитым хозяйством и сложными торговыми операциями, которые, например, производила Финикия.

Медленно, сложными путями шло развитие алфавитного письма. Появление его имело огромное значение, так как давало возможность отобразить и закрепить все богатство мысли и языка, чего не могли дать ранее возникшие системы письма.

Расцвет Финикии с ее семитским, в основном, составом населения падает на конец III тысячелетия до н. э. Финикийцы первоначально пользовались иероглифической и вавилонской клинописью. Затем, как показали археологические открытия 1929 г. в Рас аш-Шамра (Угарит), был выработан под влиянием вавилонской клинописи особый алфавит, который не был достаточно прост и удобен и вследствие этого тоже не получил широкого применения.

Дальнейший шаг к созданию алфавитного письма был сделан также финикийцами. На памятниках из Жбейла (древний Джубейль, греч. Библос) обнаружены письмена алфавитом, состоявшим из 22 согласных, выработанных на основе древнеегипетских иероглифов. Но ученым еще до этого чрезвычайно важного открытия удалось расшифровать финикийские и родственные с ними алфавитные письмена по ранее открытym памятникам. Эта расшифровка представляла собой громадное научное достижение. Без овладения этими письменами не было бы возможности изучать языки семитов, так как ранний словарный состав и грамматический строй могли изучаться исследователями только по древним надписям, которые содержат важные исторические и историко-культурные данные.

До нас дошли редкие, весьма немногочисленные письменные документы на семитских языках эпохи существования рабовладельческих обществ. Благодаря этим надписям древнейшими алфавитными письменами семитские языки могут прослеживаться по подлинникам. Возможно изучать ранний

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26, 27.

словарный фонд, его обогащение с ходом времени и развитием общественной жизни; можно наблюдать медленные изменения грамматического строя языка.

Сemitские языки существуют до настоящего времени. Они обслуживали членов рабовладельческого и всех позднейших семитских обществ и как „продукт целого ряда эпох“ развивались и продолжали жить сообразно нормам, определяющим соотношения между языком, базисом и надстройкой.

„Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и существует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса...“. „...язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем“.¹

Основа семитских языков очень устойчива, вместе с тем эти языки живо откликались на все изменения в истории и экономике семитских обществ, но только со временем возникновения семитского алфавитного письма появилась возможность отобразить все этапы развития этих языков.

Экономический строй ближневосточных обществ менялся: рабовладельческий уклад сменился феодальным укладом; возникло капиталистическое общество. „За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...“² Вместе с ходом истории возвышались и падали города и рабовладельческие государства. Одни семитские языки уступали место другим, сильнейшим, сохранившим преемственно семитский грамматический строй.

К числу ярких примеров этих смен принадлежит арамейский язык, а впоследствии — арабский. Арамейский язык закреплен в довольно значительном количестве надписей и документов арамейским алфавитом, который, вследствие родства финикийского и арамейского языков, незначительно отошел от графики финикийского алфавитного письма.

На основании определений И. В. Сталина мы знаем, что язык не принадлежит к явлениям базисного и надстроечного порядка. Письменность как воспроизведение языка в зрительных образах, возникшая на определенной ступени общественного развития, относится к тому же типу явлений, что и язык. Ни иероглифика, ни клинопись, ни алфавитное письмо семитов не могут принадлежать к разряду „промежуточных“ явлений, так как таких явлений не существует.

Появление письма и поиски усовершенствований его, выразившиеся на Ближнем Востоке в создании алфавитного письма семитов, были вызваны

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

² Там же, стр. 27.

реальными потребностями ближневосточных обществ, в которых, как было выше указано, успешно развивались производство и торговля.

Причинами видоизменений алфавитного письма у семитов были: усложнение государственного управления, международных связей, усиление транзита и экспорта, развитие местного хозяйства. Параллельно изменялись и обогащались семитские языки; некоторые из них побеждали, и тем самым соответствующий родственный алфавит получал перевес над другими, предшествующими. Утрата политической независимости тем или иным государством и народом не обусловливала обязательно исчезновения языка. Так случилось с арамейским языком и письмом, которые широко распространялись несмотря на падение арамейского царства.

Алфавитное письмо, появившееся у финикийцев во II тысячелетии до н. э., было использовано древними и средневековыми обществами на Востоке и на Западе; используются его сильно видоизмененные ветви и в настоящее время на значительном пространстве земного шара. Оно служило и служит обществу как целому в качестве орудия общения людей.

Если бы сохранились бесчисленные, ценнейшие для истории семитских языков, для истории и истории культуры Ближнего Востока документы и надписи, наука имела бы непреложные свидетельства деятельности семитов, запечатленные медленно изменявшимся алфавитным письмом. Сейчас наука располагает только отрывками знаний в этой области.

Положение Финикии, ее окружение, политические и торговые связи вели к тому, что отдельные лица и круги финикийского общества не могли ограничиться знанием родного языка. Археологические открытия 1929 г. показали, что в храмовом архиве Угарита хранились таблички с клинописными текстами на иностранных для Финикии языках — шумерском, вавилонском, хуррийском. Найдены там также иероглифические надписи Среднего царства и XIX династии царей Египта, датируемые с конца III тысячелетия до первой половины XIV в. до н. э.¹

Существование школы писцов при храме Угарита говорит за то, может быть, что лишь сравнительно незначительный круг людей знал грамоту. Однако названия городов: Киръят сефер — 'город книг' и Библос — 'город книги' характеризуют их как центры письменности, литературной деятельности вообще. Это не исключает возможности подобной деятельности и в других пунктах.

Несмотря на недоступность для широких слоев общества грамоты и сложного алфавитного древнесемитского письма, они могли знакомиться с содержанием письмен через толкователей и грамотеев. Но постепенно круг лиц, писавших алфавитным письмом, становился все шире и выходил за пределы Финикии, захватывая и ее колонии. Сами надписи, их местоп-

¹ Согласно хронологической таблице в работе акад. В. В. Струве 'История Древнего Востока', эти надписи надо датировать от 2020 г. до Сети I, т. е. 1330—1317 гг. до н. э.

нахождение и те предметы, на которых они начертаны, показывают, что применение алфавитного письма не было слишком узким.

Одним из наиболее ранних образцов письма Библоса считается надпись на черепке от глиняного сосуда, вдоль его края; в ней имеются два имени: 'Абда сын Келубая' и предполагаемое название профессии — горшечник.¹ Чтение этой короткой надписи, повидимому, правильно, а следовательно может быть установлено распространение алфавитного письма среди определенной группы финикийских ремесленников-гончаров.

Эта краткая надпись блестяще подтверждает сохранение основного словарного фонда и грамматического строя в семитских языках. Не только широко употребляется вплоть до наших дней то имя 'Абда', которое носил древний финикийский горшечник, — сейчас оно звучит в таких именах, как 'Абд ал-Азиз, 'Абдулхамид, 'Абдаллах, 'Абд ар-Рахман и других, или в современных фамилиях, например Абдуллаев, — но и вся грамматическая конструкция этой краткой надписи остается неизменной, и мы знаем ее хорошо по надписям ремесленников и мастеров феодального периода на Ближнем Востоке.

Гипотеза о сравнительно широком и раннем знакомстве финикийских гончаров с алфавитным письмом достаточно правдоподобна, так как, с одной стороны, известны поздние так называемые новопунические надписи на глиняных саркофагах; с другой стороны, гончарное мастерство принадлежит к числу тех, которыми человек овладел на ранних ступенях своего развития.

И в другой группе ремесленников рабовладельческой эпохи знакомство с алфавитным письмом прослеживается рано — у каменотесов, высекавших монументальные надписи. Доказать, всегда ли оно было активным или иногда пассивным, т. е. воспроизведенным по образцу, мы пока не можем.

Можно, однако, рассчитывать на расширение этих сведений путем дальнейших археологических изысканий на Переднем Востоке. Они прольют, мы уверены, больше света на обстоятельства возникновения алфавитного письма, вскроют его зачатки и эволюцию в те периоды, которые не освещены еще совсем или недостаточно освещены документами. Тем самым надписи семитским алфавитным письмом будут и далее служить общим задачам современного языкоznания.

¹ D. Diringer. The Alphabet. A Key to the History of Mankind. New-York-Melbourne-Sydney — Cape Town, изд. 2-е, 1949, стр. 206, рис. 107, 7.

знаменитого вази́ра халифа ал-Ма'мúна, ал-Хасан ибн Сахл, бывший с 813 г. наместником халифа в Мосуле, Сирии, Аравии и Магрибе.¹

'Абдаллáх ал-Ма'мúн (813—833), старший сын Хáróна ар-Рашíда, по настоянию арабской аристократии был отстранен от наследования престола, поводом к чему послужило его иранское происхождение. По договору, заключенному халифом Хáróном ар-Рашíдом в 182/798—799 г.,² ал-Ма'мúн назначался наместником над областями от границ Хамадана до крайних пределов Востока и наследником престола после своего младшего брата ал-Амíна. Позднее, в 186/802 г.,³ по желанию ар-Рашíда, между ал-Ма'мúном и наследником престола ал-Амíном был заключен другой договор, согласно которому ал-Ма'мúн признавал право наследования за ал-Амíном, сохраняя за собой, вплоть до смерти последнего, наместничество на Востоке. Договор был оформлен в виде „двух обязательств“, которые после торжественного освящения были помещены на вечное хранение в Ка'бу. Однако сразу же после смерти ар-Рашíда халиф ал-Амíн в 194/809—810 г. назначил наследником престола после себя своего сына Múсу, а те „два обязательства“ приказал своему вази́ру ал-Фадлю ибн Рабí' взять из Ка'бы и сжечь. „Затем ал-Фадл ибн Рабí' велел Мухаммеду ибн 'Абдаллáху ал-Хаджабí доставить ему два обязательства, и тот сорвал их в Ка'бе [и] привез их в Багдад, ал-Фадл же взял их, порвал, а затем сжег их огнем“.⁴ Уничтожение ал-Амíном этих обязательств и послужило окончательным поводом к открытой борьбе обоих братьев.

Обстановка, сложившаяся в этот момент в Хорасане и Мавера'аннахре, являвшихся уделом ал-Ма'мúна и его военной базой, была крайне неблагоприятна для ведения им междоусобной войны. Восстание Рáфи' ибн Лейса против арабского владычества, начавшееся еще в 184/803 г., всколыхнуло не только Хорасан, но и все прилегающие к нему области. Рáфи' „...постарался склонить на свою сторону жителей Шаша, Ферганы, жителей Ходженда, Усрушаны, Саганийана, Бухары, Хорезма, Хутталя и других областей Балха, Токаристана, Согда и Мавера'аннахра, тюрок, карлуков, тогуз-гузов, войска Тибета и других областей“.⁵ О затруднительном положении ал-Ма'мúна может свидетельствовать следующая его беседа с его вази́ром ал-Фадлем ибн Сахлем: „...Однако мне приходится [бороться против ал-Амíна] после разорения Хорасана и мятежа, как заселенных его областей, так и пустынных, после отказа джабгú⁶ повиноваться, уверток хáсáна, владетеля Тибета,

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ IX в.

В сочинении Абú-л-Валида Мухаммеда ал-Азракí¹ „Хроники города Мекки“ (*كتاب أخبار مكة*) содержатся два небольших отрывка, представляющие значительный интерес для истории Средней Азии первых десятилетий IX в. Названное сочинение ал-Азракí впервые было издано Ф. Вюстенфельдом в 1858 г.,² по пяти рукописям, затем в 1931 г. эти отрывки были опубликованы и переведены, не совсем удовлетворительно, на французский язык Г. Вьетом.³ Надо сказать также, что несмотря на ряд весьма важных исторических сведений, содержащихся в надписях, они остались незамеченными и до сих пор не были использованы в специальной литературе. Я не ставлю своей задачей всесторонне исследовать эти надписи с точки зрения общей исторической обстановки того времени, а ограничиваюсь лишь рассмотрением их как эпиграфических памятников, раскрывающих одну из страниц истории Средней Азии начала IX в.

Отрывки передают пояснительные надписи к трофеям халифа ал-Ма'мúна — короне и трону Кáбул-шáха, — хранившимся в сокровищнице Ка'бы. Демонстрируя в Ка'бе трофеи побед над „неверными“, ал-Ма'мúн стремился подчеркнуть свои заслуги перед исламом и в то же время указать на могущество и прочность власти нового „амíра верующих“. Говоря словами надписи, „...вознамерился имам сделать напоминание тем, кому оно может принести пользу, для того чтобы этим увеличить их убежденность в их религии, чтобы оказать почтение храму их господа, чтобы предостеречь тех, кто пренебрегает и преступает“. Назначение выставленных трофеев наложило свой отпечаток на содержание и стиль надписей, которые составлял брат

¹ Об авторе см.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, II. Weimar, 1898, стр. 137; EI, т. I, стр. 563.

² F. Wüstenfeld. Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walid ben Abdallah el Azraqi, т. I. Leipzig, 1858. Надписи, о которых идет речь, находятся на стр. 158—159 и 168—169. (В дальнейших ссылках: ал-Азракí).

³ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, ... sous la direction de Ét. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet, т. I. Le Caire, 1931, стр. 80, 81, 92 и 93.

¹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, III, стр. 975. (В дальнейших ссылках: ат-Табарí).

² Ат-Табарí, ук. соч., стр. 652.

³ Аль-Азракí, ук. соч., стр. 161—162.

⁴ Аль-Азракí, ук. соч., стр. 167.

⁵ Ibn Wadhih, qui dicitur al Ja'qubí historiae, ed. M. Th. Houtsma, т. II, Leiden, 1883, стр. 528. (В дальнейших ссылках: ал-Йáкубí).

⁶ Речь идет о карлукском джабгú. См.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 207.

приготовления царя Кабула к набегу на области Хорасана, близкие к нему, [в момент], когда царь Отрабенда отказался платить подать, которую он обычно платил». Тогда ал-Фадл ответил ему: «О амир, напиши джабгу и хакану, возврати им управление над областями, которыми они владели раньше и обещай им помочь в борьбе с [другими] царями. Пошли царю Кабула подарки [из] Хорасана и его диковинки, попроси у него перемирия и ты найдешь, что он стремится к этому; и отдав царю Отрабенду подать за этот год, сделай это подарком от тебя и им ты обяжешь его. Потом собери к себе твои области, присоедини тех, кто отделился из войска, затем ударь конницей по пехоте — и ты победишь... А если нет, — ты сможешь, как желаешь, соединиться с хаканом». И признал Абдаллах справедливым то, что сказал ал-Фадл ибн Сахл и ответил: «Сделай в отношении этого дела, а также в отношении других моих дел, как ты найдешь нужным».¹

Полное доверие, оказанное ал-Мамуном своему вазиру, явилось очевидным политическим маневром. Чтобы восстановить свое положение в Средней Азии, утраченное с восстанием Рафи' ибн Лейса, а затем начать борьбу за престол, ал-Мамун стремился прежде всего заручиться поддержкой местной аристократии, тяготевшей к шиитству. Поэтому ал-Фадлю ибн Сахлю, иранцу по происхождению, шииту по воззрениям, и были переданы все полномочия военного командования. Позднее, когда ал-Мамун добился халифской власти, когда явилась необходимость в поддержке уже арабской аристократии, в угоду последней он отдал тайное приказание об убийстве своего вазира, а вскоре затем халиф переменил и цвет зеленого шиитского знамени на черный аббасидский.

Необходимо отметить, что рассказ ат-Табарий об указанных событиях на этом кончается. Таким образом, текст надписей ал-Азраки является весьма важным источником для проверки и дополнения сведений ат-Табарий.²

Дело было не только в том, чтобы силой оружия усмирить возмущавшиеся области, требовались еще и другие меры для обеспечения порядка, поскольку начало IX в. ознаменовалось значительным повышением удельного веса Средней Азии в жизни халифата, что особенно ясно сказалось к началу царствования ал-Мамуна. С полным основанием можно утверждать, что судьба халифата в этот период решалась в его восточных областях. Все шире к управлению привлекалась местная аристократия, сильная своим влиянием на народные массы, превосходившая арабов в культурном отношении.³ С ее интересами ал-Мамуну приходилось считаться в первую очередь, с чем связаны и шиитские тенденции „амира верующих“, выразив-

¹ Ат-Табарий, ук. соч., стр. 815—816.

² По поводу значения проверки сведений ат-Табарий о Средней Азии см.: В. В. Багиров. К вопросу об арабских завоеваниях в Средней Азии. ЗВО, т. XVII, 1906, стр. 141; В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 70—73.

³ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., Госполитиздат, 1949, стр. 164.

шияся, в частности, в замене черных аббасидских знамен¹ зелеными шиитскими,— факт, имевший место между 199 и 200 гг. хиджры.²

Никак нельзя полагать, что походы IX в. были продолжением и развитием успеха арабских завоеваний предшествующих периодов: карательный характер этих походов достаточно ясен. Это были последние попытки сохранения „единой и неделимой“ арабской империи; они потерпели крах с образованием могущественных среднеазиатских государств Тахиридов и Саманидов. Военная политика халифа на Востоке в затрагиваемый нами период ставила своей первой задачей изоляцию внутренней оппозиции в завоеванных областях от независимой и полунезависимой периферии и, по мере возможности, нейтрализацию последней. Частью этой периферии являлись, в первую очередь, государство тюрок-карлуков в Семиречье, государство Кабул-шаха и значительно разросшееся еще в VIII в. государство тибетцев.

Дипломатические меры, предпринятые ал-Фадлем ибн Сахлем по ликвидации волнений, вызванных восстанием Рафи' ибн Лейса, оказались небезуспешными, так как вслед за падением Багдада в 197/813 г. начался второй этап осуществления военно-политической программы ал-Фадля. Надписи, приведенные ал-Азраки, и вводят нас в последующие события.

Покорены были полунезависимые области Кабула и Кандахара и ликвидирована на время независимость Кабул-шаха, вечная угроза арабским владениям в Токаристане, Бадахшане и Южном Хорасане. Это — последний крупный успех арабов на Востоке, который сопровождался присоединением территории покоренной области к халифату. Присоединение Кабула объясняется не только его важным стратегическим положением, но и его торгово-экономической ролью,³ нашедшей свое отражение в установлении почтовой связи между Кабулом и Бамианом,⁴ Кабулом и Мервом.⁵ Вполне понятно, что халиф и автор надписей постарались придать особое значение в глазах мусульман этому крупному успеху „священной войны“, особенно факту принятия ислама Кабул-шахом и исламизации его владений, сопровождавшейся удвоенным взиманием хараджа.

168

نَسْخَةٌ مَا كَانَ عَلَى صَفِيحةِ التَّاجِ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
امْرُ الْإِمَامِ الْمَامُونَ امِيرِ الْمُؤْمِنِينَ اكْرَمُهُ اللَّهُ بِحَمْلِ هَذَا التَّاجِ مِنْ خَرَاسَانَ وَتَعْلِيقِهِ فِي
الْمَوْضِعِ الَّذِي عَلَقَ فِيهِ الشَّرْطَانُ فِي بَيْتِ اللَّهِ الْمَرْأَمِ شَكَرًا لِلَّهِ عَلَى الظَّفَرِ بِمِنْ غَدَرِ وَتَبِعِيلًا
لِلْكَعْبَةِ إِذَا اسْتَخَفَ بِهَا مِنْ نَكْثٍ وَحَالَ عَمَّا أَكَدَ عَلَى نَفْسِهِ فِيهَا وَرْجًا إِلَامِ عَظِيمِ الشَّوَابِ

¹ См. ниже, стр. 17.

² См. ниже, стр. 17.

³ Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866, стр. 430. (В дальнейших ссылках: ал-Беладзори).

⁴ См. ниже, стр. 17.

⁵ A. Sprenger. Die Post- und Reiserouten des Orients. Leipzig, 1864, стр. 36—51.

⁶ Ал-Азраки, ук. соч., стр. 168—169.

من الله عز وجل بسده¹ الشُّلُمة الَّتِي اخْتَرَمَهَا² المخلوع في الدين فانه قد كان جرًّا على الغدر والاستخفاف بما اكدى في بيت الله وحرمه وتوكى الإمام || تذكير من ينفعه الذكرى¹⁶⁹ ليزيدهم به يقينًا في دينهم وتعظيمًا لبيت ربهم وتحذيرًا لهم استخف وتجدد فاتنا علقنا هذا التاج بعد غدر المخلوع واخرجه الشُّرطُّين واحراقه ايامها فآخرجه الله من ملكه بالسيف واحرق محلته بالنار عبارةً وعظةً وعقوبةً بما كسبت يداه وما الله بظلام للعبيد وبعد عقد الإمام المامون اكرمه الله بغراسان لدى الرياستين الفضل بن سهل وتوليته اياد المشرق وبلغة الراية السوداء بلاد كابل ونهر السند وتصيير مهرب بنى دومى كابل شاه سريره وتجه على يدى ذى الرياستين الى باب الإمام المامون امير المؤمنين واسلام كابل شاه واهل طاعته على يدى الإمام بمنه فأمر الإمام جزاء الله عن الاسلام والمسلمين خيرًا لشروع من الائمة المهدىين³ ان يدفع السرير الى بيت مال المسلمين بالشرق ويعلق التاج في بيت الله الحرام بمكة وبعث به ذى الرياستين والى الإمام على المشرق ومدبر خيوله وصاحب دعوته بعد ما اجتمع المسلمين على طاعة الإمام المامون امير المؤمنين اكرمه الله ووفى له بوفائه بعد الله واطاعوه بتسلكه بطاعة الله عز وجل وكافوه بعمله بكتاب الله واحياءه سنة رسول الله صلعم وبرروا به من المخلوع لغدره ونكثه وتبديله والحمد لله رب العالمين معز من اطاعه ومنذل من عصاه برافع من وفى وواضع من غدر وصلى الله على محمد النبي والله وصحبه وسلم ، كتب الحسن بن سهل صنُّو ذى الرياستين في سنة تسعة وتسعين ومية

Надпись на ободке короны

‘Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Приказал имам ал-Ма’мун, амир верующих, — да почтит его Аллах! — доставить эту корону из Хорасана и повесить ее в том месте, где были повешены два обязательства в священном доме Аллаха, в благодарность Аллаху за победу над тем, кто поступил вероломно, и выражая почтение к Ка’бе, когда выказал к ней пренебрежение тот, кто нарушил договор и отступил от обязательств, которые он принял на себя в ней.

И имам надеется на великую награду от Аллаха, великого и славного, за то, что он задел брешь, которую пробил в религии „Низложенный“, ибо он дерзнул на вероломство и пренебрежение к тому, что он утвердил в доме Аллаха и его святыни. И вознамерился имам сделать напоминание тем, кому оно может принести пользу, для того чтобы этим увеличить их убежденность в их религии и почтение к храму их господа и чтобы предстечь тех, кто пренебрегает и преступает.

И вот, мы повесили эту корону после вероломства „Низложенного“, после исторжения им двух обязательств и их сожжения, — но Аллах истог его

¹ Исправлено на основании рукописи ИВ—В 607 (ст. ф. 507). Издание дает написание: بشدة.

² Издание: اجترمها.

³ Издание: المهدىين.

⁴ Эпитет, данный халифу ал-Амйну после свержения его с престола ал-Ма’муном.

из его царства мечом и сжег жилище его огнем,¹ „в виде назидания,увещивания и наказания за то, что снискали его руки, ибо Аллах не несправедлив к рабам!“² — после вручения имамом ал-Ма’муном — да почтит его Аллах! — военного командования в Хорасане Зу-р-рийасатайну ал-Фадлю ибн Сахлю³ и назначения его правителем Востока, и [после] достижения черным знамением страны Кабула и реки Синда, посылки беглецом Бенй Дум⁴ Кабулшахом своего трона и короны через посредство Зу-р-рийасатайна к вратам имама ал-Ма’мuna, амира верующих, и обращения в ислам Кабул-шаха и его подданных руками имама в Мерве.

И приказал имам — да воздаст ему Аллах добром за ислам и мусульман! — вследствие своего [духовного] богатства [унаследованного], от праведных имамов, — чтобы трон был передан в казну мусульман на Востоке, а корона была повешена в священном доме Аллаха в Мекке. И он послал это с Зу-р-рийасатайном, правителем имама на Востоке, командующим его конницей и главой его пропаганды, после того как соединились мусульмане в покорности имаму ал-Ма’муну,⁵ амиру верующих, — да почтит его Аллах! — и были верны ему за его верность завету Аллаха, великого и славного. И они (мусульмане) выразили ему повинование за то, что он держался повиновения Аллаху, великому и славному, и оказали ему содействие за то, что он поступал по писанию Аллаха и оживлял сунну посланника Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! И они избавили его (ал-Ма’мuna) от „Низложенного“, вследствие вероломства последнего, нарушения им клятвы и его измены. Хвала Аллаху, господу миров, возвеличивающему тех, кто повинуется ему, уничтожающему тех, кто ослушивается его, воззывающему тех, кто верен, и смиряющему тех, кто вероломен! И да благословит Аллах Мухаммеда пророка, членов его семьи и его сподвижников и да приветствует!

Написал ал-Хасан ибн Сахл, брат Зу-р-рийасатайна в 199 году⁶.

2⁶

|| نسخة ما في اللوح الذي في جوف الكعبة الذي كان مع السرير،¹ بسم الله الرحمن الرحيم أمر عبد الله الإمام المامون امير المؤمنين اكرمه الله ذى الرياستين الفضل بن سهل بالبعثة بهذا السرير من خراسان الى بيت الله الحرام في سنة

¹ Намек на штурм и пожар Багдада в 197/813 г. Халиф ал-Амий был арестован и убит, а его дворец сожжен; тогда же погибла в огне знаменитая аббасидская библиотека, помещавшаяся во дворце.

² Коран, сура III, стих 178; сура VIII, стих 53.

³ دُو الرياستين — букв. ‘обладающий двумя властями’, т. е. лицо, наделенное полномочиями гражданской и военной власти. См.: Ja'kūbī. Les pays, tr. par G. Wiet, t. I. Le Caire, 1937, стр. 45. Там же указаны и другие источники.

⁴ Отождествить это имя мне не удалось. Возможно, что Бенй Дум⁵ является собственным именем Кабул-шаха.

⁵ Автор имеет в виду 198/813 г., когда ал-Ма’мун подчинил западные области халифата.

⁶ А л - А з р а қ ی, ук. соч., стр. 158—159.

بنين وهو سرير الاصپي وبد کابل شاه بعد مهرب بنى کابل شاه المحمول تاجه الى مكة
ذخرون سريره في بيت مال المسلمين بالشرق في سنة سبع وتسعين وماية ومن ثبٰ¹
الاصپي بد انه اضعف عليه الخراج والغدية عن بلاد کابل والقندھار ونصبت المنابر
في المساجد فيها وخرج الاصپي بد کابل شاه نازلاً عن سريره هذا خاصعاً مستسلماً
في حاول حدود کابل وارض الطخارستان وضع يده في يد صاحب جبل² ذي الرياستين على
اسمه ذي الرياستين من خطه الذي للدين ولامام المسلمين ثم اقام البريد من القندھار الى
لباسیان واضاف بلاد کابل والقندھار الى بلاد خواسان وانعن للوالى مع الجنود مقیماً حدود¹⁵⁹
الامام عاملًا باحکامه فيه وفي من اختار الاسلام معه واقام على العهد في مملكته وسیئه
ام اكرمه الله الرايات الخصو على يدى ذي الرياستين الى القشمير وفي ناحية التبت
سيتها فاظیهود³ الله سبحانه بوخان وراور بلور صاحب جبل خاقان وجبل التبت
لث به الى العراق مع فرسان التبت ومن ناحية التربید ما طلب على باراب وشاوغر وزاول
اطرز⁴ وقتل قايد الشغر وسبا اولاد جبگویه الخزبی⁵ مع خاتوناته بعد اجحارة ایاه
ارکیمک وبعد غلبه ما غالب على مدينة کاسان وبعث بمقاتیع قلاع فرغانة الى العرب
من قرأ هذه السطور فليتعزز⁶ على تعزیز الاسلام وتذليل الشرک بقول او فعل فان ذلك واجب
لناس تعزیز الدين اذا اقامت به الايمة ومن اراد الزهد والجهاد وابواب البر والمعونة
ما يکسب الاسلام ل بهذا العز و هذه المفاحر وقد نسخنا ما كان حکمر على صفيحة تاج
يوب بنی کابل شاه في سنة سبع وتسعين وماية على هذا اللوح ومن نصر دین الله نصره
له لقوله تبارك وتعالى ولیننصرن الله من ينصره ان الله لقوى عزیز⁷ وكتب الحسن بن
بل صنو ذي الرياستين في سنة مايتین⁸

Надпись на плите, которая находилась внутри Ка'бы
вместе с троном

'Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Приказал 'Абдаллāх, имам ал-Ма'mūn, амīр верующих, — да почтит
Аллах! — Зу-р-рийасатайну ал-Фадлю ибн Сахлю послать этот трон из Хор
сана в священный дом Аллаха в 200 году. А это — трон испехбода Каб
шаха, корона которого, после бегства Бені⁶ Кабул-шаха, в 197 году был
перенесена в Мекку и трон которого хранился в государственной кази
мусульман на Востоке.

К известиям [о] деле испехбода относится то, что была удвоена земельни
подать и выкуп с областей Кабула и Кандахара и были воздвигнуты

¹ В издании: بناء.

² Следует читать: خیل.

³ В издании: اظیه الله.

⁴ Следует читать: اطوار.

⁵ Следует читать: الخزبی.

⁶ Имя не написано, так как автор надписи, повидимому, принял его за арабское слово
بنو, что значит 'потомки'. Ср. предыдущую надпись, стр. 15, прим. 4.

мимбары и построены мечети. И испехбод Кабул-шах оставил этот свой
трон, покорный и побежденный, покинул пределы Кабула и земли Тохаристана и сдался начальнику конницы Зу-р-рийасатайна, как предписал ему
Зу-р-рийасатайн собственноручным приказом для [славы] религии и имама
мусульман. Затем [Зу-р-рийасатайн] установил почтовую связь из Кандакара в Бамиан и присоединил страну Кабула и Кандакара к Хорасану.
И он (Кабул-шах) подчинился правителю вместе с войсками, соблюдая законы
ислама, действуя согласно его предписаниям в отношении себя и тех, кто
принял ислам вместе с ним, и остался, согласно договору, в своем государстве.¹

И послал имам — да почтит его Аллах! — зеленые знамена руками Зу-р-
рийасатайна в Кашмир и в область Тибета. И Аллах — да будет ему хвала! —
даровал ему победу в Вахане и Равере страны Болбр над владетелем гор
Хакана и гор Тибета.²

И он (Зу-р-рийасатайн) послал его (трон) в Ирак со всадниками Тибета.
Также и из области Тарбад [послал] то, что он потребовал с Фараба
и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника
пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его
женами, после того как заставил бежать его самого в страну кымаков и после
того как овладел городом Касаном и послал арабам ключи крепостей
Ферганы.

И всякий, кто прочитал эти строки, пусть способствует возвеличению
ислама и унижению многобожия словом или делом, ибо обязательно для
людей прославление религии, так как это установили имамы и те, кто
возжелал подвижничества, священной войны, дел благочестия и соде-
ствия тому, что приобретает ислам благодаря этой славе и этим славным
делам.

Мы переписали на этой плите то, что было выгравировано на ободке
короны беглеца Бені³ Кабул-шаха в 197 г. И всякому, кто помогает вере
Аллаха, поможет Аллах, по словам его, благословенного и всевышнего:
«И Аллах непременно поможет тому, кто ему помогает. Поистине Аллах
могуществен и славен!»⁴ Написал ал-Хасан ибн Сахл, брат Зу-р-рийасатайна
в 200 году.

¹ Ср.: а т - Табарӣ, ук. соч., стр. 815.

² Видимо, следует читать: بصاحب جبل خاقان وجبل التبت. Текст не совсем
ясен, ср.: al-Biruni's India, by Sachau, Leipzig, 1925, стр. 101. Перевод: al-Beruni's India, by
E. Sachau, t. I, London, 1888, стр. 206: فاما کشمیر فاذها في بریة يحيط بها جبال عاليه
منيعة جنوبها وشرقها للهند وغربها للملوك اقربها بلور شاه ثم شکنان شاه ووكان
شاه الى بدخشان وشمالها وبعض الشرق للترك من الختن والتبت
A. M. Беленицкий.

³ См. выше, стр. 16.

⁴ Коран, сура XXII, стих 41.

2 Эпиграфика Востока, V

Приложение

В соответствии с намечанными планами ал-Фадл ибн Сахл предпринял походы на юг в двух направлениях — тибетском и фергано-шанском.

Тибетское погребение. Влашская поддерка тибетами в
станице Раифа ибн Абига достаточно ясно показала халифу, что не считать
с этим фарисом и сраинизматом поэтическими большими невозможно, что пор-
передей от поиских савии предстанет к более действительным
обеспечениям, архитектурного и нейтралитета тибетского хакана. Восстано-
вленный в падишахии арабский император, член Великой Каабы, в
налогах на тибетских племен в верхней части долины Ильи, новой
объединяющейся цепи даасима, помеха тибетам. Тибетским народам
может быть разрешено Реквизитами покоя. Вдохновленный боями, пропущен-
ными в руках источников природы и магии земли. Тибет, который в эпо-
хе покорности привез землю измученную. Глауконии пропуск звезды и им
украшенного орагоцкими китами. Альбинон отставши и появив в Китае
собщая новым томам. Азах наставила инициативу пурпурную. Тибет
Это спасительство источников, вершин и нуев с огнем и праведничес-
кими прославлениями становятся уничтожеными. Сложив
них, добу глауконии насыщены в Европе

Всё делалось первым и первым, но не было никакого смысла в этом, потому что
попадали в Италию в сторону Сиены в сторону Кампании.

Северо-Западный федеральный округ
Санкт-Петербургский губернаторский срез
Согласие Администрации
в СПб

~~1871~~ 1872
1873 1874
1875 1876

1. 1993-1994 学年，我区初中生体质健康测试成绩情况

15. 20. 25. 30. 35. 40. 45. 50. 55. 60. 65. 70. 75. 80. 85. 90. 95. 100.

Следует с отрывом изображать. Академия, СПб., 1875, стр. 12, 23.

СЛОВАРЬНЫЙ РАСПРОДАЧА *Geographisches Wörterbuch* von F. P.

Берлин, 1867, стр. 741 (т. 2, кн. 1). См. также: *Пасынок*, 1867, № 12.

Digitized by Google

стр. 305, 325, но там говорится о *Panepo* в *Kerma*).

станию Рāфи‘ ибн Лейса, потрясшему основы арабской власти в Мавера’ан-нахре. В то же время враждебная позиция владетелей этих областей означала нарушение торговых связей с Китаем и Восточным Туркестаном, лишение казны халифа весьма значительных денежных поступлений,¹ трудность использования мусульманскими купцами богатых рынков по среднему течению Сыр-дарьи, где покупались тюркские гулямы для вновь создаваемой гвардии ал-Ма’мūна.² Поэтому одним из первых мероприятий Зу-р-рийāсатайна был поход по направлению Фергана—Отrār. Арабский отряд вторгся в Фергану, столицей которой назван город Kāsān. Kāsān, древняя Кушания Ферганской, столица кушанских и тюркских владетелей Ферганы, переживал в то время последние годы своего административного расцвета. Не являясь сколько-нибудь крупным экономическим центром, он вскоре уступил имя столицы Ферганской области значительно более крупному и экономически развитому Ахсыкету.³ Но в то время Kāsān оставался еще весьма сильной крепостью, взятие которой означало крупный успех.

Упомянутое в надписи название области Тарбад (الترید), судя по контексту, явилось ни чем иным, как совокупным названием Фāрāба и Шāвгара, достаточно точно отождествляемых с областью Отrāра. Название „Тарбад“, по всей вероятности, является искажением более полной формы того же „Tārbānd“ (الطاربند).⁴ Завоеванием Отrāра закончилось продвижение арабского отряда на север.

Затем надпись весьма сдержанно говорит о разгроме карлукского джабгу и его изгнании в страну кымаков, не называя при этом ни одной из местностей Семиречья, а самый факт разгрома связывается со смертью карлукского „начальника пограничной местности“.⁵ Из контекста совершенно очевидно, что карлуки были только оттеснены от Отрара на северо-восток, в сторону Таласа, дальше которого арабские завоеватели не заходили.⁶ Несомненно также, что карлукскому джабгу не было необходимости искать защиты у своих соседей кымаков, когда в руках карлуков оставалась еще довольно значительная территория.

Походы Зу-р-рийасатайна — заключительный аккорд арабских завоеваний в Средней Азии. Грандиозная эпопея превращения мединской общины

¹ BGA, t. VI, str. 38, 39.

² BGA, т. VII, стр. 255, 256; там же ссылка на ан-Нувейрī, который сообщает следующее: „Он (ал-Ма'мūн) был первый, кто брал тюрок для службы. И был он неумерен в цене на них. Обычно он покупал того или другого за 100 тысяч или 200 тысяч дирхемов“. Перевод: G. Wiet. Ya'kūbī, т. I. Le Caire, 1937, стр. 45.

³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1912, стр. 121.

BGA, т. VI, стр. 31.

⁶ В. В. Барто́льд. Очерки истории туркменского народа. Туркмения, т. I, АН СССР, 1929, стр. 17.

в мирную империю кончилась в IX в. у стен хорасанского мавера аннахрекон городов, где место арабских наместников заняли чиновники среднеазиатской династии Тахиридов и Саманидов. Решающую роль в этом сыграла борьба местного населения против арабского владычества. Надпиесами ал-Хасана ибн Сахля завершается история арабов как политических суперанов Средней Азии.

Резюмируя содержание письм, можно сказать, что они представляют с обеих сторон "морально-юридическое" оправдание халифа ал-Мамуна в деятельности по отбыванию его брату в государстве им-Амину, а с другой стороны, являются оправданием защищавшего успехи халифа и заслуги его сыновей. Так, например, первый из которых, относящийся к первому изображению на Востоке, пишет о своем интересе к изучению языков и наук у передовых людей. На самом деле мы не находим у него никакого интереса к изучению Средиземноморья, вероятно, из-за недостатка времени для этого. А эта пропись содержит в себе и некоторые другие элементы, такие как первые же слова, которые он пишет, и некоторые из которых, как и в первом письме, не совсем ясны. Но, судя по всему, это первое письмо было написано в Иерусалиме, где он находился в то время, когда был назначен на пост вице-короля Иерусалима. Следует отметить, что в этом письме есть и другие интересные моменты.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ ИЗ ДМАНИСИ

На месте древней столицы Грузии, Дманиси, юбилейный комитет по проведению торжеств в честь Шота Руставели решил произвести археологические раскопки. Л. В. Мусхелишвили провел в 1936 и 1937 гг. две удачные археологические кампании под общим руководством И. А. Джавахишвили. Во время раскопочных работ было найдено довольно значительное количество (около 50) надписей арабским алфавитом на надгробных плитах, на мавзолеях и на отдельных камнях, замурованных в стене церкви.

Название „Дманиси“ чрезвычайно близко к упоминавшемуся в „Письмах..., относящихся к грузинским древностям“ И. А. Бартоломея (на французском языке) пункту *Дбанис*, округа Сомхет, где Бартоломей заметил в кладке церковной колокольни рельефные куфические надписи.¹ Возникло предположение о возможности тождества названий *Дманиси* и *Дбанис*. Действительный член Академии наук Грузинской ССР и член-корреспондент Академии Наук СССР Г. В. Церетели, к которому мы обратились по этому поводу, подтвердил в ответном письме от 4 декабря 1949 г. наше предположение и дал обширную историческую справку, которую приводим дословно.²

„Дманиси (в 100 км юго-западнее от Тбилиси), районный центр (бывший Башкичетский район), находится на старом караванном пути от Тбилиси в Армению. У грузинского географа XVII—XVIII вв. (род. около 1676 г., ск. после 1770 г.) царевича Вахушти он называется *Дбаниси*, как и у И. А. Бартоломея, так что это одно и то же название, хотя в более старых грузинских и арабских источниках он называется *Дманиси*.

„В древнее время Дманиси входил сначала в гачианское, а потом самшвилдское зриставство. До IX в. он не упоминается; по сведениям древне-грузинской летописи, арабский полководец Буга Турок (о нем см. Табари, в моей хрестоматии, стр. 64 сл.)³ «вывел из Дариала обсов около трех

¹ В. А. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР. Труды Первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г., Труды ИВАН, XXIV, М.—Л., 1937, стр. 131—132.

² За справку и разрешение использовать ее в печати приношу глубокую благодарность Г. В. Церетели.

³ Цитируется издание: Г. В. Церетели. Арабская хрестоматия. Тбилиси, 1949.

тысяч домов и поселил их в Дманиси». При раскопках там найдены монеты VI в. Юстиниана, что свидетельствует о том, что и раньше он был населен. После этого сведения до X в. отсутствуют. В конце X—в начале XI в. области Дманиси и Болниси находились в руках армянских царей. Отсюда идет, повидимому, название, употребляемое с XII в. для этих районов, Сомхити. Дело в том, что Сомхети—грузинское название Армении.

„Начиная с XI в. Дманиси приобретает большое значение. Там сидят арабские эмиры, принимающие активное участие в политической жизни Грузии. Арабское население в Дманиси, повидимому, было значительное. В 1123 г. Давид Строитель вернул себе Дманиси, с тех пор последний является составной частью грузинской территории.

„Городищу Дманиси посвящена монография Л. В. Мусхелишвили, где даны исчерпывающие сведения относительно города...“.

О количестве мусульманского населения в Дманиси можно судить по остаткам двух мечетей — каменной и кирпичной. Из находок, кроме перечисленных памятников с арабоязычными надписями, выделены астролябии и монеты.

Монеты, подобные найденным в Дманиси, известны были М. П. Баратову и В. Ланглуа; название места чекана определялось как Тбилиси (б. Тифліс). Г. В. Церетели доказал в специальной статье ошибочность такого чтения. Вместо 'Тафліс' Г. В. Церетели прочел 'Дманиш' ^{دمانیس} и по монетным датам установил, что в Дманиси в XIII в. чеканились монеты с надписями смешанного языкового состава (грузинский, персидский и арабский языки): „Эти монеты относятся к 1245 г. и принадлежат, повидимому, грузинскому царю Давиду IV, Нарину“. В дополнение приведено упоминание Дманиси в географическом словаре Йакута, т. II, стр. 585.²

Свои выводы относительно дманиских монет Г. В. Церетели, кроме указанной статьи на грузинском языке, суммировал в вышеупомянутом письме.

Содержание и начертание надписей на изданных Г. В. Церетели дманиских монетах убеждает в правоте высказанных им заключений. Надпись на оборотной стороне дманиских монет сформулирована на арабском языке, с включением грузинского названия города *Дманис* арабскими буквами: *دَمَانِيس*. Орфография этого географического названия отличается от словаря *Йакута*, где указана огласовка: *дāль с даммой* = *Ду* и отсутствует долгое *и*. *دَمَانِس* 'Думанис'.

Дманисские монетные надписи арабским алфавитом представляют ценный, точно датированный материал для палеографических наблюдений. Монетные надписи не отличаются красотой, расположены горизонтально в начертаниях отдельных слов, поскольку их можно различить на рис. 1-5

¹ Г. В. Церетели. К изучению дманиской монеты. Литературные разыскания, Тбилиси, 1944, стр. 167—172, с изображениями четырех монет. На грузинском языке.

² Г. В. Церетели. УК. 694. стр. 171.

яет тенденции писать по наклонной линии. Буквы и соединения между ними, как правило, закруглены, но есть и несколько исключений. Горизонтальна вся средняя часть первого слова شیر на обороте монеты № 1, от буквы шин до конечного рā; горизонтальная линия пронизывает овал из петель среднего xā; таков же овал xā в середине третьей строки, а соединение с последующим вертикальным стволом алифа образует прямой угол. Эти подробности являются элементами почерка кӯфӣ, соседящими с более курсивными. Характерно также, что несколько несоединенных (начальных) алифов совершенно вертикальны: это мы видим в словах گان на рис. 2—5; ڈاو on рис. 1, строка 4. Довольно курсивно начертание слова جیان на рис. 1 и 3: изогнутый джим лежит выше общего уровня букв, петли xā сплющены и смешены вкось, соединение с алифом дугообразное. Следовательно, надписи на монетах из Дманиси содержат одновременно и более архаические и более развитые скорописные детали арабского письма.

Перечисленные особенности следует учесть при предварительном чтении немногих монументальных надписей из Дманиси, фотографии с которых получены мною от Г. В. Церетели.

Надпись № 1 (рис. 1)

Пять строк надписи на арабском языке почерком *насх* высечены рельефно на боковой стенке возвышенной части вытянутого надгробия из камня, со стороны изголовья, в виде призмы с двускатным верхом. Поверхность камня и букв выветрилась.

- فِي سَنَةٍ 1
سَبْعٌ وَّ خَمْسِينَ 2
وَسْتِمَايِهَ 3
غَفْرَهَ (?) يَا 4
[1 слово...] 5

1 'В году 2 пятьдесят семь 3 и шестьсот. 4 Прости ему, о 5 прощающий!...'

Надпись № 1 имеет пять строк и состоит из даты 657/1258—1259 г. и воззвания о прощении. Вряд ли она была единственной; ей предшествовали, вероятно, вводные формулы, расположенные на другой или других гранях возвышенной части надгробия, и имя собственное мужского рода, если признать неясный четвертый знак в четвертой строке за местоименный суффикс *о*. Предположения относительно отсутствующих частей надписи вызывает отрывочность надписи, расположение ее на боковой поверхности памятника и сопоставление этого изображения с описываемыми ниже изображениями надписей на памятнике № 5.

Дата надгробия № 1 зафиксирована всего на тринадцать лет позднее даты, начертанной арабскими словами на строках 4 и 5 оборотной стороны дманиской монеты № 1:

ستمائة وسبعين تسعة واثنين سنة 642/1244—1245 г. Надпись на надгробии, как и на монете, расположена по горизонтальным и отступает от этой системы только в цифре десятков **خمسين**. Положение начального **خا** выше линии строки, с наклоном, напоминает отмеченное место джайма на монете. Таких элементов куфий, которые имеются в монетном письме, в надписи № 1 нет. Курсив надписи № 1, с небольшими „росчерками“ в конце движения, мягче и свободнее монетного письма, что обусловлено, быть может, разницей материала и техники, а также и степенью владения каллиграфией. „Росчерк“ имеется над вершиной конечного **خا**, в подъеме конечного **يـا**, в окончании **أـيـنـا**. В надписи проставлена часть пунктуации и огласовки.

Надпись № 2 (рис. 2)

Надгробие в виде горизонтальной плиты, выщербленное сверху и обломанное с правого видимого конца. На боковой поверхности продольной стороны, верхнюю половину занимает односторочная надпись по углубленному фону в узкой рамке с невысоким рельефом. Нижнюю половину боковой поверхности плиты составляет плоскорельефный гладкий кант.

Надпись в одну строку почерком насхи, довольно растянутым и курсивным, частью снабжена пунктуацией и знаками чтения, местами повреждена. **فـي شـهـر مـحـرـم سـنـة تـسـعـين وـسـتـمـائـة هـجـرـيـة** [около трех слов]...

... в месяце мухаррам года 690 [?] хиджры'.

Начало надписи не ясно. Дата мухаррам 690/4 января—2 февраля 1291 г. написана по-арабски словами, по летоисчислению мусульман. В почерке хорошо передано плавное, скользящее движение, благодаря которому большинство слов и многие буквы получили легкий наклон / сверху справа — вниз налево. В этом движении совершенно сглажены зубцы сина и шайна, уже не один, а несколько раз начальная буква слова вынесена выше последующей буквы в лигатурах **فـاـيـا**, **مـيـمـخـا**, **خـاـدـجـيـمـخـا**. Кроме того, **سـيـنـتـا** в цифре сотен лежит выше последующих букв. В надписи обозначена частично пунктуация и огласовка.

Надпись № 3 (рис. 3 и 4)

Нижняя часть плиты с надписью на арабском языке очень свободным, размашистым насхи. Обломок вмазан в кладку стены здания церкви в боковом положении, отступая от верха узкого проема направо. Сохранились три полных строки, над ними видны незначительные остатки вышележащей строки. Надпись частично пунктирована и огласована.

- [Остатки букв...] 1
- 2 **فـي شـهـر الـاـخـرـة**
- 3 **الـاـوـل رـبـيع**
- 4 **سـيـنـهـمـسـوـسـعـمـاهـيـدـهـ**

Рис. 1. Надпись надгробия из Дманиси 657/1258—1259 г.

Рис. 3. Нижняя часть надгробия из Дманиси 705/1305 г.

Рис. 2. Продольная сторона надгробия из Дманиси 690/1291 г.

Рис. 5. Продольная сторона надгробия (?) из Дманиси 746/1345 г.

Рис. 6. Боковой вид надгробия из Дманиси с призматическим возвышением.

Рис. 8. Надпись на боковой стороне призмы надгробия из Дманиси.

¹...² загробной жизни в месяце ³ раби' первом ⁴ года семьсот пять [раби' I 705/21 сентября—20 октября 1305 г.].

Надпись прочтена впервые Г. В. Церетели, но не опубликована и приводится здесь с изменением даты: вместо خمسين 'пятьдесят' на четвертой строке стоит خمس 'пять'. Упоминание загробной жизни позволяет думать о назначении плиты служить надгробной надписью, хотя в эпиграфике Кавказа оно встретилось в строительной надписи 308/920—921 г., изданной Н. В. Ханыковым.¹

Слова свободно размещены на поверхности плиты, не придерживаясь уровня строк; таким образом, между линейного пространства, собственно говоря, не имеется — нижние части букв одной строки соприкасаются с вершинами нижележащих букв. Резко выражены крючки в окончаниях рā и в лигатуре лāм-алиф.

Надпись № 4 (рис. 5)

Прямоугольная плита, нижней плоскостью и двумя концами уходящая в кладку стены здания из рваного камня; видна часть верхней плоскости и боковой наружный фас. Отступая от верхнего и нижнего края продольной грани фаса, по углубленному фону высечена надпись невысокого рельефа мелкими буквами; местами надпись сильно повреждена и плохо видна на нерезком, сильно завуалированном фотоснимке. Особенно плохо видна правая половина надписи и почти исчезли буквы в средней части. В надписи всего одна строка некрупным почерком насхī; некоторые слова изображены по наклонной линии. На фотографии чтению поддается часть, левее середины:

سَنَةْ وَارْبَعِينْ وَسَبْعِمَادَهْ [...]
...] года шесть и сорок и семьсот'.

Этим словам, может быть, предшествовало обозначение месяца: около середины надписи, правее крупной выбоины, видна лигатура فی 'в', левее и отдельно, с наклоном, нечетко видимый شَيْن, ясно видимое среднее خَاء, после которого возможно начало конечного رَاء. Начертание лигатуры في подобно имеющейся на плите № 3, где она изображена не сжато, а на плите № 4 немножко сплющена. Восстановливаемое из этих букв слово شهر 'месяц' позволяет предположить, что видимая над вершиной рā буква типа خā с точкой снизу принадлежит к названию месяца 'джумāдā'; часть мīma

Рис. 4. Надпись надгробия 705/1305 г. (Графическое изображение).

¹ N. de Khanikoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journ. Asiatique, série V, t. XX, Paris, 1882, стр. 104—105, надпись № 2: [...] هذَا مَا بَنَى [فلان] ... طلَّبَ لِشَوَّابَ اللَّهِ وَالدَّارَ الْآخِرَةَ ...

приходится над углом клиновидной выбоины, за ним следует конечный алиф и даль; конечное йā различается слабо; для месяца джумādā обязательно обозначение 'первая' или 'вторая'; может быть, оно предшествовало слову **سَنَة** год, **الثَّانِي** (?)».

Таким образом, в надписи № 4 не подлежат сомнению слова, обозначающие цифры десятков и сотен лет; все остальные слова, относящиеся к дате, вполне вероятны, и надпись датируется предположительно вторым джумādā 746/29 сентября—27 октября 1345 г. Необходима проверка этой части надписи на оригинале или на новом ясном фотоснимке, который, быть может, позволит установить также содержание правой части надписи, а вместе с тем и ее первоначальное назначение.

Надпись № 4 почти на сто лет моложе надписей на монетах, чеканенных, по определению Г. В. Церетели, в Дманиси в 1245 г. Письмо на плите № 4, по сравнению с монетными надписями, гораздо курсивнее, лигатуры более гибки; в правой части надписи № 4 особенно заметно движение сверху вниз по наклонной линии. Однако почерк на плите № 3, 705/1305 г., еще курсивнее, движение писавшей руки еще свободнее и увереннее.

Разница курсива плит №№ 3—4 выражается при сопоставлении начертаний одинаковой цифры сотен в датах **سبعين**. На плите № 3, строка 4, зубчик среднего бā едва выделяется, но точно определен точкой под ним; дуга сīна без зубчиков плавно подходит к петле среднего 'айна **خ**, под которым находится мīm. Лицетура мīm-алиф **ل** лежит ниже, чем три предшествующие буквы и две последние **د**. В надписи № 4 все буквы **سبعين** находятся на общем, слегка наклонном уровне; сīн имеет зубчики.

Сопоставление показывает, что курсивность письма в значительной мере зависела от приемов каллиграфа.

Надпись № 5 (рис. 6—11)

Правая часть надгробия, сложной формы (рис. 6), не видна. Левая часть памятника напоминает четырехгранную призму, усеченную двумя плоскостями на два ската. Два края ската ограничивают одну сторону призмы вверху; внизу сторона призмы сливается с цокольной частью памятника; горизонтальная часть памятника смыкается с самой короткой из четырех вертикальных граней призмы.

На торцовой грани призмы и на боковой заостренной грани призмы имеются надписи. Надпись на торцовой грани из-за ракурса снимка читается, на боковой видна ясно. Для удобства назовем условно на рисунке грани с четырехстрочной надписью — **а**, противоположную ей, совершившую невидимую грань — **б**, обе скатные поверхности, усекающие четырехгранную призму, — **г** и **в**, торцовую грань — **д**.

Поле надписи (рис. 6 и 7, **а**) углублено и обведено вверху и с боками широкой рельефной рамкой. Надпись четкая, плоскорельефная, имеет не сколько знаков чтения и часть пунктуации.

1 **هَذَا قَبْرُ الْمَرْحُومِ**

2 **الْسَّعِيدُ الشَّهِيدُ تَاجُ الدِّينِ**

3 **خُمَيْدُ بْنُ أَحْمَدَ جِيَّا بْنَ جَاهِيْلَ [؟]**

4 **نُورُ اللَّهِ قَبْرَهُ**

¹ | 'Это могила покойного | блаженного мученика, венца веры | Хумайда сына Ахмада [прозвище?]. | Да осветит Аллах могилу его!'.
²

Среди присланных мне фотографий я выделяю это же изображение той же надписи в большем размере (рис. 8), но с ракурсом; третья фотография изображает призматическую часть надгробия в ином повороте (рис. 9), причем видны грани **а**, **в** и с большим ракурсом грань **г**. Четвертая фотография (рис. 10) изображает скат **г**, скат **в** с большим ракурсом и уголок вертикальной грани **б**, прочесть надпись на которой нельзя. Фотографии грани **д** я не имею.

Надпись грани **а** изображена почерком **nasخ** с неполной пунктуацией и огласовкой. Довольно свободно размещены буквы в правой части грани; теснее расположены буквы в левой части, с выносом некоторых из них выше линии строк; сжатие письма к концу второй строки достигает максимума, и весь фон закрывается тесно соприкасающимися буквами и дополнительными знаками; письмо приобретает характер вязи в словах **الْمَرْحُومُ** — строка 1; **الْشَّهِيدُ** — строка 2.

На грани **а** несомненно находится начало погребальной надписи, состоящей из указания назначения памятника (строка 1), из эпитетов и титулов усопшего (строки 1 и 2), имени усопшего (строка 3) и пожелания (строка 4).

Чтение имен усопшего и его отца не представляет затруднений, так как первое частично огласовано: **خَاه** с даммой, под йā стоят две точки. Последнее слово строки 3 могло бы считаться нисбой. Первая буква принадлежит к типу **خَاه-джим**, причем как будто под буквой внутри дуги конечного даль есть точка. Вторая буква имеет две точки снизу и фатху сверху, читается как **خ** — среднее йā. Третья буква — конечный алиф. Четвертая буква **ل** определена точкой снизу и огласована фатхой. Пятая буква соединена лигатурой с четвертой; ее вертикальный ствол продолжается ниже уровня строки в виде тупого зубчика. Последний признак позволяет установить здесь конечный алиф, если только подстрочное окончание не повреждено и зубчик не является остатком конечного йā, которому предшествует средний лām. Во всяком случае все несоединенные алифы в этой надписи загнуты

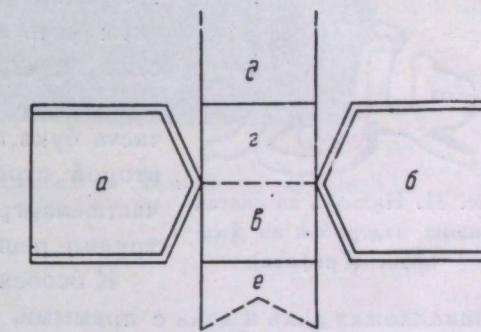

Рис. 7. Схема расположения граней надгробия из Дманиси, развернутая на плоскость.

приходится над углом клиновидной выбоины, за ним следует конечный алиф и дѣль; конечное йѣ различается слабо; для месяца джумадаѣ обязательно обозначение 'первая' или 'вторая'; может быть, оно предшествовало слову سنة год, الثاني (?).

Таким образом, в надписи № 4 не подлежат сомнению слова, обозначающие цифры десятков и сотен лет; все остальные слова, относящиеся к дате, вполне вероятны, и надпись датируется предположительно вторым джумада 746/29 сентября—27 октября 1345 г. Необходима проверка этой части надписи на оригинале или на новом ясном фотоснимке, который, быть может, позволит установить также содержание правой части надписи, а вместе с тем и ее первоначальное назначение.

Надпись № 4 почти на сто лет моложе надписей на монетах, чеканенных, по определению Г. В. Церетели, в Дманиси в 1245 г. Письмо на плите № 4, по сравнению с монетными надписями, гораздо курсивнее, лигатуры более гибки; в правой части надписи № 4 особенно заметно движение сверху вниз по наклонной линии. Однако почерк на плите № 3, 705/1305 г., еще курсивнее, движение писавшей руки еще свободнее и увереннее.

Разница курсива плит №№ 3—4 выступает при сопоставлении начертаний одинаковой цифры сотен в датах *алъаевш*. На плите № 3, строка 4, зубчик среднего ба едва выделяется, но точно определен точкой под ним; дуга сина без зубчиков плавно подходит к петле среднего айна я, под которым находится мим. Лигатура мим-алиф лежит ниже, чем три предшествующие буквы и две последние аз. В надписи № 4 все буквы *алъаевш* находятся на общем, слегка наклонном уровне: син имеет зубчики.

Сопоставление показывает, что курсивность письма в значительной мере зависела от приемов каллиграфа.

Надпись № 5 (рис. 6—11)

Правая часть надгробия, сложной формы (рис. 6), не видна. Левая часть памятника напоминает четырехгранную призму, усеченную двумя плоскостями на два ската. Два края ската ограничивают одну сторону призмы вверху; внизу сторона призмы сливается с цокольной частью памятника; горизонтальная часть памятника смыкается с самой короткой из четырех вертикальных граней призмы.

На торцовой грани призмы и на боковой заостренной грани призмы имеются надписи. Надпись на торцовой грани из-за ракурса снимка не читается, на боковой видна ясно. Для удобства назовем условно на рис. 7 грань с четырехстрочной надписью — *a*, противоположную ей, совершенно невидимую грань — *b*, обе скатные поверхности, усекающие четырехгранную призму, — *c* и *d*, торцовую грань — *e*.

Поле надписи (рис. 6 и 7, а) углублено и обведено вверху и с боков неширокой рельефной рамкой. Надпись четкая, плоскорельефная, имеет несколько знаков чтения и часть пунктуации.

- ١ هَذَا قَبْرُ الْمَرْحُومِ
 - ٢ السَّعِيدُ الشَّهِيدُ تاجُ الدِّين
 - ٣ مُحَمَّدُ بْنُ اَحْمَدَ جِيَانًا جَاهًا [؟]

¹ | Это могила покойного ² блаженного мученика, венца веры ³ Хумайда сына Ахмада [прозвище?]. ⁴ | Да осветит Аллах могилу его!.

Среди присланных мне фотографий я выделяю это же изображение той же надписи в большем размере (рис. 8), но с ракурсом; третья фотография изображает призматическую часть надгробия в ином повороте (рис. 9), причем видны грани a , b и с большим ракурсом грань z . Четвертая фотография (рис. 10) изображает скат z , скат v с большим ракурсом и уголок вертикальной грани b , прочесть надпись на которой нельзя. Фотографии грани d я не имею.

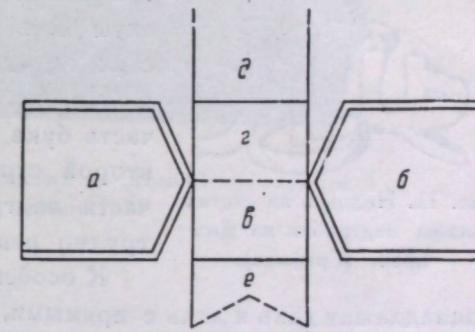

Рис. 7. Схема расположения граней надгробия из Дманиси, развернутая на плоскость.

письмо приобретает характер вязи в словах الشهيد — المَرْحُوم — строка 1; تاج الدين — строка 2.

На грани *a* несомненно находится начало погребальной надписи, состоящей из указания назначения памятника (строка 1), из эпитетов и титулов усопшего (строки 1 и 2), имени усопшего (строка 3) и пожелания (строка 4).

Чтение имен усопшего и его отца не представляет затруднений, так как первое частично огласовано: $\hat{x}\ddot{a}$ с даммой, под $\hat{y}\ddot{a}$ стоят две точки. Последнее слово строки 3 могло бы считаться нисбой. Первая буква принадлежит к типу $\hat{x}\ddot{a}$ -джим, причем как будто под буквой внутри дуги конечного даль есть точка. Вторая буква имеет две точки снизу и фатху сверху, читается как \hat{z} — среднее $\hat{y}\ddot{a}$. Третья буква — конечный алиф. Четвертая буква $\hat{\zeta}$ определена точкой снизу и огласована фатхой. Пятая буква соединена лигатурой с четвертой; ее вертикальный ствол продолжается ниже уровня строки в виде тупого зубчика. Последний признак позволяет установить здесь конечный алиф, если только подстрочное окончание не повреждено и зубчик не является остатком конечного $\hat{y}\ddot{a}$, которому предшествует средний лам. Во всяком случае все несоединенные алифы в этой надписи загнуты

в конце крючком налево, а конечный алиф в слове **ج** не имеет подстрочного выступа, типичного для ранней арабской скорописи и почерков күфї III/IX в.¹

Третья фотография изображает в ракурсе скатные поверхности призматической части надгробия (рис. 9). От зрителя в перевернутом положении на поверхности читается одно слово: **تَوَكَّلْتُ**. На скате **ى**, несмотря на сильный ракурс, можно различить продолжение изречения **و**; оно хорошо читается на рис. 10: **عَلَى اللَّهِ**. Подобно грани **ا**, часть букв снабжена пунктуацией и огласовкой, размеры букв крупные, почерк свободный. Хорошо известное изречение (рис. 11) заимствовано из Корана; по сравнению с сурой 10, стих 72, здесь переставлены слова в ином порядке.² Без изменения порядка все три слова встречаются в суре 11, стих 59. Варианты есть в сурах: 11, стих 90; 12, стих 67; 13, стих 29; 42, стих 8.

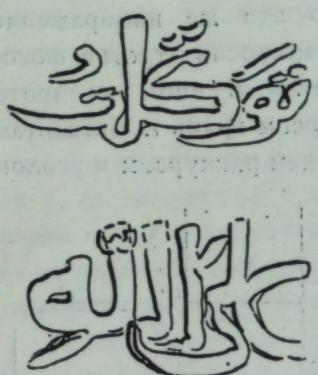

Рис. 11. Надпись на скатах призмы надгробия из Дманиси. (Графика).

На рис. 9 виден уголок вертикальной грани **ب**: часть букв первой строки и несколько верхушек второй строки. Грань **إ**, обращенная к вытянутой части надгробия, погружена в глубокую тень, и трудно решить, есть ли на ней письмена.

К особенностям почерка, кроме уже отмеченных, принадлежат **دال** и **دال** с прямыми, очень высокими стволами, почти равными высоте алифа и лама, и лигатура **بـرـا**. **قبر**.

Надпись № 6 (рис. 12–13)

Узкая плита, обломанная с правого края, вмазана в кладку стены. Обрамляющий рельефный кант слева вверху образует уступ. Рельефная надпись с одну строку почерком насхи частью пунктирована и огласована. На правом конце почти исчез рельеф надписи, видны только следы букв (рис. 12–13).

Рис. 13. Часть надписи женского надгробия из Дманиси. (Графика).

[**هذا بنت حسین نور الله فیها قبر**]. [Женское имя... **قبر**].

[Это могила... женское имя] дочери **Хусайна**. Да осветит Аллах могилу ее!.

Обломок принадлежал несомненно к женскому надгробию, так как слово **قبر** в заключительной формуле пожелания сопровождает местоименный суффикс женского рода **ها**.

¹ В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии. Труды Музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 14, прим. 2, стр. 22, 34, 40, 45, 51, 58, 65; табл. I—VI, VII, рис. 17.

² Г. С. Саблюков. Коран. Арабский текст с русским переводом. Казань, 1907, стр. 394—395, сура 10, стих 72; 440—442, 910—911.

Рис. 9. Деталь призмы надгробия из Дманиси со скатным верхом.

Рис. 10. Деталь призмы надгробия из Дманиси со скатным верхом.

Рис. 12. Обломок женского надгробия из Дманиси.

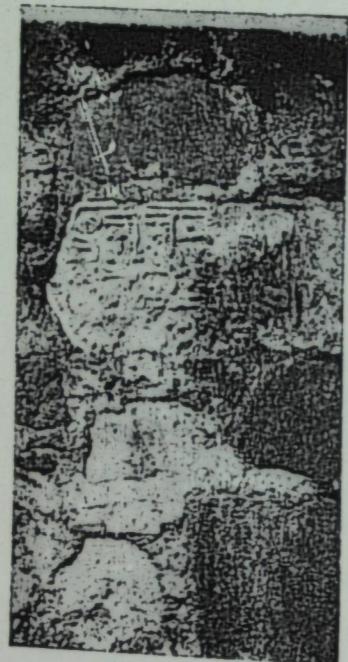

Рис. 14. Плита с погребальной надписью из Дманиси.

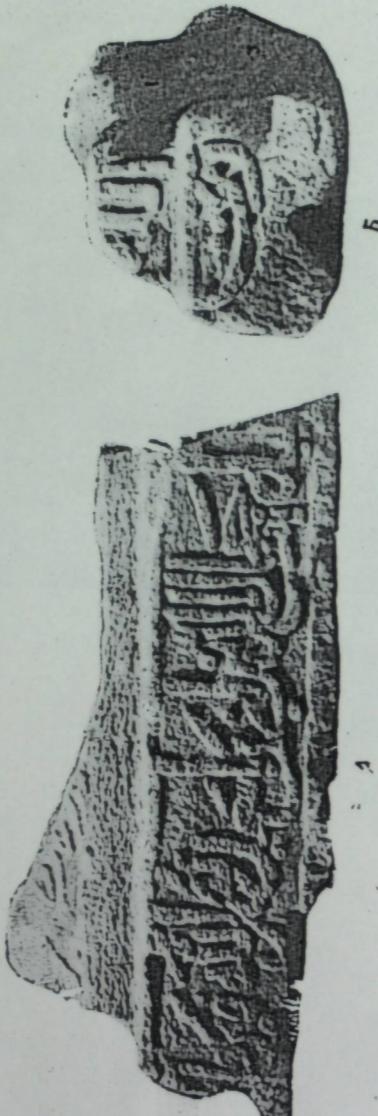

Рис. 16. Обломок погребальной надписи почерком куфи из Дманиси.

Рис. 15. Обломок женского надгробия из Дманиси:
A — продольная сторона,
Б — торцовка.

Слова надписи скользят по наклонной линии ↘ и сжаты так, что начало последующего слова приходится над концом предыдущего; только последнее слово надписи начинается под концом предпоследнего слова *ash* из-за уступа, суживающего вверху пространство.

Заключительная формула и даже начертание слов из надписи № 6 напоминает надпись № 5 (грань *a*). Судя по небольшому подстрочному зубчику у конечного алифа *ha*, вряд ли можно определять последнюю букву на строке 3 надписи № 5 (грань *a*) как *lām*.

Надпись № 7 (рис. 14)

Плита с двускатным контуром вверху вмазана в перевернутое положение около верхнего обреза стены из камней неправильной формы, с грубыми швами. Шесть строк надписи сохранились только частями: почти исчезли левые середины строк 1, 2 и 3, начала строк 5 и 6. Буквы надписи арабские, частью пунктированы и снабжены знаками чтения. Почерк насхи (рис. 14).

- [1 сл.]
- 2 السعيد ال
- 3 المغفور
- 4 ابن ابراهيم المعروف
- 5 [ب...]ى نور الله
- 6 [ة] بزر

| 'Это могила [1 сл.] | бла́женного [1 сл.] | прощенного [2—3 сл.] | сына
Ибрахима, прозвываемого [1 сл.]. Да осветит Аллах [мо]гилю его!'

Недатированная надгробная надпись № 7 содержала мужское имя усопшего, которое почти стерлось; имя его деда сохранилось, прозвище и имя отца исчезли. Текст заключается той же формулой, которая имеется на надгробиях №№ 5, 6 и 8.

В почерке есть сходство с надписью № 5 (грань *a*), не только в начертании некоторых букв, но и в расположении слов, например: *هذا السعيد*, *هذا المغفور*. Овал *ha* на первых строках обеих надписей слегка наклонен и пересечен наискось; *dal* и *dal* очень высоки, отклонены направо, дуга окончаний почти равна половине окружности; окончания алифа загибаются налево. Петля среднего *mīm* после члена *الـ* невелика, помещена под *lām* или в интервал между алифом и *lām* (см. надпись № 5, грань *a*, строки 1 и 3, *المغفور المرحوم*).

Надпись №№ 8а—г (рис. 15, А—Б)

Надгробие № 8, уступчатой формы, сильно пострадало. Совершенно исчез один конец с продольной стороны; от верхней покатой поверхности осталось мало, линия излома имеет седловидную форму. Плоскорельефные

надписи были расположены, судя по остаткам их, в два яруса: один ярус — на продольных скатах и с торца вверху, другой ярус — на цоколе. Обломки, изображенные на двух отдельных фотоснимках в одинаковом окружении, и детали формы их заставляют предположить, что они относятся к одному памятнику и представляют его с разных сторон.

На цоколе продольной стороны надпись арабскими буквами № 8а (рис. 15, А) частью пунктирована и снабжена знаками чтения, расположена в одну строку; почерк сульс. Поле надписи обведено рельефным кантом.

سَكْ [?] بَنْتُ جَمَّالَ الدِّينِ ابْنِ بَأْ سَعِيدٍ نَّوْرُ اللَّهِ قَبْرَهَا...

[женское имя..?] дочь Джамал ад-дина сына Бā Сайды. Да осветит Аллах могилу ее!»

На скате продольной стороны сохранился конец одной строки почерком насхи № 8б (рис. 15, А); буквы гораздо мельче, чем в надписи № 8а, более растянуты, частью сбиты:

رسول الله [ال][كريم...]

Возможно, что отрывок заканчивал вторую часть заимствованной из Корана заключительной формулы, так называемой „садақа“.¹

На торце покатой части надгробия изображено только одно слово ش (надпись № 8г, рис. 15, Б). Почерк напоминает надпись № 8а, но крупные буквы расположены не в нисходящем, а в восходящем направлении ↗.

На торце цокольной части памятника крупными буквами изображено также одно слово دَيْن (надпись № 8в, рис. 15, Б), с точкой, относящейся к бā, и двумя точками над окончанием йā. Сверху и по левому краю сохранилась рельефная рамка, справа имеется глубокая выбоина.

Дата надгробного памятника № 8 нам не известна; возможно, что она находилась на других фасах. Палеографические данные позволяют наметить датировку довольно точно. С графическими приемами надписи № 8а имеют большое сходство надписи сульсом на изразцах из мавзолея Пир Хусейна (Азербайджан), несмотря на различие фактуры рельефа на камне и пластичности следующими палеографическими признаками: линии, воспрогибы; стволы алифа, лāма сильно убывают по толщине сверху вниз, хотя по высоте пропорции высоких и низких букв надгробия с надписями на изразцах не совпадают; типичны загиб конца алифа крючком налево;² средний мīм в лигатуре с конечным алифом جمال³; соотношение высот низких

¹ О формуле „Садақа“ см.: В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир Хусейна. Тбилиси, 1946, стр. 81, прим. 2—3; стр. 82, 152, 153; изразцы №№ 0175, 0179, 0181.

² Ср.: В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 89, рис. 1; табл. V, VI, XXVI, XXVII, XXVIII, рис. 1, 684/1284 г.

³ В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 89, рис. 1, Б, 2; عماراته 2; ثمانين 10; табл. VII, рис. 1; табл. XXVII, рис. 2 и др.

букв и последующих высоких букв, особенно в слове ل, приспособление алифа к тесному пространству после слова ذور и начертание этого рā.

К числу типичных для сульса лигатур VII/XIII в. относится также угловатое колено в слове قبر, встречаемое в надписях № 8а (рис. 15, А) и № 5 (рис. 6, грань а) и на люстровых изразцах второй половины VII в. х.¹ Получалось колено вследствие сокращения движения пишущей руки от вершины одной буквы к другой.

Остаток надписи № 8б можно сопоставить с рассмотренной надгробной надписью № 2, 690/1291 г. и по палеографическим признакам датировать надгробие № 8, 680—700/1281—1301 гг., особенно при учете размашистого почерка плиты № 3, 705/1305 г.

Надпись № 9 (рис. 16—17)

Верхняя часть горизонтальной плиты с остатком плоскорельефной надписи арабскими буквами вмазана в перевернутое положение в кладку стены из дробленого камня. Левый край плиты, повидимому, стесан и подогнан к профилю угла постройки; правый край обломан. Нижний край и правый угол обломка покрыты цементом (рис. 16—17).

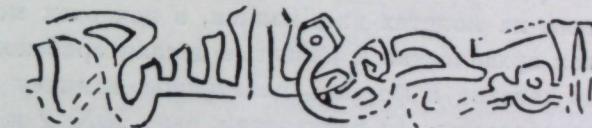

Рис. 17. Деталь погребальной надписи почерком кūfi из Дманиси. (Графика).

Почерк надписи очень четкий, напоминает кūfi, судя по клиньям вершин букв, треугольному 'айн а, угловатой букве в середине надписи, горизонтальной лигатуре левее середины плиты. Видны следующие части букв, в порядке справа налево: алиф, лāм, половина среднего мīма, над ним — фатха, небольшой зубчик вершины рā, почти целиком начальное хā, часть петли вāва, высоко расположенная петля несоединенного конечного мīма с неполным окончанием; они составляют слово المَرْحُوم. Почти полное второе слово состоит из алифа, лāма, сīна, 'айна и низкой буквы типа бā в среднем положении. Можно восстановить недостающую букву дāль; получаются два слова ... لَمَرْحُوم السَّعِيد [...], часто встречающиеся, в том числе в погребальной надписи № 5а из Дманиси. Угловатость и горизонтальность, свойственные кūfi, выражены очень ясно. Конец начального алифа отогнут направо. Соединение лāма с сīном и сīн на строке совершенно горизонтальны; зубцы сīна скошены и последовательно убывают по высоте.² В то же время

¹ В. А. Крачковская, ук. соч., табл. VII, рис. 1: лигатура йā-шūn ثمانين.

² Ср.: В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 65, табл. IV, 2; стр. 41, табл. V, 1.

лигатуры между сīн-āйн и 'āйн-ā не горизонтальны, а дугообразны. Гибкое сплетение петли 'āйна, изгиб и легкий наклон ḫā отображают воздействие курсивного письма. Некуфический характер имеют также окончание мīмā и, предположительно, rā.

Преобладание куфических элементов в надписи № 9 допускает отнести датировку ее к первой половине VII/XIII в. и таким образом фрагмент № 9 может быть самым ранним в рассмотренной группе надписей.

Несмотря на малочисленность образцов, можно высказать следующие соображения о надписях из Дманиси. Сохранившиеся даты и палеографический анализ позволяют распределить описанные надписи между первой половиной VII/XIII в. и серединой VIII/XIV в.

В надписях имеются образцы трех почерков:

- 1) почерк кūфīй представлен только в отрывочной надписи № 9;
- 2) хороший образец сульса дает надпись № 8а; местную разновидность сульса мы видим на надгробиях №№ 5—7;

3) насхī проходит разные стадии развития курсивного письма: спокойное движение и мягкие контуры в надписи № 1, 657/1258 г.; скользящие, растянутые приемы надписей № 2, 690/1291 г. и № 8б; особо размашистый, индивидуальный почерк надписи № 3, 705/1305 г.

Подобно надписям на монетах из Дманиси, в почерках монументальных надписей сочетаются архаические и развитые детали арабского письма.

По содержанию текстов и формам памятников надписи №№ 1, 3, 5, 9 — несомненно погребальные. О назначении плит №№ 2 и 4, на которых прочтены только даты, говорить преждевременно, пока не установлены остающиеся части этих надписей.

Отступлений от традиций в составе погребальных надписей, правда, очень кратких, не заметно. Следует оговорить один вульгаризм в надписи № 8а: بـا سـعـدـا بـمـ. [ابي سعيدا بـمـ]. Немногочисленные мужские имена — Хусайн, Сā'īd, Ҳумайд, Аҳмад, Ибрāhīm — были очень распространены у мусульман. Женские имена и прозвища установить не удалось. Прямых указаний на классовую принадлежность надписи не дают; несомненно, что погребенные мужчины и женщины принадлежали к зажиточным слоям населения Дманиси и только надгробие № 5 было сооружено в память мученика — „шахīda“, который назван „венцом веры“.

Каменотесы Дманиси варьировали формы надгробных памятников; плоские горизонтальные плиты чередуются с уступчатыми; наиболее своеобразны вытянутые надгробия №№ 1 и 5 с призматическим возвышением на одном из концов. За отсутствием данных судить о размерах можно только относительно женского надгробия № 8: сравнивая ширину торца с изображением мужской ноги на фотографии справа, приходим к выводу, что продольная (неполная) сторона равна приблизительно 1 м с лишним, ширина торца — около 30 см.

В заключение можно высказать пожелание, чтобы прочие надписи из раскопок в Дманиси как можно скорее были опубликованы.

1951 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · V

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ОТРЫВОК ИЗ ШАХНАМЭ НА ГЛИНЯНЫХ ИЗДЕЛИЯХ XIII—XIV вв. II

В первой части настоящей статьи¹ мы остановились на выводах, к которым приводит чисто внешнее сравнение привлеченных нами текстов. Что же обнаруживается при детальном сличении этих текстов? В дальнейшем они приводятся в следующем порядке: сводная рукописная редакция, арабский перевод, сводный текст записей на изделиях. Для удобства они именуются сокращенно: рукописи, перевод, записи. Нумерация бейтов сохраняется по сводной рукописной редакции.

Рукописи

- [1] [Теперь] со слов дехкана я поведаю одно предание из древних сказаний.
[2] Так сохранил он (вариант VII: храню я) в памяти от мобеда, что Рустем [однажды] поднялся поутру (вариант VI: однажды поутру)...

Вариант VI

- [1] Теперь вернись к словам дехкана. Послушай, что говорит [этот] скавитатель.
[2] Так храним мы в памяти от мобеда, что Рустем [однажды] поднялся поутру...

Перевод

- [1—2] [Так] рассказал со [слов] ученого из их (иранцев) числа, сведущего в летописях их [минувших] дней, что Рустем сын Дастана однажды поднялся поутру...

Записи содержат только 2-й бейт в одном и том же чтении, которое в точности совпадает с чтением его в рукописи VI. В противоположность этому, в рукописях нет единой картины. Так, в рукописи VI 1-й бейт представляет совершенно отличный от распространенной редакции вариант,

¹ См.: Эпиграфика Востока, IV, М.—Л., 1951, стр. 40—55.

сходный с ней только по общему смыслу. Во 2-м же бейте рассказ ведется в разных лицах: в большинстве рукописей — в 3-м лице (он — дехкан), в рукописи VII — в 1-м лице (я — дехкан), в рукописи VI — в 1-м лице множественного числа. Последнее может иметь два смысла: при отсутствии первого байта оно может быть понято только во множественном значении: «мы храним в памяти»; но при наличии его оно может иметь кроме этого и другой смысл: «мы, т. е. я — дехкан», как это яствует из варианта в рукописи VI. Поэтому, если исходить из варианта записей, то необходимость в 1-м бейте в известной мере отпадает. Отличный от обычного вариант 1-го байта в рукописи VI тем и должен быть объяснен, что в ней 2-й байт имеет то же чтение, что и в записях. Невольно возникает предположение, что этот вариант является попыткой согласования обычного в рукописях 1-го байта со 2-м байтом в том чтении последнего, которое зафиксировано на изделиях. Что же касается распространенной редакции 1-го байта, то она, как отмечалось уже, допускает различные чтения во 2-м байте. Все это придает известную достоверность чтению 2-го байта в записях.

Арабский переводчик, как это нетрудно установить, пользовался распространенной редакцией. Однако точного перевода он не дал. Его перевод представляет вольное переложение двух первых байтов в следующем порядке: первая мисра 2-го байта, 1-й байт, вторая мисра 2-го байта. Не исключена возможность, что это было вызвано недостаточной ясностью ссылки, согласно которой автор поэмы то ли пересказывает предание со слов дехкана, который в свою очередь слышал его от мобеда, то ли приводит прямые слова дехкана. Переводчик довольствуется упоминанием одного лишь мобеда (عن عالمهم العارف). Будь ссылка вполне ясна по смыслу, переводчик, вероятно, сохранил бы ее, особенно если принять во внимание, что обычай ссылаться на цепь свидетельских показаний (иснад) был впервые создан на арабской почве и подобная двустепенная ссылка была бы воспринята арабским читателем как нечто привычное. Все эти соображения дают основание отнести с известным недоверием к 1-му байту рукописной редакции и допустить возможность его более позднего происхождения. Такое же недоверие было высказано выше в отношении варианта 1-го байта в рукописи VI, как к попытке согласования его со 2-м байтом, в том чтении последнего, которое неизменно повторяется в записях. Предположение, что вариант 1-го байта в рукописи VI тоже позднего происхождения, может быть подкреплено тем, что содержащееся в нем обращение к читателю — вернуться к словам дехкана (بِكَفَتَارْ دَهْقَانْ كَنُونْ بَازْ كَرْدْ) — совершенно неуместно. Рассматриваемые строки являются началом первой повествовательной главы в сказании о Сохрабе и этой главе предшествует лирическое вступление, в котором ни о перелатчике сказания, ни о дехкане нет и речи.

Сказание о Сохрабе не имеет прямого отношения к «Книге о царях», как таковой и несомненно построено на иных источниках. Не было бы ничего удивительного в том, если бы оно дошло до автора Шахнама в опо-

средствованной передаче. В этом отношении наличие в тексте поэмы двуступенчатой ссылки на дехкана, сохранившего в памяти сказание со слов мобеда (что не следует понимать буквально), не является чем-то таким, возможностью чего исключалась бы. Однако состояние текста в рукописях, — с разночтениями, свидетельствующими о том, что даже такая простая ссылка на источник не могла быть правильно понята и дала повод к искажениям, — служит скорее основанием к предположению о другом. Представляется в варианте рукописи VI, является позднейшим наращением на главу, что и послужило поводом к искажению глагола в первой мисре 2-го байта. В пользу этого свидетельствуют и следующие, отмеченные уже соображения: первое — упомянутая мисра повторяется во всех записях в одном и том же чтении; второе — единственный раз встретившееся в рукописи VI такое же чтение мисры сопряжено с совершенно отличным вариантом 1-го байта; третье — 2-й байт в записях ясен по смыслу, вполне достаточен для начала повествования и не только не требует предшествующего байта, но в известной степени даже исключает его.

Рукописи

- [3] 'Сердце его было огорчено. Он собрался на охоту, надел пояс и наполнил колчан стрелами.'
- [4] 'Пошел он и (вариант VI: после этого) занес ногу на Рахша и побудил того слонообразного (варианты: VI — подобного горе, VII — боевого слона) [двинуться] с места'.

Перевод

- [3] '...забоченный, печальный и решил [отправиться] на охоту. Он затянул на себе пояс и наполнил колчан стрелами'.

Записи содержат то же чтение 3-го байта, что и рукописи, и ни в тех, ни в других не обнаружено ни одного разночтения. Поскольку и перевод в точности следует этому чтению, а байт сам по себе совершенно необходим в тексте, возможность каких-либо сомнений в отношении его полностью отпадает.

Не так обстоит дело с 4-м байтом. Он представлен только рукописями VI и VII и современными нам изданиями, но и в них содержит разночтения. Эти чисто формальные соображения ставят его под серьезное сомнение. Сомнения наши значительно усиливаются, как только мы обращаемся к содержанию байта. Из него мы узнаем, что, одевшись и снарядившись, Рустем направляется к Рахшу и не то заносит на него ногу, не то переносит ее через него. Не совсем ясно и дальнейшее. Естественно было бы ожидать, что, сев на коня, Рустем заставит его двинуться с места, сообразно с тем мы и приводим наш перевод. Однако точное значение выражения *از جا در*

— поднимать с места, заставить встать, заставить подняться). Таким образом, оказывается, что Рустем сел на лежачего коня и потому уже поднял его из могилы. Картину сдавали убедительная! Не более убедительны и эпитеты Рашида, которыми пестрит строка: Рашид уподобляется тот слову, тот горёчо а тот пристрастен называется боевым словом. Характерно, что сама мимическая строка и подражание любятся ператизираться в образах выражениях. Из дальнейшего будет видно, что подобные повторные хвалебные описания особенно характерны для сомнительных строк. Но это еще не все. Попытаемся определить место эти степени необходимости в рассмотриваемом обетате. Фигура Рустема в Шахнаме (нужна полагать, и в устном поэте) настолько же неразрывно связана с фигурами Рашида, что для автора как слитературных тактом или их художественных чуток звучат какими-то несомненною обладала Фердинандина интонация и он излился в хвалебную бояльбашарущенную в этой своей стихии тирикаким окою от прародиной Рустема и пуртю том, что от превзираемого есть Рашид. Естественно не было бы ошибкой считать сопротивление прорыв положения погибшим, а может быть, что Фердинандина говорила бы специальная фраза, что Рустем нечестив, либо же от превзираемого чутко ее Рашина Гайким нечестивыми нарушившие художественность изложенного, а Фердинандина привратил бы большинство членов тетрабики Шахнаме (не только в Шахнаме), о которых дальше можно сказать, основанный в сочинении их поэмы несет.

Дядя Федор несёт характеристику детям Руслану картины «Пирокимов» из эпохи отечественной художественной культуры. И если прибегает к подросткам, то таким, за которых скрывается большое содержание. Описывая сюжеты Рустемана на охоту (3-й бейт), он отмечает, что Рустема не только охотится, но и показывает им охоту («показать охоту»). Он отмечает, что Рустема на охоте пользуется также пистолетом, но автор не считает нужным упомянуть об этом предварительно, так как они являются неотъемлемыми принадлежностями обычного снаряжения Рустема. Если мы посмотрим на 4-й бейт этой картины, то представится нам, во-первых, излишним в ходе рассказа, во-вторых, вынужденным в этот рассказ такие подробности, которые не только не придают ему большей ясности, но, напротив, отягчают его и нарушают его художественность. Таким образом, не только на основании сопротивления, но также принимая во внимание вышеизложенного, мы вправе отнести 4-й бейт к числу излишних и рассматривать его как образец подобных интерпретаций.

Рукопись

[51] Он ~~направил~~^{встретил} его в сторону турецкой земли (вариант VI: он направил в сторону земли турецких), подобно разъяренному (вариант VII: силь-

разъяренному), ищущему добычи льву (вариант всей мисры в Р: по-
добно льву, когда тот бывает разъярен и ищет боя).
Когда он прибывает

[6] Когда он приблизился к пределам туранской земли (вариант VI и Р: когда он приблизился к городу Семенгану), увидел, что степь от края до края полна онагров.

[7] Расцвело, словно роза, лицо дарителя венцов, он улыбнулся и поднялся с места Раиха (вариант Р: и Раих поднялся с места).

Перевод

[5] И отправился.

[6] пока не достиг пределов Турана и чиновников.

[7] И забыл о лице его и обрадовался он и попал в сеть Равни.

Зашест

[Б] Он направился в сторону турецкой земли подобно льву, когда тот
бывает разъярен и имеет масть.

[6] Когда он дышал пределов турецкой земли, увидел, что спать от края до края поляна синопров".

В арабском переводе б-й и б-й бейты объединены. Переводчик спускает вторую миску б-го бейта, в которой Рустем уподобляется разыгранныму льву. Всё же мы видели, что не только в рукописях, но и в записях эта миска не представляет единой картины. Уподобление находящегося не в духе Рустема зверю дало переводчику возможность усилить этот образ в своем акюре. Рассматриваемое место может служить показателем того, что показатели текста Шахнама не довольствовались тем, что вносили в него дополнительные стихи с преувеличениями восхвалениями любимых герояев, но не проходили также мимо обычных образных описаний тех же герояев у самого автора, перерабатывая эти описания в своем духе. Если отсутствие образного уподобления Рустема зверю в арабском переводе может служить, с одной стороны, свидетельством литературного такта переводчика, то, с другой, — оно может явиться также косвенным показателем того, что переводчика вынудило к этому неблагополучное состояние текста.

По общему смыслу 5-го байта, рукописи и записи не расходятся между собой. Однако различия вносят в них некоторые отличия. Большинство рукописей сходится на следующем чтении первой мисры: **رسی مز تراشقی**. Этот оборот едва ли был бы полностью объяснен, если бы не вариант текста с 4-м байтом. С помощью этого байта рассматриваемая мисра приобретает тот смысл, который передан в нашем переводе: Рустем 'направил его [т. е. Рахша] в сторону туранской земли'. То обстоятельство, что при таком понимании глагол **روی نهادن** приобретает переходное значение 'направлять', представляется более приемлемым, чем если бы он сохранял свое обычное непереходное значение 'направляться', в то время как место-

именный суффикс в сочетании с названием страны в форме **تۇرانش** приобретал бы значение местоимения 'он', т. е. Рустем. Так пришлось бы понимать мисру в рукописях I и IV, не содержащих интерполированного 4-го байта. Что эта мисра переделана для связи ее с предшествующим интерполированным байтом, видно хотя бы из того, что в рукописи VI, содержащей, так же как и рукопись VII, этот интерполированный байт, она имеет иной вид: **سوی روی**, **مرز تورانیان کرد روی**, в котором оба смущающие нас в обычном чтении мисры обстоятельства (глагол и местоименный суффикс **ش**) отсутствуют. Глагол **روی کردن** в таком чтении может иметь и переходное и непереходное значение. В последнем значении он и приведен в нашем переводе.

Выше было высказано предположение, что неудовлетворительное состояние второй мисры 5-го байта могло послужить причиной того, что арабский переводчик сократил до минимума весь байт, заменив его коротким **سار**, 'И он отправился' и связав это со следующим байтом. Это предположение можно дополнить тем, что недостаточно удовлетворительное состояние первой мисры также могло сыграть в этом свою роль. Смущает то обстоятельство, что в рукописях I и IV, которые не содержат интерполированного 4-го байта, первая мисра 5-го байта имеет то же чтение, что в рукописи VII. Однако это обстоятельство смягчается тем, что рукописи I и IV вообще очень близки между собой и по всему восходят к одному и тому же источнику. Поскольку зафиксированное в них чтение первой мисры 5-го байта предполагает наличие 4-го байта, не исключена возможность, что последний мог быть случайно опущен при составлении этого общего двум рукописям источника.

В противоположность рукописям, записи сходятся в чтении первой мисры 5-го байта. Это чтение **سوی مرز توزان بپیمود را**. 'Он [Рустем] направил [свой] путь в сторону турецкой земли' не предполагает связи с интерполированным 4-м байтом и делает его излишним. Расхождения между рукописями и записями сказываются также в разных окончаниях первой мисры (в рукописях **روی**, в записях **را**), в связи с чем и вторая мисра несходна в них по рифме. Но при этом нужно отметить характерную деталь. Рукопись VI, первая мисра в которой имеет отличное от всех других чтение, расходится в чтении второй мисры с записями только в рифмующем слове, в чем она вспоминает, что в чтении 2-го байта эта рукопись, в отличие от всех других, полностью совпадала с записями, то эти совпадения, несмотря на наличие расхождения между ними в связи с 4-м байтом, не представляются только случайными.

Об 6-м байте разговор был выше, при сличении записей на изделиях. Большинство рукописей, перевод и запись на кувшине 9 (на кувшине 5 байт отсутствует, на изразцах не сохранился) сходятся в его чтении. Небольшое отличие от них представляют рукописи VI и издание Р. Чтение в них **جو زریدک شەھر سەمنگان، سەمد**, 'когда он приблизился к городу Семенган' вместо

چو نزدیکی مرز توران رسید 'когда он достиг пределов турецкой земли' если и лучше в чисто литературном отношении, как не содержащее повторения **'مرز توران'** 'турецкая земля', то хуже в отношении содержания. Если для завязки рассказа нужно, чтобы Рустем оказался вблизи турецкой границы, то нет основания допускать, что автор повел бы его охотиться, да еще вдобавок и отдыхать после охоты, на виду у вражеского стана. Поэтому распространенное чтение представляется более убедительным.

Байт 7-й представлен рукописями и переводом, но отсутствует в записях. Он ничего нового не вносит в ход рассказа и по содержанию не вяжется с текстом. Выше уже отмечалось, что Фердовси ведет свой рассказ в сдержанном тоне, что должно быть объяснено той несколько необычной обстановкой, в которую он вынужден поставить Рустема для завязки рассказа. Кроме того, Рустем, как это отмечено в первых же строках текста, с утра чем-то неудовлетворен и угрюм. Автор уподобляет его разъяренному льву. Как мы уже видели и как будет видно из дальнейшего в рассматриваемой главе, автор слишком склонен на поэтические образы и даже к обычному эпитету Рустема **پیلتن** 'слоногий' прибегает один только раз. Как-то не верится, чтобы у этой исполнинской, удрученной фигуры, каким представлялся нам до сих пор Рустем, вдруг зарделось бы лицо наподобие розы, или чтобы он возликовал при виде дичи в степи. Это было бы похоже на пылкого юного воина, но никак не вяжется с фигурой заслуженного главы иранского воинства. Характерно наличие в байте похвального эпитета **بخش** 'даритель венцов', подобными которому вообще, как уже отмечалось выше, грешат сомнительные в тексте места. Но, пожалуй, в данном случае более характерно выражение **از جای بر کرد رخش** 'он поднял с места Рахша' (предполагается 'он погнал с места Рахша', как это и переведено у нас выше). Этот оборот абсолютно родствен подобному же обороту в 4-м байте — **بر از گیخت آن پیل پیکر ز جای** 'он побудил того слонообразного подняться с места' — в котором также предполагается, что Рустем погнал коня. Родственность оборотов, схожесть глаголов в сочетании с предлогом **را**, означающих 'поднимать', но употребленных в значении 'гнать', 'приводить в движение', невольно наводят на мысль о том, что в авторстве 4-го и 7-го байтов повинно одно и то же лицо. Если прибавить к этому отмеченное уже несоответствие 7-го байта контексту в чисто психологическом отношении и то обстоятельство, что этот байт, сверх того, своими неубедительными подробностями прерывает ход рассказа, то мы вправе и этот байт, как в достаточной степени сомнительный, отнести к числу интерполированных. Как будет видно из дальнейшего, этот байт прерывает не только ход рассказа, но и темп его, ибо вполне понятно, что, рассказав, как выехавший на охоту Рустем увидел степь, полную онагров (6-й байт), автор не стал бы фиксировать внимания читателя на состоянии Рустема и перешел бы непосредственно к описанию охоты (8-й байт). Такой, более убедительный порядок байтов сохранился только в записях.

Рукописи

- [8] С помощью лука со стрелами, палицы и аркана он ^{швырял в сторону}
некоторое [количество] дичи
- [9] [И] развел из терновника, хвороста и валежника [большой] костер
- [10] Когда пламя рассеялось, Слонотелый отыскал дерево для вертела
- [11] [И] насадил на него целого онагра — самца, который в его руке
весил и птичьего пера.
- [12] Когда [онагр] прожарился, богатырь разорвал его [на куски] и съел,
извлекши [даже] мозг его костей.
- [13] Затем направился, [грациозно] извиваясь, к ручью [и], когда напился
воды, приготовился ко сну.
- [14] Уснул и предался отдыху от [превратностей] судьбы, [оставив] Рам
- ^{пасущимся на лугу].}

Перевод

- [8] ... И поразил [некоторое] количество из них (онагров).
- [9] Затем развел костер
- [10] И вырвал дерево для вертела (вариант: и взял его в качестве вертела)
- [11] И насадил на него одного из них (онагров),
- [12] И прожарил его и съел его, пока не покончил с ним.
- [14] Потом пришел и уснул в пустыне своего коня пастился на лугу, [который
был там].

Как легко установить, перевод в точности передает оригинал, опускнув только подробности, что вполне естественно при передаче стихов прозой. Однако 13-го байта нет в переводе. Нет его также и в записях, которые составлены в точности склоняются с рукописями, за исключением тома персидского двух слов в первой мисре 9-го байта, что наблюдается там в рукописях I и IV.

Что касается 13-го байта, то он содержится только в издании С. Это чисто показательно, что на этом байте, как на частном исключении можно было бы и не останавливаться специально. Однако поскольку, с одной стороны, частные исключения будут встречаться и в дальнейшем и поскольку, с другой стороны, нашей целью является не только показ того, что записаны различные рукописные варианты, но и возможная характеристика всяческих исключений текста Шахнаме, мы вынуждены остановиться и на этом байте.

Отметим прежде всего неоригинальность 13-го байта. Вступив впервые в свое приключение, Рустем, уже возмужавшим богатырем, направляется в Мазандеран на спасение шаха Кауса. Он выбирает кратчайший путь, погонный заключений, преодолевая которые, совершает ряд подвигов, объединенных в поэме в цикл под названием *رسان*. Второй из этих подвигов состоит в том, что Рустем с большим трудом пересекает безводную ^{пустыню} знаменитую пустыню, после чего достигает источника. Здесь, так же как

в рассмотренной нами части отрывка, Рустем ловит и съедает онагра. При всей близости двух этих сцен они описаны по-разному. Насытившись, Рустем утоляет, наконец, свою жажду.¹

سوى چشمۀ روشن آمد به‌آب * چو سیراب شد کرد آهنگ خواب

'Он пришел за водой к чистому источнику [и], когда напился, приготовился ко сну'.

Рассматриваемый нами 13-й байт отличается от приведенного выше только лишь перефразировкой первой мисры. Между тем, даже не вдаваясь в рассмотрение достоверности этого байта, мы вправе отвести всякое предположение о том, что он мог появиться в данном месте в качестве подражания 13-му.

Что же можно сказать о последнем? Подобно рассмотренным выше интерполяциям, он излишен и засоряет текст. Однако в то время как те свидетельствовали о дурном литературном вкусе, 13-й байт свидетельствует о литературных понятиях, граничащих с натурализмом. Байт содержит повторение 'کرد آهنگ خواب' 'приготовился ко сну', что предваряет начало следующей подлинной строки *بغفت* 'уснул'. Он содержит похвальный эпитет, абсолютно неуместный в применении к Рустему. Деепричастная форма *خرامان*, что означает 'грациозно колеблясь', — одна из очень употребительных в поэзии на персидском языке. Так определяется походка стройных женских, реже мужских фигур, уподобляемых колеблющемуся кипарису. Сравнение с последним 'слонотелого' Рустема, каким он назван тремя строками выше, да еще вдобавок после столь обильной еды, по крайней мере не последовательно и не убедительно. В рассмотренной части главы Рустем выглядит тяжелым, мощным, но отнюдь не изящным и гибким. Таким образом, автор 13-го байта легко выдает себя. Нужно отдать известную справедливость интерполяторам. Покушаясь на чистоту высокохудожественных поэтических произведений и внося в них свои дополнения, они всегда оказывались в положении людей, у которых охота сильнее возможностей. Поэтому распознать эти вставки не всегда оказывается трудным. Значительно труднее проследить искажения подлинного авторского текста сочинений, в которых отдельные места пестрят порой таким количеством различий (как в случае с 5-м байтом рассматриваемого текста), что лишают нас возможности отдать достаточно обоснованное предпочтение какому-либо из них.

За исключением 13-го байта, все остальные строки последней выписки (8—12 и 14), согласно представленные всеми тремя видами наших источников, сами по себе настолько последовательны, скаты, лаконичны и выдержаны в общем тоне, что не только не могут вызвать каких-либо сомнений в своей подлинности, но, напротив, могут служить образцом подлинных стихов Шахнаме.

¹ Vul. — Ter. — I, 339; C — I, 247; P — I, 514.

Рукописи

- [15] 'Турецкие всадники, семь — восемь душ, проезжали по тому [же] под охоты,
[16] Чтобы словить газель, поразить [ее], унести, утащить и съесть'.

Перевод

- [15] 'И вот, семь или восемь туранцев проезжали по [тому] пути'.
В записях 15-й бейт отличается только формой **نَجْمِيرْگَان** вместо **نَجْمِرْكَه**, о чём выше была речь.

Бейт 16-й содержится только в рукописи VI. Такой же лишний, как все вставные бейты, он к тому же очень плохо рекомендует своего автора, беспомощность которого сказалась в наборе глагольных форм, из которых одной было бы достаточно для иллюстрации внесенного им в текст дополнения. Думается, что эта интерполяция не заслуживает того, чтобы дальше на ней останавливаться.

Рукописи

- [17] 'Они увидели на лугу следы Рахша (вариант I: только Рахш; вариант VII: только коня) и повернули вдоль берега ручья (или, так же как в I, IV, VII и P: которые) следы (шли вдоль берега ручья).
[18] Когда они обнаружили Рахша (вариант I, IV, VII: коня), поторопились пленить его.
[19] Всадники со всех сторон устремились к нему (вариант VI: выступили вперед) и бросили на него царственный аркан.
[20] Когда Рахш увидел тот аркан всадников, тогда он пришел в ярост (вариант VII: испустил рев), подобно свирепому льву.
[21] Двух всадников (вариант I и IV: одного) ударом копыта сбросил наземь, одному зубами оторвал голову от тела (вариант всего бейта в VII: настиг он [их], искал одного зубами, другого ударом копыта сбросил наземь).
[22] Трое (вариант VII: двое) из тех нескольких всадников (вариант I, IV и VI: достойных витязей) оказались убитыми, [но] голова боевого Рахша (вариант VII: блестательная голова) не попалась (вариант С: попалась) в плен.
[23] После этого они стали бросать повсюду (предполагается, со всех сторон) арканы, чтобы затянуть [ими] шею Рахша.
[24] Поймали и угнали [его] поспешно в город, и каждый [из них] искал доли (вариант IV: унес долю) в Рахше.
[25] Они ввели его в табун с тем, чтобы извлечь пользу от того Рахша.
[26] Я слышал, что он оплодотворил сорок кобылиц, [но лишь] одна [из них] в муках понесла от него плод'.

Перевод

- [17] '...И увидели они следы копыт этого коня и последовали по ним к ручью, находящемуся там,
[18] И увидели пасущегося коня, при котором не было никого, и окружили его,
[24] Пока не поймали его и не угнали в свой город, находящийся там, который называется Симинджан'.

Записи, так же как перевод, содержат только бейты 17—18-й и 24-й, текст которых в точности совпадает с основным чтением в рукописях. Таким образом, бейты 19—23-й и 25—26-й подпадают под сомнение на основании чисто формальных соображений. Эти сомнения приобретают больше основания благодаря тому, что в рукописях и изданиях наблюдается разнобой в отношении состава этих бейтов. Так, бейты 19—22-й представлены всеми рукописями, бейт 23-й — рукописями I и IV и изданиями Р и Буллерса, наконец, бейты 25—26-й — только рукописью VII и изданием С. Но формальные соображения этим не ограничиваются. Как можно проследить по приведенному при сводном тексте рукописей списку, в рукописях и изданиях прослеживается большая пестрота также в порядке этих бейтов, что не обусловлено составом последних в каждом отдельном случае. Сходными между собой оказываются только рукописи I и IV, с одной стороны, и издания Р и Буллерса, с другой. Таким образом, формальных поводов, дающих нам основание отнести к сомнению к бейтам 19—23-му и 25—26-му, оказывается достаточно. Однако прежде чем приступить к разбору этих бейтов, попытаемся дать общую оценку варианту, содержащемуся в записях и в арабском переводе.

Бейты 17—18-й и 24-й общи всем трем видам наших источников, и лишь в 17-м бейте встретилось одно несущественное различие, представленное рукописями I, IV, VII и изданием Р. По тону и по форме изложения эти бейты согласуются с предшествующей частью главы и содержат все нужное для полноты и последовательной связи рассказа. В них нет ни одного хвалебного эпитета, ни одного образного выражения. Изложение сдержанно, правдиво и внешне беспристрастно.

Выше мы уже останавливались на том, что Фердовси, вынужденный по ходу рассказа поставить Рахша в положение отдавшегося в плен коня, ведет повествование в сдержанном тоне, проявляя тем самым свойственный ему литературный тракт. То обстоятельство, что случай с пленением набрасывает некоторую тень на репутацию прославившегося своими подвигами и своей непобедимостью коня, может служить свидетельством того, что Фердовси не перерабатывал использованного им и, по всей вероятности, широко распространенного при нем предания и в точности следовал ему. В противном случае ему не трудно было бы создать в начальной главе сказания иную ситуацию, более лестную для репутации Рахша, которая с равным успехом привела бы Рустема с его конем в тот же город Семенган.

Бейты 19—23-й представляют полную противоположность бейтам 17—18-му как в отношении общей тенденции, так и в отношении характера изложения. В то время как автор бейтов 17—18-го и 24-го не задерживает читателя на сцене пленения Рахша, тем более, что эта сцена несущественна для дальнейшего повествования и служит лишь посредственным звеном для завязки рассказа, автор бейтов 19—23-го, напротив, останавливает внимание читателя на подробностях этого пленения, внося в него элемент борьбы, который совершенно неуместен в этой сцене. Этот элемент борьбы лишь замедляет развитие рассказа и отвлекает внимание на второстепенные моменты, которые к тому же оказываются совершенно неубедительными. В результате боя Рахш оказывается так же легко взятым в плен и так же без сопротивления уведенным во вражеский стан, так как, к счастью, основной текст (бейты 17—18-й и 24-й) остался нетронутым. Он только разделен вставным клином (бейты 19—23-й).

Как же описывается бой? Во всех привлеченных нами рукописях вслед за 18-м байтом следует 20-й. Эта объединяющая их черта служит не в пользу им, так как без промежуточного 19-го байта остается непонятным, при виде какого аркана у всадников Рахш пришел в ярость (20-й байт—*جو، خش این کمند سواران بدید*). Поэтому для внутренней связи бейтов 19—23-го между собой и для связи их с основными бейтами 17—18-м порядок, сохранившийся в изданиях, более приемлем. Но при этом получается, что Рахш, избежавший брошенного на него царственного аркана, был пойман простым арканом. Неубедительность этого подтверждается хотя бы тем, что в двух рукописях (VI и VII) 19-й байт стоит перед 24-м (23-й байт в них отсутствует), и, таким образом, Рахш, как и следовало бы ожидать, оказывается пойманым царственным арканом. Однако упоминание в данном случае о царственном аркане само по себе неубедительно. Название *کمند کیانی* встречается в распространенных списках поэмы одиннадцать раз, включая рассматриваемый случай. Если исключить последний, то в шести случаях, четыре из которых предшествуют ему и два следуют за ним и которые в общей сложности содержатся в первой половине Шахнама, от начала его до раздела, называемого *بازار*, обладателем царственного аркана является только Рустем. Этим арканом он ловит в табуне еще молодого Рахша, с помощью этого аркана он охотится на онагров, одолевает Белого дива и лива Аквана и вторично вылавливает из табуна приставшего к нему Рахша. И то, что царственный аркан оказался в руках неизвестных туранских всадников, внушает большие сомнения.

Неубедительно также употребление наречия *آنگاهی* 'тогда' во второй мисре следующего, 20-го, байта. Нужно быть очень неискусным автором, чтобы, строя в поэзии временное предложение, обращаться к помощи этого наречия только для того, чтобы заполнить строку. Между тем ничем иным наличие его в упомянутой мисре не может быть объяснено. Следующие два байта пестрят различиями, вплоть до внутренней перестановки 21-го байта. Думается, что перечисленные соображения в достаточной степени могут

обосновать высказанное выше предположение со том, что бейты 19—23-й являются позднейшиими, теперь мы можем прибавить с уверенностью, что неудачи вставкой в текста с целью для последнего могут быть удалены из него.

Из последней выписки остаются бейты 25—26-й, представленные только в рукописью VII и в изданием С. Они легко выдают свою непринадлежность к Шахнаме. Если в них не усматривается непосредственная тенденция высказать лишнюю похвалу по адресу Рахша, то вовсю ком склонение явно видно желание восполнить пропущенную автором деталь. Как известно, достигнув совершенства, Сохраб — сын Рустема удостаивается коня, который, согласно чтения подавляющем большинстве рукописей, происходит от Рахша (*خشش زاده*). Не исключена возможность, что под этим выражением можно понимать не только то, что конь Сохраба происходит от Рахша, иное то, что он имел общее с ним происхождение. Но в данном случае важно то, что это выражение понималось и понимается в первом смысле. Между тем из всего предшествующего этому случаю повествования не видно, чтобы Рахш, пробыв два-три дня в Семенгане, успел оставить там потомство. Если байт, сообщающий о происхождении коня Сохраба, подлинный, то это лишний раз подтверждает отмечавшееся выше свойство Фердовси не останавливаться на таких деталях, которые являлись бы отклонениями от основной нити рассказа и отсутствие которых не нарушает связности его. Поэтому, даже в том случае, если бы Фердовси производил коня Сохраба от Рахша, он не стал бы заблаговременно оговаривать возможность появления в Семенгане потомства от него. Но читателю, не обладающему достаточным литературным вкусом и любящему пунктуальность в поэзии вплоть до натурализма (как это было отмечено в отношении байта 13-го), подобные случаи должны были казаться упущением. Такому вот читателю и представилось необходимым заранее объяснить, каким образом в Семенгане мог появиться отпрыск от Рахша.

Некоторые черты в стиле бейтов 25—26-го подтверждают наше мнение о непринадлежности их к первоначальной редакции поэмы. Для Фердовси, ссылающегося в начале отдельных сказаний на источники своих повествований, не характерно вставлять в их текст дополнительные справки вроде *که شنیدم* 'я слышал, что', с чего начинается 26-й байт. Не свойственны также Фердовси выражения вроде *آن رخش* ' тот [хваленный] Рахш', как мы находим во второй мисре 25-го байта. При внимательном чтении поэмы легко можно убедиться, что подобные выражения являются достаточным основанием к тому, чтобы относиться с подозрением к содержащим их байтам. Следует отметить еще одно обстоятельство. Рассматриваемые байты встретились нам только в рукописи VII, которая относится к началу XVI в., и в издании С, которое составлено на основании сравнительно более поздних списков, чем все остальные привлеченные нами рукописи. При наличии других соображений, отрицающих подлинность бейтов 25—26-го, это обстоятельство может приобрести значение дополнительного довода.

Рукописи

- [27] Когда Рустем проснулся от сладкого сна, пригодился ему ретивый конь.
[28] Он оглядел тот луг, [но] ни с какой стороны не увидел коня.
[29] Огорчился он, не найдя скакуна, [и] удрученный поторопился в Семенган (вариант VII: удрученный, забегал и заторопился).
[30] Он все твердил: „Куда же теперь бегом, пешему (вариант I, IV и Р: двигаясь пешком; вариант VI: можно пешком) мне спешить [скрыться] от поношений [всякого] злонамеренного?“.

Перевод

- [27] ... И вот, проснулся Рустем и стал искать коня, чтобы сесть на него,
[28] и не обнаружил его,
[29] и встревожился его отсутствием, и двинулся поспешно, и стал ходить вокруг в поисках его, пока не очутился у этого города.

Дальше в арабском переводе рассказывается о том, что семенганский царь был извещен о появлении Рустема у стен города, что соответствует 1-му бейту следующей главы распространенной редакции. Таким образом, из арабского перевода выпадает не только 30-й бейт, но и все оставшиеся бейты первой главы, количество которых колеблется в разных списках и достигает восьми в издании С. Поскольку 30-й бейт представлен не только всеми рукописями, но также изразцом 4 (на других предметах эта часть текста не сохранилась) и ни с формальной стороны, ни тем более в отношении содержания и стиля сомнений не вызывает, опущение его в переводе можно было бы объяснить обычной для переводчика тенденцией передавать Шахнамэ как историческое повествование, а не как поэтическую историю. Вместе с тем, отсутствие в переводе столь значительного количества бейтов может свидетельствовать и о том, что не все они внушали переводчику доверие, как не могут они внушить его и всякому, кто внимательно прочитает окончание главы. К сожалению, отсутствие в имеющихся в нашем распоряжении записях этого окончания лишает нас возможности распространить и на оставшиеся бейты главы наш разбор.

В отличие от перевода, запись, обрывающаяся на 30-м бейте, расходится с рукописями: она не содержит 28-го бейта. Неслучайность этого отсутствия подтверждается тем, что в арабском переводе бейт передан не точно. Переводчик разбил его на две части, оставил на соответствующем ему месте лишь окончание его *و لم يُجِدْ*, 'и не нашел его' и перенеся оставшее с измененным смыслом *و جَعَلَ يَدِورُ فِي طَبِيهِ*, 'и стал ходить вокруг в поисках его' в место, соответствующее середине следующего бейта. Едва ли переводчику пришлось бы прибегнуть к этому, если бы 28-й бейт внушал доверие. Как мы постараемся показать, он не внушает его ни в стилистическом отношении, ни в отношении содержания. Его первая мисра *سَبَانْ مَرْغَزَارْ* не может быть отнесена к числу тех частых в Шахнамэ слу-

чаев, когда при одном имени сочетаются два предлога или предлог с послелогом. Послелог *اندرودن*, каковым он в данном случае является, не уместен по смыслу фразы ни при имени *نگوستن*, ни при глаголе *مرغزار* и не оправдывается началом второй мисры *ر هر سو همی بارگی را ندید*. Если последняя не удовлетворяет своей нелитературностью, то наличие послелога в первой мисре может свидетельствовать, кроме этого, и о неудачной попытке заполнения строки подходящим по размеру, но не подходящим по смыслу словом.

Обратимся к содержанию бейта. Мы уже отмечали, что переработка в арабском переводе должна быть объяснена его неудовлетворительностью. Действительно, не убедительно, чтобы Рустем, не обнаружив коня на лугу, ограничил бы этим свои поиски и направился в Семенган. Поэтому арабский переводчик и заставляет Рустема ходить вокруг места происшествия до тех пор, пока поиски не приводят его в Семенган. Между тем в основном тексте есть указание на то, что Рустем искал и не нашел Рахша, однако это сказано сдержанно, без описания подробностей, как и следовало бы ожидать в данном месте. В первой мисре 29-го бейта читаем: *غمی گشت چون بارگی را نیافت* 'огорчился он, не найдя скакуна'. Но это не удовлетворило требований придерживающегося детализаций подражателя, который и ввел в текст дополнительный стих, выдающий его своим стилем и своим содержанием.

Закончив, таким образом, разбор той части главы, которая представлена записями на глиняных изделиях, мы теперь вправе заключить, что сводный текст их может быть признан наиболее надежным из всех привлеченных нами, и по всей вероятности сохранившихся вариантов соответствующего места из Шахнамэ. Не останавливаясь на различиях сводного текста записей, оценка которым дана выше, мы можем предложить следующий перевод принятого нами в основу чтения его:

- [1] Так храним мы в памяти со [слов] мобеда, что Рустем [однажды] поднялся поутру
- [2] С огорченным сердцем [и] собрался на охоту; надел пояс и наполнил колчан стрелами.
- [3] В сторону туранской земли направил [свой] путь, подобно льву, когда тот бывает разъярен и ищет мести.
- [4] Когда он достиг пределов туранской земли, увидел [что] степь от края до края полна онагров.
- [5] С помощью лука со стрелами, палицы и аркана он повалил в степи [некоторое] количество дичи
- [6] [И] развел из хвороста, терновника и валежника [большой] костер.
- [7] Когда пламя рассеялось, Слонотелый отыскал дерево для вертела
- [8] [И] насадил на него целого онагра-самца, который в его руке не весил и птичьего пера.
- [9] Когда [онагр] прожарился, богатырь разорвал его [на куски] и съел, извлекши [даже] мозг его костей.

- [10] [Потом] прилег и предался отдыху от [превратностей] судьбы, [оставив]
Рахша пасущимся на лугу.
- [11] Турецкие всадники, семь-восемь душ, проезжали по тому [же] под
охоты.
- [12] Они увидели на лугу следы Рахша [и] повернули вдоль берега ручья
(или: которые шли вдоль берега ручья).
- [13] Когда они обнаружили Рахша в поле, поторопились пленить его,
- [14] Поймали и угнали [его] поспешно в город, и каждый [из них] иска-
дили в Рахше.
- [15] Когда Рустем проснулся от сладкого сна, пригодился ему ретивый конь.
- [16] Огорчился он, не найдя скакуна, [и] удрученный поторопился в Семенги.
- [17] Он все твердил: „Куда [же] теперь, двигаясь пешком, мне спешить...“

При разборе текста мы не раз возвращались к тому, что в стихах, вызывающих сомнений в своей надежности и принадлежащих, как нужно полагать, к первоначальной редакции поэмы, прослеживается сдержанность автора, сжатость в изложении и отсутствие подробностей, которые отвлекали бы внимание читателя от основной линии рассказа. Мы объясняли это двумя причинами: во-первых, тем, что глава, почти полностью рассмотренная нами, является первым звеном повествования и служит лишь для связки дальнейших событий; во-вторых, тем, что, следуя сложившейся легенде согласно которой описанные в этой главе обстоятельства ставят Рустема и Рахша в недостаточно лестное для их обычной славы положение, Фердовсий в силу присущего ему литературного такта, не мог останавливаться на подробностях, которые были бы неуместны и неубедительны, так как небежно должны были бы преследовать цель более лестной характеристики героя и его коня.

Совершенно противоположную картину представляют стихи, отмеченные нами как интерполированные. Они характеризуются повторением имеющегося уже в основном тексте, внесением в него подробностей, не способствующих более успешному развитию рассказа, а напротив, тормозящих его ход и, наконец, часто повторяющимися хвалебными эпитетами и отзывами по адресу излюбленных героев, без учета того, насколько эти эпитеты и отзывы могут звучать убедительно при неудачно сложившейся для этих героев ситуации. Если прибавить к этому и отмечавшееся при разборе качество этих стихов, то можно говорить, что, в отличие от основного текста, они свидетельствуют об отсутствии не только литературного такта, но и художественного чутья у их авторов.

Как мы выше видели, не все интерполированные байты представлены в равной степени всеми привлеченными нами списками поэмы, хотя с большинством их дело так и обстоит. Это большинство составляют байты 1-й, с оговоркой, что в рукописи VI он перередактирован, 4-й, с оговоркой, что отсутствие его в рукописях I и IV может быть объяснено случайностью, 7-й, 19—22-й и 28-й. Из них байты 1-й, 7-й и 28-й прослеживаются также и в арабском переводе. Значительно меньшим количе-

ством списков представлены байты 23-й и 25—26-й. Первый из них содержится в очень близких друг к другу, как отмечалось не раз, рукописях I и IV, и в изданиях Р и Буллерса. Наконец, остающиеся два байта, 13-й и 16-й, представлены по одному разу; первый из них — в издании С, второй — в рукописи VI. Что касается этих двух последних байтов, то, если вспомнить об их содержании и о качестве их стиля, было бы небольшим риском приписать их переписчикам соответствующих рукописей. Тем самым можно было бы приблизительно наметить также и время их появления. Рукопись VI, как уже указывалось, должна быть отнесена к середине XV в., издание же С основано на целом ряде рукописей, самая ранняя из которых, имеющая надежную дату, относится к 1477 г.¹ Таким образом, если байт 16-й можно было бы отнести к середине XV в., есть основание допустить, что байт 13-й мог бы быть отнесен и к более позднему времени. К тому же приблизительно времени, что и байт 13-й, могли бы быть отнесены также байты 25—26-й, представленные тем же изданием С и рукописью VII, датированной 1524 г.

Остальные байты, включая и 23-й содержащийся лишь в части списков, должны быть отнесены к значительно более раннему периоду, особенно байты 1-й, 7-й и 28-й, которые, как указывалось, прослеживаются и в арабском переводе. Однако относительно других байтов, представленных рукописями, но отсутствующими в арабском переводе, можно было бы высказать предположение, что они не существовали ко времени составления этого перевода, т. е. к 1223—1224 гг. К числу таких относятся байты: 4-й, 19—22-й и связанный с последними по содержанию байт 23-й.

Говоря выше о внешнем сличении наших источников — рукописей, арабского перевода и записей, — мы пришли к заключению, что с точки зрения состава стихов последние два проявляют значительную близость друг к другу. Однако более детальный разбор текста показал, что если исходить из чтения общих всем источникам стихов, то арабский перевод тяготеет не к записям, а к рукописям. Иначе это и не могло бы быть, если принять во внимание, что между рукописями и арабским переводом, с одной стороны, и между записями, с другой, существует принципиальное различие. В то время как арабский перевод и рукописи (если говорить о них в хронологической последовательности) принадлежат к письменной литературной традиции и, как мы пытались показать, могут свидетельствовать о постепенном засорении, отчасти и искажении, первоначального текста рассмотренной нами главы, записи принадлежат к устной литературной традиции, которая, разумеется, также восходит к первоначальной редакции главы, но живет независимо от письменной традиции и параллельно ей. Это подтверждается, во-первых, тем, что записи, независимо от характера и времени изготовления изделий, сохраняют один и тот же вариант текста, отклонения от которого, как мы

¹ Более ранняя по дате рукопись, помеченная 1408 г., вызвала со стороны издателя сомнение в правдивости этой датировки (см. указанное издание, предисловие издателя, стр. XIII—XVI).

пытались показать, носят индивидуальный характер, и если уж считаться с ними, то следует отметить, что они характеризуются не приближением к рукописной редакции, а напротив, — большим удалением от нее. Независимость устной литературной традиции от письменной подтверждается, во-вторых, тем, что та и другая сосуществуют во времени. Так, арабский перевод поэмы современен ранней группе использованных нами изделий, а наиболее ранняя из привлеченных нами рукописей опережает на 15 лет наиболее поздние из наших вещественных памятников.

Поскольку фиксации устной литературной традиции обнаружены лишь на изделиях из глины, мы пока можем говорить только о том, что эта традиция сохранилась в среде ремесленников-керамистов, передававших ее из поколения в поколение в период от начала XIII, возможно, даже от конца XII до середины XIV в. Допустить, что эта устная литературная традиция представляет не наиболее надежно сохранившийся первоначальный текст рассмотренной главы, а какую-то его переработку, произведенную до конца XII — начала XIII в., значит признать, что эта переработка повысила литературные и художественные достоинства текста, больше всего оцененные ремесленниками-керамистами последующего периода, до середины XIV в. Более того, при этом не исключалась бы возможность, что эта успешная переработка текста могла быть произведена в среде тех же ремесленников-керамистов. Разумеется, что такие предположения лишены какого бы то ни было основания.

Нам остается затронуть еще один вопрос. Использованные нами в настоящей статье надписи свидетельствуют о популярности в кругах ремесленников-керамистов рассматриваемого периода воспроизводившегося ими в своих изделиях небольшого текста из Шахнаме. Если принять во внимание и другие места из Шахнаме, записанные на фризовых изразцах и опубликованные нами в предыдущей статье, которая уже упоминалась, то можно говорить о популярности Шахнаме не только в кругах ремесленников-керамистов, но и в тех привилегированных кругах, для которых эти фризовые изразцы изготавливались. Однако изданный нами материал не исчерпывает всех отрывков из Шахнаме, не говоря об отрывках из других произведений. Поэтому к рассмотрению вопроса о популярности в ремесленных кругах больших поэтических произведений предпочтительнее обратиться тогда, когда будут изданы все собранные нами в записях на глиняных изделиях отрывки из них.

1951 · Э П И Г Р А Ф И КА В О С Т О К А · V

A. A. СЕМЕНОВ

ДВА АВТОГРАФА ХОДЖИ АХРАРА

Среди богатых рукописных сокровищ Института по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР имеется весьма примечательный альбом автографов разных знаменитых и известных лиц гератской эпохи Алишера Навои (за инв. № 2178). Он принадлежал последнему бухарскому верховному судье (қўзи-л-қузб) Мухаммед Шарифджан маҳзуму, большому библиофилу и собирателю рукописей (ум. в 1931 г.). Согласно его записи в каталоге принадлежавших ему рукописей, этот альбом назван *‘Собрание переписки’* и был составлен по распоряжению знаменитого Алишера Навои (ум. в 1501 г.). Судя по тому, что два письма из этого альбома писаны совершенно определенно Алишеру Навои, действительно возможно, что альбом принадлежал ему. Во всяком случае собиратель этих автографов тщательно подобрал интересную „эпистолярную галерею“ и оформил ее с высоким мастерством. Письма наклеены на листы тонкого картона 29,5 × 41 см; в правом верхнем углу наклеен язычок с именем отправителя, которым запечатывалось письмо. Все письма обведены рамкой из линий червонного золота и черной туши, а после наклейки на картон заключены в рамку из золотых и голубых линий. Характерной особенностью альбома является то, что составляющие его письма писаны, в подавляющем большинстве, не секретарями или мирами этих известных лиц, а лично ими самими, как делалось на Востоке, когда писали лицам, равным себе или вышестоящим; за это говорит сама внешность почерков, весьма далекая от каллиграфии и указывающая не только на интимную деловитость содержания писем, но и на ту торопливость, с которой они были написаны. Любопытно, что способ написания и заделки частных писем в Херате XV в. (а следовательно и в Хорасане) был совершенно такой же, как и в Средней Азии XIX в. Для письма брался кусок хорошо лощеной бумаги не строго определенного размера, а в зависимости от объема письма (в среднем, не больше 11 × 18 см), и на одной стороне такой бумаги писалось письмо, под которым никогда не ставилась подпись автора. Затем письмо свертывалось по ширине в трубочку, и вместо конверта, чтобы его запечатывать, брался лист бумаги и из него вырезывался кусок большей длины, чем трубочка письма, такого вида, как на рис. 1.

Своеобразный конверт, называемый в Средней Азии лифба (ср. араб. لِفَبَه), сворачивался в трубочку, разную ширину письма, концы его с зубцами загибались и заклеивались гуммизграбиком, а верхний язычок следил натягивался и тоже приклеивался. На язычке, который бывал и большего размера, чем показанный на чертеже, отправитель письма писал свое имя в бумагах официального характера под таким язычком, захватывая его кончик, ставилась печать (мухр) отправителя. Адресат, получая такое письмо, при первом взгляде на приклейенный язычок определял, от кого это письмо. В нашем альбоме у лифба писем отрезаны все заклеивавшие язычки или облатки с именами отправителей и наклеены, как выше упомянуто, в правом верхнем углу каждого письма.

В альбоме собрано 601 письмо, которые принадлежали перу разных лиц с известными именами. Содержание писем ярко отражает бытовые черты

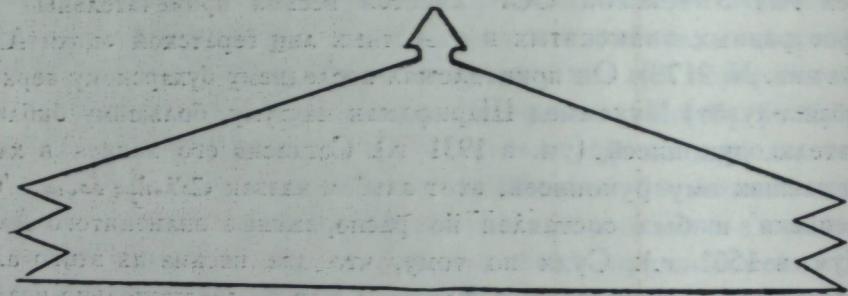

Рис. 1. Образец трубочки для письма в Средней Азии XIX в. в развернутом виде ($\frac{1}{2}$ н. в.).

эпохи и проливает свет на многие стороны тогдашней дервишской жизни Мавераннахра и Хорасана, поскольку большинство писем принадлежали представителям дервишских корпораций. В альбоме имеются 324 письма знаменитого таджикского поэта 'Абдуррахмана Джамай (ум. в 898/1492 г.), 134 письма его современника, известного среднеазиатского ишана и политического деятеля Ходжи Ахрара (ум. 895/1490 г.), 6 писем его сына и преемника Ходжи Мухаммеда Йахии (ум. в 906/1500 г.), известного в связи с захватом Самарканда узбеками Шейбаном хана в 1500 г., 31 письмо зятя Ходжи Ахрара, Мир 'Абдуллаха Нашапури (ум. в 900/1495 г.) и др.¹

Автограф Джамай в какой-то мере известен в науке,² поэтому мы решили опубликовать из альбома два автографа Ходжи Ахрара, тем более, что они не известны.

Ходжа Насир ад-дин 'Убайдулла, более известный по своему прозванию Ходжа-и Ахрар, родился в рамазане 806/марте 1404 г. в селении Багистан Ташкентского округа. Он много путешествовал по Мавераннахру и Хорасану.

¹ Подробное описание этого альбома имеется в т. III рукописного "Каталога персидских и тюркских рукописей АН УзССР", порядковый № 1575.

² См.: V. Rosen. Les MSS Persans de l'Inst. des Langues Orientales. S.-Pétersb., 1888, pp. 215—216 et 1 planche; Журнал за 1946 г., № 11, стр. 10—11 (статья Хабиби).

сану. В Херате он в течение 4 лет был усердным слушателем сейида Қасим-и Тебризи (ум. в 837/1433—1434 г.), более известного в литературе под именем Қасим-и Анвара.¹ Ходжа Ахрар до самой своей смерти играл в Мавераннахре Тимуридов первенствующую роль. Его советов и указаний беспрекословно слушались, их исполняли владетельные особы, князья и все прочие классы и сословия; он был как бы некоронованным монархом всего народа. Вся деятельность Ходжи Ахрара, по оценке наших историков Востока, носила сугубо реакционный характер, а его огромные богатства в землях и разного рода недвижимостях и коммерческие предприятия делали его крупнейшим феодалом и эксплоататором. Ходжа Ахрар умер в глубокой старости (89 лет с лишним) 29 раби' ул-эввеля 895/20 февраля 1490 г. в местности Ходжа Кафшир, подле Самарканда.

Ходжа Ахрар был современником таких больших людей в литературе, как Алишер Навои и Джамай, и находился с ними в общении.

Все сочинения Ходжи Ахрара, собрание его слов, речей и высказываний имеются в рукописи Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского Государственного университета, инв. № 09/934.²

Первое из приводимых писем Ходжи Ахрара по счету является в вышепомянутом альбоме автографов 464-м, а второе — 201-м; оба они даются в фотоснимках в натуральную величину (рис. 2).

1

بعد از رفع نیاز مرفوع آنکه درویش محمد درویش احمد ||کوکلتاشان خدمت میرز سلطان محمود آنجا مانده اند ||اینجا متعلقان ایشان بسیار ازین فقیرخط ||گرفته بودند درین مدت از آنجا کسی آمده التماس کرده که ||اگرتو التماس میکردی حضرت سلطنت شعواری ایشانرا ||آزاد میکنند بضرورت تصدیع داده التماس میکنم که ||خاطر شریف بران دارند که آن حضرت ایشانرا آزاد ||کنند تا این فقیر نیز خلاص شوم یقین که ایشان اعنایت خواهند کرد دولت وجاهی آن حضرت ||باز بسته بعنایت حضرت حق سبحانه است و اتباع ||محمد رسول الله صلی الله علیه وعلی ||آلله و سلم عفو وتجاوز بسیار مبارک است ||والسلام و الاکرام

الفقیر عبید الله

'После устранения просьбы устранившее [состоит] в том, что дервиш Мухаммед и дервиш Ахмед, кукельташи³ Мирзы Султан Махмуда, остались

¹ Некоторые подробности о Қасим-и Анваре см. в моей статье: "Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире", "Эпиграфика Востока", II, М.—Л., 1948, стр. 59, 60.

² См.: А. А. Семенов. Описание персидских, арабских и турецких рукописей. Ташкент, 1935, стр. 19, 20. Высказывания Ходжи Ахрара имеются в тексте ученика Ходжи Ахрара, Фахр ад-дин 'Алӣ ас-Сафӣ, в Слسلة رسحات عین العیان العارفین его же ученика Мухаммада Қағи, в его же зятя 'Абд ал-Аввали и по-русски в работе В. Вяткина: "Из биографии Ходжи Ахрара", Турк. вед., 1904, № 147.

³ Тюркское слово „кукельташ“ обычно значит 'молочный брат', но в бухарском средневековом административном строе термином „кукельташ“ обозначался важный чин, на

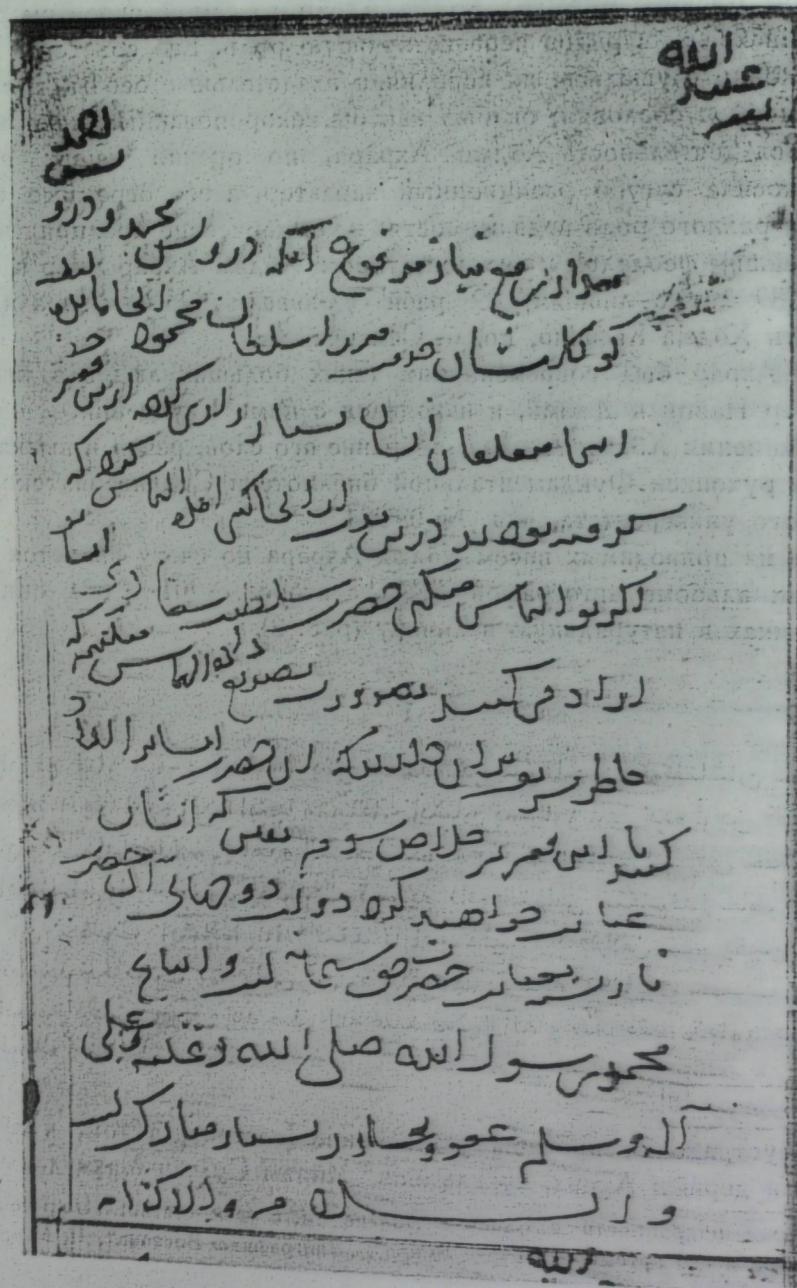

Рис. 2. Автограф письма Ҳоджи Аҳрара № 464 (п. в.).

там.¹ Здесь [же] чрезвычайно плакавшие [по ним] их домочадцы взяли от меня [к Вам] письмо. В это время оттуда² пришел один человек и стал меня упрашивать: „Если ты попросишь господина, отмеченного знаком власти,³ то их освободят!“. По необходимости беспокоя [Вас], очень прошу, чтобы [Вы] не забыли освободить их, дабы и сей бедняк тоже освободился бы [от горя их родных]. Несомненно, что Вы окажете [им эту] милость! Снискание [Вами] счастья в обоих мирах является милостью высочайшей истины — да славится она! — и последователей Мухаммеда, посла Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! Помилование и прощение благословенны. Мир и почет!“.

В верхнем правом углу наклеен язычок от лиффа с надписью тем же самым почерком: ‘Ал-факир [бедняк] ‘Убайдулла’.

2

بعد از رفع نیاز مرفوع آنکه چونکه خدمت دینده، رقعة نیاز متجوّه بودند از برای همین معنی که خودرا به خواص اشریف ملازمان بایاد آرد، گستاخی کرده التماس میکنم که خالصاً ڈجہ سبحانه خاطر شترف ملتافت به ان باشد، مسلمان این جانب و آن جانب بسبب دوستی که درمیان یاد شاهان میسر شوند حمت نکشند، اگرچه حیرها واقع است که عرض این نوع سخنان و التماس این صورت دور مینماید، لکن امثال ما فقیران را غیر این التماس باید که چیز دیگر نباشد و السلام

الفقیر عبید الله

‘После устранения просьбы устранившее [заключается] в том, что предъявитель сего просительного письма отправился в путь единственно лишь для того, чтобы напомнить о себе благородным умам приближенных [высокой особы]. Взявши [на себя] смелость, прошу [Вас] искренне обратить внимание на него ради всепрославленного господа, чтобы мусульмане этой стороны и той, вследствие дружбы, существующей между [их] государями, не беспокоились [за свою судьбу]. Хотя добрые дела есть [целое] событие, которое отдаляется изложением просьбы сего рода словами и усиленной мольбою в такой [как эта] форме, но у подобных нам бедняков кроме этого упрашивания [за других] не должно быть ничего другого. Привет!‘.

В верхнем правом углу наклеен язычок от лиффа с надписью тем же почерком, каким написано все письмо: ‘Ал-факир [бедняк] ‘Убайдулла’.

котором лежала обязанность получать сведения со всего государства о народных настроениях и соединенных с этим происшествиях и событиях; он же ведал всем шпионажем в стране. См. А. А. Семёнов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. Сов. востоков., т. V, М.—Л., 1948, стр. 148.

Неясно, в каком смысле здесь употреблено слово „кукельташ“.

¹ Т. е. за Аму-дарьеи, в Хорасане, повидимому, в качестве арестованных.

² Т. е. из-за Аму-дарьи, из владений Султан Ҳусейна.

³ Т. е. разумеется, повидимому, Алишер Навои.

Интересно отметить, что научный сотрудник Института по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР И. Адилов, бухарец, до тонкостей знаяший свой язык и все обычаи и нравы своего народа, неоднократно говорил мне об огромной разнице в стиле писем Джами и Ҳоджи Аҳрара. У первого, по его мнению, все они дышат изысканностью и красноречием (бофасохат ва балогат), а у второго — самые простые народные обороты (лафз-и 'омй).

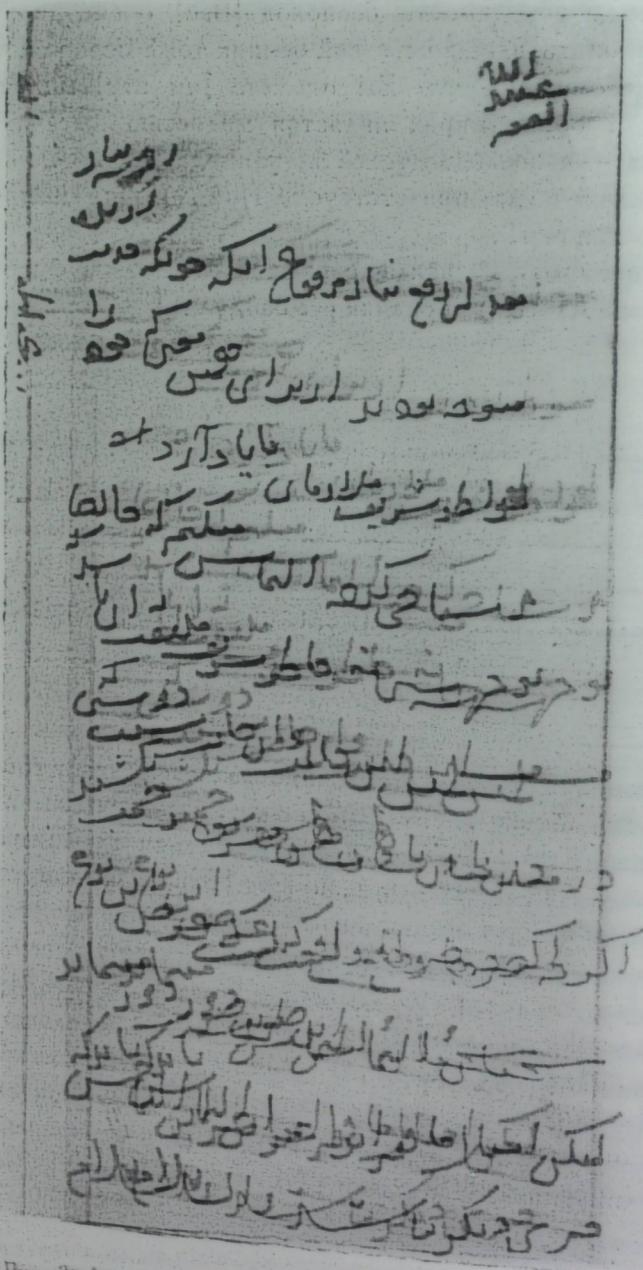

Рис. 3 Рукопись старинного Ҳоджии Аҳрара № 201 (п. в.).

(هزج مقصور)

هردوست که بیوفاست دشمن به ازوست

هرشقره که کم بپاست آهن به ازوست

هرکس که نمک خورد نمکدان نکند

در مجلس رندان جهان سگ به ازوست

'Враг лучше, чем любой вероломный друг;

Железо лучше любого малоценного серебра;

Чем каждый, кто ест соль и разбивает солонку

В собрании гуляк мира, пес бывает лучше'.

A. A. СЕМЕНОВ

ПЕРСИДСКИЙ СУДОК XVII в. ДЛЯ ПРЯНОСТЕЙ

Бывший восточный факультет Среднеазиатского Государственного университета приобрел в свое время от вдовы б. российского консула в Астрabadе, Б. И. Долгополова, персидский медный судок для пряностей и приправ к кушаньям (соли, перца, сумака и проч.). По словам владельца он был приобретен ее мужем в Исфагане на базаре.

Судок представляет цилиндр, высотой 15.3 см при диам. 6.8 см, весом 435 г и состоит из пяти отдельных съемных чашек. Дно каждой (кроме самой нижней) чашки вставляется в верх последующей, а самая верхняя закрывается крышкой слегка округлой формы с выступающим наверху кругом диам. 4.4 см (рис. 1). Вследствие такой конструкции весь этот цилиндрический сосуд внешне является естественным образом разделенным на шесть правильных поясов, причем каждая чашка судка, составляющая такой пояс, была мастером сделана отдельно. Красная медь, употребленная на выделке этой вещи, выбивалась ручным способом, и части формировались путем вытяжки металла молотком и обжима его на особом деревянном леке (т. е. как и поньне ремесленники делают на Востоке медные вещи). Снаружи и внутри посуда покрыта полудой, извне вся она украшена богатой резьбой изображающей орнамент цветочного, звериного и отчасти геометрического характера. Преобладающим элементом орнаментации на втором и пятом (снизу) поясах сосуда являются стилизованные арки, в которых заключены цветки розы. Это излюбленный персидский орнамент, часто встречающийся не только на металлической посуде, но и на легких тканях. Четвертый же пояс покрыт тем узором, который в орнаментике носит название "меандра", но здесь ему придана форма лиственного орнамента, обычной в ее разнообразнейших проявлениях на самых различных предметах быта как иранцев, так и турок. Ко всему этому присоединяется неизбежная в таких случаях персидская эпиграфика, всегда составляющая часть декоративной композиции большинства подобных персидских вещей.

На самом нижнем поясе судка в продолговатых картинах вырезаны следующие стихи, обычным для размером:

В небольших картинах, отделяющих эти стихи друг от друга, помещены птицы, а в одном вырезано слово سماق, обозначающее ту кислую, растительного происхождения, пряность, которой так любят посыпать восточные люди мясо и прочие кушанья.

В третьем поясе, в таких же продолговатых картинах, вырезано (тоже вязью) четверостишие размера четырехстопного

садات افضل اند بصفات سیجلی¹

نوباده رسول و جگر گوشه على

زنیهار هوشی و گوش مجرف بدش مکن

الصالعون لـله الطانحون لـی

'Сейиды — достойнейшие [люди], отмеченные качеством того, который появится —

Первый плод послы [Аллаха] и уголок печени 'Али.

Берегитесь, ухо и разум, дурно отзоваться о нем,

[Ибо сказал пророк]: „Добротельные принадлежат

Аллаху, а порочные мне”.

В четырех маленьких картинах между стихами помещены: кошка, заяц и птицы и вырезано слово فلفل 'перец'.

На крышке (рис. 2), несколько выше борта, в таких же продолговатых картинах выгравировано следующее четверостишие размера هزج مقصور, четырехстопного, укороченного на два долгих слога:

در مرکز آفرینیش استاد علیست

عالیم همه بنده اند آزاد علیست

آمد نمک على موافق بعدد

یعنی نمک سفره سجاد علیست

'В центре творения находится мастер 'Али.

Все во вселенной рабы, свободен [только] 'Али.

Появилась соль 'Али сообразно числу,

То есть солью стола молящихся является 'Али'.

¹ В этой строке размер не вполне выдержан.

В последней строке выражение 'солью стола молящихся является 'Алі' в цифровом отношении дает 1093, т. е. 1093 г. х., соответствующий 1682 г. н. э., когда, очевидно, была сделана настоящая посуда.

В четырех небольших медальонах между упомянутыми стихами вырезано имя владельца этой вещи:

صاحبہ—علی اصغر—الموسی—القندھاری

'Владелец его—'Алі Аṣgar ал-Мūsāvī, кандагарец'.

Наверху самой крышки—солнце в лучах, вырезанное в форме стилизованной человеческой головы, вокруг него помещены следующие стихи из „Голестана“ Са'ді размера هزج مقصور трехстопного, урезанного на один долгий слог:

غرض نقشت کزمایاد ماند * که هستی رانمیبینم بقاوی
مگر صاحبدی روزی برحمت * کند در حق درویشان دعائی

'Цель [настоящей] гравировки,— чтобы после нас
осталась память,

Потому что мы не видим постоянства
в [нашем] бытии,

И может быть какой-нибудь добрый человек
по [своему] состраданию когда-либо

Помолится за нас, бедняков!'

Таким образом, этот судок представляет весьма интересный, и притом датированный, образец персидского прикладного искусства XVII в.

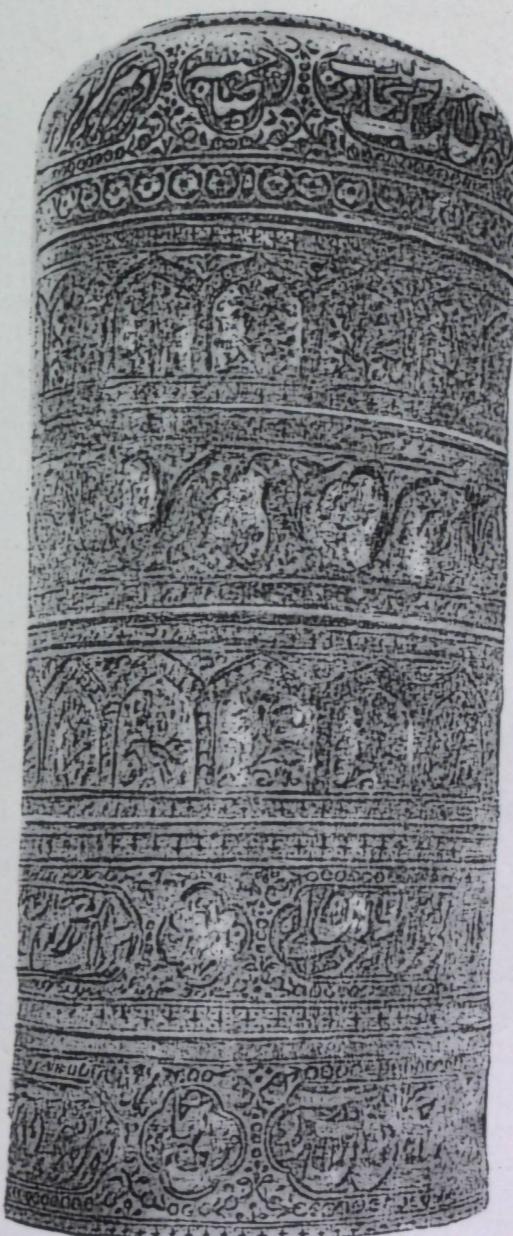

Рис. 1. Персидский судок XVII в. для пряностей. Боковой вид.

БО СТОКА. В
самоук - 601 и 101, как правило, лежат в слоях отложений, имеющих в
своих залах калцит - 601, а также кальцитор и силикаты - 101.
Так что, если вода - 101, то в ее залах калцит и силикаты
искусственны в композиции между кальцитом и кальцитом моря
601-601 или же в воде они
являются кальцитом и кальцитом 601-601. Алишадзе? Кальцит, кальцит, кальцит
601-601 (601-601) или же в залах кальцитом, кальцитом
какой-то кальцитом, кальцитом, кальцитом, кальцитом
Алишадзе? Или же кальцитом, кальцитом, кальцитом, кальцитом
И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

ПЕРСИДСКАЯ АЗБУКА В ГРУЗИНСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

1

В Рукописном отделе Грузинского Государственного музея им. акад. С. И. Джанашия находится персидская азбука в рукописи S 3725, из фонда проф. Д. Чубинашвили, на которую обратил наше внимание доцент А. А. Глонти в 1928 г. В соответствующих печатных описаниях грузинских рукописей она не описана.

Рукопись S 3725 Рукописного отдела Грузинского Государственного музея, написанная, главным образом, так называемым грузинским гражданским и русским письмом, небольшая, 18.5×17.5 см; она содержит 1—112 листов синеватой и частично белой бумаги, кроме того, дополнительно в нее вклеены исписанные страницы, включенные в общую нумерацию. Переплет позднего времени. Как указано на л. 1, она приобретена за 1 р. 25 к. без переплета в царствование Екатерины Второй в 1790 г. Часть рукописи написана раньше: на поле 8-го листа почерком основного текста сделана приписка: „Им[енем] Гос[пода] 1780 июнь 6-го в троиц[ии] д[ень] приехал в Москву“. Часть рукописи написана позже; лл. 23⁶ и 24 содержат грамоты 1782 г. грузинского царя Ираклия II, л. 26—грамоту 1786 г. и 1799 г., а л. 82 упоминает „Указ июл. 7. 1808-го года“.

Рукопись S 3725 представляет собой сборник, содержащий главным образом русско-грузинский словарь. В ней на лл. 26⁶—36 имеется и грузинский словарь „Витязя в тигровой шкуре“ Ш. Руставели по изданию грузинского царя Вахтанга (см. л. 35⁶), с отдельными переводами слов на русский язык; далее идут выписки из других грузинских книг, а с л. 45 — опять русско-грузинский словарь; на лл. 47—50 — описание города, с л. 51 — опять словарь, лл. 56 и 57 — копия „Завещания Давида Строителя“, л. 58 — „Ямб Тамары“ (царицы Грузии); лл. 59 и 60 — пустые, далее опять страницы со словарем и текстами разного содержания; л. 96 содержит греческую азбуку, лл. 99 и 100 — немецко-грузинские названия числительных готическими и грузинскими буквами, а на л. 101 представлена интересующая нас в данный момент персидская азбука почерком на сх с грузинской транскрипцией. Лист 101⁶ содержит названия персидских местоимений в грузинской транскрипции

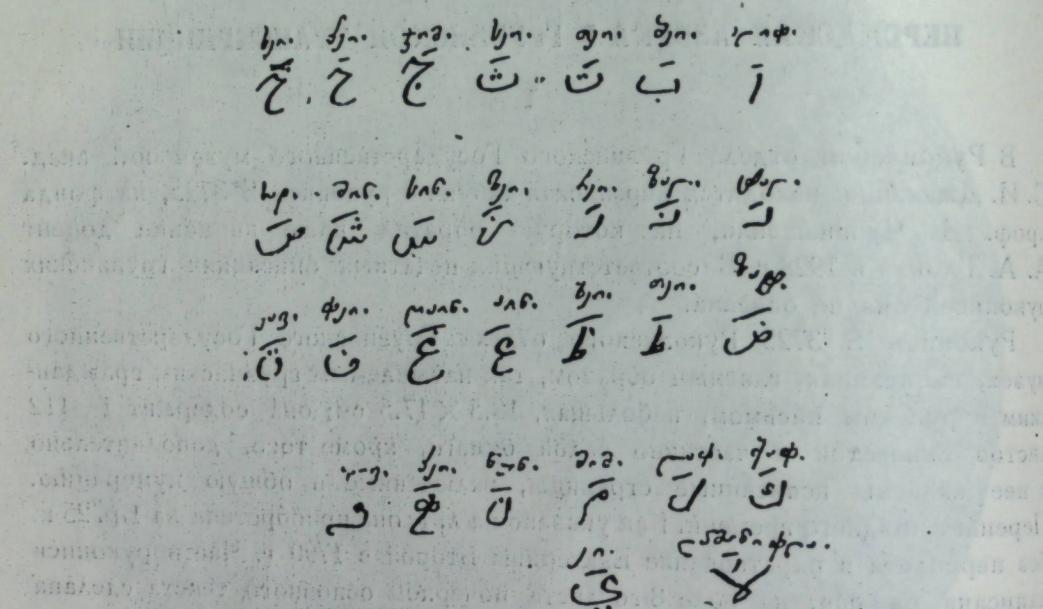

Рис. 2. Персидский судок XVII в. для пряностей. Вид сверху.

и спряжение персидского глагола в разных временах; лл. 102⁶ и 103 — пустые, л. 105 — упражнение в персидской азбуке; л. 106 — первая половина вклеенной страницы, а вторая половина оказалась листом 111, — оба листа представляют цифры вместо букв с названиями персидских букв; упражнения в персидском письме имеются и на лл. 108—110.

На последнем листе рукописи другим почерком приписано по-грузински: „Александр Габаев“ (Габашвили).

Описанная рукопись, наличные в ней даты (1780, 1782, 1786, 1790, 1799 и 1808 гг.), а также бумага и грузинский почерк свидетельствуют о том, что мы имеем дело с рукописью конца XVIII—начала XIX в.

Персидская азбука в грузинской транскрипции.

Лист 101 рукописи S 3725 Грузинского Государственного музея в первых трех строках содержит по семь персидских букв арабского письма с персидскими же названиями в грузинской транскрипции, четвертая строка — шесть и пятая — две буквы с названиями. Притом над каждой буквой стоит черточка, обозначающая в арабском языке фатху, в персидском — забар; грузинские буквы написаны над черточками (см. рисунок).

Буквы расположены по нижеприведенному порядку.

- [1] ۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.
- [2] ۰۸۰. ۰۹۰. ۱۰۰. ۱۱۰. ۱۲۰. ۱۳۰. ۱۴۰.
- [3] ۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.

[4]	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.
[5]	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.	۰۱۰. ۰۲۰. ۰۳۰. ۰۴۰. ۰۵۰. ۰۶۰. ۰۷۰.

Для большей ясности и наглядности мы даем ниже вторую таблицу, в которой, сохранив порядок букв оригинала, расставляем буквы в вертикальном порядке и персидские названия в грузинской транскрипции, а рядом с этими последними помещаем обычные для этих букв названия на литературном персидском языке в русской транскрипции.¹

1.	ا	ალиф	алиф
2.	ب	بَا	бā
3.	ت	თَا	тā
4.	ث	სَا	са
5.	ج	ჯِيم	джим
6.	ح	ხَا	хā
7.	خ	ხَا	хā
8.	د	და	да
9.	ذ	ձալ	ձаль
10.	ر	րա	ра
11.	ز	զայն	зайн
12.	س	սին	сайн
13.	ش	շին	шин
14.	ص	չադ	չад
15.	ض	ճադ	ճад
16.	ط	տա	та
17.	ظ	զա	за
18.	ع	այն	айн
19.	غ	գանի	гайн
20.	ف	ֆա	фа
21.	ق	կաֆ	каф
22.	ك	կաֆ	каф
23.	ل	լամ	лам
24.	م	միմ	мим
25.	ن	նուն	нун
26.	و	խա	хā
27.	و	վավ	вав
28.	ي	լամ-алиф	лам-алиф
29.	ي	իա	иа

Персидский почерк оригинала для начинающего овладевать новым письмом довольно выдержаный и ясный, но начертание 11-й буквы, зайн, несколько

¹ См.: Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л., 1926, стр. 6 и 7, табл. алфавита.

отличное; л. 110 представляет собой повторение вышеупомянутого алфавита с цифрами, где под 11-м номером стоит буква з с наименованием ғз—zei (зә). Л. 106 (вклейка; другая половина листа имеет нумерацию 111), представляет собой одни цифры и названия персидских букв в грузинской транскрипции, здесь тоже имеется буква ғз—zei (зайн).

8-я буква — звонкий звук даль — названа грузинским глухим ფალ — tal (ср. 15-ю ფა — zat вм. ფა — zad), что характерно для турка.

21-я буква қаф названа ფა — қау, но на л. 110 — ფა — қаф, а на л. 106 — ფა — qaw, что можно прочесть и как ფა — қаф, а сама ფა — қаф идет 23-й.

23-я буква названа ლამ — laf вм. ლაմ — lam — лам.

26-я буква по начертанию необычная и название ее сомнительное, но наверное автор имеет в виду ხ — хә. На л. 110 ее совсем нет; за цифрой 23 (мым) следует сразу цифра 25 (нүн). Вторая половина л. 106, т. е. л. 111, начертания букв имеет, но 26-й буквой называет უ — იоу, т. е. вәв, а ჰ — hei — хә там тоже не упоминается.

27-я буква вәв не имеет фатхи, и название в оригинале читается как ალფ — alφ (алф), но нет сомнения, что автор имеет в виду вәв. Л. 111 называет ее под № 26 как უ — იоу (уоу); то же самое имеется на л. 110 (№ 21).

28-я „буква“ названа как ლამალიფ — lam-alio-la — ламалифа вместо обычного названия лам-алиф.

29-я буква ია под буквенным знаком имеет двоеточие, что ставится лишь тогда, когда эта буква стоит в середине или в начале слова, а в таком отдельном ее положении или когда она стоит в конце слова обычно эти точки не ставятся, хотя в рукописях иногда ია с точками встречается в несоединенном положении.

С другой стороны, учитель или автор образца, с которого списаны были эти буквенные знаки, не пользовался знаками, принятыми в персидском алфавите, которыми обозначаются так называемые „чисто персидские звуки“: չ — чим, յ — жа, گ — гаф, а буквенными знаками, встречающимися только в арабских словах, автор в персидском алфавите пользуется (ҳә, ڦ, ڻ, ڻ, ڻ, ڻ). Отсюда ясно, что учитель или автор образца письма для пишущего азбуку л. 111 больше тяготел к классическому персидскому языку и соответствующему арабскому письму, в котором арабское влияние заслонило особенности персидской фонетики. Сами названия букв — персидские и передача „узкого а“ в названиях букв через ‘ен’ (‘ей’) — явление не редкое.

Описываемая азбука любопытна тем, что показывает интерес к восточной письменности среди образованных грузин XVIII в. С другой стороны, публикация ее несомненно принесет пользу для определения времени других подобных рукописей, остающихся пока недатированными.

¹ Четыре дополнительные буквы к арабским буквенным знакам встречаются также в словах турецкого происхождения, и персидское письмо этими знаками пользуется. (См.: Ю. Н. Марр и И. В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов. М.-Л., 1928, стр. 9, табл. II).

1951 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · V

A. H. БЕРНШТАМ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ДОКУМЕНТ ИЗ СОГДА

(Предварительное сообщение)

Среди замечательной коллекции согдийских документов, найденных в Захматабадском районе Таджикской ССР, на горе Муг в верховьях Зарафшана экспедицией под руководством чл.-корр. АН СССР А. А. Фреймана (1934 г.), были обнаружены один арабский документ и один документ на неизвестном языке с буквами руноподобного типа, № В. 13 (рис. 1).

Об этом последнем документе в предварительном отчете А. А. Фреймана было сказано: „Документ на тонкой коже грязно-серого цвета. 14 × 10. Язык документа пока не определен. Направление письма — справа налево. Буквы не соединяются друг с другом. В документе имеется несколько лакун, из них в тексте — 8. Число строчек — 5½, которые занимают 4 см длины документа. Остальные 6 см длины документа текстом не заполнены. В нижней части документа заметны следы каких-то знаков“.¹

Текст написан тушью. Строчки располагаются по длинной оси документа. Пять с половиной строчек занимают примерно одну треть площади документа. Оставшееся поле чистое, и только в одном месте, как правильно отмечено А. А. Фрейманом в предварительном описании, прослеживаются следы туши, быть может остатки слова, подписи (?).

Разрывы документа повредили текст в девяти местах. Лучше сохранился цвет туши в первых двух строчках, слабее — в последующих. Частично буквы выцвели, частично как бы смыты. Текст состоял из пяти полных строчек и небольшой шестой, примерно в одну четвертую строки.

Текст был написан уверенной рукой, четко. Высота букв до 5 мм, строка в общем ровная, с небольшими изгибами, быть может получившимися в результате деформации материала документа — кожи, которая покрыта возникшими с течением времени „морщинами“, складками. Полагаю, что, документ был спрятан в трубку, причем завертывался он от первых строчек, а незаписанная часть была как бы своеобразным футляром. Оказавшаяся в центре свитка часть текста сохранилась лучше, чем последующая.

¹ А. Фрейман. Найдка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 37.

В каждой строчке было до 35 букв; наибольшая сохранность в первой строчке: сохранилось 27 букв из 34, включая разделительные двоеточия. При первом же взгляде на текст не остается сомнений в том, что это рунический алфавит со своеобразной палеографией. С одной стороны, буквы напоминают енисейско-семиреченское письмо. Об этом говорит обратное уставу положение буквы (—п, наличие буквы в виде кружка, енисейское O—т, типичная для енисейского алфавита буква (—nd в виде арабского нуна. К енисейско-семиреченской традиции относятся также особенности юта (j) в виде вопросительного знака или перевернутой латинской буквы 9. Чрезвычайно типичны разделительные двоеточия. Линии букв прямые, вертикальные и горизонтальные, имеют одинаковую толщину, сделаны твердым „пером“; буквы „печатные“, а не „курсивные“, как это характерно для поздней уйгурской руники.¹

С другой стороны, начертания отдельных букв схожи с алфавитом некоторых документов и текстов из Восточного Туркестана, особенно из коллекции А. Стейна,² например книги „Irk bitik“, или документов из собрания А. Грюнведеля (имею в виду рунические по алфавиту ираноязычные тексты, изданные Андреасом).³ Таково сходство букв типа Г—i с прямо отходящей горизонтальной верхней чертой, вместо опущенной книзу под острым углом, как в енисейских и орхонских начертаниях; обращает на себя внимание положение буквы +—d в виде крестика, как и в восточнотуркестанской рунике.

Однако известные нам фрагменты из Восточного Туркестана имеют более вычурные, „курсивные“ начертания букв. Преобладают в виде разделительных знаков кружки и троеточия. Только в одном документе, изданном А. Стейном, есть разделительное двоеточие.⁴

Разделительные двоеточия известны на документе из Кара Ходжо из собрания С. Ольденбурга⁵ и в документе из Турфана в собрании А. Грюнведеля.⁶

На рис. 2 приводится текст документа руникой и в транскрипции (сохраняя направление чтения справа налево).

¹ А. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи. ЗИВ, 1939, в. 7, стр. 305; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 50. Ср. также: А. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, стр. 42, прим. 2.

² A. Stein. Serindia, т. IV, 1921, табл. CLIX и CLX; Innermost Asia, т. III, 1928, табл. CXXIV.

³ V. Thomsen, Dr. M. A. Stein's Manuscripts in turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang, JRAS, 1912, January; Ein Blatt in türkischer Runenschrift aus Turfan, SPAW, 1910; F. Andreas, Zwei Soghdische Exkurse zu Vilhelm Thomsen's. Ein Blatt in türkischer Runenschrift, SPAW, 1910.

⁴ Ср. издание документов: A. Stein, Serindia, т. IV, табл. CLIX, докум. а. В „Книге предсказаний“ разделитель — кружок, табл. CLX; см. его же: Innermost Asia, т. III, табл. CXXIV, док. Као 0107, разделитель — троеточие.

⁵ W. Radloff. Altürkische Studien, III. ИАН, 1910, стр. 1026, табл. II.

⁶ V. Thomsen, SPAW, 1910, XV, табл. III.

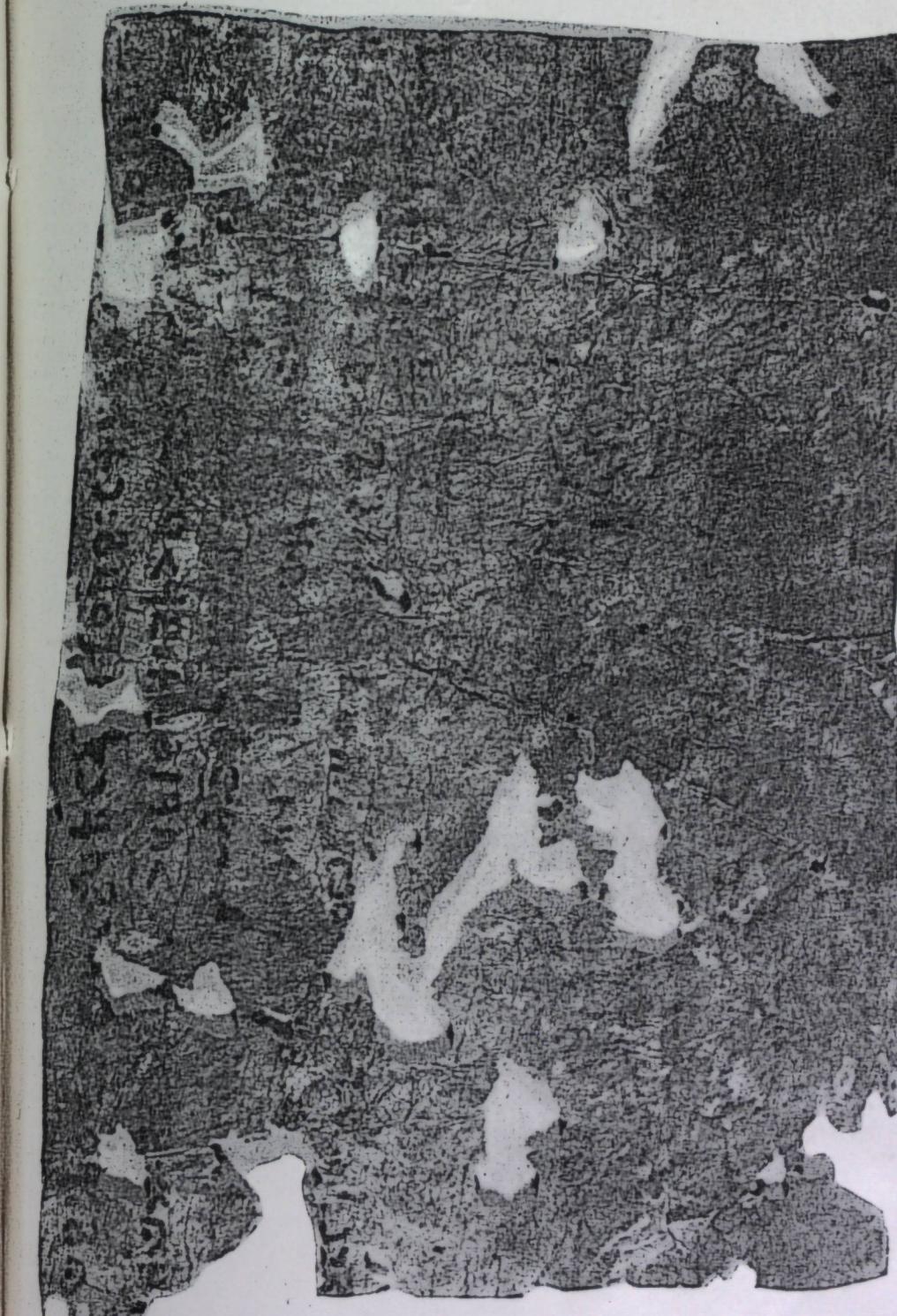

Рис. 1. Древнетюркский документ из Согда.

Рис. 2. Румънският текст документа из Сорга (может съхранявати слов в алфавитарском документе из Сорга) и транскрипция
этого текста.

Наличие ираноязычных документов из Идикутшари, исполненных руническим письмом, естественно подсказывало мысль, что и здесь, в документе из Согда, мы имеем то же явление. Однако ясно читаемое в первой строчке тюркское имя (Х) — Uduн заставило более внимательно исследовать и остальные буквенные группы.

Несколько слов явно начинались с буквы j, что сигнализирует о йокающем диалекте, т. е. об обычном для рунических памятников литературном языке, близком к уйгурскому, с которым и согласовывалось своеобразие начертаний.

Приступив к разбору текста с верхней горизонтальной строчки справа налево, следуя основному положению букв и учитывая, что последняя неполная строчка представляет окончание текста, мы прочли первое слово (буквы 1—5) ОГИГД — bitim, образованное от глагола biti 'писать'. Напомню, слово bitim 'решение', 'окончание', может быть в значении 'расписка'. Не исключаю и возможность отглагольного образования biti + m, т. е. 'я пишу'. Следует отметить некоторые незначительные особенности в написании этого слова. Буква b повернута в обратную сторону, — вариант неоднократно известный в рунических надписях и отмеченный П. М. Мелиоранским в его сводной таблице.² Это положение буквы b известно как в енисейских надписях, так и восточнотуркестанских текстах,³ где она исполняет роль не твердого, а мягкого звука, как раз в слове bitik и т. п. Буква i также восточнотуркестанского типа. Затем следует обычное t. Второе i имеет несколько иное графическое начертание, но мы это начертание знаем, во-первых, в восточнотуркестанской рунике, во-вторых, это начертание повторяется и в разбираемом документе. Конечную букву в виде кружка мы читаем как т. Обычно для всех вариантов рун, кроме орхонских, она обозначает различные буквы (d, nd, j) и почти во всех случаях отмечается исследователями со знаком вопроса. Допуская ее чтение как т, мы, как увидим дальше, получаем подтверждение такого чтения и в других словах. Кроме того, чтение буквы такого типа, как т, известно и в других текстах. Так, С. Е. Малов читал знак в виде кружка как букву т в Кудансайской надписи из Таласской долины и на деревянной палочке с рунами, также из Таласа.⁴

¹ СТН, т. I, стаб. 1127—1129, уйгурское 'грешный', ср. 'проснуться', 'быть в уме', 'подумать'. См. МК, стр. 228 — udunmaq вар. udunmaq 'затухать', 'пробуждаться'. Ср. стр. 125 — odunmaq 'просыпаться'. Ср. также тюркское имя "Удун" в одном из таласских надгробий (С. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. Изв. ОГНАН, 1929, стр. 803), но иного начертания)>».

² ЭВО, т. XII, в. II—III, 1899, стр. 14. О слове bitim см.: СТН, т. IV, стаб. 1175—1778, особенно 1778.

³ Ср. нашу заметку "Руническая надпись в уйгурской рукописи", ЗИВ, т. VII, 1939, стр. 7.

⁴ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, в. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 27, строка III; см. также стр. 33.

Разобранное первое слово-фраза является либо "заглавием" документа, либо закономерным обращением в письме "Я пишу". Такое обращение может быть адресовано только от высокого лица к низшему или в переписке равных, так как в остальных документах мугской коллекции корреспонденты начинают с пышного титула.¹ Однако по смыслу текста здесь, вероятно, иное положение:

Испорченность строчки вслед за этим словом не дает возможности установить связи с последующей фразой, вернее с сохранившимися двумя буквами im (буквы 8—9). Явно самостоятельными словами были те, что отмечены у нас под буквами 11—19. Это слова... Udⁿ:jätmis[š]. Слово Uduн не вызывает сомнений по начертанию, с учетом, повторяю, восточнотуркестанской палеографии рун. Полагаю, что обратное уставу начертание букв типа p связано с желанием писца читать ее мягко. Буква C явно выступает как нейтральная, так как мягкого p в тексте нет. В слове jätmis совершенно бесспорны первые две буквы jt. Буквы t и i абсолютно такие же, как и в первом слове. Букву š мы восстанавливаем по остатку вертикальной черты, что соответствует мягкому š, долженствующему быть в конце этого слова. Сингармонизм в этом слове выдержан. Слово (или имя) Uduн отделено от слова jätmis разделительным двоеточием (знак 14), и, судя по его редкому употреблению, в этом документе оно отделяло большие смысловые части текста. Возможно, что на этом заканчивалась эпистолярная формула и скорей всего это слово в данном контексте обозначало либо имя "Удун", либо "титул" — "грешный". Ему предшествовала, вероятно, утраченная в документе вторая часть имени. Если наша догадка верна, то документ начинался словами: "Я пишу. [Такой-то] грешный [вар. 'Удун']". Эта формула обращения близка к согдийским корреспонденциям из Восточного Туркестана, изданным Рейхельтом и снова пересмотренным, с точки зрения датировки, Хеннингом в 1948 г.²

Далее следовало, быть может, начало деловой части письма (а быть может, даты?). Здесь это не совсем ясно из-за дефектности текста, правда незначительной, в результате которой исчезли максимум одна-две буквы. Однако я не отмечаю номерами этот пропуск, так как возможно, что разрыв документа попал на межсловное пространство, ибо оставшиеся знаки (15—28) дают следующее чтение (с учетом первого слова) jätmis [...] opäit "g jntym — 'семьдесят...', моих десять мясных красно-желтых лошадей [вар. 'моих табунов']".³ Чтение jont весьма предположительно, так как нару-

¹ Ср.: А. Фрейман, ук. соч., стр. 12—19; ср.: H. Reichelt. Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museum, II Theil. Heidelberg, 1931.

² См. статью: W. B. Henning. The Date of the Sogdian Ancient Letters. BSOAS, т. XII, ч. 3—4, 1948. В отличие от Рейхельта, Хеннинг датирует письма не II в. н. э., а началом IV в., т. е. ближе к нашей датировке. См.: А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, в. VI, стр. 40.

³ Jond 'лошадь'; см.: МК, стр. 93. Ar — см.: МК, стр. 10.

шается сингармонизм. Обращу, однако, внимание, что в тексте очень ограничены варианты букв и создается впечатление, что автор письма для достижения смягчения буквставил их в иное положение.

Палеографических особенностей в предлагаемых к чтению словах нет, ни с точки зрения особенностей палеографии данного документа, ни даже с точки зрения „устава“ рунической письменности, за исключением конечного т в слове *jontym*, т. е. в виде кружка.

Окончание строчки мы разобрать не могли; может быть, здесь стоит слово *"nd"* ‘там’, но предположить, что в этом слове опущена конечная гласная, весьма рискованно, хотя такими авторитетными специалистами-туркологами, как С. Е. Малов, эта возможность не исключается.¹

Во второй строчке обращает внимание стоящая в самом начале буква *Y*—I, которая в такой позиции может читаться только как слово *äl*, т. е. ‘племенной союз’, в данном тексте скорей всего ‘народ’, быть может, ‘люди’. Знак I явно отделен межсловным пространством от последующего текста.²

В середине второй строчки читаются буквы 14—25 и 31—35: *mi* [вар. —I] *t'p:d' j's:[s]* *t'ru...* *q:dndqs*.

Ясного чтения в этой строчке мы получить не можем, однако выступают следующие древнетюркские слова, связанные по смыслу с первой строчкой. Кроме первого слова *äl*, мы читаем: *"m"l tāp:* ‘правильно говоря’. Это – широко распространенная форма в рунических текстах в качестве завершения фразы и вполне логичная в расписке, деловом документе.³ Характерно, что после этого следует редкое в тексте разделительное двоеточие, явно подчеркивающее окончание, завершенность этой части текста, заканчивающегося на букве 17. Далее следует одинокая буква *d'*, которую мы читаем, как *"d"* ‘имущество’. За последующим пропуском стоят ясные пять букв (21—25) *j's' t'ru...* ‘свежее мясо пятнистых’ [вар. ‘красно-коричневых’] [лошадей?].⁴ Слово *oru* не закончено, стерто его окончание, но по смыслу и по аналогии с первой строчкой можно догадаться, что речь идет о масти лошади.

Буквы 32—34 ясно читаются, но я не могу уловить смысла в возможном слове *"dand"q*. Не является ли это *adynduq* производным от слова *adu* ‘другие’?⁵ Тогда конечное *s'* я предлагаю читать *äš* ‘друзья’, ‘товарищи’, ‘сообщинники’.

¹ С. Малов, ук. соч., стр. 27, 30 и др.

² Вариант I я предлагаю виду того, что буква имеет неравные части, что полагается в классическом написании и. Быть может, это просто сильно наклоненная руническая буква *J*.

³ См.: *amul*, MK, 8; *täpmük*, MK, 203. Ср.: текст Кюль Тегина, ЗВО, т. XII, в. 2—3; текст Тоньюкука, ATIM, Zw. Folge.

⁴ См.: MK, 128: *or*—‘цвет лошади между красным и коричневым’; там же, 129, *orulmað* ‘быть в пятнах’ (по отношению к масти лошади).

⁵ MK, 2.

Почти совершенно исчезли буквы последующих строчек: третьей—пятой, не дающих возможности восстановить ни одного полного слова. Читаются отдельные, не связанные друг с другом буквы в третьей строчке и небольшие буквенные группы в четвертой—*"d", "t" d* и др. С натяжкой можно читать буквы 23—25 как *"n" tād...* ‘щеки пришли в упадок...’ (вар. ‘похудели’), но не сохранился суффикс глагола. В пятой строчке не ясны для 33—35); не исключена возможность по контексту видеть здесь слово ‘вера’, ‘доверие’, ‘верно’, как завершение расписки.¹ К сожалению, как правило, все эти буквенные группы не составляют четко выраженных, сохранившихся слов с началом и концом.

Последняя, шестая, строчка почти совершенно исчезла. Здесь я различаю только буквы *r nd j* (1—3), и далее следуют обрывки нечитаемых букв. Быть может, это остаток топонима *Pndj[qt]* ‘Пянджикет’, где *j* закономерно заменяет отсутствующий в рунике звук й. Название ‘Пянджикет’ известно в согдийских документах с горы Муг.²

Характерно, что первая часть слова ‘Панч’ пишется раздельно от второй, как и в нашем документе. Быть может, имя города Пянджикент выступает и в четвертой строчке (буквы 13—15). Текст в целом получается следующий:

I	‘Расписка [вар. ‘я пишу’]... Удун: семьдесят... моих десять мясных красно-желтых лошадей [вар. ‘моих табунов’]... там
II	Народ правильно говоря: имущество...
III	свежее [вар. ‘молодое’] мясо пятнистых... другие сообщинники
IV	щеки пришли в упадок [вар. ‘похудели’]
V	верно.
VI	Пянджикет...’

Несмотря на крайнюю лапидарность текста и условность предлагаемого чтения отдельных буквенных групп, несомненно, однако, что перед нами тюркский текст, написанный руническим письмом. Это, по-моему, деловое письмо, вероятно, к одному из принадлежавших Диваштичу людей, сообщающее ему о каких-то хозяйственных дела, связанных с обслуживанием табунов лошадей. Впрочем, это, конечно, догадка, и вряд ли есть смысла, по столь испорченному тексту, развивать какие-нибудь далеко идущие заключения в этом направлении.

Напомню только, что среди разобранных А. А. Фрейманом документов такие записи, связанные как раз с продажей (приемкой) продуктов ското-

¹ Äп в значении ‘мысль’, ‘понятие’, см.: С. Малов, ук. соч., стр. 27; глагол *ätätmäk* см.: MK, 26. О слове *inanč* см.: СТН, т. I, стб. 1440—1441; MK, 62.

² А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Труды ИВАН, т. XVII, стр. 153 и сл.

водства (продажа и расписки в получении кож), не составляют исключения. Тем более уместно видеть в рассматриваемом документе деловую переписку с тюркским корреспондентом, имеющим, что весьма любопытно, деловые связи с кочевниками-скотоводами.

Уже сам факт нахождения в архиве согдийского владетеля начала VIII в. тюркского документа того же времени имеет весьма немаловажное значение, и в первой части своего предварительного сообщения мне важно было доказать только тюркоязычность этого текста, а публикацией подлинника, транскрипцией и первичным чтением облегчить другим ученым его изучение.

Тюрко-согдийские связи неоднократно получали свое освещение в научной печати, и они достаточно ярко проявлялись за пределами Согда. Объяснялось это тем, что согдийская культура легче выделялась в культурных комплексах тюркского кочевого мира Семиречья или даже в культуре оседлых оазисов Восточного Туркестана, чем тюркская культура в Согда. На территории Согда, где тюрки были в основном носителями политической власти, в памятниках материальной культуры их деятельность почти не находила отражения. Свидетельства об их активной роли в жизни Согда были лишь в письменных источниках. Эти сюжеты также привлекали внимание исследователей, например В. В. Бартольда или И. Маркварта, которые отмечали эти военно-политические связи, но по существу не придавали им большого значения, вернее не делали соответствующих выводов, воспринимая их как нечто внешнее по отношению к Согда.¹

Наиболее подробно эти связи были рассмотрены С. П. Толстовым в 1938 г.,² показавшим, насколько они были крепки. Письменные источники отмечали органическое сплетение тюркского и согдийского населения на территории Согда, а не только Семиречья. Фактов, далеко еще не освещенных в специальной литературе, множество, особенно в китайских источниках, а также в арабоязычных и персоязычных. Характерно, что китайцы, говоря о Семиречье, считают, и вполне справедливо, что власть западнотюркских каганов распространялась до Согда, а описывая Согда, они видят его границы не только на Тянь-шане, но и в северной части Восточного Туркестана.³

Китайские источники, начиная с Вэйшу (IV—VI вв.), систематически сообщают о брачных связях владетелей Согда и западных тюрков. Хотя часть этих сведений явно переписывалась более поздними авторами, все же в основе их лежит не один факт, а несколько. Последнее очевидно из следующего сопоставления китайских текстов:

¹ См., например: W. Barthold. Die Alttürkischen Inschriften und Arabischen Quellen ATTM, Zw. Folge, 1899; J. Marquart. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898. Подробно об этом см.: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-сийесских тюрков. М.—Л., 1946.

² См.: С. П. Толстой. Тирания Абруя. Исторические записки, в. 3, М., 1938. Повторено в книге: Древний Хорезм, М., 1948.

³ Ср., например, описание страны Кан в Цзю-Таншу, гл. 198, л. 13а и сл.

Вэйшу, гл. 97	Суйшу, гл. 83	Цзю Таншу, гл. 198	Син Таншу, гл. 221
Имя владетеля из рода в род есть Фуби.	Имя владетеля из рода в род есть Шиби (вар.—Шифуби, Тайшиби).	Во время императора Ян (605—616 гг.) владетель области Гюймучжи женился на дочери —Шеху (Ябгу) кагана западных тюрков; с этого времени он зависел от западных тюрков.	При династии Суй владетель (Кан) Гюймучжи женился на дочери западнотюркского хана.
Супруга его есть дочь тюркского кагана.	Супруга его есть дочь тюркского Даду хана.		

В этих текстах, несомненно, выступают два разных свидетельства. Первое прямое свидетельство в Суйшу говорит о браке с дочерью Даду хана (582—603 гг.) сына Истеми кагана, двоюродного дяди известного Шаболио. При поддержке Даду хана Або-Абруй (Далобянь) возглавлял оппозицию Шаболио и восстание в Бухаре.

Второе прямое свидетельство говорит о браке согдийского владетеля с дочерью Ябгу-кагана, который, согласно указанным датам, был не кто иной, как Тунябгу каган.

Если текст Син Таншу является совершенно очевидной редакцией текста Цзю Таншу, то возможно, что в Вэйшу говорится о первом браке аналогичного типа еще до Даду хана. Таким образом, женитьба согдийского владетеля на дочери Кигинь хана могла быть до 571 г., когда отмечаются первые активные связи тюрок с Согдом. Напомню разгром эфталитов 587 г., участие согдийца Маниха в посольстве 568 г. Очевидно, с этого времени установились особо тесные взаимоотношения тюрок с согдийцами.

В результате этих взаимоотношений и возник тюрко-согдийский владельческий дом Согда, по имени Шиби (вар. Фуби, Шифуби, Тайшиби), имена многих владык которого восстановила О. И. Смирнова.¹ В списке имен, приведенных О. И. Смирновой, содержится относительно немалое количество тюркских имен: Тархун, Мочжо, Тургай. Характерны двойные имена согдийско-туркские, типа Тархун-Диваштич.² Учитывая западнотюркское

¹ О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. Сов. Востоков., т. VI, М.—Л., 1949, стр. 356—367. Некоторые сомнения вызывает отожествление китайского имени Тухун с упоминаемым в тексте титулом Тархун. Тархун—Тархан—имя-титул, хорошо известное китайцам, транскрибировалось ими иначе 大將 вар. 大汗, в то время как в приведенном О. И. Смирновой тексте стоят совершенно другие иероглифы 穀昏. Попутно отметим, что с точки зрения китайской транскрипции следовало бы возвратиться к чтению [Х]урек; последнее более соответствует 烏勒格=[В]ургек, чем современное чтение 'Уграк'.

² А. Фрейман. Датированные согдийские документы..., стр. 161 и сл.

происхождение матерей согдийских владык и, следовательно, почет, оказываемый согдийскими царями тюркским владыкам, широкое распространение тюркских имен не должно вызывать удивления и лишь документирует прочность этих связей.

Несомненно, что указанные в китайском тексте имена согдийских родов могут быть в дальнейшем восстановлены и этимологизированы. Варианты в китайских текстах такие: 代世畢 (по Карлгренну — dai diāi piet); 世夫畢 (diāi piu piet), причем окончание стандартно — piet.¹

Однако будут ли эти имена согдийского или тюркского происхождения, сказать трудно. Укажу, что в Суйшу говорится о владельце государства Кан (Согда), который живет на реке Сабао (薩寶) в городе Алуди (阿祥迪).²

Шавани отказался идентифицировать реку Сабао и город Алуди.³ Я также не представляю, где были эти географические пункты, но хочу указать, что Алуди, согласно Карлгренну, можно читать „Алукдик“.⁴ В этом случае название города имеет тюркский характер, хотя в нем и живет владелец Согда. С другой стороны, хочу попутно отметить, что И. Бичурин при переводе соответствующих частей текста Суйшу и Син Таншу злоупотреблял термином ‘туркский’ (‘туркское письмо’, ‘туркское уложение’ и т. д.). Во всех этих случаях речь идет о согдийцах, ибо в тексте стоит термин ху, обозначающий всегда, особенно в отношении этих районов, оседлое, некитайское население, но отнюдь не тюрков. Это достаточно ясно выступает особенно у Хой ЧАО (VIII в.). Этим я не снимаю вопроса о тесном переплетении тюркского и согдийского населения, но только хочу предостеречь от возможной переоценки роли тюрков, особенно, когда идет речь о культуре, в частности письменности Согда.

Тюркские племена, естественно, были очень хорошо известны согдийцам не только на территории Согда. Об этом говорят историко-этнографические познания согдийцев о восточных странах, вплоть до племен меркитов, тюркских племен микри и уйгурских племен Восточного Туркестана, отраженные в согдийском отрывке IX—X вв., известном под именем Нафимак.⁵ Очевидно, эти историко-этнографические познания нашли свое развернутое изложение в ираноязычной рукописи Худуд ал-Алам.⁶

О роли тюрок в Согда, и особенно в Токаристане, быть может, ярче всех китайских сочинений повествует текст Хой ЧАО 726 г.,⁷ отмечающий

¹ См.: B. Karlgrenn. Analytic Dictionary, стр. 41, 718, 886, 960.

² Суйшу, т. 83; И. Бичурин, III, стр. 195.

³ Ed. Chavannes. Documents sur les Tounkiue Occidentaux. СПб., 1903, стр. 13, прим. 5.

⁴ B. Karlgrenn, ук. соч., стр. 1 и 374.

⁵ W. B. Henning. Sogdica. James G. Foulke Fund, т. XXI, London, 1940.

⁶ V. Minorsky. Hudud al-Alam. London, 1937.

⁷ Walter Fuchs. Hui Chao's Pilgerreise durch Nordwest Indien und Zentral Asien. SPAW, XXX, 1938.

безусловную принадлежность политической власти тюркам в Токаристане и утрату ее в Согда, в связи с арабским завоеванием.

Чрезвычайно ярким свидетельством близости тюркского населения к согдийцам является изображение тюрок на переднем плане в сцене оплакивания в фресках Пянджикента, бывшего владения Диваштича.¹ Насколько нам известно, в Варахше открыты новые фрески, где, во-первых, изображено седло со стременами, что могло появиться не раньше VII в., т. е. с тюрками; во-вторых, выявились фигуры всадников-воинов явно восточного происхождения, в кафтанах кочевнического покрова, и, в-третьих, на первых крылах дракона имеются руноподобные знаки (по одному на перо), которые составляют строку та dök² р. Характерно, что буква т, как и в согдийском документе, изображена в виде кружка.²

В свете вышеперечисленных фактов не является неожиданной находка среди согдийских документов архива Диваштича и письма на тюркском языке, написанного руническим алфавитом. Если не сам Диваштич, то некоторые из его приближенных, конечно, знали тюркский язык, умели писать руничкой и, следовательно, читать ее, подобно тому как были в Согда художники, знавшие тюрок и умевшие их весьма реалистично изображать.

Возвращаясь к нашему документу, нельзя не напомнить, как выше указано, о возможности подражания стилю согдийских писем и, быть может, отражения этого подражания в синтаксисе.

Особенное значение приобретает эта находка как документация пока самого западного в Средней Азии пункта распространения рунического письма, известного доныне только в долине верхнего Таласа, возможно в Джебаглы (западная часть Таласского Алатоо).

Не только в этом ценность указанной находки: настоящий документ — важное звено в цепи аргументов о близости тюркского населения Семиречья к Согда, где в районах наиболее активных взаимоотношений тюрок и согдийцев закладывались основы узбекского этногенеза.³

¹ См. о раскопках в Пянджикенте и изучении фресок предварительное сообщение А. Якубовского (Живопись древнего Пянджикента. Сообщения Тадж. ФАН, в. XX, Сталинабад, 1949, стр. 13 и сл.).

² С материалами мы ознакомились во время доклада В. А. Шишкова в Москве и Ленинграде о работах в Варахше, в марте 1950 г. О наличии тюркского населения непосредственно на территории Согда говорит и собственно археологический материал. В 1948 г. В. А. Шишков под Самаркандом при раскопках обсерватории Улугбека открыл кочевническое погребение воина с конем с прекрасным набором серебряных и бронзовых украшений VII—VIII вв. См.: В. И. Спиринский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Труды Музея истории народа Узбекистана. Вып. I, Ташкент, 1951. Летом 1950 г. в каньоне верхнего Зарагашана мы отметили четыре группы курганов и могил кочевников (Дашт-и-Варзи, к востоку и западу от Урмитана, и у кишлака Миндана на восточной границе Пянджикентского оазиса). Часть курганов, несомненно, тюркского периода VI—VIII вв.

³ А. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1940.

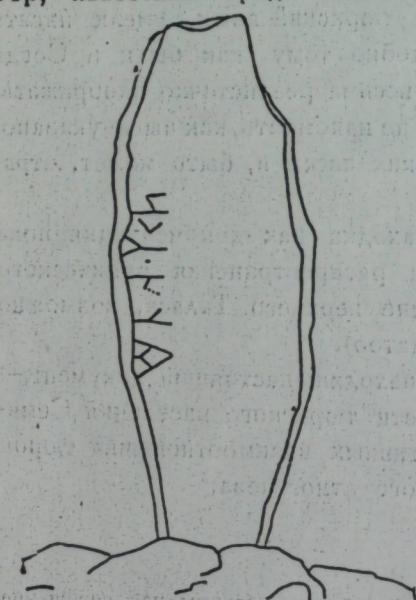
Сайгынскую плиту можно видеть издалека, она расположена на северо-западном склоне горы Сайгын в Гувинской автономной области. Плиты состоят из гранитных камней, обработанных вручную. На южной стороне плиты имеется надпись, выполненная орхоно-енисейскими буквами. Надпись имеет следующий смысл: «Богу-Кагану, сыну Бонгю, погребенному под каменной насыпью на горе Сайгын».

Ю. Л. АРАНЧЫН

САЙГЫНСКАЯ ПЛИТА С ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ НАДПИСЬЮ

В местности Кезек-Терек Чыргаландинского сумона Тесхемского района Гувинской автономной области у подножья двух одиноко возвышающихся гор, известных среди местного населения под названием гор Сайгын, с южной их стороны расположены три каменные плиты, не известные в научном мире, — местные старожилы утверждают, что у этих памятников не было ни одного исследователя.

Две плиты (одна высотой около 2 м, вторая — около 3 м) находятся на возвышении и отстоят друг от друга метров на двести.

Южная сторона Сайгынского памятника с древнетюркской надписью.
(Графическое изображение).

На северной стороне плиты высечен орнамент неясного очертания; на южной ее стороне (лицевой) в правой части также имеется зооморфное изображение (на схематическом рисунке это изображение опущено).

На левой части лицевой стороны имеется вертикальная надпись, состоящая из шести орхоно-енисейских букв размером в 7—10 см каждая. Посредине надписи точка; второй точки не было обнаружено. Сохранность надписи удовлетворительная, испорчена только одна средняя буква.

Чтение надписи (снизу вверх)

А Ч Н · А > Ч или А Ч Е · А > Ч

Транслитерация

Б₂НҮ[?] ЧУР₁ или Б₂НГ₂[?] ЧУР₂

Транскрипция

БОНҮ-ЧУР или БОНГҮ-ЧУР

Перевод

Слово ЧУР, видимо, является вторым элементом сложного собственного имени (ср. имена древних тюрков: КУЛИ-ЧУР — бег тардшей; МОЮН-ЧУР — первый хан уйгурской династии; ЙИГЕН-ЧУР, КҮЛҮГ-ЧУР). И тогда первые три буквы Б₂, Н₁, Ү или Б₂, Н₁, Г₂ составляют первый элемент этого сложного имени, который мог звучать БОНҮ (ср. с именем БОГҮ-КАГАНА — двоюродного брата Кюль-тегина) или БОНГҮ.

Таким образом, вся надпись составляет одно двухэлементное имя БОНҮ-ЧУР или БОНГҮ-ЧУР, носитель которого, вероятно, погребен под каменной насыпью у этой плиты.

Сайгынскому памятнику присущи некоторые особенности, характерные для древнетюркской эпохи в Сибири. Это в первую очередь историко-географическое значение этого места. Сайгын — это гора, расположенная на северо-западе Кузбасса, на южном склоне Кузнецкого Алатау. Её высота — 1500 м. Погодные условия на горе Сайгын отличаются от условий в долине реки Томь. Гора Сайгын имеет высокую степень изолированности от других гор и рек. На горе Сайгын обнаружены остатки древних поселений, а также следы деятельности человека, датируемые III—VII веками н.э. На горе Сайгын обнаружены остатки древних поселений, а также следы деятельности человека, датируемые III—VII веками н.э.

Ю. Л. АРАНЧЫН

САЙГЫНСКАЯ ПЛИТА С ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ НАДПИСЬЮ

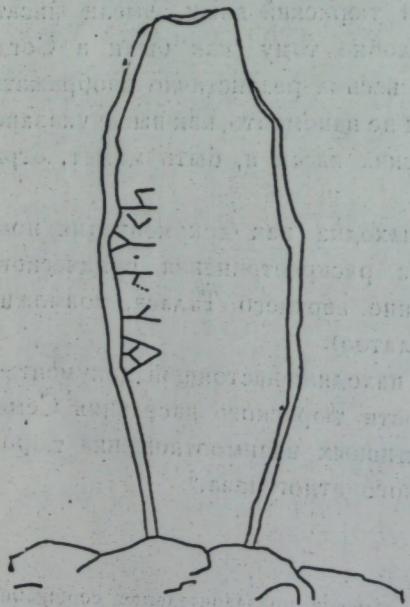
В местности Кезек-Терек Чыргаландинского сумона Тесхемского района Тувинской автономной области у подножья двух одиноко возвышающихся гор, известных среди местного населения под названием гор Сайгын, с южной их стороны расположены три каменные плиты, не известные в научном мире, — местные старожилы утверждают, что у этих памятников не было ни одного исследователя.

Две плиты (одна высотой около 2 м, вторая — около 3 м) находятся на возвышении и отстоят друг от друга метров на двести.

Третья плита, с надписью, расположена на юго-востоке от первых двух на расстоянии примерно в 1 км. Эта плита возвышается с северной стороны искусственной каменной насыпи, уложенной в виде квадрата размером в 7 м по стороне. Она имеет неправильные очертания и утолщения, обращена плоскими поверхностями на юг и север (см. рисунок). Высота плиты 130 см; ширина южной (лицевой) плоскости: у основания — 20 см, в средней части — 45 см, у вершины — 24 см. Северная плоскость несколько шире южной; толщина по западной стороне 15 см, по восточной — 18 см.

На северной стороне плиты высечен орнамент неясного очертания на южной ее стороне (лицевой) в правой части также имеется зооморфное изображение (на схематическом рисунке это изображение опущено).

На левой части лицевой стороны имеется вертикальная надпись, состоящая из шести орхоно-енисейских букв размером в 7—10 см каждая. Посредине надписи точка; второй точки не было обнаружено. Сохранность надписи удовлетворительная, испорчена только одна средняя буква.

Южная сторона Сайгынского памятника с древнетюркской надписью.
(Графическое изображение).

Чтение надписи (снизу вверх)

А Ч Н · А > Ч или А Ч Е · А > Ч

Транслитерация

Б₂НҮ[?] ЧУР₁ или Б₂НГ₂[?] ЧУР₁

Транскрипция

БОНҮ-ЧУР или БОНГҮ-ЧУР

Перевод

Слово ЧУР, видимо, является вторым элементом сложного собственного имени (ср. имена древних тюрков: КУЛИ-ЧУР — бег тардешей; МОЮН-ЧУР — первый хан уйгурской династии; ЙИГЕН-ЧУР, КҮЛЛҮГ-ЧУР). И тогда первые три буквы Б₂, Н, Ү или Б₂, Н, Г₂ составляют первый элемент этого сложного имени, который мог звучать БОНҮ (ср. с именем БОГҮ-КАГАНА — двоюродного брата Кюль-тегина) или БОНГҮ.

Таким образом, вся надпись составляет одно двухэлементное имя БОНҮ-ЧУР или БОНГҮ-ЧУР, носитель которого, вероятно, погребен под каменной насыпью у этой плиты.

Г. В. ЮСУПОВ

ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XV в.

(К вопросу о происхождении казанских татар)

Среди значительного числа булгаро-татарских эпиграфических памятников XIII—XVII вв., разбросанных в подавляющем большинстве на территории Татарской АССР, имеется небольшое количество надгробий XV в.

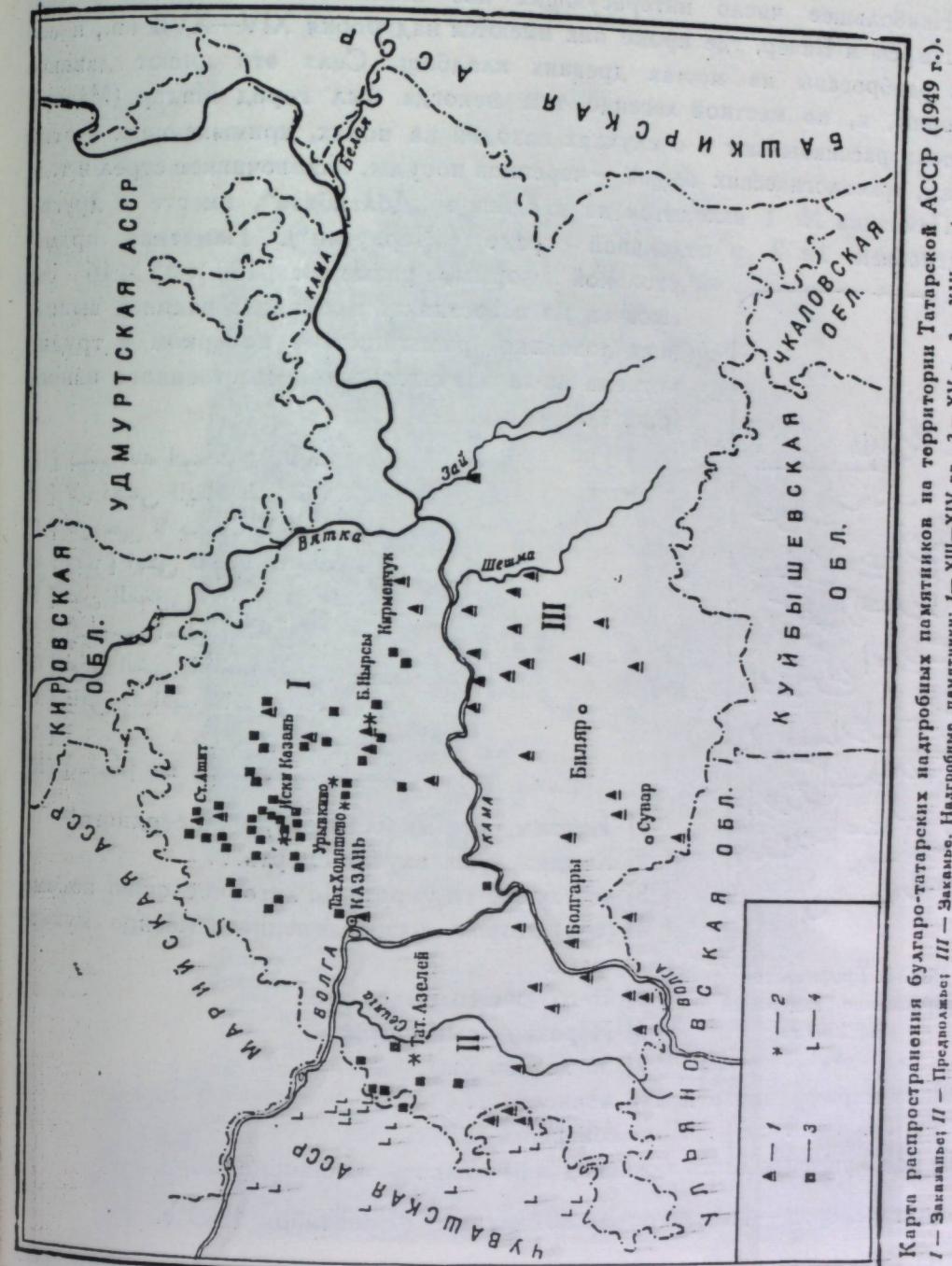
Все они находятся в районах расположения татарских намогильных памятников XVI—XVII вв., в так называемом „Заказанье“ (сев.-зап. часть ТАССР) и в пределах севера татарского Предволжья, т. е. на основной территории бывшего казанского ханства. В Заказанье же (иначе Предкамье) отмечены и надгробия булгарской эпохи (XIII—XIV вв.), ибо в ту пору здесь находилась провинция булгарского государства.

Основными местами сосредоточения булгарских эпиграфических памятников являются районы Закамья к югу от р. Камы до реки Зай на востоке и в южной части Предволжья, где, однако, не найдено надгробий XV—XVI вв.

Из такого расположения эпиграфических памятников XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв., с другой, мы ясно видим центры двух, генетически связанных и исторически сменивших друг друга культур, в силу ряда причин не совсем совпадающих территориально,— это булгарская и казанско-татарская культуры, преемственную связь которых мы попытаемся показать на приводимом ниже небольшом эпиграфическом материале (см. карту).¹

Памятники XV в. отмечены ниже в следующих пунктах: близ сел. Бичер и Б. Ныры Тюлячинского р-на, с. Камаево Высокогорского р-на и с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, сел. Тат. Ходяшево и Урывкино Пестречинского р-на. Кроме того, обнаружены обломки камней в с. Урывкино Пестречинского р-на, по всем признакам принадлежащих к надгробиям XV в.

¹ Произведенный нами опыт картографирования мест находок булгаро-татарских надгробных памятников ни в коей мере не претендует на полный охват таких и отражает не количественную сторону, а лишь топографию их.

Карта распространения булгаро-татарских надгробных памятников на территории Татарской АССР (1949 г.).
I — Заказанье; II — Предкамье; III — Чувашия.
1 — XIII—XIV вв.; 2 — XV в.; 3 — XVI в.; 4 — неизвестной даты.
(По данным Краеведческого музея Чувашской АССР).

Часть из них известна уже давно и в той или иной мере отмечена в литературе.¹

¹ Н. И. Ильминский. Татарские надписи из времен Казанского царства, в Ланьшинском уезде. Зап. Археол. общ., т. III, М., 1851, стр. 116; С. М. Шпилевский.

Наибольшее число интересующих нас памятников находится у сел. Б. Ныры и Бичер, где кроме них имеются надгробия XIV—XVII вв., и все они разбросаны на местах древних кладбищ. Села эти имеют давнюю историю, и, по местной легенде, там некогда был город Мадар (Мазар). Жители рассказывают и о случаях находки на полях, примыкающих к этим селам, археологических вещей — черепков посуды, наконечников стрел и т. п.

Памятник № 1 находится на кладбище „Долькбата“, вместе с другим надгробием № 2 в отдельной ограде („Чардуган“). Памятник прямоугольной формы, размером 130 × 55 × 16 см; высечен из известняка. Врезанная надпись выполнена довольно размашистым почерком и трудно читаема из-за значительного естественного износа (рис. 1).

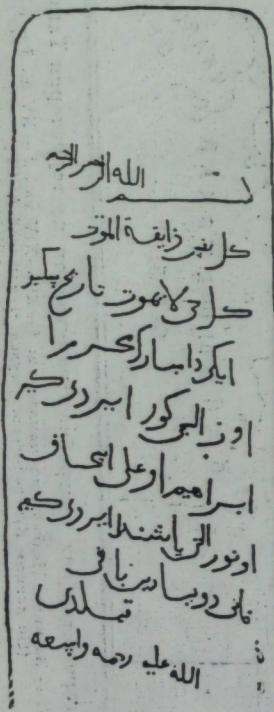

Рис. 1. Графическое изображение надгробия 802/1399 г.

- [1] Именем бога милостивого, милосердного!
- [2] Каждая душа вкусят смерть...
- [3] все живое не умрет. По летосчислению восемь
- [4] [сот] втором, благословенного месяца мухар-
- рама
- [5] 16-го дня то было, что
- [6] Ибрахима сын Исхак,
- [7] 36 лет он был,
- [8] из мира тленного в мир вечности...
- [9] совершил
- [10] [Да будет] милость бога над ним милостью обширною!'

Дата смерти — 16 мухаррама 802/четверг 19 сентября 1399 г.

Памятник № 2 с двухскатным верхом, размером 110 × 59 × 20 см, вы-

✓ Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 399; Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи Эхвале Казан вэ Булгар. Казань, т. I, 1897, стр. 27; К. Насыри. Сборник неизданных произведений. Казань, 1926, стр. 34. (Надгробия, памятники из с. Тат. Азелей); Труды Общества изучения Татарстана, Казань, т. I, 1930, стр. 156.

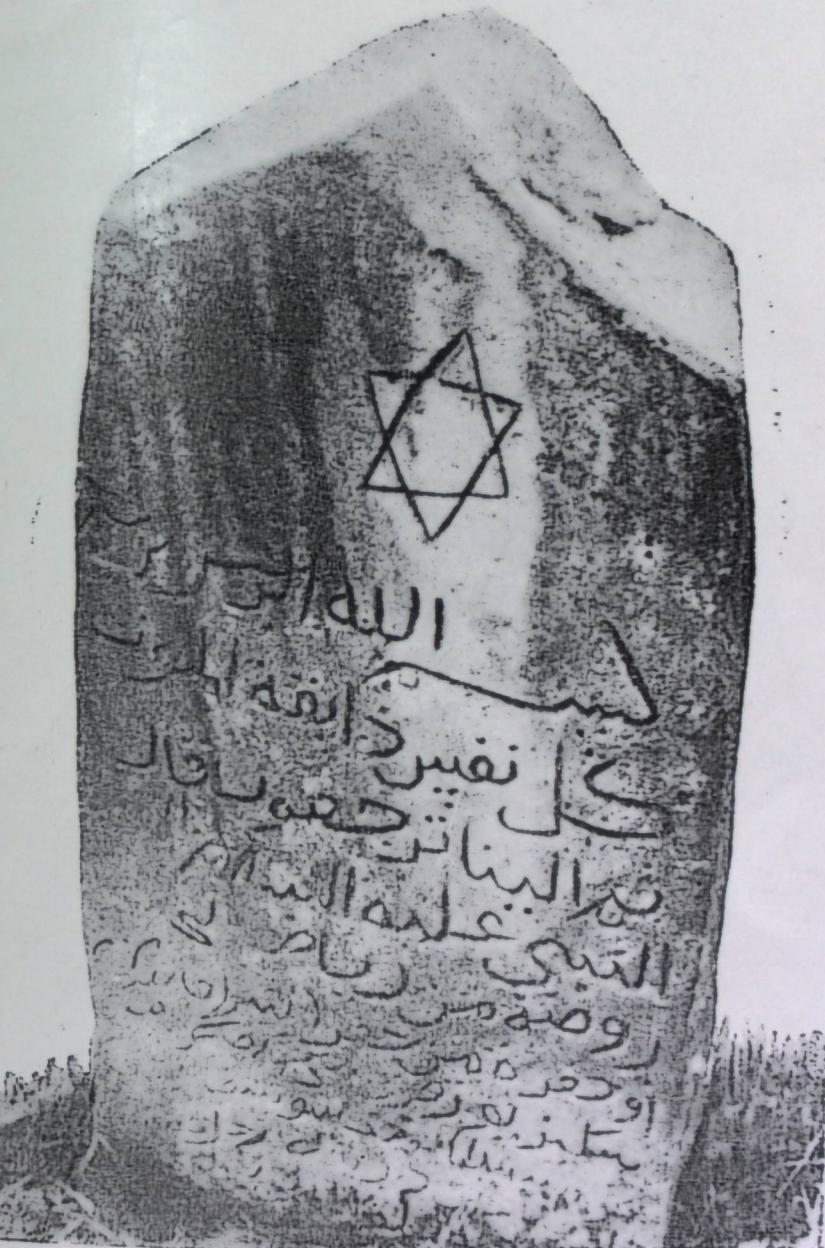

Рис. 2. Надгробная плита 847/1443 г.

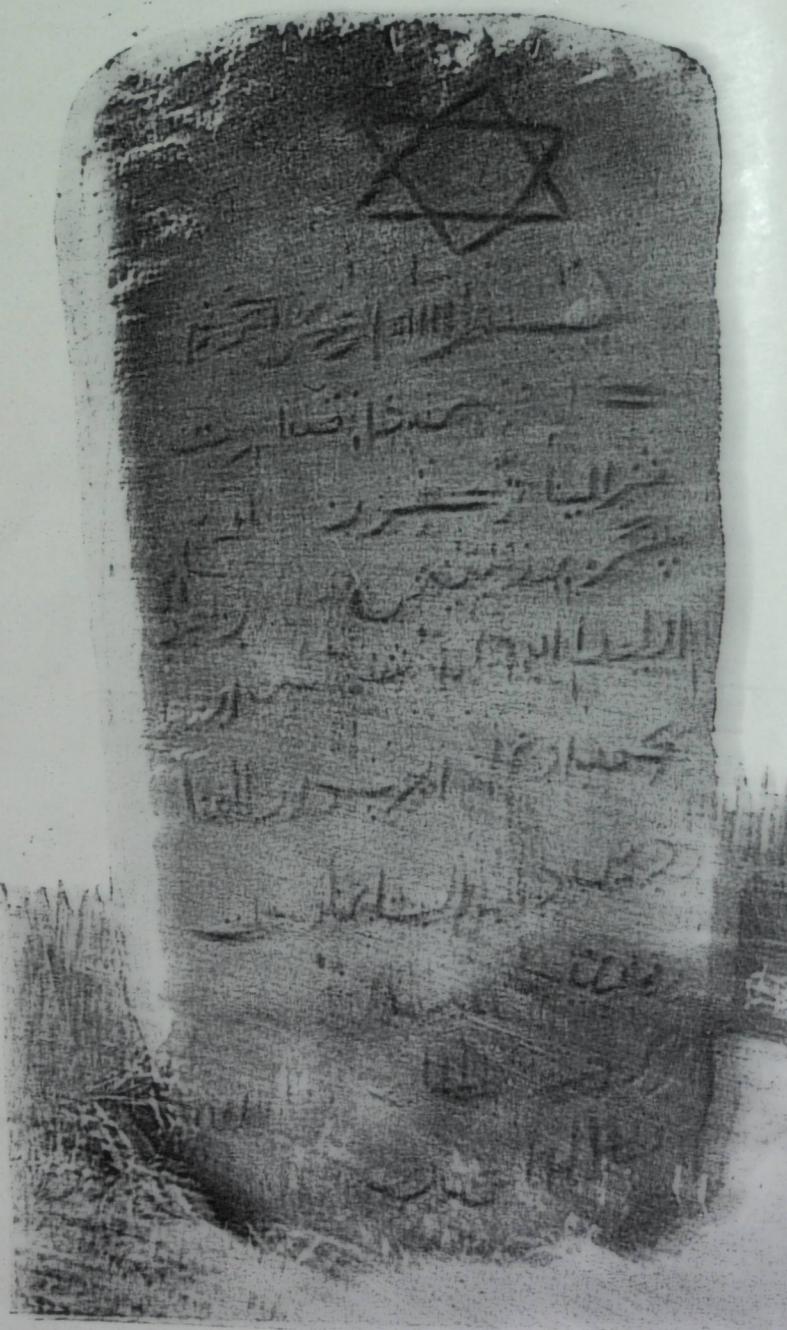

Рис. 4. Надгробная плита 877/1472 г.

сечен из известняка (рис. 2 и 3). Глубоко врезанная, хорошей сохранности надпись гласит:

- [1] بسم الله الرحمن الرحيم
- [2] كل نفس ذاقيه الموت
- [3] ثم الينا ترجعون قال
- [4] النبي عليه السلام القير
- [5] روضة من رياض الجنة
- [6] او حفرة من حفر النيران تاريف
- [7] سكين يوز قرق يقى دا صقر اي نتك
- [8] غره سندرا ابردى يوسف ابن شيخ
- [9] داد فنادين داد وتقىا حللت قيلدى
- [10] غفر الله له ولوالديه

- [[1]] Именем бога милостивого, милосердного.
- [[2]] Каждая душа вкусила смерть,
- [[3]] после вы вернетесь к нам.
- [[4]] Сказал пророк, да будет мир над ним: могила
- [[5]] есть один из садов рая или
- [[6]] одна из огненных ям адской. По летосчислению
- [[7]] в восемьсот сорок седьмом, месяца сафара
- [[8]] в начале то было, что Йусуп сын Шайха
- [[9]] из мира тленного в мир вечности переселился.
- [[10]] Да простит бог его и родителей его!..

Дата смерти — сафар 847/июнь 1443 г.

Памятник № 3 находится на месте другого древнего кладбища, в 200 м к западу от южной оконечности с. Б. Нырысы. Размер его 110×50×19 см, он прямоугольной формы, глубоко высечен из доломитизированного известняка (рис. 4—5). Врезанная надпись из 10 строк гласит:

- [1] بسم الله الرحمن الرحيم
- [2] كل نفس ذاقيه الموت
- [3] ثم الينا ترجعون تاريف
- [4] سكين يوز قرق يقى دا ريجىب الى
- [5] المليستدا الرى شتىله تكون الرى
- [6] محمد المظلبي العبيب دار الفتى
- [7] دعين دار الميتشلما دمطلت
- [8] قيلىنىخ حق تقطلى
- [9] رحست قاتللىنى الشى الله
- [10] قطالى المى زىب العالىمن

- [[1]] Именем бога милостивого, милосердного.
- [[2]] Каждая душа вкусила смерть,
- [[3]] после вы вернетесь к нам. По летосчислению
- [[4]] в восемьсот семьдесят седьмом, месяца рабиба
- [[5]] в начале то было, в субботу было, что

- [6] Мухаммеда сын Алиуб из мира тленного
 [7] в мир вечности перенес
 [8] лежит. Праведный бог [незыянний]. . . .
 [9] да помилует его, если угодно Богу
 [10] всемашнему. Аминь, о великая мировая.

Дата смерти — раздраб 877/суббота 6 декабря 1472 г.

В с. Тат. Ходиево, известном в окрестности под названием Ташле, на старом кладбище, продолжением которого является современное, лежат

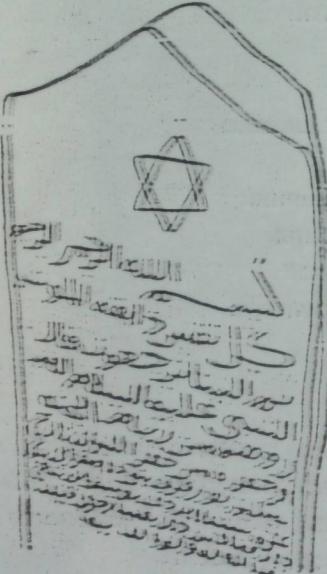

Рис. 3. Графическое изображение надгробной плиты 877/1443 г.

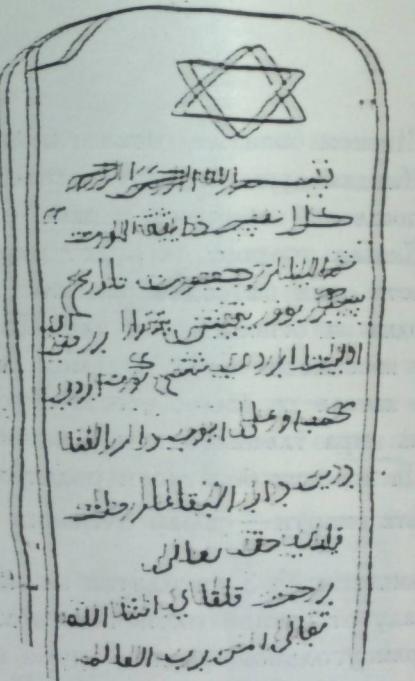

Рис. 5. Графическое изображение надгробной плиты 877/1472 г.

надгробные памятники XV, XVI и XVII вв., числом до 15, большей частью в обломках.

Памятник № 4, размером 70 × 56 × 14,5 см, является крупным обломком без отколовшейся верхней части (рис. 6). Убранный простым геометрическим орнаментом, он высечен из рыхлого известняка со множеством ячеек выветривания. Врезанная надпись, выполненная простым нестройным почерком, гласит:

[1] ...لَيْتُمُوتُونَ وَلَكُنْ [يَنْقُلُونَ]
 [2] مِنْ دَارِ الْفَنَاءِ إِلَى دَارِ الْبَقاءِ
 [3] تَارِيفُ سَكِيرْ يُوْزْ تُوقْسَانَ
 [4] امْجَدًا مَبَارِكَ رَبِيعَ احْمَرَ
 [5] أَى نَتَدَ اُونَ سَكِيرْنَجِيَ كُونَ

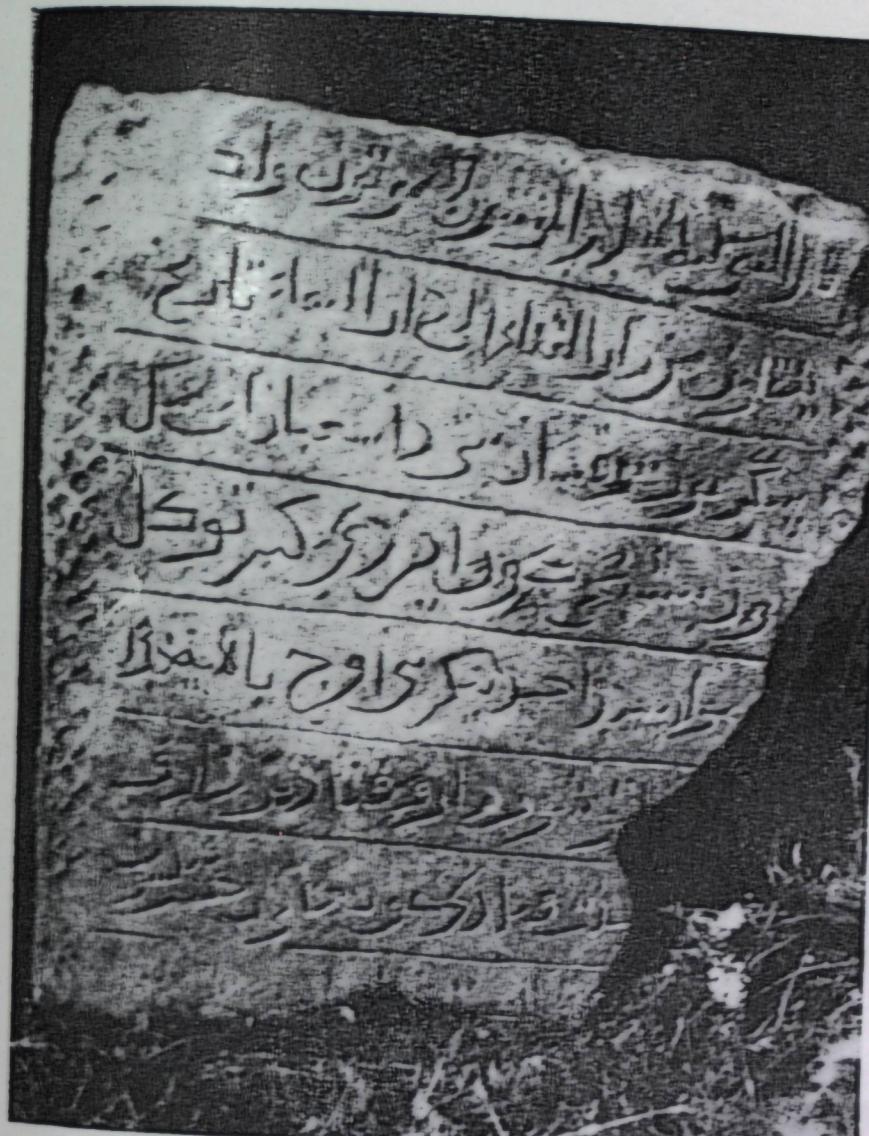

Рис. 7. Надгробная плита 897/1491 г.

Рис. 9. Обломки надгробных памятников №№ 6—7. (Без даты).

- [1] ... не умирают, а [переселяются]
- [2] из мира тленного в мир вечности.
- [3] По летосчислению в восемьсот девяносто
- [4] третьем, благословенного раби' ал-ахира
- [5] месяца восемнадцатого дня
- [6] то было, что Махмуда агā
- [7] сын шейх Исхāк, из мира тленного
- [8] в мир вечности переселившись, избавился.
- [9]

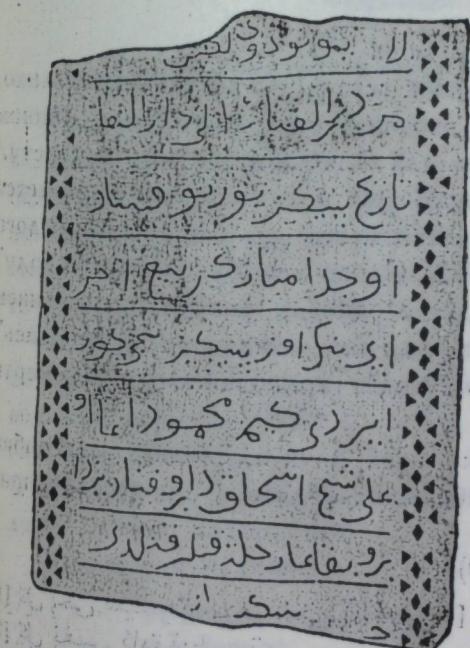

Рис. 6. Графическое изображение

надгробной плиты 893/1487 г.

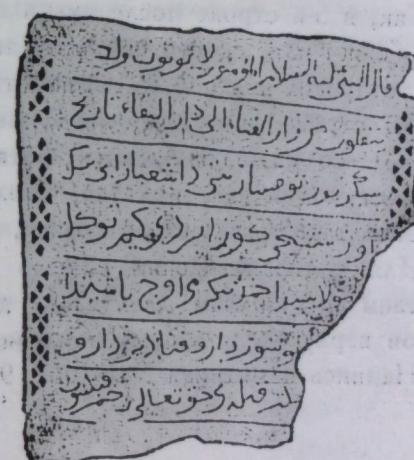

Рис. 8. Графическое изображение

надгробной плиты 897/1491 г.

Дата смерти — 18 раби' второго 893/вторник 2 апреля 1487 г.
Памятник № 5, размером 70 × 65 × 13,5 см, представляет собой подобный же обломок, что и памятник № 4, как по форме, так и по тексту, из более твердого известняка. (рис. 7 и 8). Более каллиграфически выполненная врезанная надпись гласит:

- [1] قال النبي عليه السلام المؤمنون لا يموتون ولكن
- [2] ينقلون من دار الفناء الى دار البقاء تاريخ
- [3] سكين يوز توقيسان يتنى داشعبان اي نتك

[۴] اون بشنچی کون ایردی کیم توکل
[۵] [بن] مولا سید احمد یکومی اوچ یاشندا
[۶] [سوغا] تووشوب دار و فنادین دارو
[۷] [بقاعا ده] ملت قیلدى حق تعالی رحمت قیلسون

- [1] 'Сказал пророк, да будет мир над ним: правоверные не умирают, а
 - [2] переселяются из мира тленного в мир вечности. По летосчислению
 - [3] в восемьсот девяносто седьмом, месяца шабана
 - [4] пятнадцатого дня то было, что Тавакуль
 - [5] [сын] маулā Сейид Ахмада, двадцати трех лет
 - [6] [в воде] утонув, из мира тленного в мир
 - [7] [вечности] переселился. Истинный бог всевышний да помилует его!.

Дата смерти—15 ша'бāна 897/среда 12 июня 1491 г.

Слова текста в обломленной части надписи вставлены предположительно, исходя из смысла последующих слов, что не учтено в чтении, данном Ш. Марджани, по ошибочно списанному для него другим лицом тексту.¹

Так, в 5-й строке после имени покойного توكى логически напрашивается أوعلى ('сын') или, скорее, из-за ограниченности места بن, также не чужого для татарских надгробий (см. памятник № 2). Слово سوغا (буквально: 'в воду') на 6-й строке диктуется, когда речь идет о случаях смерти, выражением توشوب—со смыслом 'утонув', хотя буквально оно означает 'спустившись'. Возраст покойника, кажется, вполне допускает толкование о его смерти в результате трагического случая.

Для воспроизведения общего облика этих двух последних надгробий считаем не лишним дать здесь два небольших обломка, представляющие собой верхушки подобных памятников.

Надпись памятника № 6 (рис. 9 и 10):

[١] كل حي سيموت وهو الحي [الذى . . .]
[٢] كل نفس ذايفة الموت . . .
[٣] قال النبي عليه السلام . . .

- [1] 'Все живущее умрет, он живой, [который...]
 - [2] Каждая душа вкусит смерть...
 - [3] Сказал пророк, да будет над ним [мир!]

Надпись памятника № 7 (рис. 9 и 10)

[1] بسم الله الرحمن الرحيم
[2] كل حي [سيم] [أوت] وهو حي لا يموت و . . .
[3] يموت كل نفس دائمة [الموت]
[4] مبروك

[٤] تم الينا ترجعون . . .
[٥] او الموعمنون لا يموتون . . .

- [1] Именем бога милостивого, милосердного.
 - [2] Все живущее ум[рет], он живой, не умирает . . .
 - [3] умирает. Каждая душа вкусит [смерть].
 - [4] после вы вернетесь к нам . . .
 - [5] правоверные не умира[ют . . .].

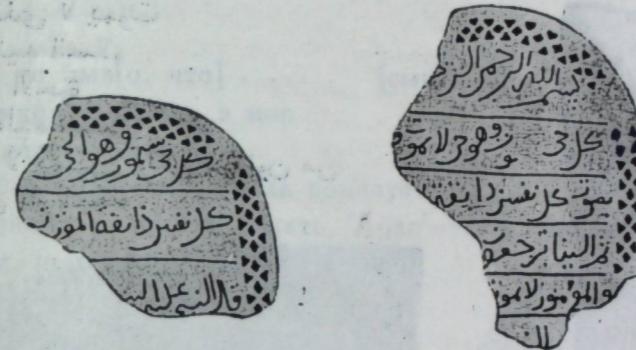

Рис. 10. Графическое изображение надгробных памятников №№ 6—7.

Размеры (толщина и ширина), материал, орнаментация, а также почерк надписей этих обломков не оставляют сомнения в принадлежности их к типу памятников №№ 4 и 5. Совершенно идентичны материал и почерк памятников №№ 5 и 6, где начертание слова *عليه* в виде уступа, несомненно, указывает на исполнение их рукой одного мастера. Если учесть эти обломки, то длина памятников №№ 4 и 5 в целом виде составляет 100—120 см.

Как на очень близкие к выше описанным надгробиям можно указать на три обломка из дер. Урывкино Пестречинского р-на, причем два, приводимые первыми (№№ 8а и 8б), принадлежат к одному надгробию, разбитому в 1938 г.

Памятник № 8а (рис. 11), размером $75 \times 20 \times 15$ см, является верхней левой частью надгробия.

Уцелевшая надпись:

[1] . . . ум]рет	سَيِّدَمُوتْ [1]
[2] . . . не умирает	لَا يَمُوتْ [2]
[3] . . . [да будет над ним] мир	عَلَيْهِ السَّلَامُ [3]
[4] . . . конечной [жизни]	الْاٰخِرَةَ [4]
[5] . . . [.]мир	السلام [5]
[6] . . . [пересе]ляются	يَنْقَلِبُونَ [6]
[7] . . . [в мир] вечности'.	[دار] البقاء [7]

Памятник № 86 (рис. 12, правая сторона средней части надгробия), размером $35 \times 32 \times 15$ см, имеет надпись:

¹ Ш. Марджани, ук. соч., стр. 27.

Слова из известного хадиса (2-я строка), очевидно, здесь написаны по ошибке без букв **ن** и **ع**, отчего искажается его смысл.

Судя по этим уцелевшим фрагментам и следуя трафарету, надо полагать, что текст „коранической части“ указанного разбитого надгробия гласил так:

Рис. 11. Обломок надгробной плиты № 8а.
(Без даты).

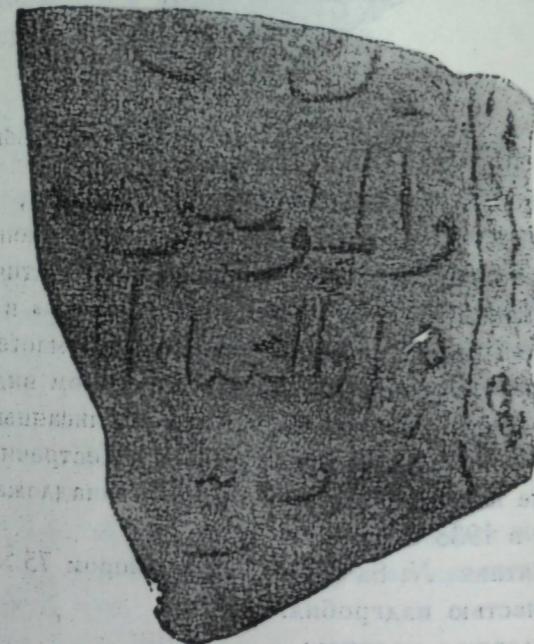

Рис. 12. Обломок надгробной плиты № 86.
(Без даты).

- [1] Все живущее умрет,
- [2] он живой, который не умирает.
- [3] Сказал пророк, да будет над ним мир:
- [4] мир есть пашня будущей жизни.
- [5] И сказал пророк, да будет над ним мир:
- [6] верующие не умирают, а переселяются из
- [7] мира тленного в мир вечности'.

Текст этот напоминает надписи памятников №№ 4, 5 и 6.

Памятник № 9 (рис. 13) из дер. Урывкино (размером 35 × 80 × 17 см), являющийся нижней частью надгробия, перпендикулярно сидит срезанным

в паз концом в четырехугольном отверстии каменной плиты, лежащей на поверхности земли.

Примитивно выполненная и неграмотно врезанная надпись гласит:

[1] اولیندا ایردی [کیم] . . . حن او [علی]

[2] ابک دار فاندین دار

[3] البقاعا بحلت قيلدي

[4] حق تعالی رحمة قیلسون

[1] 'В начале то был[о, что] . . . [сын]

[2] Абак из мира тленного в мир

[3] вечности переселился.

[4] Истинный бог [всевышний] да помилует его . . .

Имя покойного следует читать 'Абак' — ابک, так как на камнях XV и XVI вв. (см. памятники №№ 3 и 5) изви-

листый знак является завершающей частью буквы — конечного кафа.

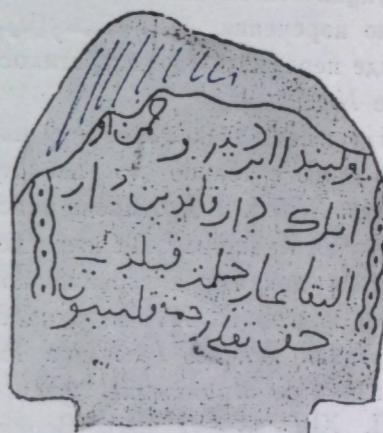
В данном случае этот знак, очевидно, из-за отсутствия места спущен ниже цалево. Один из случаев подобного рода написания буквы **ك** на булгарских памятниках мы можем указать на надгробии XIV в. из с. Б. Тарханы Большое-Тарханского р-на Татарской АССР, описанном Х. Фейз-хановым.¹

Имя 'Абак' может быть прочитано и как 'Апак', что сходно звучит с родовитой татарской фамилией 'Апаков' и с названием близлежащего села 'Аппакаево'.

Приведенные выше надгробия имеют ряд отличительных и общих черт с надгробиями XIV в., с одной стороны, и XVI в., с другой, на чем мы и остановимся.

Несмотря на знатность происхождения некоторых из покойников (шайх, сын маулā), памятники эти довольно примитивны в сравнении с пышными образцами надгробий булгарской и татарской знати, высеченных строго в стиле своего времени (соответственно в XIV и XVI вв.). Особенно это относится к трем первым, с некаллиграфичным письмом и без орнаментальных мотивов, кроме шестиконечных звезд на двух из них (памятники №№ 2 и 3). Последнюю мы склонны рассматривать как пережиток многолепестковой розетки булгарских надгробий, а затем мы ее видим на надгробиях позднейших времен. Вообще звездообразный орнамент и стилизация

Рис. 13. Графическое изображение памятника из дер. Урывкино.

¹ Х. Фейз-ханов. Три надгробных булгарских надписи. Известия Археол. общ., IV, СПб., 1863, стр. 396.

Слова из известного хадиса (2-я строка), очевидно, здесь написаны по ошибке без букв ن و ع, отчего искажается его смысл.

Судя по этим уцелевшим фрагментам и следуя трафарету, надо полагать, что текст „коранической части“ указанного разбитого надгробия гласил так:

Рис. 11. Обломок надгробной плиты № 8а.
(Без даты).

Рис. 12. Обломок надгробной плиты № 8б.
(Без даты).

- [1] Все живущее умрет,
- [2] он живой, который не умирает.
- [3] Сказал пророк, да будет над ним мир:
- [4] мир есть пашня будущей жизни.
- [5] И сказал пророк, да будет над ним мир:
- [6] верующие не умирают, а переселяются из
- [7] мира тленного в мир вечности'.

Текст этот напоминает надписи памятников №№ 4, 5 и 6. Памятник № 9 (рис. 13) из дер. Урывкино (размером 35 × 80 × 17 см), являющийся нижней частью надгробия, перпендикулярно сидит срезанным

в паз концом в четырехугольном отверстии каменной плиты, лежащей на поверхности земли.

Примитивно выполненная и неграмотно врезанная надпись гласит:

[1] اوليندا ايرد[ى] كيم . . . من او [على]

[2] ايد دار فانددين دار

[3] البقاع دحلت قيلدي

[4] حق تعالى رحمة قيسون

[1] В начале то был[о, что] [сын]

[2] Абак из мира тленного в мир.

[3] вечности переселился.

[4] Истинный бог [всевышний] да помилует его . . .

Имя покойного следует читать 'Абак'—ابك, так как на камнях XV и XVI вв. (см. памятники №№ 3 и 5) изви-

листый знак является завершающей частью буквы — конечного кафа.

В данном случае этот знак, очевидно, из-за отсутствия места спущен ниже налево. Один из случаев подобного рода написания буквы ك на булгарских памятниках мы можем указать на надгробии XIV в. из с. Б. Тарханы Большое-Тарханского р-на Татарской АССР, описанном Х. Файз-хановым.¹

Имя 'Абак' может быть прочитано и как 'Апак', что сходно звучит с родовитой татарской фамилией 'Апаков' и с названием близлежащего села 'Аппакаево'.

Приведенные выше надгробия имеют ряд отличительных и общих черт с надгробиями XIV в., с одной стороны, и XVI в., с другой, на чем мы и остановимся.

Несмотря на знатность происхождения некоторых из покойников (шайх, сын маулā), памятники эти довольно примитивны в сравнении с пышными образцами надгробий булгарской и татарской знати, высеченных строго в стиле своего времени (соответственно в XIV и XVI вв.). Особенно это относится к трем первым, с некаллиграфичным письмом и без орнаментальных мотивов, кроме шестиконечных звезд на двух из них (памятники №№ 2 и 3). Последнюю мы склонны рассматривать как пережиток многолепестковой розетки булгарских надгробий, а затем мы ее видим на надгробиях позднейших времен. Вообще звездообразный орнамент и стилизация

¹ Х. Файз-ханов. Три надгробных булгарских надписи. Известия Археол. общ., IV, СПб., 1863, стр. 396.

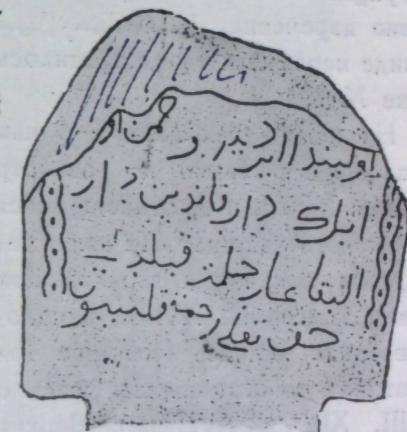

Рис. 13. Графическое изображение памятника из дер. Урывкино.

его в виде цокля не чужды изобразительному искусству булгар и казанских татар.¹

Надгробия эти напоминают по своему виду булгарские, однако не имеют аркообразных вырезов наверху, характерных для памятников XIII и XIV вв.

Из особенностей конструкции текста надписей нужно указать на вступление словами: بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ كل نفس ذاقت الموت² и наличие аята: هُوَ الْعَزِيزُ الْمُفْلِحُ الْمُنْجِدُ that очень редко встречается на булгарских надгробиях; هو العي الذي لا يموت و كل حي الحكيم الله: سيموت. Совершенно новым в "исторической части"³ этих надписей является выражение دار فنادين دار بقاعا حللت قيلدى, с тех пор повторяемое на татарских надгробных памятниках вплоть до наших дней. Новостью для конструкции текста эпиграфических памятников XV—XVI вв. считаем и отсутствие изречения رحمة الله عليه [عليه] رحمة واسعة, которое, очевидно, лишь в виде пережитка еще встретилось на приведенном позднебулгарском памятнике № 1.

На памятниках №№ 4—9 наметился некоторый качественный сдвиг по сравнению с только что рассмотренными примитивно выполненными памятниками №№ 2 и 3, относящимися преимущественно к начальному периоду казанского ханства.⁴ На них уже есть украшение бордюра,⁵ разграничение надписи линиями и верхний полукруг, являющиеся зачатками элементов стиля надгробий XVI в., однако они еще далеки от этого стиля. Грубо-резанная надпись (все еще только на лицевой стороне) не может быть сравнима со стройными куфи и сульсом булгарских и татарских памятников (XIII, XIV и XVI вв.). Верхний полукруг, соответствующий треугольнику на камнях XVI в., пока еще остается заполненным кораническим выражением هو العي الذي لا يموت, характерным для памятников XIII—XIV вв.

Ради показа эволюции стиля XVI в. будет не лишним привести здесь образец памятника переходного характера, правда по дате своей довольно позднего.

Памятник № 10, размером 100 × 65 × 23 см, с полукруглым верхом и бордюрным орнаментом, высечен из серого известняка. Рельефная надпись, напоминающая стильные камни XVI в., в своей коранической части содержит несколько аятов и хадисов, следующих после выражения هو العي الذي لا يموت ..., заполняющего верхний полукруг (рис. 14).

¹ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент. Казань, 1949, табл. № 14.

² Надгробия на Кирменском городище (Мамадышский р-н) и у с. Красная Кадда (Шереметьевский р-н).

³ Под "исторической частью" надписи мы разумеем отрезок текста, начинающийся словом قاتل, следующий после коранической части, состоящей из аятов и хадисов.

⁴ Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства "Золотой Орды". Материалы по истории Татарии. Казань, 1948, в. 1, стр. 205—206.

⁵ Некоторого для булгарских надгробий.

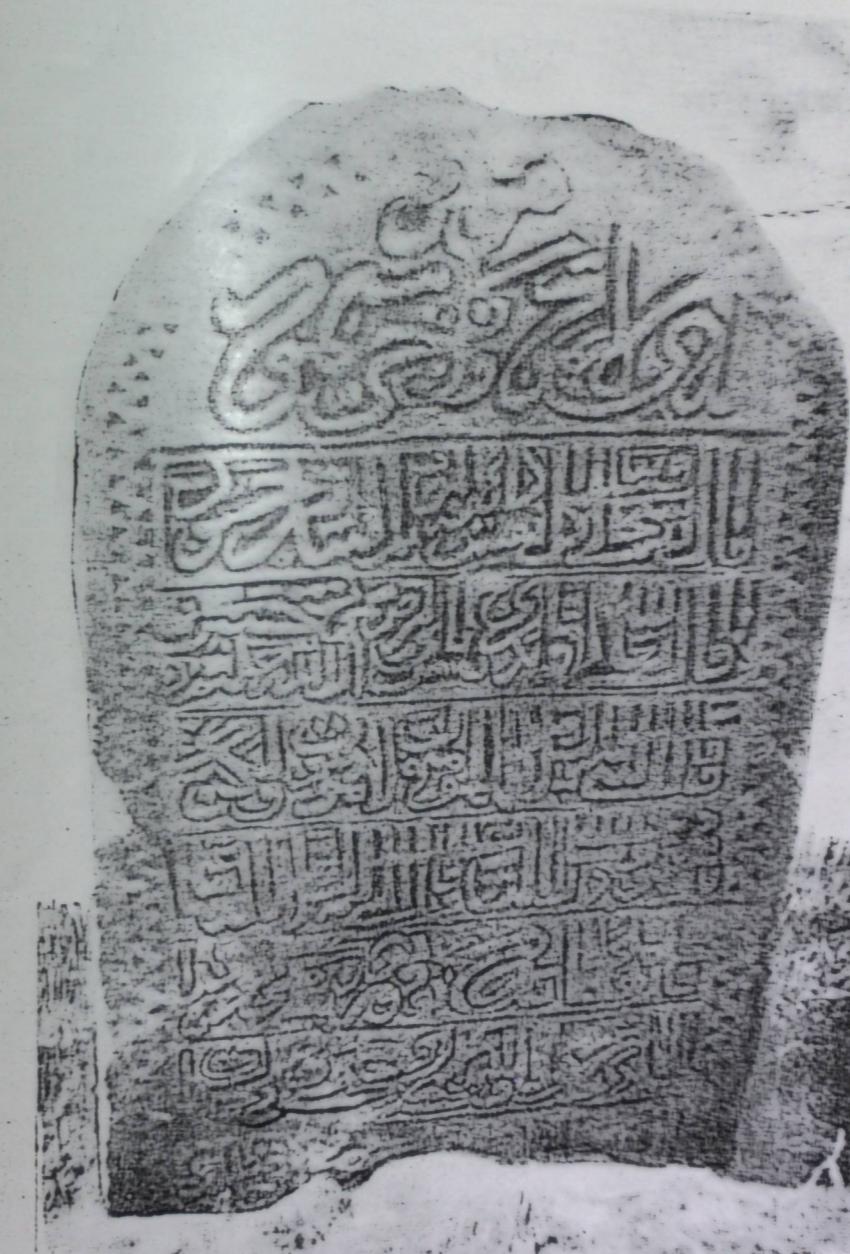

Рис. 14. Надгробие 924/1518 г.

Рис. 16. Памятник 934/1527—1528 г. из с. Верхнее Кубя-Козы Тюлячинского района.

Подобного же типа памятник мы имеем на городище Иски Казань,¹ выпуклая надпись которого несколько напоминает своеобразный сульс булгарских памятников. Многие из них допускают инициалы и имена своих создателей, и они сплошной киноварью покрыты краской.

هو الحى [1] الذي لا يموت وكل حى سيموت

[2] قال الله سبحانه وتعالى كل نفس دائمة الموت ثم الينا ترجعون

[3] قال الله تعالى وما تدرى نفس باى ارض تموت ان الله علیم حبیر

[4] وقال النبي عليه السلام المؤمنون لا يموتون ولكن

[5] ينقذون من دار الفناء الى دار البقاء قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة

فاجعلوها طاعة. تاريخ تقوز يوز يكرمى تور تدا جمادى الاحرای نك

[6] اوليندا ايدي كيم حاجى حسن او على شيدا

[7] ... ياشندا دار فنادين دار بقاعا محلت قيلدى

‘Он живой,

[1] который не умирает, все живущее умрет.

[2] Сказал бог преславный и всевышний: каждая душа вкусит смерть, после вернется к нам.

[3] Сказал бог всевышний: и не знает душа, в какой земле она умрет; бог же знающий и ведающий.

[4] И сказал пророк, да будет над ним мир: правоверные не умирают, а

[5] переселяются из мира тленного в мир вечности. Сказал пророк, да будет мир над ним: мир есть час,

[6] так используй его в богоугодных делах. По летосчислению в девятьсот двадцать четвертом, месяца джумади ал-ахира в начале то было, что

Хаджий Хасана сын Шайдул-

[7] ла в..... лет из мира тленного в мир вечности переселился’.

Дата смерти — 924/июнь 1518 г.

Как на последнее переходное звено к изящным стилем камням XVI в. можно указать на обломок верхней части памятника из того же Тат. Ходяшева.

Уцелевший текст надписи памятника № 11 (рис. 15) гласит:

هو الحى

[1] الذي لا يموت وكل حى سيموت

[2] قال الله سبحانه وتعالى وما تدرى . . .

‘Он живой,

[1] который не умирает, все живущее умрет.

[2] Сказал бог преславный и всевышний — и не знает....

Памятник этот типичен для первого десятилетия XVI в. Подобные же камни найдены и в ряде других мест (с. Ст. Менгеры, Атнинского р-на,

¹ Труды Общества по изучению Татарстана, Казань, т. I, 1930, стр. 157.

1504 г., с. Ст. Узюм Казанского уезда, 15055 г.).¹ На дарбие это— с двускатным верхом, пышным бордюром со резьбными пебесами,² выпускной надписью сухими и верхним треугольником, заканчивающим все сущее арабской вязью. **فَوْلَادُ الْمُحَمَّدِ لَا يَسْتَرِي.** по замечанию последней трихицинианским ориенталистом появляется тот стих, процесс заражения которого он не интересует.

Приведем один из многих эпиграфических памятников, являющийся отражением этого стиля, проходившего близость с описанными выше памятниками изменений в деталях притянут до середины XVIII в.

Рис. №5. Обломок памятника из с. Тат. Холмово.

Памятник № 12 из с. Верх. Кубя-Кози Тюлячинского р-на, размером 110 × 45 × 20 см, из серого известняка (рис. 16), имеет пышную рельефную орнаментацию в виде побега на бордюре и характерный затейливый узор (вместо арабеской вязи) в треугольнике, образованном килевидным верхом, многим напоминающим подобные аркообразные вырезы на булгарских камнях. Стойная выпуклая надпись, изящно выполненная почерком сульс, заключена построчно между выпуклыми же полосками под каждой строкой.

¹ Труды Общества по изучению Татарстана, Казань, т. 1, 1930, стр. 163, 168.

¹ Этот растительный орнамент, обнаруженный часто на болгарских археологических находках, в христиано-подгребных (см. рис. № 17 в приложении), также является очень характерным для искусства кипарисовых татар. Ср.: Н. Ф. Калинин. Болгарское искусство в мозаике. Казань, 1945, стр. 7; Н. М. Духовский. Материалы по татарскому орнаменту. Труды Казанского института инженеров коммунального строительства им. М. Горького, Казань, в. IV, 1936, стр. 75.

⁸ На могильнике «Киевендин» верхом, очевидно, ставились и в булгарское время, на пример: памятник из с. Ст. Ашит Кызы-Юльского р-на Татарской АССР, датированный XIV в.

Текст надписи гласит:

[1] Сказали Богу пребывающий, всевышший: каждая душа искушена смертью. Сказала пророк, да будет паденiem ним миръ: мир есть пашня будущей жизни. Сказала пророк, да будет паденiem ним миръ: мир есть час, так испытывающей его в благо-усподиных деяниях.

[2] Шо летописчилию и денишиают придуть четырьмя шейхамъ "Алли жана Насуруэ Султанъ".

[3] "Алли жана Насуруэ Султанъ".

Дата смерти — 9.3.1957 — 1523 ч.

Подводя итог изложенному выше, нужно сказать, что на приведенном небольшом материале мы видим постепенное зарождение нового типа апиграфических памятников XVI в. Процесс этот протекает с некоторыми видоизменениями булгарской основы, наслажданием на нее новых элементов, но отнюдь не является полным повторением булгарской апиграфики.

От более простых образцов, в виде памятников №№ 1, 2 и 3, путь этот, совершенствуясь по мере увеличения новых элементов, ведет к выработке в первой четверти XVI в. нового типа надгробий на базе тесной преемственной связи с эпиграфикой XIV в. Наконец, своего рода преемственной связью является и множество таких фактов, как нахождение на одном и том же кладбище эпиграфических памятников XIV, XV и XVI вв. (села: Изма Сабинского р-на, Б. Ныры и Кибя-Кози Тюлячинского р-на, и др.).

Из приведенного материала, кажется, становится вполне ясным, какую органически связующую роль сыграли надгробия XV в. в выработке на булгарской основе этого нового, значительно лучше оформленного типа эпиграфических памятников периода расцвета феодальных отношений в казанском ханстве, которое, в свою очередь, также возникло из недр булгарского государства, расшившегося на рубеже XIV и XV вв.

Заслуживает внимания в эпиграфиях XV в. тот факт, что все они написаны на одном диалекте, близком к современному казанско-татарскому, с одной стороны, и восходящем к языку булгарских надгробий I стиля, с другой.¹

¹ Сборник „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 156.

В основном этот диалект близок также к языку письменного памятника XIV в.—„Нахджа-Фарадис“ и почти идентичен с „Нур-и-садур“ и „Тохфа-и-мардан“ (XVI в.). Условно назовем его „первым диалектом“ булгарского языка. Но нет среди указанных эпиграфий ни одного случая проявления „второго диалекта“ или, как ранее ошибочно называлось, — „чувашизмов“, характерных для языка второго стиля булгарских эпиграфических памятников;¹ позднее середины XIV в. мы не встречаем этого ни на одном надгробном камне, что в свое время было подмечено и Н. Ф. Катановым. Однако, считая его замечание справедливым, мы ни в коей мере не поддерживаем его выводов.² Наличие двух диалектов на надгробиях XIII и середины XIV вв. ныне является фактом, неоспоримо соответствующим делению основного ядра населения булгарского государства на два племени: аборигенов края—булгар, вышедших в V—VII вв. из Приазовья, смешавшихся с местными племенами, и другого тюркоязычного племени, состоявшего преимущественно из кипчаков, в продолжение долгого времени просачивавшихся на территорию Булгарии с юга и юго-востока.

Приложение

Памятник из г. Булгар, размером 220×66 см, с рельефной надписью, высечен из известняка (рис. 17).

Текст:

- [1] هو العي الذي لا يموت
- [2] هذه روضة الشابة
- [3] الستادة العفيفية
- [4] الصالحة الصابرة الصائمة
- [5] فاطمة العي بنت ايدوب ابن محمد ابن
- [6] يونسى البلعاري الليل ارحمها
- [7] رحمة واسعة توفى [tak!] الى رحمة الله تعالى
- [8] يكرمى ايكي ياشنده وفات بولدى
- [9] ربیع الآخر عوره دا يلى هجر تدا يتى
- [10] يوز اون بيودا

¹ Так, как этоним „чуваш“ известен нам только с XVI в., а сам чувашский язык своим происхождением в некоторой мере обязан этому второму диалекту булгарского языка.

² Сборник „Происхождение казанских татар“, стр. 96. Деление булгарских эпиграфических памятников на два стиля (типа), кроме всего прочего (характер письма, конструкции текста и др.), в основном производится по признаку наличия в их языке двух диалектов: „первого“ и „второго“ (см. „Приложение“).

³ Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 11.

⁴ Дается по Н. Ф. Калинину (Сборник „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 58). — Вместо *توفى* следовало бы *توفيت*.

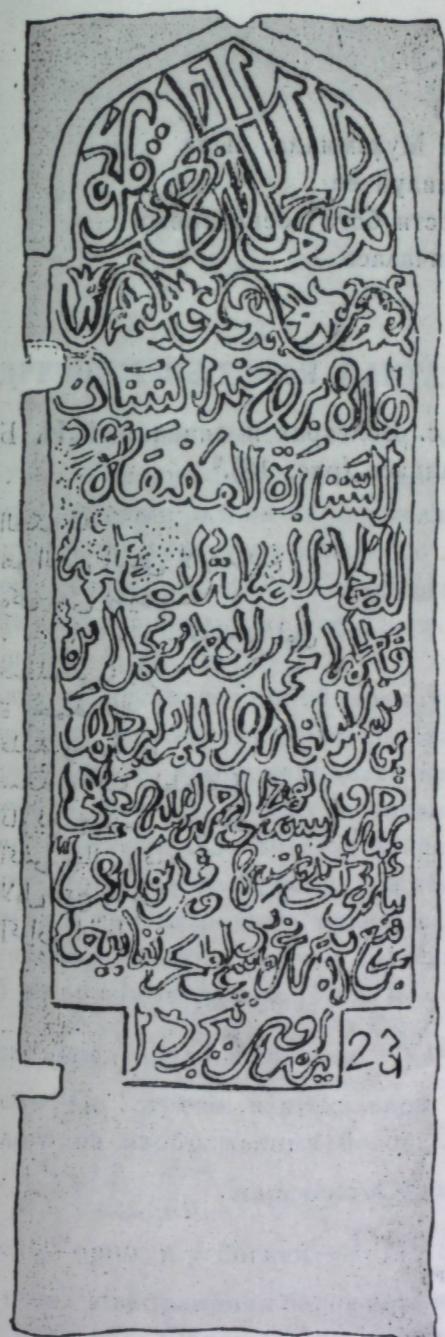

Рис. 17. Булгарский памятник 701/1311 г. Первый стиль. (Графическое изображение).

Рис. 18. Булгарский памятник 722/1322 г. Второй стиль. (Графическое изображение).

- [1] 'Он живой, который не умирает.
- [2] Это — сад юной девицы,
- [3] скромной, целомудренной,
- [4] благочестивой, терпеливой постницы
- [5] Фатимы Элхей, дочери Айуба, сына Мухаммада, сына
- [6] Йунуса Булгарского. Боже мой, помилуй ее
- [7] милостью широкою! Отошла к милости бога всевышнего
- [8] в двадцатидвухлетнем возрасте; скончалась
- [9] раби¹ II-го в году хиджры семь-
- [10] сот одиннадцатом'.

Дата смерти — 701/август 1311 г.

Памятник, находившийся в 1850 г. в с. Болгарах и описанный И. Березиным,² имеет следующую врезанную надпись (рис. 18).²

[1] الحكيم الله
 [2] هو الحي الذي لا يموت
 [3] وكل حي سيموت
 [4] اضنبا اول
 [5] صطلمش زيارة
 [6] رحمة الله
 [7] عليه رحمة وا
 [8] سعة وفات بطوطى
 [9] تاريح جيات جور جور
 [10] اكش جال ربیع ا
 [11] لاول ایع وا .. .
 [12] [کوان ات]

- [1] 'Верховный суд принадлежит богу
- [2] Он живой, который не умирает,
- [3] все живущее умрет
- [4] Аднаба сын
- [5] Сатылмыш. Место его погре-
- [6] бения. Да будет милость бога
- [7] над ним милостью обшир-
- [8] ною! Смерть совершилась
- [9] по летосчислению в семисот двадцать
- [10] втором году раби 'ал-ав-
- [11] вала месяца дцатого
- [12] [дня было].

¹ И. Березин. Булгар на Волге. Учен. зап. Казанс. унив., кн. III, 1852, стр. 118—119.

² Здесь дается наше чтение.

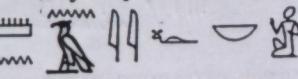
И. М. ЛУРЬЕ

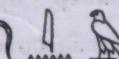
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ПЛИТА С ДАРСТВЕННОЙ НА ЗЕМЛЮ

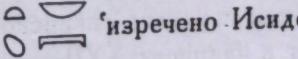
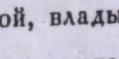
Собрание древнеегипетских памятников Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина располагает двумя плитами, содержащими дарственные на землю; издание одной из них является задачей данной статьи. Эта плита была приобретена музеем вместе со всей остальной коллекцией известного русского египтолога В. С. Голенищева. Где эта плита была откопана или куплена Голенищевым, мне установить не удалось. Ныне она хранится в музее под шифром I, 1а, 5647.

Плита представляет собой прямоугольный кусок известняка с закругленным верхом. Ее максимальная высота 45.5 см.

Верхняя часть камня заполнена врезанным изображением трех, обращенных вправо, божеств, перед которыми стоит человек. Он одет в длинное одеяние, перехваченное поясом; линии ног под одеждой не показаны, тогда как руки этого человека, воздетые перед богами в молитвенном жесте, четко обозначены под широкими рукавами. На голове у человека парик с длинными, ниспадающими к плечам волосами и (если это не простое повреждение камня) жировым конусом. Над молящимся двухстрочная иероглифическая

надпись, передающая его имя: 'Инамони-нафнеф'. По строке вертикальной иероглифической надписи имеется и

у каждого из изображенных богов. У первого (от человека) бога надпись гласит 'изречено Осирисом', у следующего —

 'изречено Гором' и у богини — 'изречено Изией, владычицей неба'. Изображения богов соответствуют тем именам, которые имеются в этих надписях. Обращает на себя внимание лишь облик Осириса: он дан

не в своем наиболее распространенном образе сидящей или стоящей мумии, снабженной царскими регалиями, а в виде живого царя, т. е. в том виде, в котором Осирис, слившись с богом *ndti*, почтился в IX nome Нижнего Египта.¹ Так как дарственная сообщает о том, что земля была подарена

¹ См., например: K. Seth's. Urgeschichte und Älteste Religion, § 20 и др.

быту Осирису; у них имеются достаточно оснований предполагать, что подтверждение поле находилось в пределах именного данного имена.

Под изображением идут 8 строк иероглифических строк надписи, отделенных друг от друга линиями. Ницесь выражена иероглифическим падууставом, который передко высекались на камне подобное надпись. Поверх надписи достаточно хорошо выдержан, хотя отдельные знаки по своим очертаниям приближаются к иероглифическому письму (рис. 1). Сострилась эта надпись вполне удовлетворительно: лишь начало обилияства строк и надписи трех отбиты; наконец, многие из уничтоженных знаков восстанавливаются с уверенностью. Эта надпись гласит (рис. 2):

¹¹ Под ¹² привилечестве этом царя Верхнего и Нижнего Египта, владыке обеих земель Шермаатрасотепенра Шешонке (¹³ т.е. Шешонке III), ¹⁴ сыне ¹⁵ Баст, ¹⁶ возлюбленном Амоном, одаренном жизнью, подобно Ра, и на веки.

Потомок ¹⁷ великого князя Ливи ¹⁸ [и] Мекпаурду, ¹⁹ сын Иамоннацфеба ²⁰ подарила ²¹ 110 арур земли поля..., ²² прозываемого Табиа, ²³ Осирису, ²⁴ бору великому, ²⁵ ради божьего отца Гранха, сына Панхенхонсу.

Если ²⁶ [какой-либо] человек, ²⁷ какой-либо ²⁸ [ли] сец ²⁹ или ³⁰ какой-либо управитель, будучи посланными с поручением на поле и они ³¹ передвинуты...³², гнев ³³ богини Сехмет будет их преследовать, подобно тому как зулевое весло преследует мадью, ³⁴ уничтожит... ³⁵ его племя, не будет с ним потомков ³⁶ сыновей ³⁷ его родственников...

Пояснения к переводу:

Выражение содержит некоторые трудности. Касаясь сходного выражения

А. Гардинер¹ привел ряд примеров, на основании которых он, в полном соответствии со словарем египетского языка,² пришел к выводу, что слово не что иное, как передача ливийского *mess* 'владыка' и что египетский титул 'князь' мог в надписях XXII династии читаться как *ms*. Поэтому он считает, что для ливийского периода понятия *wg*, *wr*, *ms* и *ms* являются однозначными и служили титулом для лиц, принадлежавших к царской семье. Однако надпись на нашей плите снабжает слово *ms* двумя детерминатами и

¹ JEA, т. 19, стр. 23.

² A. Erman u. H. Grapow. Wörterbuch d. Aegyptischen Sprache, т. II, стр. 142.9.

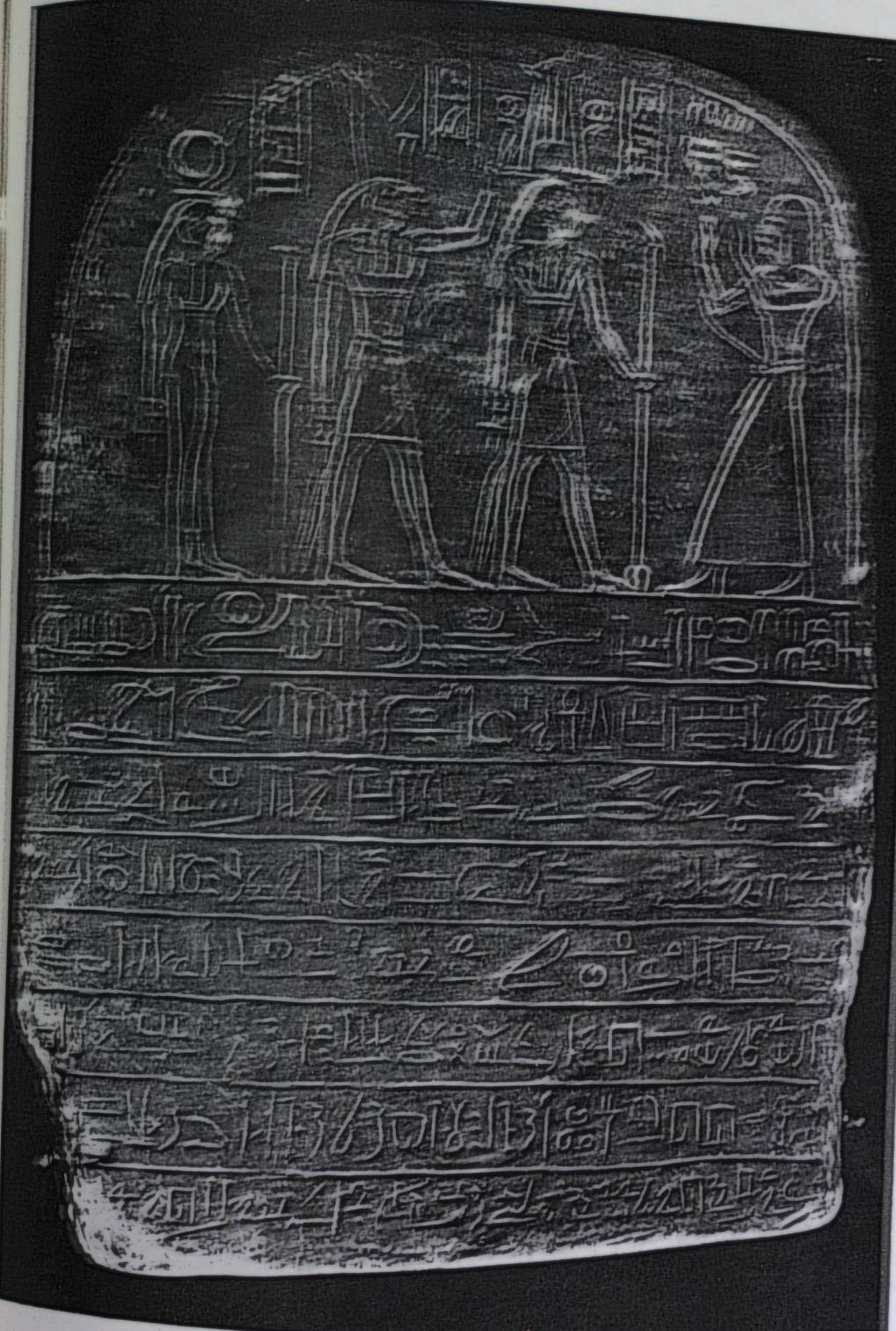

Рис. 1. Древнеегипетская плита с дарственной на землю.

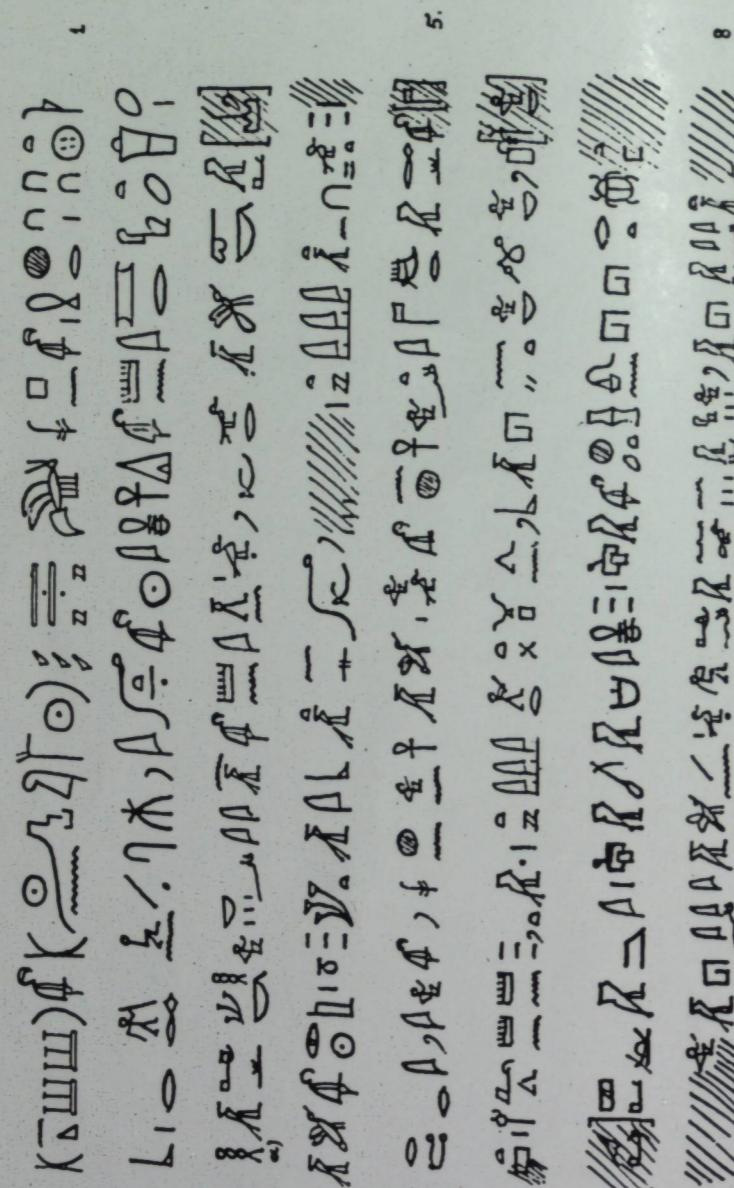

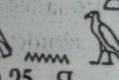
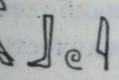
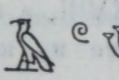
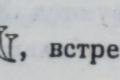
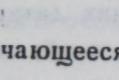
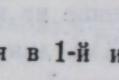
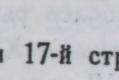
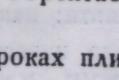
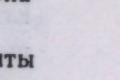
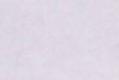
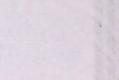
Рис. 2. Транскрипция текста плиты с дарственной на землю.

'рождать', либо имя существительное: 'дитя', 'потомок'. Кроме того, слово *ms* и иероглиф *wr* на издаваемой плите разделены показателем принадлежности п. То же различие слова *ms* от иероглифа *wr* дает плита Берлинского музея 7478, строка 4.¹ Поэтому, хотя толкование слова *ms* как передача ливийского титула 'князь' выглядит довольно убедительно, принять его для нашей надписи нельзя. Отсюда и перевод.

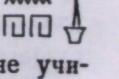
⁶ Несмотря на то, что написание слова *mk* необычно и не зарегистрировано словарем египетского языка, равно как и то, что мне не удалось найти еще какой-либо надписи, где бы встретилось имя Мекпаурду, египетская конструкция имени не вызывает сомнения. Имя же Иамоннаифнеб нередко встречается в поздних текстах, но все известные мне примеры² не дают титула и имени отца, почему отождествить Иамоннаифнеба нашей плиты с каким-либо из этих лиц не представилось возможности.

⁷ Здесь, судя по аналогичным надписям, стояло название местности, в которой находилась подаренная земля. Однако прочесть это название мне не удалось, так как в этом месте плита сильно стерта.

⁸ Географический словарь Готье³ не дает такого названия, хотя во втором томе приводятся случаи употребления слова в качестве одного из названий Египта, которое Эдфусские надписи отождествляют с самим Эдфу. Между тем такое название какого-то поселения существует: на это указывает не только наша плита, но и собственное имя 'Горентаби'

            ⁴, встречающееся в 1-й и 17-й строках плиты № 25. Я полагаю, что местность, называемую Табиа, следует искать в пределах IX нижнеегипетского нома.

⁹ Коньюнктив второй части условного предложения зависит от подразумеваемого в начале фразы основного глагола.⁴

¹⁰ Букв. 'жар'. Подобная угроза нередко встречается в формулах заклятий против нарушителей дарения. См., например, плиту 42, строка 6 и плиту 25, строка 13. Явно то же значение имеет в аналогичной формуле слово (плита 32, строка 5), которое, однако, словарь египетского языка не учитывает.

¹¹ Хотя рулевое весло нередко употребляется в образных выражениях,⁵ такого яркого образа до сих пор не было отмечено.

¹ См.: Belegstellen к словарю египетского языка, т. II, 142.9.

² См.: H. Ranke. Die Agyptischen Personennamen. 1935; J. Lieblein. Dictionnaire de noms hieroglyphiques. 1871—1892.

³ H. Gauthier. Dictionnaire Géographique, Le Caire, т. II, 1925—1931, стр. 12.

⁴ См.: A. Erman. Neuägyptische Grammatik, Leipzig, 1933, § 578 и 817.

⁵ См.: H. Grauw. Die bildlichen Ausdrücke des Agyptischen. Leipzig, 1924.

⁷ Эпиграфика Востока, V

¹ Я читало как *хаки*; подобное сокращенное написание этого слова дает словарь египетского языка.

Интерес издаваемой здесь плиты состоит в том, что она принадлежит к числу так называемых дарственных плит, содержащих весьма ценные данные для изучения земельных отношений в Древнем Египте. Однако, хотя эта узловая проблема социальной истории древнеегипетского общества остается во многих отношениях до сих пор решением неясной, решать ее в данной статье было бы неправильно, ибо она требует обширного исследования, основанного на всестороннем и глубоком изучении разнообразного материала, а не только самих плит. Поэтому в данной статье ограничиваюсь рассмотрением только некоторых вопросов, непосредственно касающихся публикуемой мной плиты, откладывая на будущее время рассмотрение земельных отношений в целом.

Число дошедших до нас плит достопочтено велико, но, так как они находятся в различных музеях, опубликованы в разнобразных изданиях, иногда в самой неожиданной связи, выявление их сопряжено с очень трудоемкой работой, поэтому многие из них ускользают от внимания исследователей.

Так, автором исследований сведенных мной плит¹ на конец концов дается список из 355, хотя на самом деле их исчисляется гораздо больше. Их тип определен ясно читающимися обрамлениями, дающими возможность различия по способу изображения и по характеру. Эти плиты относятся к обширному периоду истории Египта: наиболее ранние из них датируются XXVIII, а наиболее поздние из новых — XXXVI династий; наибольшее их количество относится к XXIII—XXXVI династиям.²

Изучение этих плит сопряжено с означительными трудностями, которые вызываются в большинстве из них недостатком бойкого знания имеющихся в них надписей, равно как и их краткостью. Эти трудности усугубляются тем, что многие из этих плит найдены очень плохо, без ввода введение самого памятника (что препятствует критическому рассмотрению текста надписей) и переданы даже без обозначения имеющихся на них изображений, а особенно без указания размещения текста, когда, как это будет показано ниже, имеет существенное значение для классификации плит.

По содержанию все эти плиты говорят о дарении какого-либо участка земли. Цель этих подарков не всегда сообщается в надписях, и в таких

¹ E. Iversen. Two inscriptions concerning private donations to temples (Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist. filol. Meddelelser., XXVII, v. 5, 1941).

² Я не касаюсь в данной работе аналогичных плит эллинистического периода, которые тоже дошли до нас. См. хотя бы: A. Moret. Catalogue du Musée Guimet, плита C. 49;

Röhrer, Aegyptische Grab- und Denkmäler. Athen u. Konstantinopel, табл. XII.

³ Трудностью понимания этих плит следует, вероятно, объяснять то, что Иверсен (указ. соч.) в своей перечень известных ему плит, касающихся, по его мнению, частных земель, на самом деле включил в нее и те, текст которых касается дарения не земли, а каких-то построек.

случаях, когда она указана, почти всегда оказывается одной и той же — это желание сискать милость богов или, гораздо чаще, желание обеспечить заупокойные обряды по тому или иному лицу. Таким образом, по своему существу эти дарственные продолжают традицию, засвидетельствованную еще памятниками Древнего царства (завещания частных лиц, иммунитетные грамоты), а в Среднем — наиболее ярко выраженную контрактами Сиутского намарха Хапджефана.

Наиболее существенным вопросом, который возникает в связи с этими дарственными, является вопрос о том, кто выступает в них дарителем земли. Разобраться в этом помогают как сами надписи, имеющиеся на плитах, так и изображения, хотя эти последние одновременно усложняют решение.

Верхняя часть интересующих нас плит обычно занята изображениями богов, которым жертвуется земля, и поклоняющихся им людей; очень часто это один фараон (в 233 случаях)⁴ и почти столько же часто (200 случаев) это одно частное лицо; гораздо реже (только на 27 плитах)⁵ изображены одновременно фараон и еще какое-либо лицо.⁶ В этих случаях фараон изображается простирающим божеству букет цветов или лебедя, а с XXIII династии — обычно иероглиф, обозначающий поэзию: . Частные лица, как правило, изображаются в молчаливой позе, хотя иногда им один представлена подобающая боязливые цветы; менее известны только один случай, когда частное лицо подносит боязу иероглиф поэзии, — это верховный жрец Амена или одновременно главнокомандующий египетской армии (плита № 380).

Среди этих частных лиц мы видим, большей частью, представителей самых высоких сановников администрации и рабовладельческой знати: верховного жреца Амена, верховых жрецов местных храмов, царского наместника в Нубин и так называемых „*аквааби Миний*“, — лица принадлежащих дрессированному роду. Однако среди них имеются лица и принадлежащие к сословию купеческому классу, называемые более скромнее полотнянцами, как, например, рядовые жрецы.

Принято считать, что эти частные лица, чьи имена и титулы сообщаются надписями плитниччин изображения имеют значения, явившиеся подлинными

¹ Только одна из данной плиты (№ 552) имеет никакого изображения.

² Едва ли не в каждом из огромных царских картузов, заполняющие верхнюю часть плит № № 2 и 12, изображение царя (они не только самые известные, но и самые старые) стоит число этих плит, возрастает до 225.

³ Установленный мной факт наличия столь большого количества дарственных плит, переданных богами изображены только частные лица, является одним из признаков того, как многие укоренившиеся в буржуазной египтологии „истины“ при ближайшей проверке оказываются ложными.

⁴ В нескольких случаях мне не удалось установить, какие именно изображения имеются на плитах, так как публикации этих сведений не давали.

договорительных земли, тогда как фараон изображается только как „теоретический правитель земли“ или даже в результате „чуть ли не простой земельности“¹.

Такие записи обосновываются надписями, имеющимися на дарственных плитах, в которых имя фараона упоминается только в датировках, а в качестве договорительной указывается какое-либо частное лицо. Примером такой записи могут служить те, которые имеются на плитах №№ 5 и 13. На первый из этих плит, извергней частникою второй изображены перед богами фараон Рамесес II, надпись подает датировки и титулатуры фараона гласят: В этот день сказали Ииа, главой обучников начальник приношений: „И даю 50 арур земли как божью жертву Амону-Ра [Крепости]“. На второй плите перед богами изображены фараон Сесорхон III, извергней хранец Хоренеси, и хранец того же храма по имени Ихадтахуфах. Надпись гласит, сообщающая об оракуле босса, по которому он согласился принести царя обитателю Египта, издревле благополучию, благоприятствование и великую станицу, говоря о том, что извергнейский хранец согласился к биту со следующими словами: „О моя благая авадыка! Весьма велики твои земельные дары, который дает тебе Ихадтахуфах, божий отец, хранец Хоренеси“².

Аналогичные надписи встречаются и на других плитах (например №№ 14 и 18), где извергу таинственное изображение фараона. Однако наиболее убедительным подтверждением этого мнения, что участие щария в этих дарственных является чистой формальностью, служат надписи тех плит, некоторые из которых не имеют щарского изображения (как, например, плиты №№ 6, 7, 27, находящаяся здесь плитами), или же той, где частное лицо изображено подобанным болту иероглифом (№ 30).

Хотя такую указывалось выше, я не берусь в настоящей статье решать общие проблемы частного землевладения в Древнем Египте, должен все же заметить, что приведенные уже рассуждения исследователей представляются мне весьма сомнительными, так как их авторы проходят мимо таких свидетельств таких же дарственных плит, за главное, вовсегда учитывают подлинной природы древнеегипетской рабовладельческой деспотии.

В самом деле, наряду с теми надписями на дарственных плитах, образцы которых приведены выше, имеются надписи иного города. Такова, например, надпись на плите № 36, в верхней части которой дважды изображены стоящими перед божествами фараон и „привратник“³ богини Нейт. В этой надписи, после щарской титулатуры, мы читаем: „Издан... щарский указ поселению „Хетнетрамесухентхапи“, чтобы даровать 10 арур земли... храму Нейт, владычице Саиса, <находящейся> под началом Иеруефоеннейт,

¹ A. Gardiner. Papyrus Wilbour, t. II, 1948, стр. 112, прим. 4; E. Iversen, ук. соч., стр. 18.

² E. Revillout. Revue égyptologique, t. II, стр. 36.

³ Это какой-то греческий титул.

„привратника“ Нейт, сына Ири, главы „привратников“ храма Нейт, владычицы Саиса⁴.

Аналогичная надпись имеется на плите № 455, где после царской титулатуры читаем: Приказал его величество дать поселение Пагеретбанибльед, принадлежащее⁵ Несугору, находящееся во окружее Небуат, нома Чебу, вместе с 1600 арурами земли во его окружее и насыпи это мольчиц, скотом и имущество, что из полеси и в поселении...⁶ как жертву отцу своему Озну Мендеескому⁷. Далее перечисляется, какое именно жертвы должны поставляться со жертвенных земель, а в самом конце надписи, после нескольких повторенных слов, читаем: [[которое приносит]] мольхи для Несугора—это благое имя Менхебисамтах—сына Иуффара как жертву твою, дабы они были одарены жизнью”.

Из приведенных надписей видно, что в обоих случаях земли, принадлежащие частным лицам, были переданы в храмы для обеспечения задушевной службы тех же самых лиц царским указом. И если во втором случае можно допустить, что необходимость этого царского указа была вызвана промежуточными размерами дара (примерно 4576 га), то в первом случае думаю, что со необычайном участке—110 арур (около 275 га), т. е. со траком, какой принадлежит к числу наименьших жертвенных участков на известных мне плитах: следовательно, невозможно предположить, что щарский указ был вызван большими размерами дара.

Мне казалось бы правильным сделать из приведенных примеров передачи частных земель в храмы по щарскому указу тот вывод, что такие указы, вероятно, требовались во всех случаях передачи земель в храмы. В самом деле, известно, что храмовые земли использовались рядом привилегий, среди которых важнейшим было право собственного судопроизводства и податные льготы.⁸ При этом нет оснований предполагать, что эти льготы распространялись не на все храмовые владения: наоборот, дошедшие до нас акты царских иммунистических грамот Нового царства и позднего времени прямо говорят о том, что перечисляемые в них привилегии распространяются на все владения данного храма. Поэтому передача земли, находившейся в частном владении, во владение храма была сопряжена с известным ущербом для прав государства в отношении данной земли и с уменьшением налоговых поступлений; она могла, думается мне, совершаться только с согласия фараона или его соответствующего представителя. Ведь в „должностной инструкции вазира“, восходящей еще к Среднему царству, но дошедшей до нас

¹ В переводе опущены слова, детализирующие качество подаренной земли, и заключительные формулы заклятий против нарушителей указа.

² В тексте стоит прямой родительный падеж.

³ 10-й ном Верхнего Египта.

⁴ Обычная в документах юридическая формула, имеющая значение „где бы то ни было“.

⁵ См. об этом подробнее в моей статье: „Храмовый суд в Древнем Египте во времена Нового Царства“, Вест. древн. ист., № 2, 1949, стр. 37 и сл.

в списках XVIII и XIX династий, мы читаем:¹ «Документы округов будут находиться в его зале, чтобы судить о всех полях. Им (т. е. вазиром) устанавливаются границы всех округов, всех пастбищ, всех храмовых владений, всех владений [htm].² И трудно думать, чтобы в условиях despoticской власти фараона, являвшегося верховным земельным собственником, положение могло настолько коренным образом измениться, чтобы такого рода³ перемещения земель могли совершаться без его согласия. Но при возросшем могуществе жречества фараоны подчас находились в таком положении, что не могли отказать в своем согласии на передачу земель в храмы, однако это согласие, вероятно, все же требовалось.

Если правильна предлагаемая мной точка зрения, что все дарения земель могли совершаться только с согласия фараона, то, естественно, возникает вопрос, почему о согласии фараона сообщают надписи не всех плит. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы очень кратко рассмотреть, что собой представляют сами надписи на плитах.

Для древнеегипетского государства налоговые поступления с земель были издревле важнейшим источником доходов. Поэтому чрезвычайно рано был организован тщательный учет всех обрабатываемых земель. Об этом говорит не только уже цитированная „должностная инструкция вазира“, но и много иных источников. Перечислять их здесь нет надобности, и я остановлюсь только на одном из них — на надписи в гробнице Меса (времени Рамсеса II), сообщающей о длительной, тянувшейся на протяжении многих десятилетий, тяжбе о праве владения землей, принадлежавшей одному из предков названного лица. В эту тяжбу было вовлечено несколько поколений наследников, которые различными путями стремились доказать свои права на землю. Из этой надписи (строки 13—16) ясно, что документы на право владения землей имелись не только на руках у владельца земли, но что и в столице находились два экземпляра земельных описей: один в „сокровищнице фараона“, а второй — в „управлении закромов фараона“. Все это могло иметь место в том только случае, если любая передача земли тщательно оформлялась и регистрировалась, причем соответствующий документ составлялся, конечно, не на камне, а на папирусе, или, в особо важных случаях, на коже. Следовательно, рассматриваемые нами плиты не являются основным, первоначальным документом, а только его изложением. А это объясняет многое и, в частности, то, почему при всем своем сходстве надписи на плитах имеют достаточно существенные различия, а язык многих из них таков, что некоторые ученые высказывали даже мнение о безграмотности составлявших их писцов.

¹ K. Sethe. Urkunden d. XVIII dynastie, 1113.15—1114.1.

² Примененный термин *htm* (букв. 'припечатанный') показывает, что речь идет о владении либо купленном, либо пожалованном.

³ Перемещение земель, поскольку это не затрагивало интересов фиска, могло, повидимому, совершаться и без специального согласия фараона, хотя оно все же тщательно регистрировалось.

Этой, казалось бы, весьма простой истины совершенно не понял бельгийский юрист Пирен, специализировавшийся по древнеегипетскому праву. Именно этим объясняется то, что он противопоставляет формуляр актов на папирусах тем надписям, которые высечены на камне.¹

Простое сравнение надписей на дарственных плитах показывает, что их следует по содержанию разделить на три группы. В одну, наиболее многочисленную, попадут те, которые в общих чертах сообщают о дарении земли храму и обещают всяческие благословения богов тем, кто будет соблюдать целостность дара, одновременно угрожая тем, кто его нарушает. Во вторую группу, значительно меньшую, я отнес бы те плиты, которые не содержат никаких заклятий, но зато очень подробно указывают границы подаренной земли, чего не делают надписи первой группы. В третью группу я отношу крайне малочисленные плиты, которые содержат и те, и другие данные, причем мне представляется, что имеющиеся на них надписи наиболее близки к тем папирусам, на которых были записаны подлинные акты дарения. В этих актах несомненно имелось и указание целей сделанного подарка, и его точное месторасположение, и просьба к богам быть милостивыми к тем, кто будет содействовать сохранению дара, и, наоборот, покарать тех, кто нанесет ущерб вкладу. Имелась в них, конечно, и оговорка о согласии царя на отчуждение земли, причем это согласие, может быть, выражалось не обязательно царским указом, а простым приложением печати особого должностного лица, возможно — вазира.

То, что на плитах писалось не все содержание подлинного акта, а только извлечения из него, объясняется различным назначением разбираемых плит. По этому вопросу в буржуазной литературе существуют два противоположных мнения: некоторые ученые считают эти плиты пограничными камнями,² тогда как другие видят в них посвятительные плиты.³ Мне представляется ошибочным считать, что все эти плиты имели одно назначение: оно было, думается, разным, и отмечавшееся уже выше различие в редакции имевшихся на плитах надписей было связано именно с этим. Так, обычай установки на полях межевых плит засвидетельствован рядом надписей; зафиксирован он и изображениями в гробничных росписях (рис. 3). Поэтому, если текст плиты № 2 начинается с заявления юго-восточная граница (поля), подаренного статуе царя Верхнего и Нижнего Египта, владыки обеих земель Тутмеса IV, то мне бы казалось правильным видеть в ней именно такую межевую плиту, которая некогда указывала границу подаренного участка. Точно такое же назначение имели и две дарственные плиты (№№ 6 и 7) времени Рамсеса II, найденные при раскопках местности около храма

¹ J. Pirenne. Revue des Droits de l' Antiquité, t. I, 1948, стр. 175.

² G. Maspero, Rec. de Trav., t. XV, 1885, стр. 84. К нему присоединяется Иверсон (ук. соч., стр. 14).

³ H. Sotras. La préservation de la propriété funéraire dans l'ancienne Égypte (Bibl. de l'école des Hautes Études. Sciences philol. et historiques, t. 205, 1913).

в Ипсамбуле, сообщающие в совершенно одинаковых выражениях о границах одного и того же поля, подаренного статуе Амона-Ра: это явно плиты, стоявшие на разных границах этого поля. Межевым камнем безусловно является и плита № 1, надпись на которой начинается словами: 'южная граница поля'. То, что именно таково было назначение этих плит, подтверждается тем фактом, что на первых трех из этих плит, ниже текста, оставлено большое пустое пространство¹ — оно явно предназначалось для того, чтобы камни были вкопаны в землю. Так как плиты этого рода имели целью лишь отметить границу поля, то не было никакого смысла затрачивать средства на врезывание на них длинных надписей.²

Рис. 3. Межевой камень. (Роспись на стене древнеегипетской гробницы).

Хорошо известен также и обычай устанавливать в святилищах посвятительные памятники. На таких памятниках указывается то или иное действие, за которое божество должно даровать свою милость. Такого рода посвятительными памятниками я считаю большинство из дошедших до нас плит. На этих плитах важно было указать только имя благочестивого жертвователя и сообщить, в чем выражалось его пожертвование, и формулой заклятия обеспечить сохранность дара: определение точных границ поля здесь было не важно. Плиты этого рода доводят надпись до самой нижней грани поверхности камня: их явно нельзя было закопать в землю, как это делали с межевыми камнями, так как в этом случае заклятие было бы скрыто под землей. Эти плиты предназначались для установки в святилище, чтобы напомнить богам об их обязанности содействовать земному и загробному благополучию дарителя.

В отличие от этих двух категорий плит, те, которые я считаю памятными, устанавливались, полагаю, в каком-либо людном месте, например у входа в храм или в его переднем дворе, доступном для всех верующих. Они могли содержать достаточно полное изложение документа, так как в этом случае важно было напомнить приходящим границы поля, равно как и те кары,

¹ Я убежден, что так же был расположен текст и на плите № 1, но ее воспроизведение никогда не опубликовано, поэтому доказать свое мнение я не могу.

² Число межевых плит очень невелико, и это вполне естественно, так как они ставились на полях, где могли быть не только спесены водами ежегодных разливов, но и уничтожены при изменении границ полей.

которые наносят на них божество за причиненный землям ущерб. Примером плиты этой категории (которая по своему назначению очень близка посвятительным) может служить плита № 3. Она была найдена в святилище у большой пирамиды подле другой плиты, сообщавшей о восстановлении самого святилища по приказу фараона.

Исходя из предлагаемой группировки плит, издаваемую в настоящей статье плиту следует считать посвятительной.

То обстоятельство, что плиты только излагали, подчас весьма кратко, содержание самого дарственного акта, причем выбирались из него моменты, существенные для того назначения плиты, которое ей намеревались дать, объясняет, как мне кажется, почему надписи сравнительно редко сообщают о согласии царя на дарение земли. Писать об этом не было надобности, так как то, что согласие фараона на передачу земли в храм было обязательным, знали все, к тому же об этом говорило, как я думаю, и изображение фараона на плитах, и его имя, и титулatura. И то и другое мне представляется изобразительной передачей факта утверждения дарственной фараоном.

За возможность именно такой трактовки фигуры фараона, помещаемой в верхней части плиты, с некоторыми, правда, оговорками, высказался еще акад. Б. А. Тураев (так как и он следовал общепринятой точке зрения о чисто фиктивном значении изображения царя на стелах). „Может быть, — пишет Б. А. Тураев, — по крайней мере в некоторых случаях, это изображение имело юридическую основу — для действительности акта было необходимо царское утверждение“¹.

Другим способом выражения согласия фараона на передачу дара являлось, видимо, упоминание имени царя и его титулатуры. Такое предположение достаточно основательно подтверждается, мне кажется, тем обстоятельством, что мы имеем случаи, когда верхняя часть плит заполняется большими царскими картушами (плиты № 2 и 12); здесь картуши явно заменяют изображение царя точно так же, как на этих плитах изображение божества заменено их именами. Поэтому вполне вероятно, что на других плитах титулатура и имя царя, помещаемые в начале надписи, были равнозначны его изображению.

Исходя из всего сказанного, мне представляется, что дарственные плиты, дошедшие до нас в большом количестве от поздних периодов древнеегипетской истории (XXII—XXVI династий), являясь безусловным доказательством роста частного землевладения, тем не менее не могут служить доказательством того, что в это время уже отпало представление о фараоне как о верховном собственнике земли.

¹ Б. А. Тураев. Несколько египетских надписей из моей коллекции. ЭКОРАО, т. VII, стр. 5.

Перечень плит, излагающих дарственные на землю¹

XVIII династия

1. Плита времени Тутмеса I. Дарение 150 аур.²

G. Roeder, *Aegypt. Inschriften aus d. Museen zu Berlin*, вып. V, стр. 115. (СБМ, 14994).

2. Плита времени Тутмеса IV. Дарение 5 аур.

P. Lacau, *Stèles du Nouvel Empire*, т. II, стр. 41—42 (Cat. Général du Musée du Caire). (СКМ, 34021).

3. Плита времени Тутанхамона. Дарение 40 аур.

G. Daressy, Rec. de Trav., т. XVI, стр. 123. (Из Мемфиса).

4. Плита 3 года Эйи. Дарение 154 аур.

G. Daressy, Rec. de Trav., т. XVI, стр. 123. (Из Мемфиса).

XIX династия

5. Плита 1 года Рамсеса I. Дарение 50 аур.

W. Spiegelberg, ÄZ, т. 56, стр. 55. (ССМ, 1378).

6. Плита времени Рамсеса II. Дарение 7 хет.³

H. Gauthier, Ann. du Serv., т. 36, стр. 49 и сл. (СКМ $\frac{5}{35} | \frac{12}{1}$).

7. Плита времени Рамсеса II. Дарение 7 хет.

H. Gauthier, Ann. du Serv., т. 36, стр. 49. (СКМ, 65834).

XX династия

8. Плита времени Рамсеса III. Дарение 50 аур.

Не издана. Упоминается у A. Gardiner, *Papyrus Wilbour*, т. II, 1928, стр. 112—113. (Медамуд, № 5413).

¹ В настоящий перечень известных мне дарственных плит я не включила те плиты Каирского музея, которые Иверсен поместил в своем списке под №№ 2, 6 и 9 как не изданные. Первые две я не включила по той причине, что о них он не сообщает никаких данных, поэтому я была лишен возможности проверить, не тождественны ли они тем, уже изданным плитам этого музея, которых Иверсен в своем списке не указал. Третья же из них (№ 34024) на самом деле не является дарственной (она издана у Lacau. *Stèles du Nouvel Empire*, т. II. Catalogue Général du Musée du Caire). Возможно, что он спутал ее с плитой № 34021 того же музея (см. в моем списке под № 2), изданной давно в том же каталоге. Точно так же я не включила в свой перечень плиту Берлинского музея № 8438 (у Иверсена № 28), которая издана в Äz, т. 31, стр. 84, так как в ней идет речь о дарении не земли, а какого-то сооружения. Плита, найденная в Коптосе (у Иверсена № 35), равно как некоторые иные, им не упомянутые, здесь мной не учитываются: насколько можно понять их плохо изданные надписи, они касаются не дарения, а покупки земли.

² 1 аура = 2735 м².

³ 1 хет = 52.3 м².

XXI (?) династия

9. Плита времени Менхеперра (?).

Abd el-Mohem Bakir, Ann. du Serv., т. 43, стр. 75—81. (СКМ, 85647).

XXII династия

10. Плита 10 года Шешонка I. Дарение 10 аур.

Б. А. Тураев. Несколько египетских надписей из моей коллекции. ЭКОРАО, т. VII, стр. 1 и сл. (Государственный Эрмитаж, № 5630).

11. Плита времени Шешонка I.

Revue Égyptologique, т. V, таблица. (Стела Катун).

12. Плита 23 года Такелота I.

G. Daressy, Rec. de Trav., т. XV, стр. 175. (СФМ, 1806).

13. Плита 16 года Осоркона II. Дарение 42 ремен.¹

E. Iversen. Two Inscriptions concerning private donation to temples. (Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filol. Meddelelser, т. XXVII, в. 5, 1941). (СКМ, 45327).

14. Плита 9 года Такелота II. Дарение 10 аур.

G. Daressy, Rec. de Trav., т. 18, стр. 52 и сл. (СКМ, 31653).

15. Плита 25 года Такелота II. Дарение 35 аур.

G. Legrain, Ann. du Serv., т. 4, стр. 183. (СКМ, $\frac{9:6}{24:1}$).

16. Плита 3 года Шешонка III. Дарение 11 аур.

Не издана. (МИИ, № 4133).

17. Плита 8 года Шешонка III (?).

W. Spiegelberg, ÄZ, 56, стр. 57—58. Плита у торговца древностями.

18. Плита 14 года Шешонка III. Дарение 10 аур.

G. Daressy, Ann. du Serv., т. 16, стр. 61. (СКМ, 6/№).

19. Плита 18 года Шешонка III. Дарение 40 аур.

W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 35, стр. 41 и сл. (Музей Гиме, 73).

20. Плита 20 года Шешонка III. Дарение 200 аур.

G. Daressy, Rec. de Trav., т. 20, стр. 85. (Из Тук ал-Хамус).

21. Плита 28 года Шешонка III.

W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 34, стр. 43 и сл. (СБМ, 7344).

22. Плита 30 года Шешонка III.

W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 25, стр. 197. (ССМ, 1379).

23. Плита 31 года Шешонка III. Дарение 10 аур.

Издается в настоящей статье. (МИИ, I, 1а, 6547).

24. Плита 32 года Шешонка III.

W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 25, стр. 196. (СКМ, 6/№).

25. Плита 22 года Шешонка III (или V).

W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 25, стр. 194. (Ашмолеянский музей).

¹ 1 ремен — rmn = $\frac{1}{2}$ ауры.

26. Плита времени Пиман.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 15, стр. 145. (Из Телл-Баст).
27. Плита 19 года Шешонка V. Дарение 5 аур.
W. M. Müller. Dedication of a field... (Egyptological Researches, т. I, табл. 88).
(СКМ, $\frac{8}{24} | \frac{3}{11}$).
28. Плита времени Шешонка V. Дарение 42 аур.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 15, стр. 143. (СКМ, 45779).

XXIII династия

29. Плита времени Петубаста.
O. Koefoed-Petersen. Les stèles égyptiennes..., стр. 40, табл. 54.
(СКоМ, 917).
30. Плита времени Петубаста (?). Дарение 50 аур.
L. Loat. Gurob, стр. 8, табл. 19. (Из Гурова).
31. Плита 10 года Пефнифдикаста. Дарение 50 аур.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 21, стр. 138. (СКМ, $\frac{11}{21} : \frac{9}{14}$).
32. Плита 10 года Пефнифдикаста. Дарение 50 аур.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 18, стр. 43. (СКМ, 45948).
33. Плита времени XXII—XXIII династий.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 21, стр. 139. (СКМ, 6/№).
34. Плита времени XXII—XXIII династий. Дарение 10 аур.
W. Spiegelberg, ÄZ, т. 56, стр. 59. (СКМ, 6/№).
35. Плита времени XXII—XXIII династий. Дарение 5 аур.
W. Spiegelberg, ÄZ, т. 56, стр. 57. (ССМ, 1588).

XXIV династия

36. Плита 8 года Тифнахта. Дарение 10 аур.
W. Spiegelberg, Rec. de Trav., т. 25, стр. 190 и J. Capart. Recueil des Monuments, т. II, табл. 92. (САМ).

XXV династия

37. Плита 6 года Шабаки. Дарение 30 аур.
H. Brugsch, ÄZ, т. 34, стр. 83. (Плита частной колл.).
38. Плита времени Шабаки. Дарение 5 аур.
Не издана. Упомянута: E. Reyillout, PSBA, т. XIV (1892), стр. 238 (Лувр?).

XXVI династия

39. Плита 8 года Псамтика I. Дарение 10 аур.
E. Reyillout, PSBA, т. XIV, стр. 237—238. (Лувр).
40. Плита 23 года Псамтика I. Дарение 7(?) аур.
W. Spiegelberg, ÄZ, т. 56, стр. 58. (Из окрестностей Са ал-Хагар).

41. Плита 4 года Псамтика I (или Акрисса).
E. Schiaparelli. Museo Archeologico di Firenze, т. I, стр. 375, табл. VII.
(СФМ, 1639/2507).
42. Плита 1 (?) года Нехао.
A. Moret. Catalogue du Musée Guimet, стр. 99, табл. 43. (Музей Гима, 48).
43. Плита XXVI династии. Дарение 45 аур.
G. Legrain, Ann. du Serv., т. 7, стр. 226. (СКМ, 6/№).
44. Плита 2 года Псамтика II. Дарение 3 аур.
G. Daressy, Ann. du Serv., т. 9, стр. 192. (СКМ, 4680).
45. Плита 4 года Априеса. Дарение 1600 аур.
H. Kees, ÄZ, т. 72, стр. 40. (СКоМ, 1037).
46. Плита 13 года Априеса.
E. Drioton, Ann. du Serv., т. 39, стр. 121. (СКМ, 72038).
47. Плита 14 года Априеса. Дарение 12 аур.
E. Chassinat, Rec. de Trav., т. 25, стр. 58. (СКМ, 455).
48. Плита времени Априеса.
G. Maspero, ÄZ, т. 19, стр. 117. (Колл. Фармана).
49. Плита времени Априеса.
Не издана. Упомянута в: Ausführliches Verzeichniss d. Museen zu Berlin, 1899, стр. 254. (СБМ, 7780).
50. Плита 1 года Амазиса.
Не издана. Упомянута в: British Museum. A guide to the Egypt. Galleries (Sculpture), стр. 224. (СБРМ, 952).
51. Плита 1 года Амазиса.
Не издана. Упомянута у: H. Sottas. La préservation de la propriété..., 1913, стр. 158. (СБМ, 14998).
52. Плита 1 года Амазиса. Дарение 6(?) аур.
G. Maspero, Rec. de Trav., т. 15, стр. 86. (Колл. Данино-паши).
53. Плита 3 года Амазиса.
G. Maspero, ÄZ, т. 23, стр. 11. (СКМ, 6/№).
54. Плита неизвестного фараона.
Не издана. (Государственный Эрмитаж, № 18109).
55. Плита неизвестного фараона.
W. Berend. Principaux monuments du Musée Égyptien de Florence, стр. 54.
(СФМ, 2544).

1. Менуа. Надпись на 6 чашах; на одной из них текст выполнен письмом ассирийского типа (рис. 1), на остальных клиньями характерной для урартского письма формы (рис. 2).

"Me-pi-a-i-ni-i (вар. -ni-e-i) ú-ri-iš-ḥu-si-ni (вар. -ni-e-i)

[царя] Менуа крепости [букв. 'дом оружейный'], т. е. "чаша, принадлежащая крепости царя Менуа".

2. Аргишти. Надпись на одной чаше (рис. 3).

"Ar-gi-iš-ti-ni ú-ri-iš-ḥu-si-ni

[царя] Аргишти крепости'.

3. Аргишти. Надпись на одной чаше. В центре изображение головы птицы и ромба (рис. 4).

"Ar-gi-iš-ti-e

[царя] Аргишти'.

4. Сардури. Надписи на 14 чашах. В большинстве экземпляров над надписью изображение крепостной башни, с деревом, и головы льва, обращенной влево или вправо (рис. 5).

"SAR-du-ri-e BÍTU ú-ri-iš-ḥi (вар. -ḥu)

[царя] Сардури крепости'.

5. Сардури. Надписи на двух чашах, одна из которых отличалась от других ложчатыми выступами. Текст выполнен знаками ассирийского типа.

NÍG-GA "SAR-du-ri-e-i"

'Собственность [царя Сардури]'.

6. Сардури. Надписи на 67 чашах. На большинстве чаш изображение крепостной башни, с деревом, и головы льва, обращенной влево или вправо (рис. 6).

"SAR-du-ri [вар. -ri-i или -ri-e]

[царя] Сардури'.

7. Руса. Надписи на 5 чашах, выполненные небрежным письмом ассирийского типа. На всех чашах изображение крепостной башни, с деревом, и головы льва (рис. 7).

"Ru-sa-a-i-ni-e BÍTU ú-ri-iš-ḥu-si

[царя] Руса крепости'.

КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ЧАШАХ ИЗ РАСКОПОК НА КАРМИР-БЛУРЕ В 1949 г.

В 1949 г. археологическая экспедиция Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа продолжала раскопки крепости на холме Кармир-блур (древнеурартский город Тейшебани), около Еревана. Раскопками была открыта кладовая дворца урартского наместника, занимавшая большое помещение площадью ок. 300 м². В кладовой обнаружено 82 крупных глиняных сосуда (караса), врытых в земляной пол. На каждом из карасов было вырезано обозначение емкости в урартских мерах акарки и теруси (старое чтение — хируси). На 20 карасах эти обозначения были выполнены клинописью, а на остальных — иероглифическими знаками.

В последнем случае цифры обозначались кружками, причем иероглифические надписи, в отличие от клинописных, читались не слева направо, а справа налево. Над обозначениями меры акарки иногда помещались две перекрещенные линии, а знаки для дробной меры теруси выписывались под углом, составленным процарапанными линиями.

Кладовая была весьма значительной по объему; общая емкость всех 82 карасов составляла примерно 325 акарки, т. е. около 8000 л. В момент гибели крепости эта кладовая была пустой, и лишь 5 карасов в западной ее части оказались заполненными ячменем, пшеницей, просом и мукой. Отсутствие отверстий на дне сосудов заставляет нас предположить, что эти большие глиняные сосуды служили для хранения жидкости, вероятно вина, и считать заполнение пяти из них зерном случайностью.

В одном из карасов (№ 4) было обнаружено 97 бронзовых чаш, служивших пищевенной посудой, сложенных стопой одна в другую и прикрытых сверху деревянными дощечками. 40 чаш прекрасно сохранили свой первоначальный золотистый блеск и чистый звон. На всех чашах на дне имеются клинообразные надписи с именами четырех урартских царей VIII в. до н. э.: Менуа, Аргишти, Сардури и Руса. Надписи, выполненные глубокой чеканкой, размещены по кругу, центром которого служило углубление, образованное в процессе полировки поверхности. Надписи в большинстве случаев однотипны и дают всего 8 различных текстов.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

8. Руса. Надпись на одной чаше, выполненная письмом ассирийского типа. В центре три иероглифических знака (рис. 8):

一三三二二二二二二

^mRu-sa-a-ni ÅLÜ TUR-gi

[Царя] Руса город малый'.

Надписи на чашах не представляют трудности для перевода. Все они говорят о принадлежности чащ царям или же царским крепостям, на что указывают окончания родительного падежа при царских именах и словах *urišhusi* или *B̄TU urishhi* (вар. *urišhusi*). Надписи на чашах уточняют перевод этого слова, встреченного и на других предметах из Кармир-блура, на части бронзового запора с именем Русы II и на бронзовом щите Аргишти I. (Надписи опубликованы мною в „Эпиграфике Востока“, в. II и III, а также М. Исраелян в трудах Ереванск. Гос. унив., 1947, на арм. яз.). Оказывается, что слово *urišhusi*, выписываемое в текстах Сардури II, Руса I и Руса I с идеограммой или детерминативом *B̄TU* ‘дом’, в текстах Менуа и Аргишти встречается без знака *B̄TU*, т. е. вместо ‘дом оружейный’ (*B̄TU urishus*) или ‘дом оружия’ (*B̄TU urishhi/e*) передается лишь прилагательным *urishus* ‘оружейный’.

Надписи на чашах доказывают, что эти слова, выписываемые со знаком ВІТУ и без него, означают одно и то же слово: 'дом оружия', 'арсенал или же, вероятнее всего, 'крепость'.

При таком уточнении слова *urishus* начало надписи на щите Аргиши следует переводить: 'Аргиши крепости, сына Менуа, этот щит'.

Бронзовые чаши из кладовой, раскопанной в 1949 г., еще раз свидетельствуют о том, что в крепости Тейшебаини, построенной царем Руса II, хранились памятники более ранние, перенесенные, повидимому, из древних урартских центров в Закавказье.

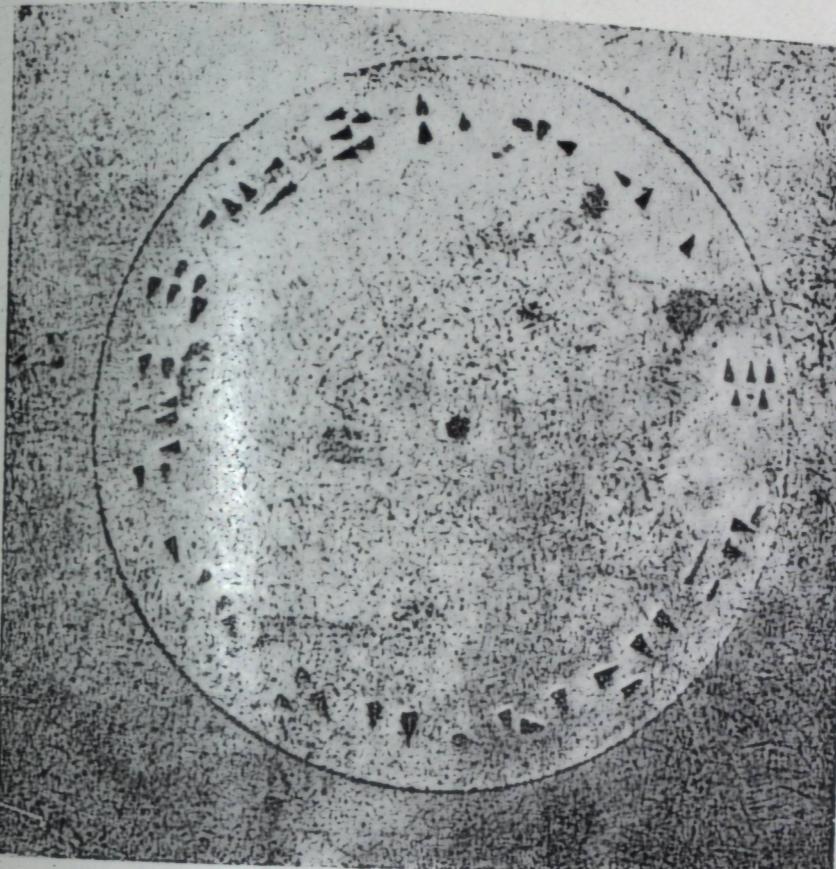

Рис. 2. Надпись на руле Меня.

Pinc. I. Hamric Japan and Mexico

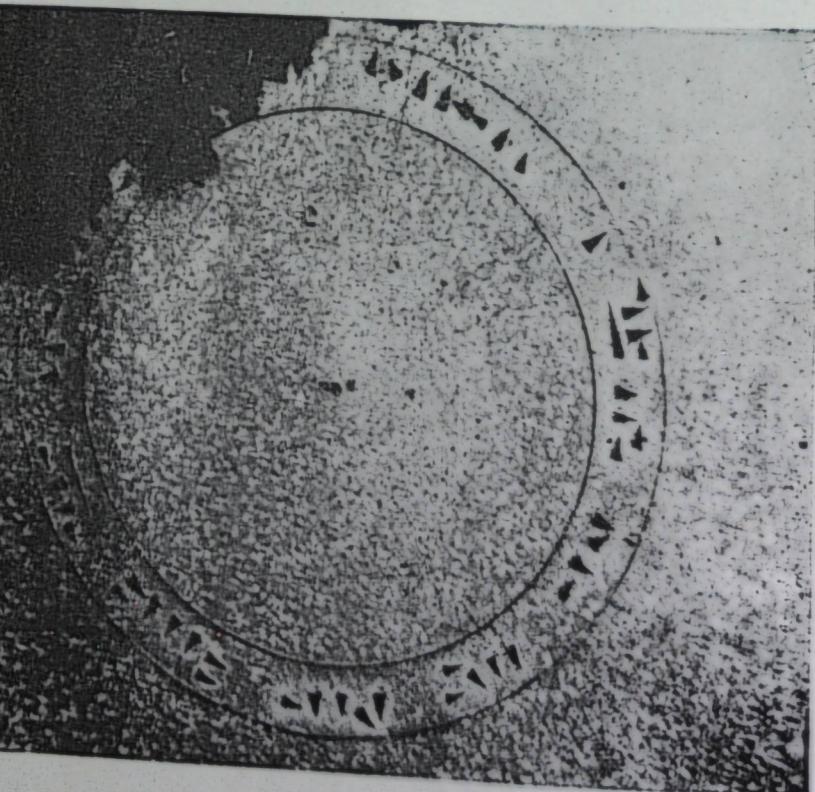

Рис. 3. Надпись царя Аргишти.

Рис. 4. Надпись царя Аргишти.

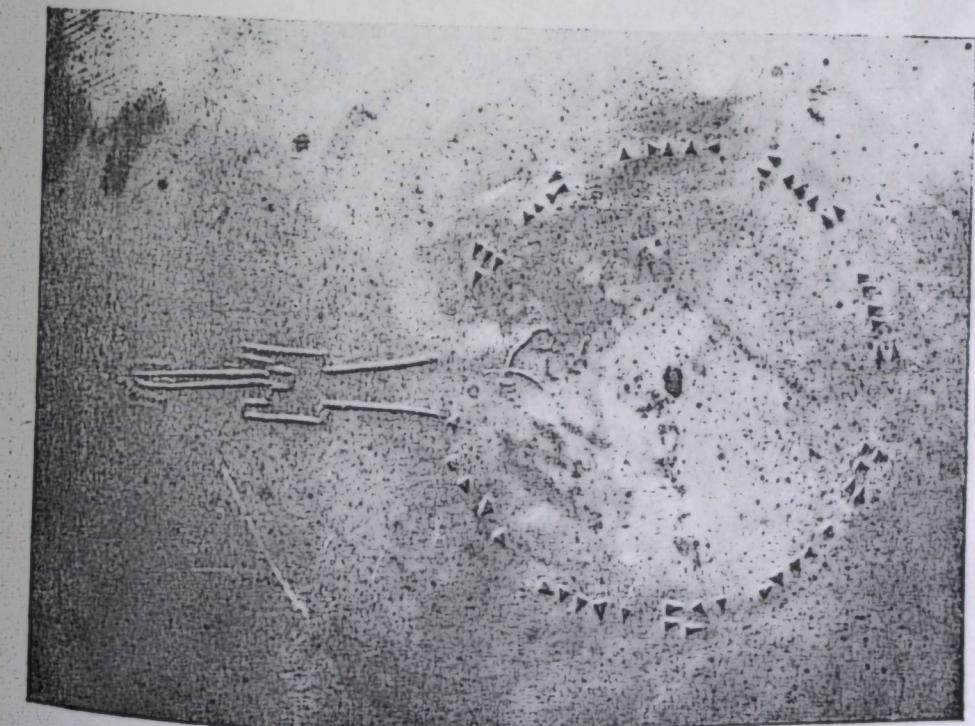

Рис. 5. Надпись царя Сардури.

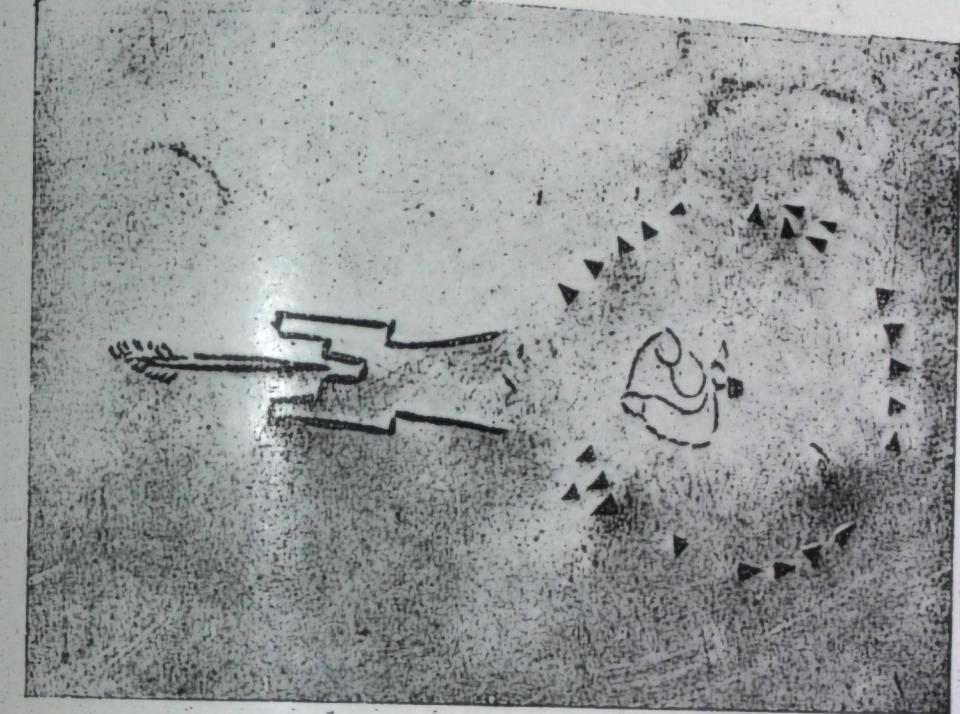

Рис. 6. Надпись царя Сардури.

Издательство "Советская азбука" опубликовало в 1951 г. книгу "Эпиграфика Востока" под редакцией профессора А. Н. Бернштама. Книга содержит статьи о памятниках древней культуры Китая, Японии, Кореи, Индии и других странах Востока. Особое внимание уделено археологическим находкам на реке Енисей.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

КИТАЙСКИЕ ЗНАКИ И НАДПИСИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ С ЕНИСЕЯ

Советские археологи и историки глубоко и с огромным интересом занимаются вопросами тесных экономических и культурных взаимоотношений с древнейших времен народов Китая и Советского Союза, поэтому следы древней культуры Китая, найденные по Енисею, приобретают большую историко-культурную значимость. Ниже идет речь лишь о памятниках китайского письма, которых, по сравнению с енисейскими руническими надписями, зарегистрировано здесь очень мало. Это объясняется тем, что надписи встречаются лишь на привозных предметах — монетах, зеркалах, плужных отвалах и пр. Единственным исключением в этом отношении является штампованный надпись¹ (рис. 1) на облицовочных черепицах здания китайской архитектуры.

Как известно, этот памятник был обнаружен в 1940 г. близ г. Абакана и исследовался Саяно-Алтайской археологической экспедицией и местными музеями.² Л. А. Евтухова, В. П. Левашева и др. датировали памятник ханьским временем Китая (206 г. до н. э.—220 г. н. э.).

Выступивший против такой датировки А. Н. Бернштам считал возможным отнести памятник к каракитайской культуре X в. н. э.³ Как у авторов

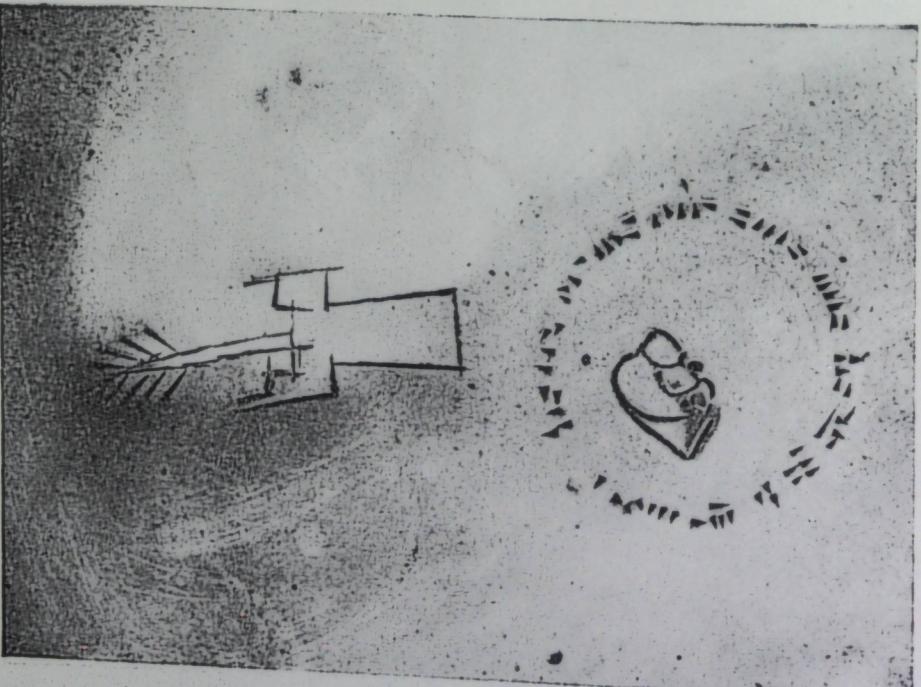

Рис. 7. Надпись царя Руса.

Рис. 8. Надпись царя Руса.

Рис. 1. Китайская штампованием, надпись на облицовочной черепице. (Хакасский областной музей, 1/2 н. в.).

¹ Такая надпись опубликована в КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 78; С. В. Киселев.

Археология Южной Сибири. М.—Л., 1949, стр. 271.

² Л. А. Евтухова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ г. Абакана. КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 72—84.

³ ИАН СССР, серия истории и философии, т. III, № 5, 1946, стр. 181; (Ответ) № 6, стр. 573—574.

8 Эпиграфика Востока, V

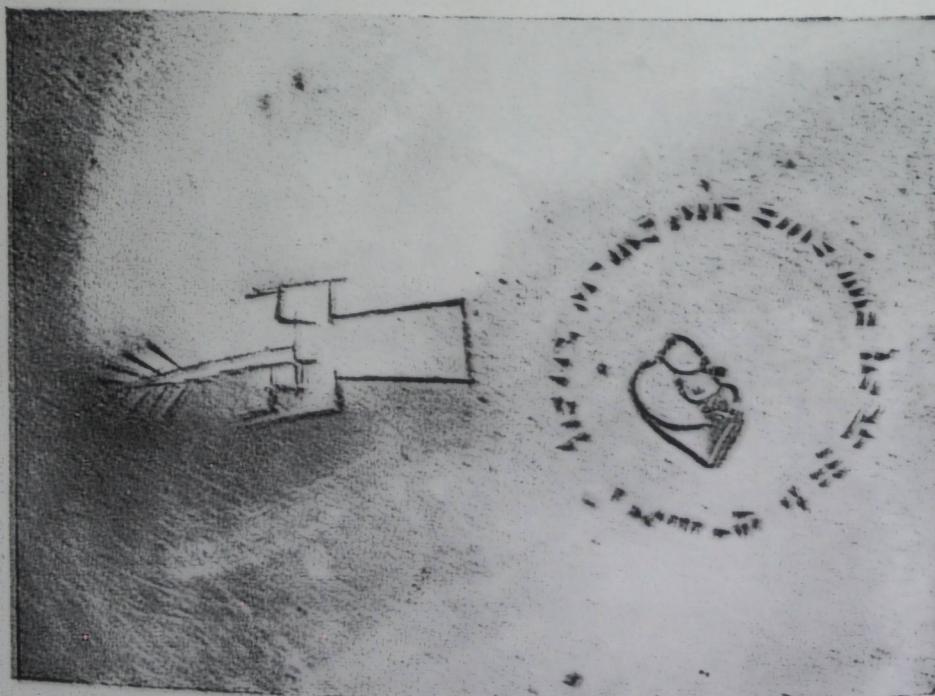

Рис. 7. Надпись царя Руся.

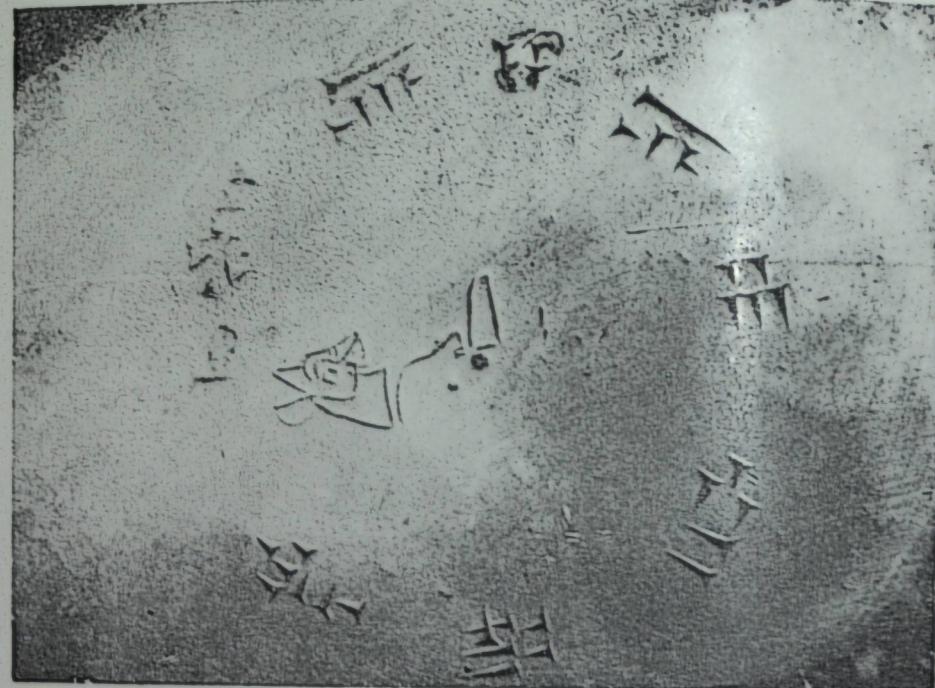

Рис. 8. Надпись царя Руся.

Как известно, этот памятник был обнаружен в 1940 г. близ г. Абакана и исследовался Саян-Алтайской археологической экспедицией и местными музеями: Л. А. Евтихова, В. П. Левашева и др., датированы памятник ханьским временем Китая (206 г. до н. э.—220 г. н. э.).

Выступивший против такой датировки А. Н. Бернштам считал возможным отнести памятник к каракитайской культуре X в. н. э.³ Как у авторов

¹ Такая надпись опубликована в КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 78; С. В. Киселев, «Феномен истории Южной Сибири», М.-Л., 1949, стр. 271.

² Л. А. Евтихова и В. П. Левашева, «Раскопки китайского дома близ г. Абакана», КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 72—84.

³ АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 5, 1946, стр. 181; (Ответ) № 6, № 5732—5747.

⁴ География Востока, X

География Востока, V

Э. Р. РЫГДЫЛОН

КИТАЙСКИЕ ЗНАКИ И НАДПИСИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ С ЕНИСЕЯ

Советские археологи и историки глубоко и с огромным интересом занимаются вопросами тесных экономических и культурных взаимоотношений с древнейших времен народов Китая и Советского Союза, поэтому следы древней культуры Китая, найденные по Енисею, приобретают большую историко-культурную значимость. Ниже идет речь лишь о памятниках китайского письма, которых, по сравнению с енисейскими руническими надписями, зарегистрировано здесь очень мало. Это объясняется тем, что надписи встречаются лишь на привозных предметах — монетах, зеркалах, плужных отвалах и пр. Единственным исключением в этом отношении является штампованный надпись¹ (рис. 1) на облицовочных черепицах здания китайской архитектуры.

Рис. 1. Китайская штампованная надпись на облицовочной черепице. (Хакасский областной музей, 1/2 н. в.).

исследования, так и у их оппонента доказательства очень обстоятельны. Попутно лишь упомянем, что В. В. Бартольд, говоря о христианском памятнике VIII в., найденном в Сиань-фу в 1625 г., указал на попытку применения китайской обрядности иезуитами и мусульманами с целью пропаганды идей своих религий. Далее, В. В. Бартольд писал: „В китайско-мусульманской литературе встречаются попытки сопоставления Мухаммеда с Конфуцием, в мечетях были таблички с именем китайского императора и пожеланием ему «десяти тысяч раз десяти тысяч» лет жизни¹, т. е. надпись, подобная надписи на черепице из района г. Абакана² местного изготовления. К привозным вещам с надписями относятся китайские монеты, весьма обстоятельно изученные археологами,³ а также плужные отвалы и зеркала. Надписи, встреченные на отвалах и зеркалах, рассматриваются в настоящей заметке.

Плужные отвалы

В 1948 г. в 70 км от г. Кызыла Тувинской автономной области, в местности Байтак, было обнаружено два сошника из светлой бронзы и четыре чугунных отвала (рис. 2). Один сошник языковидный, втульчатый и сплошной (дл. 37 см), а второй — составной и имеет вид усеченного конуса (дл. 25, шир. 8—20 см). Находка бронзовых сошников регистрируется в этих местах впервые.⁴ Отвалы все чугунные. Имеют они округлую форму и боковой выем. Одна сторона их гладкая,⁵ другая — слегка выпуклая. По краю диска две рельефные линии, а в середине их выступают симметрично расположенные четыре петли для прикрепления отвала к плугу. Между петлями на одном из отвалов обнаружены китайские иероглифы. Они имеют негативную форму⁶ и не плохую сохранность (рис. 3). К сожалению, два крайних иероглифа частично не отформовались, из-за близости их к линиям, обрамляющим

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд., ЛВИ, Л., 1925, стр. 98.

² По чтению акад. В. М. Алексеева, на абаканских черепицах сказано: 'Сыну неба [т. е. китайскому императору] 10 000 лет мира, а той, которой, [т. е. императрице] мы желаем 1000 осенией радости без горя'.

³ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1937 (эпоха железа); С. В. Киселев. Из истории торговли енисейских кыргызов. КСИММК, в. XVI, 1947; Л. А. Евтихова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакассов). Абакан, 1948.

⁴ Доставивший вещи в Тувинский музей П. И. Смирнов любезно сообщил нам о том, что находка обнаружена случайно возле Байтакской МТС на краю земляного кургана. Судя по описанию очевидца, земляная насыпь напоминает следы вышеупомянутого здания китайской архитектуры. Обломки черепиц китайского типа были найдены в Забайкалье, в низовье р. Хилка.

⁵ 'Отвалы' обычно имеют немного следов употребления.

⁶ Иероглифы были нанесены на форму в нормальном виде, а потому на отливе знаки получились в 'зеркальном отражении'.

диска. Если последний иероглиф по смыслу легко восстанавливаем как 年 — 'год', то первый представляет трудность, тем не менее это начало

Рис. 2. Бронзовые сошники и чугунные отвалы. (Тувинский областной музей).

название года правления 至元 или 安王. Отсюда чтение надписи двоякое. Первое чтение: 'Двадцать третий год Чжи-юаня', но продолжительность периодов, носящих в Китае данное наименование, было в одном случае семнадцать лет (1277—1294 гг., т. е. вторая половина периода правления Хубилая) и в другом — всего шесть (1335—1341 гг.). Здесь имеется явно несоответствие. Второе чтение: '23 год начала Аньвана', т. е. 378 год до н. э. или начало расцвета культуры бронзы в бассейне среднего Енисея, но невозможно допустить наличие в Китае чугуна в эту эпоху, и к тому же иероглиф 元 'начало' совершенно сюда не подходит.

Поэтому считаем возможным усматривать в надписи 23 год правления Хубилая, издавшего в 1269 г. указ о принятии так называемого квадратного монгольского письма взамен китай-

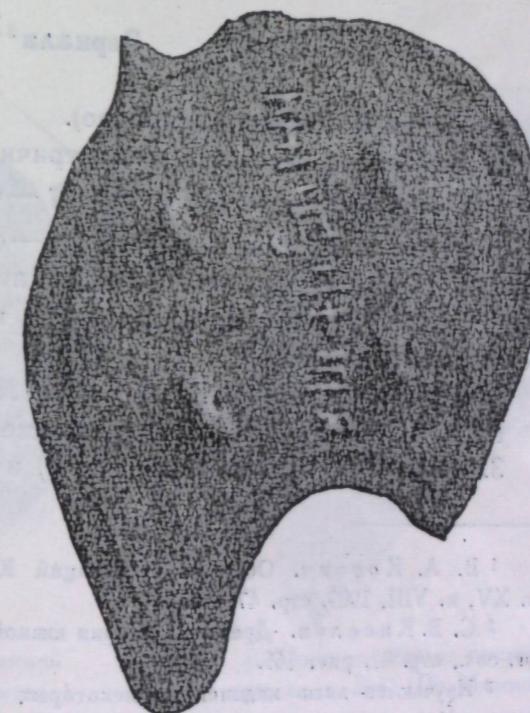

Рис. 3. Плужный отвал с надписью (1/4 н. в.).

ского, и как раз на монгольском данная династия называлась Чжи-юанем (至元). Выпускались под этим же наименованием ассигнации¹ и пр.

Следует далее отметить наличие значительного количества чугунных отвалов и сошников, собранных Н. М. Мартыновым из южной части Минусинской котловины и из Тувы. Коллекция хранится в Минусинском музее, носящем ныне имя его основателя Н. М. Мартынова. На некоторых плужных отвалах заметны китайские иероглифы. Сохранность их плохая, но можно различать на отвалах №№ 1187 и 1188 刊家—кань-цзя и 刊 (или 刑—син) 喜—кань-шань. Это знаки мастеров или мастерских, как то: 'формовщик', 'выпускать', 'изготавлять' и пр. Затем, на отвалах №№ 1191 и 1195 видны 王... и 王喜 'ван...' ван-шань', т. е. 'Ван [фам. знак] Ван смастерили [?].

На диске № 1197 можно прочесть 'Чжан-шань' [?], т. е. 'Чжан изготовил', или название местности. Наконец, на отвале № 1201 видны еще три иероглифа, заключенные в раму, на двух других отвалах — по два знака, но разобрать их не удалось.

Подобная надпись на чугунном отвале, хранящемся в Государственном историческом музее, была расшифрована китайскими учеными как 'человек сделал' и датирована танским временем.²

Зеркала³

1. Зеркало № 5193 (с. Марьево).

На нем четыре иероглифа, симметрично расположенные крест-на-крест. Вертикальная пара иероглифов 是命 — чжан-мин, что в переводе значит 'долголетие', и горизонтальная 富貴 — фу-гуй 'богатство и знатность' (рис. 4). В. М. Алексеев подобные надписи перевел так: '[Да будут тебе долгая жизнь, богатство и знатность]' и '[Да будет мне долгая жизнь, богатство и знатность]'.

2. Зеркала № 5188 (с. Кантерево) и № 5055 (с. Идра).

На них такие же иероглифы с теми же значениями, как у зеркала № 5193.

3. Зеркала № 5189 (с. Означенное) и № 5097 (с. Саянское).

Рис. 4. Китайское зеркало из с. Марьево. (Минусинский музей, н. в.).

Рис. 5. Китайское бронзовое зеркало. (Минусинский музей, н. в.).

Рис. 6. Китайское зеркало танской династии из ст. Сон (белый металл) (Хакасский областной музей, 3/4 н. в.).

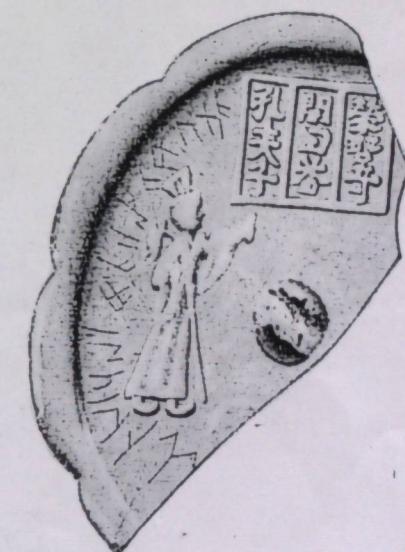

Рис. 7. Бронзовое зеркало танской династии из с. Беля. (По Мартину).

¹ В. А. Коткин: Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае. Изв. РГО, т. XIV, № VIII, 1969, стр. 474—477.

² С. В. Ковалев: Древний историк южной Сибири, стр. 32; Л. А. Евтухова, док. соч., стр. 62, рис. 163.

³ Научные китайские иероглифы на некоторых зеркалах, а в целом коллекциях китайских зеркал Минусинского музея исследуются В. П. Ленинченко.

⁴ В. М. Алексеев: Описание китайских монетоидных медальонов, находящихся в собрании Национального музея Финляндии в Хельсинки. СПб., 1907, стр. 65, § 3; ср. это же 'Описание китайских монетоидных медальонов и бронзовидных медальонов из коллекции акад. Эрмитажа' (СПб., 1912, стр. 5, § 3 и стр. 840).

Рис. 8. Китайское зеркало (белый металл) шестой династии. (Минусинский музей, 1/2 и. в.).

Рис. 9. Бронзовое зеркало шинской династии (1198 г.). (Минусинский музей, 11. и.).

На них изображены сильно стилизованные иероглифы, которые, повидимому, сходны с предыдущими.

4. Зеркала №№ 5197, 5198, 5199 и 5054 (бронза).

На них имеется по четыре иероглифа, верхние части которых направлены к краю зеркала, т. е. для чтения иероглифов надо поворачивать зеркало по движению солнца.

Иероглифы сильно стилизованы и к тому же стерты. Благодаря подобным надписям на зеркалах, опубликованным в одном китайском исследовании,¹ удалось расшифровать наши иероглифы.

Вот они: 家常貴富—ця чен гуй фу, т. е. 'семье постоянно знатность и богатство'.

По смыслу благопожелания можно предположить, что это зеркала из тех видов зеркал, которые дарили в Китае молодой семье (в составе свадебных подарков), а также преподносились высоковозрастным старцам в день их юбилея и служили в семье амулетами.

Естественно, подобные зеркала имели широкое распространение в самом Китае и также вне его. Поэтому трудно их точно датировать, но нам кажется, что объединение таких зеркал в китайской публикации с зеркалом, датированным ориентировочно IV—VI вв. н. э.,² не лишено основания.

5. Зеркало № 5191 (бронза).

По краю круглого зеркала надпись из восьми иероглифов—以銅爲鏡可正衣冠—И тун вей дянь кэ чжен и гуань, значение которых таково: 'Когда медь становится зеркалом, тогда можно по-настоящему надевать шапку' (рис. 5). Это, видимо, образчик бытового зеркала, но, к сожалению, нам не удалось найти подобных зеркал в публикациях древностей.

6. Зеркало № 5194³ (белый металл).

Это довольно распространенный вид зеркала. Хранятся еще такие же зеркала в Абаканском⁴ (рис. 6) и Томском⁵ музеях. Кроме того, несколько зеркал опубликовано.⁶ Надпись расположена на верхнем краю зеркала и состоит из 9 иероглифов.

金石索—Цзинь-ши-со—„Археологическое исследование о металлических каменных предметах“, т. I, в. б, л. 53, фиг. 1, 2 и 3. Автор Фэн Юй-пин, 1822.

² См. ниже, зеркало № 5195.

³ В Минусинском музее прекрасная копия, а подлинник хранится в Стокгольме.

⁴ Случайная находка, ст. Сон Хакасской автономной области.

⁵ Из с. Бейского Хакасской автономной области. См.: Л. В. Маракуев. Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета, Учен. Томск. унив., т. III, стр. 145—152.

⁶ Chinese Bronze Mirrors, by Millan Ruper and O. J. Todd. Sang yo press. Peiping, 1935, p. 80; Цзинь-ши-со, т. I, в. б, л. 59; The Tokwaan-Kokyo Zuroku..., табл. XLIX

⁴ 4p.

Транскрипция	1	2	3	III	II	I	Текст
I	Юн	Ци	ци	孔	問	榮	1
II	вень	юе	да	夫	日	戶文	2
III	Кун	фу	цзы	子	答	奇	3

Значение: 'Юн Ци-ци отвечает на вопрос Конфуция', т. е. эта надпись к рисунку, который как бы иллюстрирует одну из популярных легенд,¹ связанную с именем Конфуция. Данный вид зеркала датируется танским временем, что подтверждается наличием на подобном зеркале древнетюркской надписи, прочитанной В. В. Радловым (рис. 7).²

7. Зеркало № 5195 (белый металл).

Надпись состоит из 16 иероглифов, расположенных по четырем сторонам квадратного зеркала (рис. 8).

鍊百金精	I	цзинь	цзинь	бай	аян
極思鑒有	II	ю	дянь	сы	цзи
生長育子	III	цзы	юй	чан	шэн
識相神形	IV	син	шэнь	сян	ши
4 3 2 1		1	2	3	4

Дословный перевод надписи таков: 'Превосходный металл, стократ очищенный [плавкий]. Имеется зеркало [для] особого размышления. Сына воспитать [на] долгую жизнь. Вид и дух [его] взаимно знались'.

Если увязать их между собой и дать смысловой перевод, то он будет гласить:

'Стократ очищенное плавкою превосходное металлическое зеркало, чтобы вырастить сына на долгие годы, который был бы богат знанием и здоров телом'.

¹ F. R. Martin, Sibirica, Stockholm, 1897, табл. 26.

² 'Человек Аххоз-Тешик... кусок моего зеркала' или 'Человек Аххоз-Тешик... одно из моих зеркал'; см.: ATIM, Dritte Lieferung, 1895, р. 346.

Под надписями имеются три ломаные линии, так называемые „Ба-Гуа“ (八卦), для вычислений при гадании.¹

Очевидно, это один из видов амулета, даруемый по случаю рождения или ради рождения сына. Исследователь китайских древностей, автор Циньшико, археолог Фын-Юнь-пын на основании графической особенности надписи на таком же зеркале, склонен датировать его временем „Шести династий“ (221—589 г. н. э.), но мы располагаем более веским материалом для датировки, а именно: в одном углу нашего зеркала нацарапана руническая 𠂔—эр, и через два иероглифа — 𩫚—дэ. Таким образом, зеркало смело датируется эпохой рунического письма на Енисее, т. е. танским временем Китая, как и все прочие зеркала с руническими знаками.²

8. Зеркало № 5075 (бронза).

Надпись расположена по краю зеркала (рис. 9). Отдельные иероглифы не ясны, и стиль надписи своеобразен. Известно другое зеркало с двумя карпами.³ Надпись на нем полнее, чем на нашем зеркале. Ниже приводим оба текста, заключив в скобках разночтения.⁴

Текст

運 (路) ¹⁰	東	西	陝	曰	元 ⁵	上	年	三	安	承 ¹
錄 (官) [造]	監?	?	匠	作)	造 ¹⁵ (局)	官	同			
? 高使運 (轉研)	控	提	?	任 ²⁵	事					

Транскрипция

[1] Чен'янь сан нянь шан⁵юань юэ Шен си дун¹⁰(лу) юнь

[2] си гуань (цзой)¹⁵цзау (цзо Цзян? ?²⁰) Цзянь [цзау] (Гуань) лу

[3] ши²⁵Жень? Ти кун (со³⁰ чжуань) юнь ши Гау?³⁵

¹ Ср.: В. М. Алексеев. О некоторых главных типах китайских зеркальных изображений по народным картинам и амулетам. ЭВО, т. XX, в. II и III, стр. 9.

² В. В. Радлов. ATIM, стр. 346; А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические надписи из Семиречья. Эпиграфика Востока, в. II, стр. 108—110, рис. 3.

³ The Tokwaan-Kakyo-Zuroku or Ancient Chinese Mirrors from the Collection of Late Kenzo Tomioka. Kyoto, Japan, 1924, табл. L.

⁴ В круглых скобках помещены иероглифы, которые встречаются только в указанной публикации, а в квадратных — иероглиф только нашего зеркала. Знаки 19 и 20 публикации стерты и знаки 27 и 35 приняты автором публикации за печать (抑 'я'). Возможно, по нашей надписи 抑 'я' — 27-й иероглиф, а что касается 35-го, то он — просто разделительный знак, в виде овала.

Перевод

'Изготовлено в 3 году правления Чэн-ань,¹ 15 числа 1-го лунного месяца, в восточном [округе] Шэнь-си, Государственным Транспортным управлением, [мастер... такой-то?], контроль [осуществил] государственный писарь Жень, транспортный гонец учреждения Ти кун со Гао'.

И. Н. ВИННИКОВ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ ФИНИКИЙСКИЕ НАДПИСИ

Трудно переоценить значение, которое имеют для науки открытые в 1947 г. в Киликии, в районе Каратепе, финикийские надписи. Это значение далеко не исчерпывается тем совершенно исключительным по своей ценности и огромным по своему объему материалом по финикийскому языку и письменности, который они содержат. Никакие другие из известных нам финикийских надписей не могут соперничать с ними в этом отношении. Можно с уверенностью сказать, что новые надписи сыграют решающую роль в деле дешифровки хеттского иероглифического письма, что, по мнению некоторых ученых, поставит киликийские надписи рядом с такими памятниками культуры, как Розеттский камень и Бехистунская надпись.

Надо сказать, что, несмотря на достигнутые за последние 20 лет благодаря усилиям ряда крупных ученых значительные результаты в области дешифровки хеттского иероглифического письма, эту задачу никак нельзя считать решенной. Некоторые основные вопросы все еще продолжают оставаться невыясненными. Во-первых, совершенно не ясно значение применяемых в хеттском письме, наряду со знаками для обозначения отдельных (как правило открытых) слогов, знаков для обозначения целых слов (идеограмм). При этом, как учит опыт, хеттская иероглифика сама по себе может служить надежной базой для разрешения указанного вопроса. Во-вторых, остается еще невыясненным или спорным фонетическое значение целого ряда знаков для обозначения отдельных слогов. В-третьих, довольно большом количестве слоговых знаков удалось с несомненностью установить фонетическое значение только согласного элемента слова; что же касается фонетического значения гласного элемента, то в этом вопросе, в каждом случае в отношении многих слоговых знаков, среди ученых нет единства.

В районе Каратепе вместе с финикийскими надписями обнаружены не менее обширные хеттские иероглифические надписи, содержание которых, поскольку можно судить по опубликованным пока первым 55 словам хеттского иероглифического текста, так близко совпадает с содержанием надписей финикийских, что эти надписи следует рассматривать как билингву, это дает основание полагать, что при помощи финикийских надписей

¹ 1198 г. (династия Чжинь) или Юн-ань (1099—1102 гг. Сися). За ценные указания, в частности на название династии Сися, мы обязаны проф. Н. В. Кюнеру.

демифровка хеттской иероглифики быстро и решительно продвинется вперед.¹

Новые финикийские надписи дают ценный материал и по истории северо-семитского письма, его эволюции и области распространения.

Уже сейчас можно сказать, что киликийские надписи в эпиграфическом отношении отличаются от известных нам из этого района надписей. Я имею в виду прежде всего финикийские и арамейские надписи из Зенджирли, что всего километрах в сорока от Каратепе. Во-первых, киликийские надписи не имеют словоразделителей. Во-вторых, многие буквы в них, как, например, вав, нун, қоф, йод, шин, зайн, мем, каф, то обнаруживают более архаичные черты, то приближаются к более поздним формам. Но детальное исследование этого вопроса возможно будет только после того, как все найденные надписи будут надлежащим образом изданы.²

На рис. 1 дан отрывок финикийской надписи на статуе (столбец III).³

В районе Каратепе открыты три финикийских надписи, которые представляют три версии одного и того же текста. Одна надпись обнаружена на статуе. Эта надпись покрывает все стороны статуи и состоит из четырех столбцов: первого, насчитывающего, вероятно, 23 строки, но от которого сохранилось, и то не полностью, лишь несколько строк; второго — из 15 строк более или менее удовлетворительной сохранности; третьего — из 20 строк, полностью (за исключением трех букв в строке 20) и прекрасно сохранившихся (этот столбец воспроизведен нами на рис. 1); четвертого, состоявшего, вероятно, из 21 строки, которые плохо сохранились. Другая надпись обнаружена на обломке льва. Она носит фрагментарный характер и состоит из 7 неполных строк. Третья надпись (рис. 2)⁴ покрывает поверхность четырех ортостатов, часть подножья ортостатов и стоящего у ворот льва. Она состоит из трех столбцов. Первый столбец занимает два ортостата (0.79×1.27 м и 0.24×1.25 м) и имеет 21 строку; второй столбец занимает один ортостат (0.74×1.27 м) и имеет 19 строк; третий столбец также занимает один ортостат (0.78×1.25 м) и имеет 18 строк. После строки 18 третьего столбца надпись продолжается одной горизонтальной линией по подножью двух ортостатов влево и заканчивается на льве. Эта надпись совершенно исключительной сохранности. Все ее 400 с лишним слов, составляющие 65 строк, ясно и четко написаны. Только три буквы в строке 41 (III:1)⁵ и одна буква в строке 42 (III:2) повреждены, но и они восстанавливаются

¹ О значении финикийских надписей из Киликии для демифровки хеттских иероглифов см.: H. G. Güterbock. Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen. Eranos, XLVII, 1949 (Fasc. 3—4), стр. 93—115. Автор несколько переоценивает достигнутые результаты в демифровке хеттской иероглифики.

² См.: A. M. Honigman. Phoenician Inscriptions from Karatepe. Le Muséon, LXI (1—2), 1948, стр. 43 и сл.

³ Транскрипция и перевод отрывка даны в "Приложении".

⁴ Взят из книги: H. Th. Bossert, U. B. Alkim, N. Çambel, N. Ongunsu ve I. Süzen. Die Ausgrabungen auf dem Karatepe. Ankara, 1950.

⁵ Римскими цифрами обозначены столбцы надписей, арабскими — строки.

Рис. 1. Отрывок надписи на статуе. (Столбец III).

с полной убедительностью. Надпись на ортостатах представляет версию наиболее пространную и, по всей вероятности, наиболее позднюю. Сохранившиеся части надписи на статуе почти буквально совпадают с соответствующими частями надписи на ортостатах (так, например, стат. II:1—15 = ортост. I:13—21, II:1—2; стат. III:1—16 = ортост. II:2—19 и т. д.). Точно так же все 27 слов надписи на обломке льва в той же последовательности входят в состав надписи на ортостатах (I:20—21, II:1—12).

Что касается вопроса о времени, к которому должны быть отнесены найденные в районе Каратепе надписи, то, как мне кажется, наиболее вероятной датой являются годы 830/825—815/810 до н. э. Ведь к этому времени приблизительно относится и найденная в Зенджирли надпись царя Киламува (ок. 830—810 или 815 г.), в которой говорится: 'и одолел меня царь дануннитов'. Этот 'царь дануннитов' и есть, по всей вероятности, царь Азитавадд, о котором говорится в наших надписях. Точно так же концом IX в. до н. э. датируется и надпись из Хамата царя Закира, в которой упоминается 'царь долины и его войско'. В 'царе долины', кажется мне, можно усматривать именно Азитавадда, который называется в наших надписях царем Долины Адана. Наконец, события, о которых говорится в надписях из Киликии, могли иметь место только во время упадка Ассирии, что вполне может быть приурочено к последним годам Салманасара III (ум. в 824 г.) и годам царствования его сына Шамшиадада (824—811 гг.).

В настоящей статье мне хотелось бы лишь выявить весь тот новый лингвистический материал, который содержит финикийские надписи из Киликии.¹ Мне казалось наиболее целесообразным расположить этот материал в алфавитном порядке с тем, чтобы составленный таким образом список мог служить также дополнением к существующим финикийским глоссариям.

Но раньше, чем перейти к изложению лингвистического материала, считаю необходимым сделать одно замечание.

Все исследователи при толковании финикийского текста стремились как можно ближе согласовать его с опубликованным отрывком хеттского текста, не всегда учитывая при этом особенности и возможности семитской речи и общий смысл текста. Так, на основании только хеттского текста выражение: 's 'dr 'wrk mlk dnnum (столбец I, строка 2) переводится: '[Я—Азитавадд, благословенный Баалом, раб Баала]', которого возвеличил 'wrk [или: Аврикк], царь дануннитов', а выражение: wml' 'nk 'qrt (столбец 1, строка 6) переводится: 'и заполнил я склады [или: арсеналы, или: строения]'. Если я разрешал себе иногда не следовать по этому пути и некоторые финикийские слова и выражения толковать самостоятельно, то руководствовался следующими соображениями.

¹ В нашей статье „Новые финикийские надписи из Киликии“ (Вестн. древн. ист., 1950, № 3) приведена надпись на ортостатах и даны перевод и комментарий.

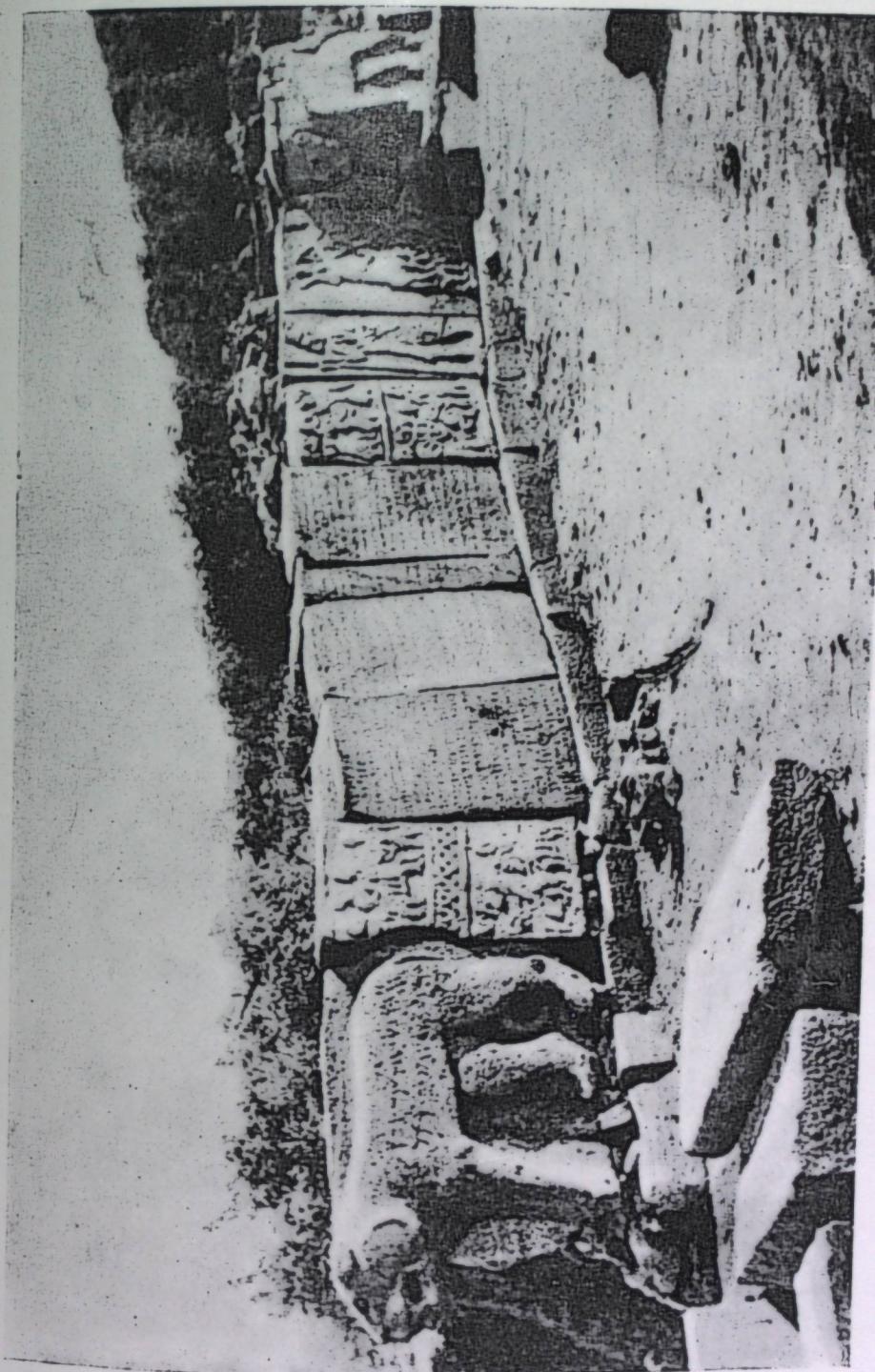

Рис. 2. Надпись на ортостатах.

Во-первых, хотя финикийский и хеттский тексты, как уже указывалось выше, представляют билингву, необходимо, однако, признать, что ни один из этих текстов не является буквальным переводом другого. При сличении финикийского текста с опубликованным отрывком хеттского текста оказывается, что оба текста сохраняют индивидуальные особенности, вызванные различиями в мировоззрении, религиозных представлениях и социальных учреждениях у обоих народов. Так, например, в финикийском тексте: 'Я—Азитавадд, благословенный *Ваалом*', в хеттском тексте: 'Я—Аситавандас, человек моего *Солнца*'; в финикийском тексте: '*Ваал*', в хеттском тексте: '*Тархун*'; в финикийском тексте: '*Ваал* поставил меня *отцом и матерью дануниитам*', в хеттском тексте: '*Тархун* поставил меня *матерью и отцом...*'; в финикийском тексте: 'чтобы расширил я земли Долины Адана от восхода *солнца* до его заката', в хеттском тексте: '... на запад и на восток'.

Во-вторых, надо сказать, что опубликованный Боссертом¹ отрывок хеттского текста, как справедливо указал Гютербок, не является публикацией текста в строго научном смысле слова. В отличие от обычного расположения иероглифов в хеттских надписях друг под другом небольшими, следующими одни за другими, то вправо, то влево, сливающимися вертикальными рядами, Боссерт расположил иероглифы друг за другом, в одном и том же направлении, разделив их на отдельные слова. Далее, надо еще иметь в виду, что первые 17 хеттских слов взяты Боссертом с ортостата, составленного им самим из отдельных обломков, что при подборе и размещении обломков Боссерт руководствовался главным образом финикийским текстом и что, по собственному его заявлению, часто нелегко было установить действительную последовательность знаков. Само собой разумеется, что при таком способе передачи текста у нас не может быть полной уверенности в его безусловной точности.

СПИСОК СЛОВ, СЛОВОСОЧЕТАНИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ, ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ФИНИКИЙСКИХ НАДПИСЯХ ИЗ КИЛИКИИ²

'bt	вражда; b'bt враждебно (ср. Num. 35, 21).—w'r b'bt p'l n kl mlk 'хотя все цари и действовали враждебно против меня'—I:12.
'gddm	мн. ч. отряды, шайки.—b'l 'gddm 'начальники отрядов' (ср. II Sam. 4,2)—I:15.
'dn	см. 'mq 'dn—I:4.

¹ H. Th. Bossert, Oriens, I, Heft 2, 1948, стр. 163 и сл.

² Звездочкой обозначены слова уже известные, но это не относится к формам и словосочетаниям, приведенным при этих словах. Римскими цифрами обозначены номера столбцов надписи на ортостатах, арабскими цифрами — номера строк. Б — Боссерт, открывший финикийские и хеттские надписи в Киликии.

*'dnm мн. ч. от 'dn 'господство, владычество' — bt 'dny 'дом господства моего'; šrs 'dny 'корень господства моего' — I:10. — 'dr ' прославлять, воздавать славу'. Имперфект 3 л. мн. ч. y'dr — III:10.

*'dr 'муж могучий' (ср. в аккадском: zi-ka-ru. ƙar-du) — I:2. w'z 'dr 'и власть могучую' — III:6.

? (в хеттском тексте: ā-wa+^{ra}-ku-s. Б.) — I:2.

'wrk и сб. Звучало, вероятно, Азитавадд или Азитавадда (в хеттском тексте: ā+s-i-t-a-wa-^{"da}-s. Б.) — царь, от имени которого говорится в надписи — I:1; III:3, 5, 10, 11, 13, 14, 15, 16.

'ztdy название города, который построил Азитавадд (звукало, вероятно, Азитаваддий) — II:10, 18.

*'lm мн. ч. боги. — b'br b'l w'lm 'ради Баала и богов' — I:8; II:6; III:11; wkl dr bn 'lm 'и весь род сынов божьих' — на подножье:1.

*'lnm боги. — wkl 'ln qrt 'и все боги города' — III:5.

*'lp мн. ч. 'lpm 'крупный скот' — III:8.

*'p даже, хотя — w'p b'bt 'хотя и враждебно' — I:12; 'm 'p 'или же' — III:14.

'ps но, только, а — на льве:1.

'rk умм долгоденствие — III:5.

*'rs мн. ч. *'rst 'страна', — 'rst 'zt 'страны сильные' — I:18.

'rs 'mq 'dn страна Долины Адана — I:4; II:15.

*'s человек — 's 'dr 'муж могучий' — I:2.

*'s — b's 'там, где' (ср. ba'šer 'там, где' Gn. 21, 17; Jud. 5.27; Ruth 1,16; Job 39, 30) — I:14.

b

b- с суфф. 3 л. *bn 'в него, в нем' (ср. надпись Эшмуна-азара, 5) — II:18; III:8.

*bl не. — 's bl 's 'bd kn 'где никто не был подвластен' — I:15; 's bl 'n 'которые не покорили' — I:19; wbl kn mtmll 'и не было изнемогающего' — II:16.

*bny строить. Inf. constr.: bnt. — šlh_n lbn 'послали меня строить' — II:11; wbn 'nk (причастие + лично. мест.) 'и построил я' — I:13, 17; II:9, 17; wbny (причастие + суфф. 3 л.) 'nk 'и построил я его' — II:11.

bn 'lm сыны божьи. — wkl dr bn 'lm 'и весь род сынов божьих' — на подножье:1.

b'br ради. — b'br b'l w'lm 'ради Баала и богов' — I:8; II:6;

III:11; b'br b'l wb'br ršp šprm 'ради Баала и ради Решеф-Цпрам [?]' — II:11, 12.

b'l ж. р. b'lt 'имеющий, обладающий'. — ba'lt šb' wtrš 'обилен хлебом и вином' — III:7; b'l 'lpm wb'l s'n wb'l šb' wtrš 'обладающий крупным скотом и овцами, хлебом и вином' — III:8, 9.

название божества (?) — II:19; III:2, 3, 4.

благословенный Баалом (в хеттском тексте: солнце — ma-s, человек — t-a-s: человек моего Солнца. Б.) — I:1.

дом господства, династия — I:10.

дом Мопша (?), повидимому, название династии царя Азитавадда — I:16; II:14, 15; III:11.

g

*gbl мн. ч. *gblm 'граница'. — gbl (мн. ч. с суфф. 1 л.) 'мои границы' — I:21.

d

dnnym (dnn + y + m) название жителей страны, где царствовал Азитавадд — I:2, 3, 4, 5, 6, 17, 18, 21; II:8, 16, 17.

dr поколение, род. — wkl dr bn 'lm 'и весь род сынов божьих' — на подножье:1.

drk дорога. — llkt drk 'ходить дорогами' — II:5.

h

(blk)ходить. Inf. constr.: lkt. — 's yst' 'dm llkt drk 'где человек боялся ходить дорогами' — II:4.

*hmt те. — bmqmm hmt 'в тех местах' — I:17.

zbh умм ежегодное жертвоприношение (ср. I Sam. 1, 21; 20, 6) — III:1.

zr другой — III:16.

h

*hw_y pi'el 'оживлять'. — yhw имперфект 1 л. — I:3.

hkmt мудрость. — bhkmt 'по мудрости моей' — I:13.

hmd желать, пожелать. Имперфект 3 л. yhmd — III:14.

hm_{dt} strastnoe желание, жадность, алчность — III:17.

hmt мн. ч. hmyt 'стена', укрепление. — hmyt 'zt 'стены крепкие' или 'укрепления мощные' — I:13.

hnt мн. ч. ḥnyt 'селение'. — wbn 'nk ḥnyt 'и построил я селения' — I:17.
hrš пахота; посев. — wb't hrš 'и во время пахоты' — III:1.

ylk

повинность (ср. вав. ilku — 'подать, налог, повинность' и арам. h^alāk вид повинности). — wylk zbh 'а повинность жертвоприношения' — II:19.

umm
yrḥ

см. zbh уmm — III:1.
луна. — km šm šmš wyrḥ 'как имя солнца и луны' — на льве:3.

*yṣb

сидеть, жить. Inf. constr.: šbt. — l-šbt-nm 'для их жительства' — I:17; šbt n'mt 'легкая, приятная жизнь' — II:7, 13; wyṣb (причастие) 'nk 'и восселил я'. — *yif'il 'помещать, поселять'. — yṣbt (перфект 1 л.) šm 'я поселил там' — II:1; yṣb (имперфект 1 л.) 'nk 'я поместила' — II:18.
давать. Inf. constr.: tt. — lty 'чтобы он дал' или 'чтобы дал ему' — III:4.

ytн

k

*k-, *km
krntryš

km šm 'как имя' — на льве:2.
? см. b'l krntryš — II:19.

l

lb

сердце. — wbn'm lby 'и по доброте сердца моего' — I:13; bnht lbnm 'в покое сердца своего' — I:18; wnht lb 'и покой' — II:8; wbnht lb 'и в покое' — II:13, 14.

l'y

работать, трудиться (ср. арам. l'y). Имперфект 3 л. мн. ч. yl' — III:9.

lpm

прежде (ср. Dt. 2: 10, 12; Jeh. 11, 10; 14, 15; 1 Sam. 9,9 и т. д.) — II:4.

m

mgn
*mhy

щит — I:7.
стирать; истреблять. — wmh перфект 3 л. с wāw consecutive — III:18.

ml'

наполнять, заполнять; заделывать проломы, пробоины. — wml' (причастие) 'nk 'и я восстановил' — I:6.

mll

hitpa'el или hitpo'el уводить; приходить в упадок, изнемогать (ср. арам. *itmolēl*). Причастие mtmll — II:16.

*mlš мн. ч. mlšm 'советники, приближенные(?)'. — wsbrt mlšm 'и по совету приближенных' — I:8.
благоденствие — I:6; II:7, 13, 16.
мн. 'литые изображения богов' (ср. II Chr. 28, 2) — III:1.
восход солнца, восток. — lmms' šmš 'от восхода солнца' — I:4; II:2, 3.

*mqm мн. ч. mqmm 'место' — I:17; II:3.
оплот. — lkny mšmr 'чтобы он служил оплотом' — II:14.

nht мн. ч. nht 'в покое' — I:18; wnht lb 'и покой' — II:8; wbnht lb 'и в покое' — II:13, 14. (Ср. акк. puḥ libbi и евр. naḥat rūḥ).
вырывать, удалять (ср. Jud. 16, 3). Имперфект 3 л. ys' — III:15, 17.

*n'm мн. ч. n'm 'доброта'. — wbn'm lby 'и по доброте сердца моего' — I:13.

*n'm мн. ч. n'm 'приятный, легкий, спокойный, благополучный'. — wsbt n'mt 'и легкая, приятная жизнь' (ср. Ps. 133,1) — II:8, 13; wršt n'mt 'и благополучное царствование' — III:6.

s

ss мн. ч. ss 'и прибавил я коней к коням' — I:7.

'bd мн. ч. 'bd 'и служить'. Имперфект 3 л. мн. ч. y'bd — III:10.
'd до — I:5; II:3.

*'z мн. ч. 'z 'сила, власть'. — w'z 'dr 'и власть могучая' — III:6.
'zt мн. ч. 'zt 'стены крепкие' или 'укрепления мощные' — I:13; w'n 'nk 'rṣt 'zt 'и покорил я страны сильные' — I:18.

*'lm мн. ч. šmš 'солнце вечное' — на подножье:1.
'm мн. ч. народ — III:7.
'mq 'dn мн. ч. долина Адана — I:4; II:2, 8, 9, 14, 15.
'ny мн. ч. подчинять, смирять, покорять. — w'n (причастие) 'nk 'rṣt 'zt 'и покорил я страны сильные' — I:18; 's bl 'n (перфект 3 л. мн. ч.) kl hm̄lk̄m 'которые не покорили все цари' — I:19; w'nk 'ztwd 'ntnm (перфект 1 л. + суфф. 3 л. мн. ч.) 'я же, Азитавадд, покорил их' — I:20.

*qrt мн. ч. 'проломы, повреждения, разрушения' (ср. Zeph. 2, 4)—I:6.
t время, пора.—wb't hrš 'и во время пахоты' (или посева)—III:1; wb't qsr 'и во время жатвы' (ср. Jer. 50, 16; 51, 33)—III:2.

*p'm мн. ч. с суфф. 1 л. p'mу 'мои стопы'.—štnm tħt p'mу 'я поверг их к моим ногам'—I:16, 17.

p'r Пахри(?) (в хеттском тексте: pa-h(a)-r^a/i. Б.)—упоминается в айналах Салманасара III как царская резиденция в Киликии—I:6.

*p'l делать, сделать. Перфект 3 л. с суфф. 1 л. p'lн 'он сделал меня'—I:3, 12; wp'l (причастие) 'nk—I:6, 7, 10.

*ş'm овцы—III:9.
şdq 'справедливость.—bşdqу 'по справедливости моей'—I:12.
şprm см. rşp şprm—II:10, 11.

qnū сотворять.—w'l qn 'rş 'и Эл, сотворивший землю' (ср. Gn. 14, 19)—III:18.

qṣr жатва. См. 't—I:2.
qṣt мн. ч. qṣyt 'окраина'.—bkl kṣyt 'на всех окраинах'—I:14.
*qrt город; крепость.—wbn 'nk hqrt z 'и построил я этот город' или: 'и построил я эту крепость'—II:9.

r̥dy много, множество.—brbm (b+rb+m) 'во множестве своем', 'умножившись в числе' (ср. Hos. 4, 7; Dt. 7,7)—III:9, 10; rb šnt 'многолетие'—III:5, 6.

tr̥y господствовать, управлять, завладевать.—yrdm (имперфект 1 л. с суфф. 3 л. мн. ч.) 'nk 'я покорил их' или: 'я завладел ими' (ср. I Reg. 5, 4; Jes. 14, 2; Ps. 68, 28)—I:20.

rznim мн. ч. rznim 'вельможа'—III:12.

r̥hb расширять.—yrhb имперфект 1 л.—I:4.

r' зло.—wtrq 'nk kl hr 'и искоренил я всякое зло'—I:9.

r' злость, злоба—III:17.
r'm мн. ч. злые.—'šm. r'm 'злые люди' (ср. I Sam. 30, 22; Pr. 28, 5)—I:15.
правление, управление, господство (ср. арам. rāšūt).—wrš't n'mt 'и благополучное правление' или: 'и благополучное царствование'—III:6.
? название божества—II:10, 11, 12.

şby пленить; пленив, переселять (ср. I Reg. 8, 46; II Chr. 6, 36).—yşbt (имперфект 1 л. с суфф. 3 л. мн. ч.) 'nk 'я пленил и переселил их'—I:20
обилие, изобилие—I:6; II:7, 13, 16; зерно, хлеб (ср. Pr. 3, 10)—III:7, 9.

şbrt мнение, заключение, решение, совет (ср. арам. s^abārā).—wšbrt mlşm 'и по совету приближенных'—I:8.
посылать.—şlhn (перфект 3 л. мн. ч. с суфф. 1 л.) 'они послали меня'—II:11.
мир.—wšt 'nk şlm 't kl mlk 'и я заключил мир со всеми царями'—I:11, 12.

ştm там—II:1.
*şm имя.—'m 'dm 'ş 'dm şm 'или какой-нибудь человек'—III:12, 13—на льве:1.

şmş 'lm солнце вечное—на подножье:1.
şn't ненависть, враждебность (ср. Num. 35, 20; Ez. 23, 29)—III:17.

ş'y nitpa'el 'опасаться, страшиться, бояться, быть опасным' (ср. Jes. 41, 10). Имперфект 3 л. yşt'; причастие мн. ч. nşf'm—II:4.

şr ворота—III:14, 15, 16, 18.
*şrş 'dny 'корень господства моего' (ср. Jes. 11, 10)—I:10.

*şt делать; помешать, ставить; повергать.—Перфект 1 л. с суфф. 3 л. мн. ч. štnm.—štnm tħt p'mу 'я поверг их к моим ногам'—I:16; wšt (причастие) 'nk şlm 'и я заключил мир'—I:11.

trq изгонять; искоренять (ср. акк. tarāku и арам. terak и t^ara').—wtrq (причастие) 'nk 'я искоренил'—I:9.
trş вино—III:7, 9.

Приложение

Отрывок надписи на статуе
(Столбец III)

- [1] lmmš' šmš w'd mb'y wbmqmm
- [2] 's kn lpnm nš'm 's yšt' d
- [3] m llkt drk wbymty 'nk 'šttk...
- [4] ...lhdydplkm b'br b'l wb'br
- [5] 'lm wkn bkl ymty šb' wmn'm
- [6] wšbt n'mt wnh̄t lb ldnnym
- [7] wlkl 'mq 'dn wbn 'nk hqrt z
- [8] wšm 'ztwdy k b'l wršp šprm
- [9] šlhn lbnt wbny 'nk b'br b
- [10] l wb'br ršp šprm bšb' wbm̄n
- [11] 'm wbšbt n'mt wbnh̄t lb lkny
- [12] mšmr l'mq 'dn wlbt mpš k bymt
- [13] y kn l'rš 'mq 'dn šb' wmn'm wbl kn
- [14] mtmll bymty ldnnym wbn 'nk h
- [15] qrt z wšt 'nk šm 'ztwdy wyšb
- [16] 'nk h'lm z b'l krntryš wbrk
- [17] b'l krntryš 'yt 'ztwd bh
- [18] ym wbšlm wb'z 'dr l kl mlk
- [19] ltty b'l krntryš l'ztwd
- [20] 'rk ymm wrb šnt wrš't n[mt]

Перевод

«И жили они [т. е. данунниты] в дни мои во всех пределах Долины Адана

- [1] от восхода солнца и до его заката, и в местностях,
- [2] которые были раньше опасными, где боялись лю-
- [3] ди ходить дорогами. И в дни мои.......
- [4][?] ради Ваала и ради
- [5] богов. И было во все дни мои изобилие, и благоденствие,
- [6] и довольство, и покой у дануннитов
- [7] и во всей Долине Адана. И построил я этот город
- [8] и назвал его городом Азитавадда, ибо Ваал и Решеф-Цпм[?]
- [9] послали меня строить. И построил я его ради Ва-
- [10] ала и ради Решеф-Цпм[?] в изобилии, в благо-
- [11] денствии, в довольстве и в покое, чтобы он служил

- [12] оплотом Долины Адана и Дома Мопша. И в дни
- [13] мои было в стране Долины Адана изобилие и благоденствие, и не было
- [14] в дни мои человека изнемогающего у дануннитов. И построил я этот
- [15] город, и назвал я его городом Азитавадда. И поместил
- [16] я в него бога — Ваала-Крнтрйш[?]. И да благословит
- [17] Ваал-Крнтрйш[?] Азитавадда жиз-
- [18] нью, и миром, и властью могучей над всеми царями,
- [19] и пусть даст Ваал-Крнтрйш[?] Азитавадду
- [20] долгоденствие и многолетие и царствование б[лагополучное].

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ПРОСТОЙ СПОСОБ ФИКСАЦИИ НАДПИСЕЙ

Уже три года при исследовании эпиграфических памятников я применяю простой способ фиксации надписей (кроме фото), которым пользуются и другие работники Института языка, литературы и истории КФАН. В зависимости от характера надписи возможны два приема. 1) При выпуклой надписи берется чистая газетная или простая оберточная бумага (лощенная бумага не годится) величиной в размер памятника, накладывается на надпись и натирается сверху, не слишком надавливая, травой, заранее приготовленной (лучше всего молодым сочным лопухом). Осенью же, когда нет уже сочной травы, можно пользоваться крапивой. При этом бумагу надо держать, не сдвигая с места. Получается точный отпечаток-эстампаж матерой надписи и орнаментов. Выпуклая надпись и орнаменты, окрашенные в цвет травы, довольно контрастно выделяются на белом фоне бумаги. Первые эстампажи, полученные этим способом три года назад, совершенно не изменились, не выцвели. 2) При врезной надписи, тем более если надпись выполнена мелкими буквами, на сплошной зеленой поверхности бумаги, на-

тертой травой, надпись теряется, смазывается. Поэтому, наложив бумагу на надпись, я спачала травой, лопухом, слегка провожу по первой строке надписи, и как только появились очертания букв (при этом приеме они остаются чистыми, незакрашенными), толстым, в палец толщиной, графитовым или цветным карандашом обвожу по выделившейся надписи, осторожно надавливая, чтобы не продавить бумагу. Поступаю так и с другими строками. Каждая буква надписи оказывается очерченной двумя параллельными линиями, которые дома я заливаю тушью или цветным карандашом. Полученный эстампаж я сличаю с оригиналом, чтобы не забыть зафиксировать какие-либо детали. Мне кажется, этот способ вполне приемлем и при фиксации мелких орнаментальных мотивов архитектурных памятников.

Думаю, что сообщение о таком способе фиксации может оказаться полезным в случаях, когда эстампирование по общепринятому способу по каким-либо причинам невыполнимо.¹

Г. В. Юсупов.

ИЗ ПИСЬМА Е. К. БЕТГЕРА ПО ПОВОДУ КАЙРАКОВ ИЗ КИРГИЗИИ

По поводу статьи М. М. Дьяконова "Несколько надписей на кайраках из Киргизии", помещенной в выпуск II "Эпиграфики Востока" (М.—Л., 1948, стр. 9—15), старший библиотекарь Государственной Публичной библиотеки Узбекской ССР

им. А. Навои Е. Бетгер обратился вредакцию "Эпиграфики Востока" с письмом, выдержки из которого здесь приводятся.

"Я был летом 1925 г. в Сафид Буланде и видел эти кайраки, а с одного сделал гипсовый слепок, который осенью того же

¹ К описанию Г. В. Юсупова в письме из Кавани от 13 января 1950 г. приложен эстампаж с рельефной надписью надгробия XVI в. По техническим причинам он не может быть воспроизведен. (Ред.).

тода переслая покойному В. В. Бартольду, весьма интересовавшемуся сафид-буландинскими историческими памятниками.

"Василий Владимирович со свойственной ему обязательностью прислал мне уведомление о получении слепка. Я нашел в своем архиве это письмо. В нем Василий Владимирович пишет, что надпись эта "совершенно не та, о которой говорит Шербина]-Крамаренко; будет жаль, если эту единственную в своем роде надпись так и не удастся найти".

"Все же присланная Вами надгробная надпись ученого Мухаммеда ибн Давуда Испидбулани, умершего в джум. 11 664 г. (1266 г.), представляет некоторый интерес".

Письмо В. В. датировано 25 декабря 1925 г.

Из цитированных слов В. В. Бартольда видно, что мой слепок соответствует

эстампажу № 3 из коллекции А. Н. Бернштама и что надпись, опубликованная М. М. Дьяконовым как "ал-Уштикан", читалась покойным ученым иначе ("Испидбулани").

"В том же письме В. В., говоря о получении снимка Кон-Винера с мазара Шах-Фазиля, прибавляет: «К сожалению, на снимке виден только конец надписи: السلاطين مولانا فخر الملة والدين ... توفى سنة 741/1340—1341 г.; здание, вероятно, построено позже; в XIV в., насколько мне известно, на зданиях редко писали дату цифрами».

"Последний абзац я привожу лишь попутно. Быть может и это, случайно оброненное замечание большого историка пригодится для науки".

Письмо Е. К. Бетгера из Ташкента написано 21 декабря 1949 г.

Во время работ Хорезмской экспедиции в 1949 г. под руководством проф. С. П. Толстова на Топрак каля в юго-восточных помещениях дворца Хорезмшахов найдена новая серия документов на дне огромного хума. Количество памятников хорезмийской письменности за два сезона работ дошло до 140 образцов; из них 122 документа на коже носят, главным образом, хозяйственно-отчетный характер, письмена на дереве содержат календарные данные. Хорошую сохранность имеют 18 документов; около 26 документов, по заключению С. П. Толстова, можно прочесть. Одна деталь стенной росписи, открытой в 1949 г., сопоставлена со способом хранения хорезмийских документов в виде свитков, пакрученных на металлические стержни, с кольцами на концах стержней, или на отрезки древка стрел.

В докладе, посвященном истории материальной культуры Согда, заслушанном на заседании ЛО ИИМК (1949 г.), А. И. Тереножкин отметил находки глиняных сосудов с согдийскими надписями периода подъема местной культуры (с VII в. н. э.).

Впервые открыты согдийские письмена в росписи Пянджикента во время археологических кампаний 1949—1950 гг. под руководством чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского.

Монографии "История арабской эпиграфики в СССР как науки с XVI в. до 1950 г.", законченной проф. В. А. Крачковской в декабре 1949 г., был посвящен

¹ Составила В. А. Крачковская.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ¹

доклад автора на заседании Сектора Средней Азии ИИМК. В обсуждении доклада приняли участие сотрудники Сектора.

Сотрудниками Арабского сектора ИВАН СССР и иных востоковедных учреждений Советского Союза в ряде последовательных докладов в апреле 1950 г. была рассмотрена появившаяся в советской печати за 1949 г. литература по арабистике. Заведующий Отделом рукописей ИВАН, доцент ЛГУ В. И. Беляев подвергнул тщательному анализу несколько статей в сборнике "Эпиграфика Востока, III", предложила несколько вариантов и поправок в чтениях текстов.

Во время экспедиционных поездок летом 1949 г. ст. научн. сотрудник Института языка, литературы и истории КФАН Н. Ф. Калинин и Г. В. Юсупов обнаружили в нескольких пунктах Татарской АССР неизвестные эпиграфические памятники XIV—XVI вв. Впервые Г. В. Юсуповым зафиксированы 8 эпитафий XIV в. у булгарского городища "Керменчук".
(Из письма Г. В. Юсупова 13 I 1950).

На кратчайшем пути от Красного моря в Аксум (Эритрея) памятники древнеарабской культуры известны примерно в 20 пунктах; некоторые восходят к III—IV вв. до н. э. Новый пункт Гирматен открыт при грабительских раскопках в январе 1945 г. Особый интерес представляют: обломок керамики с двумя буквами, сабейскими или греческими, и маленький каменный алтарь с надписью сабейскими буквами бустрофедон на фасаде, с торца, содержащей имена и посвящение божеству.

Для датировки алтаря важным критерием служит найденная неподалеку (в 1945 г.) серебряная монета первого аксумского царя Эндибис (ок. 280 г. н. э.), который ввел монетный чекан. Находки кратко описаны Д. Дункансоном (D. J. Duncanson, p. Girmaten — a new archaeological site in Eritrea. Antiquity, № 83, september 1947, стр. 158—163).

Для истории семитского письма добыты новые данные. Свитки из 'Айн Фешха восполняют довольно скучные материалы по палеографии древнееврейского письма (Bull. of the American Schools of Oriental Research, № 111, 113, 115).

Арамейское письмо по новым данным из Гермуполя освещено в статье Н. В. Пигулевской "Новые арамейские памятники из Гермуполя" (Вестн. древн. ист., № 2, 1949, стр. 267—268).

Надписи и монеты из раскопок Тель ан-Насба в Палестине рассмотрены в главе IV книги Ч. К. Мак Каун о результатах археологических работ в этом пункте (Tell en-Nasbeh excavated under the direction of the late William Frederic Bade. I. Archaeological and historical Results. Chester Charlton McCown. The Palestine Institute of Pacific School of Religion. Berkeley — New Haven, 1947).

Интересные сведения о древнейших видах письменности Средиземноморья можно извлечь из статьи В. В. Струве "Общественный строй древнего Крита" (ВДИ, 1950, т. IV, стр. 43—44). При определении социально-экономического строя критского общества богатыми источниками служат тысячи глиняных табличек. Автор устанавливает, что на основе критского пиктографического письма, возникшего в конце III тысячелетия, к середине II тысячелетия была выработана сложная система слогового письма.

В статье "Эгейский мир" Вл. Георгиев (ВДИ, 1950, т. IV, стр. 51 и сл.) рассматривает вопрос о возникновении финикийской азбуки под новым углом зрения. Он придает большое значение сходству между минойскими и финикийскими буквами и

допускает на этом основании близость их фонетических значений. Автор пытается также установить наименования божеств финикийского пантеона по минойским текстам.

Между 1927 и 1931 гг. на городище Мohenjo-Darо было выявлено много памятников древнеиндийской письменности, которые опубликованы Э. Дж. Х. Маккей (Further Excavations at Mohenjo-Daro being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. Vol. I. Text. By E. J. Mackay. New Delhi, 1938). Верхний слой города датируется 2750—2500 гг. до н. э. Кроме клада кушанских монет, основной фонд составляют печати, оттиски печатей, глиняные амулеты и медные таблички. Меньше надписей на керамике и орудиях производства (гл. VIII, XIII). Более 700 печатей классифицированы автором по системе Дж. Маршалла, с учетом стратиграфии; они воспроизведены на 45 таблицах. Особенно распространены были квадратные печати с просверленным выступом. На цилиндрической печати местной работы представлена исконная индийская фауна: слон, носорог и крокодил, питающийся рыбой; преобладают изображения быка и быковидных животных, причем большинство изображений реальные, иногда фантастические. Автор полагает, что комбинация письмен с изображениями животных указывает на двойное употребление предмета: как печати и как амулета (стр. 326). Среди пиктограмм встречаются человеческие фигурки, солнечные знаки и другие символы (стр. 334 и сл.). Сложной композицией отличается печать № 222 из комнаты жилого дома: трехликий Шива — покровитель животных — восседает в окружении зверей (стр. 335—336, 376; табл. XCIV, 420). Автор отрицает старую теорию заимствования композитных изображений из Сумера и Элама и допускает, напротив, распространение фантастических звериных изображений из Индии на Запад.

Огромное количество пиктограмм при высокой технике передачи рельефа облегчит, несомненно, правильную расшифровку раннего индийского письма.

Уникальная рукопись истории Джамаля и Джалаля с миниатюрами, переписанная в Херате в 908/1503 г., издана совместно К. В. Цеттерстен и К. И. Ламм (Mohammed Asafi. The Story of Jamāl and Jalāl. An illuminated Manuscript in the Library of Uppsala University. By K. V. Zetterstén and C. J. Lamm. Uppsala, 1948, Arbeten utgivna med understöd av Vilhelm Ekmans Universitetsfond, Uppsala, 53). Рукопись поступила в библиотеку Университета г. Уппсала в 1839 г. от министра — резидента Швеции в Константинополе, Левенхельма (Каталог библиотеки Уппсала, № CLXXI. Bibliotheca Nova, 2). К. В. Цеттерстену принадлежит введение, стр. 7—13, и изложение содержания, стр. 14—18; К. И. Ламм описал миниатюры, стр. 19—26, дал обзор каллиграфии и оформления рукописи, стр. 27—32. К изданию приложены 36 таблиц, из них 4 таблицы — №№ 1, 4, 9 и 20 — в красках. Три миниатюры датированы: №№ 15 и 29 — 909 г. х., № 21 — 910 г. х.

К. И. Ламм дает разъяснение об изобретателе почерка наставник Мир 'Алӣ Табрīзī — каллиграфе Тīмūra и о сыне его, внесшем в этот почерк дальнейшие усо-

вершенствования. По мнению Ламма, имя сына — 'Абдаллах; между тем изданный проф. Б. Н. Заходер «Трактат о каллиграфах и художниках» Кази Ахмеда (М.—Л., 1947) называет сына уменьшительным именем 'Убейдаллах (стр. 104).

Рукопись написана писцом Султāн 'Алӣ. К. В. Цеттерстен высказывает предположение, что писца можно идентифицировать с Султāн 'Алӣ Мешхедī, который работал для Мīр 'Алӣ Шīра Навī и Султāна Хусейна Байкара, умер в 919/1713 г., похоронен в Мешхеде. Издателю остается не известен трактат Кази Ахмеда, где имеются различные биографические подробности о знаменитейшем каллиграфе XV—начала XVI в. Султāн 'Алӣ Мешхедī (см. указатель имен лиц в трактате, стр. 196). Следует подчеркнуть, что Кази Ахмед сообщает дату смерти более позднюю, 926 г. х., на расхождение которой с данными у Хондемира и Мирхонда обратил внимание наш переводчик трактата; однако пока не расшифрована приведенная в трактате хронограмма, вопрос о времени смерти каллиграфа Султāн 'Алӣ Мешхедī остается открытым.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Игнатий Юлианович Крачковский	2—3
Надпись надгробия из Дманиси 657/1258—1259 г.	24—25
Продольная сторона надгробия из Дманиси 690/1291 г.	24—25
Нижняя часть надгробия из Дманиси 705/1305 г.	24—25
Надпись надгробия 705/1305 г. (Графическое изображение)	25
Продольная сторона надгробия (?) из Дманиси 746/1345 г.	24—25
Боковой вид надгробия из Дманиси с призматическим возвышением	24—25
Надпись на боковой стороне призмы надгробия из Дманиси	24—25
Схема расположения граней надгробия из Дманиси, развернутая на плоскость	27
Деталь призмы надгробия из Дманиси со скатным верхом	28—29
Деталь призмы надгробия из Дманиси со скатным верхом	28—29
Надпись на скатах призмы надгробия из Дманиси. (Графика)	28
Обломок женского надгробия из Дманиси	28—29
Часть надписи женского надгробия из Дманиси. (Графика)	28
Плита с погребальной надписью из Дманиси	28—29
Обломок женского надгробия из Дманиси: <i>A</i> — продольная сторона, <i>B</i> — торцевая сторона	28—29
Обломок погребальной надписи почерком кӯфī из Дманиси	28—29
Деталь погребальной надписи почерком кӯфī из Дманиси. (Графика)	31
Образец трубочки для письма в Средней Азии XIX в. в развернутом виде (1/2 и. в.)	52
Автограф письма Ҳбди Аҳрара № 464 (и. в.)	54
Автограф письма Ҳбди Аҳрара № 201 (и. в.)	56
Персидский судок XVII в. для пряностей. Боковой вид	60—61
Персидский судок XVII в. для пряностей. Вид сверху	60—61
Персидская азбука в грузинской транскрипции	62
Древнетюркский документ из Согда	66—67
Рунический текст документа из Согда (макет сохранившихся слов в древнетюркском документе из Согда) и транскрипция этого текста	67
Южная сторона Сайгынского памятника с древнетюркской надписью. (Графическое изображение)	76
Карта распространения булгаро-татарских надгробных памятников, на территории Татарской АССР (1949 г.)	79
Графическое изображение надгробия 802/1399 г.	80
Надгробная плита 847/1443 г.	80—81
Надгробная плита 877/1472 г.	80—81
Графическое изображение надгробной плиты 847/1443 г.	82
Графическое изображение надгробной плиты 877/1472 г.	82
Графическое изображение надгробной плиты 893/1487 г.	83
Надгробная плита 897/1491 г.	82—83

	Стр.
Графическое изображение надгробной плиты 897/1491 г.	83.
Обломки надгробных памятников №№ 6—7. (Без даты)	82—83.
Графическое изображение надгробных памятников №№ 6—7	85
Обломок надгробной плиты № 8а. (Без даты)	86
Обломок надгробной плиты № 8б. (Без даты)	86
Графическое изображение памятника из дер. Урыкино	87
Надгробие 924/1518 г.	88—89
Памятник 934/1527—1528 г. из с. Верхнее Кибя-Кози Тюлячинского района	88—89
Обломок памятника из с. Тат. Ходяшево	90
Булгарский памятник 701/1311 г. Первый стиль. (Графическое изображение)	93
Булгарский памятник 722/1322 г. Второй стиль. (Графическое изображение)	93
Древнеегипетская плита с дарственной на землю	96—97
Транскрипция текста плиты с дарственной на землю	96—97
Межевой камень. (Роспись на стенах древнеегипетской гробницы)	104
Надпись царя Менуа	112—113
Надпись царя Менуа	112—113
Надпись царя Аргишти	112—113
Надпись царя Аргишги	112—113
Надпись царя Сардури	112—113
Надпись царя Сардури	112—113
Надпись царя Руса	112—113
Надпись царя Руса	112—113
Китайская штампованная надпись на облицовочной черепице. (Хакасский областной музей, 1/2 н. в.)	113
Бронзовые сошники и чугунные отвалы. (Тувинский областной музей)	115
Плужный отвал с надписью (1/4 н. в.)	115
Китайское зеркало из с. Марьево. (Минусинский музей, н. в.)	116—117
Китайское бронзовое зеркало. (Минусинский музей, н. в.)	116—117
Китайское зеркало танской династии из ст. Сон (белый металл). (Хакасский областной музей, 3/4 н. в.)	116—117
Бронзовое зеркало танской династии из с. Бея. (По Мартину)	116—117
Китайское зеркало (белый металл) шестой династии. (Минусинский музей, 1/2 н. в.)	116—117
Бронзовое зеркало цинской династии (1198 г.). (Минусинский музей, н. в.)	116—117
Отрывок надписи на статуе. (Столбец III)	123
Надпись на орнаментах	124—125

Стр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЭВО** — Записки Восточного отделения Археологического общества.
ЭИВ — Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.
ЭКОРАО — Записки Классического отделения Российской археологического общества.
ИАН — Известия Академии Наук СССР.
ИВАН — Институт востоковедения Академии Наук СССР.
Изв. ОГНАН — Известия Отделения гуманитарных наук АН СССР.
Изв. РГО — Известия Русского географического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КФАН — Карело-Финский филиал Академии Наук СССР.
ЛВИ — Ленинградский институт живых восточных языков.
ЛГУ — Ленинградский ордена Ленина Государственный Университет им. А. А. Жданова.
МК — Махмуд Кашгарский.
МИИ — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва.
САМ — плита Афинского музея.
СБМ — плита Берлинского музея.
СБрМ — плита Британского музея.
Сов. Востоков. — Советское востоковедение.
СКМ — плита Каирского музея.
СКопМ — плита Копенгагенского музея.
Сообщения Тадж. ФАН — Сообщения Таджикского филиала Академии Наук СССР.
ССМ — плита Страсбургского музея.
СТН — В. В. Радлов. Словарь тюркских наречий.
СФМ — плита Флорентийского музея.
Труды ИВАН — Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.
Ann. du Serv. — Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.
ATIM — Alttürkische Inschriften der Mongolei.
ÄZ — Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde, Leipzig.
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies.
EI — Enzyklopädie des Islam.
JEA — Journal of Egyptian Archaeology.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, London.
Rec. de Trav. — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes, Paris.
SPA — Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

К статье Г. В. Церетели „Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита“

Эпиграфика Востока, II

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
91	19 сверху	בָּ	בָּ
93	24	מְבָא	מְבָא
94	12	גָּ	גָּ
95	5	גָּ	גָּ
98	1	תָּ	תָּ
98	26	—	—
99	18	לְגָ	לְגָ
99	29	נְרָב	נְרָב

Эпиграфика Востока, III

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
60	3 снизу	g	g
61	8 сверху	g	g
67	10	в, д	b, g
68	16 и 17 сверху	в, д	b
63	30 и 31	s	s
67	12, 14, 17, 25, 32, 33 сверху	в	b
71	16 снизу	g	g
67	9 и 10 снизу	в	в
70	17 сверху	в древнегреческом	в древнегрузинском
70	16 снизу	М. Каухчишвили	Т. Каухчишвили
70	2	кан	кан
70	11	ж	ж

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
A. М. Беленицкий. Игнатий Юлианович Крачковский	3:
В. А. Крачковская. К вопросу об алфавитном письме	5.
А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.	10:
В. А. Крачковская. Надгробные надписи из Дманиси	21
Л. Т. Гюзальян. Отрывок из Шахнаме на глиняных изделиях XIII—XIV вв. II .	33:
А. А. Семенов. Два автографа Ҳбди Аҳрара	51
А. А. Семенов. Персидский судок XVII в. для пряностей	58
И. В. Мегрелидзе. Персидская азбука в грузинской транскрипции	61:
А. Н. Бериштам. Древнетюркский документ из Согда. (Предварительное сообщение)	65:
Ю. Л. Аранчын. Сайгынская плита с древнетюркской надписью	76.
Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар)	78
И. М. Лурье. Древнеегипетская плита с дарственной на землю	95
Б. Б. Пиотровский. Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г.	110
Э. Р. Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея	113
И. Н. Винников. Вновь найденные финикийские надписи	121
Краткие сообщения и заметки	134
Хроника и библиография	136
Список иллюстраций	139
Список сокращений	141
Список опечаток к статье Г. В. Церетели „Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита“ (Эпиграфика Востока, II; Эпиграфика Востока, III)	142:

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Редактор издательства Е. Б. Томсинская
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры В. Ф. Вещилова и Н. П. Ракова

РИСО АН СССР № 4430. М-45403. Подписано
к печати 15/XI 1951 г. Бумага 84×108/16.
Бум. л. 4½. Печ. л. 14,76 + 13 вкл. Уч.-издат.
листов 11,8. Тираж 1500. Заказ № 132.

1-я типография Изд-ва Академии Наук СССР.
Ленинград, Вас. Остр., 9 лин., д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
28	11 снизу	... هذا
[قبر]	[هذا قبر]
28	15 "	هـ	هـ
81	11 сверху	دار	دار
94	11 "	701	711
137	6 "	Мокенджо-Даровновъ	Мокенджо-Даро вновь
140	10 "	701	711

Элиграфика Востока, V.